

Протоиерей Георгий Чистяков

Над строками Нового Завета

В основе этой книги — беседы священника московского храма свв. бессребреников Космы и Дамиана в Шубине Георгия Чистякова, посвящённые размышлениям над синоптическими Евангелиями — от Матфея, от Марка и от Луки. Используя метод сравнительного лингвистического анализа древних текстов Евангелий и их переводов на современные языки, анализируя тексты в широком культурно-историческом контексте, автор помогает нам не только увидеть мир, в котором проповедовал Иисус, но и «воспринять каждую строчку Писания как призыв, который Он к нам обращает». Книга адресована широкому кругу читателей — воцерковлённым христианам, тем, кто только ищет дорогу к храму, и тем, кто считает себя неверующим.

Оглавление

От автора	3
Часть I	4
Четыре Евангелия	4
Родословная Спасителя	12
Благовещение	15
Рождество Христово	16
Рукописная традиция	17
Бегство в Египет	19
О чтении Евангелия	20
Сретение	21
Премудрость Божия	23
Крещение	24
Искушения Иисуса Христа	26
Начало проповеди	33
Нагорная проповедь	36
<i>Нищие духом, смиренные сердцем</i>	<i>36</i>
<i>Чтобы войти в Царство</i>	<i>38</i>
<i>Награда на небесах</i>	<i>42</i>
<i>Соль земли</i>	<i>43</i>
<i>Свет мира</i>	<i>44</i>
<i>Дом на камне</i>	<i>44</i>
<i>«А Я говорю вам ...»</i>	<i>45</i>
<i>Милостыня</i>	<i>47</i>
<i>Молитва</i>	<i>48</i>
<i>Отче наш</i>	<i>50</i>
<i>Пост</i>	<i>56</i>
<i>Собирайте сокровища на небе</i>	<i>56</i>
<i>Ищите правды Божией</i>	<i>58</i>
<i>Взгляните на птиц небесных</i>	<i>60</i>
<i>Золотое правило</i>	<i>62</i>

<i>Христианство — это путь</i>	63
Десять чудес Иисуса	64
Наставления Иисуса ученикам	70
Чудо умножения хлебов	76
Исповедание Петра и Преображение Господне	82
Часть II	88
Особенности Евангелия от Матфея.....	88
<i>«До скончания века»</i>	88
<i>«Не нарушить пришёл Я, но исполнить»</i>	89
<i>Жизнь христианина</i>	89
<i>«Не давайте святыни псам...»</i>	93
Особенности Евангелия от Марка.....	96
Особенности Евангелия от Луки	101
<i>О богатстве</i>	101
<i>О милостыне</i>	103
<i>Непрестанность молитвы</i>	105
<i>Покаяние</i>	106
<i>Евангелие нищих</i>	108
<i>Евангелие женщин</i>	108
<i>Евангелие детей</i>	110
<i>Евангелие молитв, храма и Церкви</i>	110
<i>Благая Весть</i>	113
Текстологические особенности евангельских рукописей.....	115
Часть III	129
Тайная Вечеря.....	129
Крест Христов	136
Страстная неделя.....	143
Богоматерь	151
Воскресение	157

От автора

Книга эта родилась много лет тому назад — как цикл размышлений вслух над строками Нового Завета. Теперь уже невозможно установить, кто первый (вероятно, кто-то из сотрудников журнала «Истина и Жизнь») придумал этот заголовок — именно «над строками», а не «над страницами» Нового Завета. Название оказалось идеальным, потому что именно отдельным строчкам Писания и размышлениям над ними были посвящены те встречи, на которые мы собирались по вечерам в московском храме свв. Космы и Дамиана, стараясь вместе вслушаться в то, что говорит нам в Евангелии Христос.

Конечно же, как учёный, как филолог и богослов, к каждой беседе я готовился, читая специальную литературу, обращаясь к серьёзным научным комментариям и самым разным, порой неожиданным трудам. Но затем начиналась беседа — и строилась она вопреки всем канонам университетской лекции. Задача заключалась не в том, чтобы прочитать популярный курс по экзегетике, пусть даже основанный на современных исследованиях и включающий в себя последние открытия учёных библеистов. Нет, она состояла в ином: в том, чтобы вместе научиться вслушиваться в каждое слово Евангелия, научиться видеть за каждым словом мир, внутри которого проповедует Иисус, и воспринять каждую строчку Писания как призыв, который Он к нам обращает.

Устные беседы, превращённые в очерки, с 1996 года печатались в журнале «Истина и Жизнь», а затем были ещё раз переработаны и дополнены — для отдельного издания. В этой книге очень много элементов науки, но к науке она не имеет никакого отношения. Книга посвящена тому, что в Средние века по-латыни называли *lectio divina*, или духовным чтением Писания. Она есть попытка научиться читать Евангелие так, чтобы из чтения рождалась наша личная молитва, а из молитвы выросло устойчивое желание ответить в нашей реальной жизни на тот призыв, с которым к нам обращается Иисус. Наверное, больше никаких задач ни мои слушатели, ни я, ни мои друзья, которые затем героически помогали мне превратить эти беседы и очерки в книгу, не ставили и не ставят. Нам хотелось помочь читателю научиться, открывая Евангелие с любого места, сразу включаться, входить в число тех учеников, которые слушают Учителя с горящими глазами, слушают не для того, чтобы просто запомнить все, что Он говорит, но чтобы ответить на те слова, с которыми Он к ним — а, следовательно, и к нам — обращается.

Отправляя готовую книгу в типографию, я не могу не сказать особенные слова благодарности Марине Сергеевне Фёдоровой, которой первой пришла в голову мысль превратить тексты лекций в записанные очерки. Благодарю и всех тех, кто по вечерам собирался в Космодемьянском храме, чтобы принять участие в наших беседах. Эта книга никогда бы не родилась, если бы не слушатели. Они вынуждали меня готовиться к каждой лекции, понимая её не просто как время, за какое требуется рассказать о той или иной главе Нового Завета, но как встречу с Христом, Который проповедует среди нас и проповедь Которого иногда нуждается в том, чтобы та или иная фраза в ней была выделена, а то или другое выражение разъяснено и растолковано.

Часть I

Четыре Евангелия

У каждого, кто открывает Новый Завет, возникает вопрос: почему Евангелий четыре? Почему одна и та же история изложена в Священном Писании четыре раза? Евангелие от Иоанна, правда, несколько отличается от трёх предыдущих. А вот первые три Евангелия во многом повторяют друг друга почти дословно — это сразу видно, если написать текст тремя столбцами. Но вот именно — *почти* дословно, всегда с какими-то отличиями в деталях.

Почему так?

С древнейших времён многократно делались попытки свести четыре или хотя бы три Евангелия в одно целое, в единое повествование. Первую такую попытку осуществил ещё на заре христианства Татиан. Татиановское Евангелие, соединившее четыре рассказа в одном, использовалось, но не вошло в практику Церкви. Последнюю же подобную попытку сделал киевский священник Леонид Лутковский. Он соединил Евангелия от Матфея, Марка и Луки в одно, а к ним приложил Евангелие от Иоанна как отличающееся. Работа его была, опубликована «Литературной газетой», но не пришлась по вкусу читателям. Во второй раз её никто издавать не стал. По той, видимо, причине, что первые три евангелиста, не говоря уже об Иоанне, очень не похожи друг на друга.

Евангелие от Марка по времени написания — первое. Оно довольно краткое по сравнению с остальными. В Евангелии от Марка Иисус меньше говорит, чем в повествованиях Матфея, Луки или Иоанна. Есть такой способ печатания Нового Завета, когда слова Христа, говоря по-латыни, *ipsissima verba* — выделяются красным цветом. Так вот, красного текста в Евангелии от Марка значительно меньше, чем в трёх других. Зато внимание читателя постоянно фиксируется на том, что делает Иисус. Чудеса здесь описаны подробнее, чем у Матфея, который рассказывает о них конспективно, кратко.

Хотя русское «от Марка», «от Матфея» указывает на то, что данное Евангелие от начала до конца написано тем или иным евангелистом, традиция утверждает, что Евангелие от Марка было написано для проповеди среди римлян, на основе проповеди апостола Петра в Риме. Марк повторил в своей проповеди то, о чём говорил Пётр, а затем ученики Марка составили Евангелие апо, *secundum*, «согласно Марку». Это значит не *by Marc*, а *according to Marc*, то есть «согласно проповеди». И по-французски, скажем, это не *par St. Marc*, а *selon St. Marc*, то есть «согласно проповеди Марка, согласно тому, что говорил некогда Марк».

Похоже, Евангелие от Марка действительно адресовано римлянам. Из римской литературы эпохи императора Августа, близкой по времени к евангельской, мы знаем, что римляне — это народ воинов и поэтов. Они эмоциональные, решительные, взрывные, они не любят рассуждать, они умеют воевать, страдать и воспринимают мир без полутонов. Они очень остро воспринимают то, что Гораций назвал «*color vitae*» — краски жизни. Римляне не любят отвлечённостей — это не греки, давшие миру замечательных историков и философов, это — предки современных итальянцев. Именно поэтому Евангелие от Марка наполнено яркими зрительными образами, которых нет ни у Матфея, ни у Луки, ни у Иоанна. И в этом ярком мире, где всё воспринималось в большей мере через зрение, краткое Евангелие от Марка с яркими описаниями чудес, где Иисус мало говорит, но много действует, — такое Евангелие действительно могло быть воспринято как своё...

Вот сцена, когда Спаситель умирляет бурю на Галилейском море. Она описана во всех четырёх Евангелиях, но только у Марка есть такая, например, деталь. У всех сказано, что во время бури Иисус спал. А Марк добавляет: «на корме на возглавии» — то есть даёт нам чисто зрительный образ. И мы сразу представляем себе, как Он спал: «на корме на возглавии».

Другой пример. К Иисусу прибегает богатый юноша, чтобы спросить: «Учитель благий! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» В ответ Иисус говорит ему: «Знаешь заповеди...». У

Марка есть деталь: «подбежал... пал пред Ним на колени и спросил». Это движение юноши, который падает на колени, сохранило только Евангелие от Марка.

Иисусу говорит ученикам, что тот, кто хочет быть первым, должен стать последним. А кто не смирится, как дитя, не увидит в Царство Божие. Этот эпизод есть и у Матфея, и у Марка. У Матфея читаем: «Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них, и сказал...» А у Марка перед словом «сказал» вставлен причастный оборот: «обняв его». Это опять яркая зрительная деталь.

Слепой по имени Вартимей кричит: «Иисус, Сын Давидов! помилуй меня». Слепого зовут к Иисусу, и он подбегает, скинув плащ. Эту деталь, это движение — слепой скидывает плащ и остаётся в одном хитоне — сохранило только Евангелие от Марка.

Женщина с алавастром, маленьким сосудом с драгоценным благовонным миром, приходит, чтобы пролить это миро то ли на ноги, то ли на главу Иисуса. У Марка запечатлено ещё одно характерное движение: разбив алавастр, женщина возлила миро. Она разбила сосуд, чтобы больше никто ничего не смог в него налить. И эта сцена есть тоже только в Евангелии от Марка.

Почти на каждой странице Евангелия от Марка можно найти такие детали, которые, не изменяя содержания в целом, даже не прибавляя к учению Иисуса никаких новых штрихов, дают нам возможность как бы увидеть происходившее, внося в рассказ зрительные, как правило, динамичные детали: сброшенный плащ, разбитый сосуд, упавший на колени юноша. Иногда, как, например, в описании входа Господня в Иерусалим, они просто конкретизируют повествование. Ученики идут к какому-то дому, чтобы отвязать осла. Марк уточняет, что осёл был привязан у ворот снаружи, в переулке. Не внутри двора, не на улице, а именно снаружи и именно в переулке. Этим деталям ни в одном из других Евангелий нет.

Ещё одна отличительная черта Евангелия от Марка — его язык. Он на редкость плох. В Деяниях святых апостолов Пётр и Иоанн восклицают: «Мы не можем не говорить того, что видели и слышали» (4:20). Примерно так мыслит и евангелист Марк, и эту фразу из Деяний можно было бы поставить эпиграфом к Евангелию от Марка. Писать ему очень трудно. Он никогда не был писателем и не будет им впредь. Он тот, кого евангелист Иоанн назовёт потом словом «свидетель». Понимая, что рассказать об Иисусе необходимо несмотря на то, что это ему очень трудно, он рассказывает. Он говорит на странном, временами смешном, временами почти непонятном греческом языке, использует какие-то неожиданные образы.

Например, в рассказе об умножении хлебов Иисус велит всем участникам этого чуда сесть рядами. «Как овощи на грядке», — замечает Марк. Авторы Синодального перевода даже не решились включить это образное сравнение в свой текст. Они просто написали: «рядами» (а греческий текст здесь воспроизводит структуру арамейского первоисточника, где это выражение повторено дважды — «грядками, грядками»). Верно это или нет, но мне здесь слышится голос апостола Петра, его катехитических бесед, которые легли в основу Евангелия от Марка. Это отголосок живой проповеди простого галилейского рыбака, в чьих устах такое выражение вполне уместно.

А вот другой образ. Евангелист рассказывает о Преображении Господнем. Это какой-то совершенно мистический текст: Иисус стоит на горе, вдруг Его одежды начинают сиять, как свет или как снег, сияющим становится и Его лицо. «Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить». Здесь снова сравнение, взятое из обыденной жизни, и снова слышен отголосок Петровой проповеди. Евангелист не говорит, что одежды Христа стали «ослепительно белыми», или, например, «фантастически белыми», или «белыми, как снега Гималаев», и т. п. Он вспоминает о белильщике и о его труде, берёт конкретный образ. В этом примере, предельно простом, как бы фокусируется всё своеобразие Евангелия от Марка. В этом Евангелии много динамики. Любимые слова Марка — «тут же», «сразу же». Здесь всё происходит очень быстро.

Евангелие от Марка, повторю, было, по-видимому, написано первым из четырёх.

Вторым появилось *Евангелие от Матфея*. Оно в полтора раза больше по объёму, чем Евангелие от Марка, но при этом события из жизни Иисуса и чудеса изложены здесь значительно короче. Иногда говорят: если Евангелие от Марка написано для римлян и лучше других отвечает миссионерским задачам, то Евангелие от Матфея создавалось для иудеев и для учителей веры. Оно написано языком, который можно назвать церковным. Здесь много слов и выражений, взятых из Ветхого Завета, не говоря уже о многочисленных цитатах. Есть такие издания Евангелия, где текст набирается обычным шрифтом, а цитаты из Ветхого Завета - курсивом. Курсива больше всего именно в Евангелии от Матфея. Говоря, например, о Рождестве Христовом, евангелист приводит цитату из пророка Исайи: «Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог». А рассказывая об избииении младенцев, цитирует пророка Иеремию: «Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет» и т.д.

Но даже если и нет цитат, язык Евангелия от Матфея несколько стилизован под язык Ветхого Завета. Это священный, связанный с богослужением язык, и тексты, написанные на нём, читают нараспев. В этом проявляется иудейская природа Евангелия от Матфея. Иисус здесь говорит много, текст Матфея буквально наполнен Его словами. Евангелист укоренён в культуре Ветхого Завета, и Иисус явлен здесь прежде всего как Учитель, как в Талмуде — раввины. (Хотя среди бесчисленных раввинов Талмуда почти нет чудотворцев, людей, на жизнь, чистоту и святость которых обращалось бы внимание читателя. Раввины — не святые, а просто учителя). В Евангелии от Матфея Иисус во многом выступает именно как раввин. Не случайно Нагорная проповедь начинается с того, что Он поднялся на возвышение и сел. Это как бы начало «лекции»: Иисус поднимается на гору как на кафедру. А выражение «отверз уста» употребляется в греческом языке, чтобы подготовить читателя к тому, что сейчас он узнает что-то очень важное. Сказать, например, «отверз уста и попросил дать ему есть или пить» — нельзя.

Дальше у Матфея говорится: *эди'даскен* («учил») - употреблён имперфект, то есть прошедшее незаконченное. В русском языке нет принципиальной разницы между имперфектом и аористом, мы говорим: «Я читал эту книгу», имея в виду, что когда-то прочитали её. В греческом же, как и во французском языке, имперфектом обозначаются только те действия, которые имели место несколько раз, неоднократно или постоянно. Имперфект здесь употреблён, чтобы подчеркнуть, что Христос учил многократно, что перед нами не «стенограмма» одной проповеди, а как бы сведённый воедино целый ряд не раз повторённых проповедей, их «сумма», учебник христианства.

Учение Спасителя вынесено в самое начало Евангелия, чтобы именно с этого начинали чтение. Потом евангелист только упоминает: «Он учил их...», а чему учил, об этом не сказано ни слова, потому что суть учения уже изложена в пятой, шестой и седьмой главах. Далее просто идёт рассказ о проповеди и чудесах Иисуса, причём о проповеди говорится весьма подробно, а о чудесах — всегда кратко. Словом, это совсем не похоже на Евангелие от Марка.

Текст Иисусовых проповедей в Евангелии от Матфея требует чтения чрезвычайно глубокого. Здесь нужно вдумываться буквально в каждую фразу. Приведу пример. «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». Жаждать правды — значит «хотеть справедливости». Здесь употреблено греческое слово *дикэоси'ни*, что значит «справедливость». Давайте так и скажем: «Блаженны алчущие и жаждущие справедливости, ибо они насытятся». Глаголы «алкать» и «жаждать» в греческом языке, как и в русском, требуют родительного падежа, который имеет партитивный характер. Это так же, как по-французски, например, *du the* или *du pain*. Если я скажу не *du the*, а *le the*, это значит, что я хочу весь чай, какой есть на белом свете. А *du the* — хочу стакан чая. «Я хочу хлеба» — опять-таки, если мы не употребим этот партитив с *du*, то получится, что я хочу весь хлеб (*le pain*), который сегодня продаётся в Москве.

Так вот, в греческом варианте Евангелия вместо ожидаемого родительного падежа употреблён винительный: «Блаженны алчущие и жаждущие правду». Не «правды», а «правду». Когда читаешь

Евангелие по-гречески, это сразу производит огромное впечатление. Здесь имеется в виду не какая-то конкретная справедливость в отношении кого-то или чего-то, а вся справедливость, какая ни есть на белом свете. Тот факт, что слово «правда» стоит не в родительном, а в винительном падеже, сразу бросается в глаза: эта форма делает фразу, с одной стороны, несколько корявой, а с другой — удивительно ёмкой и яркой.

Таких мест у Матфея очень много, и когда, повторю, читаешь его Евангелие по-гречески, они сразу обращают на себя внимание. Однако перевести такие места трудно, их надо оговаривать в примечаниях, что, как правило, и делается в изданиях Священного Писания почти на всех языках.

Евангелие от Луки выделяется тем, что написано хорошим языком — в отличие от просто плохого языка Евангелия от Марка и несколько странного, распевного, то ли церковного, то ли синагогального языка Евангелия от Матфея. Евангелие от Луки — это хорошая греческая литература I века. Об этом писал ещё Эдвард Майер, знаменитый немецкий историк начала XX в. Это Евангелие «для интеллигенции», для тех, кто понимает, что такое хорошая литература.

Евангелист Лука — грек родом из Антиохии, которая была одним из крупнейших интеллектуальных и культурных центров древнего Востока. Он получил разностороннее образование, был врачом. Откуда это известно? Вспомним притчу, в которой говорится, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому войти в Царство Небесное. Евангелисты Матфей и Марк употребляют здесь слово *рафис* — это обычная швейная игла, которой пользуются женщины. А в Евангелии от Луки использовано слово *бэлонэ* — игла хирурга. Это слово из *Corpus Hippocraticum* — свода сочинений древнегреческого врача Гиппократата, то есть чисто медицинское словечко. Ещё одно подтверждение — сцена исцеления бесноватого отрока. Матфей рассказывает о болезни этого мальчика без особых подробностей: он беснуется, бросается то в огонь, то в воду, т. е. выглядит попросту умалишённым. В передаче Марка всё гораздо конкретнее, по его описанию можно поставить точный диагноз: это эпилепсия (одержимый «духом немым» повергается на землю, испускает пену, скрежещет зубами и цепенеет). Лука же описывает болезнь совсем иначе. Его не ужасает отталкивающая картина эпилептического припадка, поскольку ему, врачу, наверняка приходилось оказывать помощь таким больным: внимание Луки сосредоточено на страдании больного отрока, который перед приступом вскрикивает, а когда припадок «насилу отступает», бывает совершенно измученным. Это именно то отношение к человеческому страданию, без которого профессия врача невозможна.

Кроме того, Лука — историк, он читал Фукидида и других греческих авторов. Помимо Евангелия его перу принадлежит историческое сочинение — Деяния святых апостолов. Авторство Луки подтверждается сравнительным анализом словаря и стиля этих двух новозаветных текстов. Деяния — блистательное литературное произведение, представляющее собой сравнительное жизнеописание апостолов Петра и Павла. В том же ключе выдержаны сравнительные жизнеописания Плутарха, которые написаны значительно позже Деяний, хотя Плутарх и считается по недоразумению первым мастером этого жанра. Лука, по его словам, стремится к *акривии* — это слово, которое почти невозможно перевести на русский язык, означает правдивое, точное, последовательное изложение фактов. Как историк Лука придаёт огромное значение хронологии, как бы вписывая евангельские события в мировую историю, и даже родословие Христа ведёт не от Авраама, как Матфей, а от Адама. Неудивительно поэтому, что Евангелие от Луки вызывает огромный интерес и с точки зрения глубоко продуманной композиции, и с точки зрения содержания. Сопоставим его с двумя уже рассмотренными Евангелиями.

Евангелие от Марка носит миссионерский характер и может быть блестяще использовано для миссионерских целей. И статистика подтверждает, что это действительно Евангелие для миссионеров. Есть Международный летний лингвистический институт (*Summer Institute of Linguistics*, сокращённо *SIL*) со штаб-квартирой в Лондоне, который занимается переводом Священного Писания

на языке малочисленных народов. В его картотеке первое место по числу переводов из всех библейских текстов занимает именно Евангелие от Марка. Оно переведено на самые экзотические языки. Любой миссионер, работающий с людьми, ещё не просвещёнными светом евангельской истины, скажет, что чтение Нового Завета надо начинать с Евангелия от Марка.

Замечательное свидетельство об этом можно найти в воспоминаниях митрополита Антония Сурожского. Он рассказывает, как когда-то, когда ему было лет четырнадцать, в школу, где он учился, пришёл отец Сергей Булгаков. Замечательный пастырь и мыслитель говорил о Христе, но большого интереса эта беседа у будущего митрополита не вызвала, скорее, даже наоборот. Однако чем-то о. Сергей Булгаков всё-таки его расшевелил. Придя домой, мальчик попросил у матери Новый Завет и, взглянув на оглавление, понял, что самое короткое там — Евангелие от Марка. Чтобы не терять времени (в четырнадцать лет люди очень заняты!), он решил прочитать это, самое короткое. «И вот тут-то я попался, — говорит митрополит, — потому что оно было написано для таких же маленьких римских дикарей, каким был тогда я».

Если же мы начнём с Евангелия от Матфея, то, возможно, нас оттолкнёт длинная родословная таблица, занимающая всю первую страницу. Начав с Евангелия от Луки, мы столкнёмся с предысторией рождества Христова, которая, может быть, покажется нам слишком трудной. А начнём с Евангелия от Марка — возможно, дочитаем до конца.

Евангелие от Матфея, повторю ещё раз, можно сравнить с книгой для учителя, предназначенной для изучения основ веры. Урок Закона Божия легче всего вести именно по этому Евангелию.

А Евангелие от Луки? Прежде всего, здесь есть довольно много такого, что отсутствует у других евангелистов. Притчи о блудном сыне, о мытаре и фарисее, о добром самарянине. Притча о блудном сыне, которую Амвросий Медиоланский в IV в. назвал *Evangelium Evangeliorum* — «Евангелие Евангелий», или «сердцевина Евангелия». В этой притче говорится о безграничности милосердия Божия, о том, как Бог ждёт покаяния от каждого грешника, от самого страшного грешника, от всякого, кто ушёл от Бога.

Притча о мытаре и фарисее — о благочестии внешнем (фарисея) и внутреннем (мытаря). Она учит молиться, как молился мытарь: «Боже! будь милостив ко мне, грешнику!»

Притча о добром самарянине содержит ответ на вопрос, кто твой ближний. Она учит, что христианство заключается не в исповедании, а в действии. Священник и левит, которые прошли мимо лежащего, хоть и были людьми благочестивыми и добропорядочными, не помогли несчастному. Не злодеи, не равнодушные к страданиям ближнего, они не подошли к страдальцу только потому, что боялись оскверниться, прикоснувшись к мёртвому телу. После этого в течение долгого времени они не могли бы совершать богослужения в храме. Иными словами, они прошли мимо из осторожности, заботясь о ритуальной чистоте. А самарянин, без сомнения, презираемый слушателями Иисуса человек, то ли иудей, то ли еретик, то ли вообще безбожник, к тому же купец, имеющий дело с деньгами и, вероятно, не всегда честный, оказался милосердным к несчастному. Речь о том, что есть чистота ритуальная, а есть — внутренняя.

Притчи эти ставят очень важные вопросы, причём такие, которые можно отнести к пастырскому богословию. О грешнике. Что ему делать? Как жить? Что нужно предложить грешнику? Об этом — в притче о блудном сыне. Как вообще жить человеку в этом мире? Какими должны быть его взаимоотношения с Богом, с людьми, с ритуалом и т. д.? Ответы — в притче о добром самарянине. Что такое благочестие? Это тема притчи о мытаре и фарисее...

Евангелие от Луки от начала до конца сосредоточено на проблеме греха и кающегося грешника, и грех понимается здесь как болезнь, а не как преступление или проступок. Христианин должен лечиться от этой болезни. А священник должен помогать ему в этом. Значит, Евангелие от Луки

подходит для священника, который готовит проповедь и спрашивает себя: «В чём смысл моего служения?» Оно имеет особый «пастырский» оттенок.

Марк очень порывист и активен. Не случайно ключевое слово у него, как я уже говорил, *эутю'с* — «тут же», «тотчас». В рассказе о взятии Иисуса под стражу у Марка есть одна деталь, отсутствующая в других Евангелиях. Как схватили Иисуса, видел один юноша, который почему-то был завёрнут в покрывало. Его тоже схватили, но он вырвался из рук солдат и убежал от них голым. Средневековый читатель увидел в этом юноше самого евангелиста, оказавшегося свидетелем последней ночи перед Голгофой. Но независимо от того, нарисовал ли здесь автор самого себя или нет, можно сказать одно: в этом весь Марк. Порыв, быстрота, неожиданная смена кадров.

Неспешный Матфей с его медитативно-заторможенным повествованием. Типично греческий историк Лука, чем-то похожий на Плутарха. Порывистый и безграмотный Марк. У авторов трёх Евангелий очень непохожие характеры, разный уровень образованности, разный язык, разный темперамент и, наконец, разные потенциальные адресаты или читатели.

У Иоанна очень много ночных сцен, таких, как беседа Иисуса с Никодимом в третьей главе или последняя беседа с учениками, начинающаяся словами: «Ныне прославился Сын Человеческий...» (этот текст читается в храме перед Пасхой, первым из «двенадцати Евангелий»). Иисус беседует с учениками почти в полной темноте, как это изображено на замечательной картине Н.Н. Ге «Тайная Вечеря». Явление Воскресшего ученикам, его диалоги — сначала с Фомой, потом с Петром — тоже происходят в темноте. Евангелие от Иоанна можно сравнить с большой, вытянутой в длину картиной, висящей в тёмном зале. Проходя со свечой мимо неё, мы выхватываем из темноты то один, то другой, то третий фрагмент, но увидеть её целиком не можем.

Автор четвёртого Евангелия не писатель. Иногда говорят, что оно написано каким-то особым поэтическим языком. Это не так. Богословские глубины достигаются здесь не благодаря языку, а вопреки ему. Вот Платон, например, тот в своих «Диалогах», действительно, во многом языковыми средствами достигает глубин мысли; греческий язык великого Платона великолепен. Глубинная же суть Иоаннова Евангелия выражена отнюдь не благодаря странному языку галилейского рыбака. Здесь какие-то иные, поистине мистические средства.

Первые три Евангелия наполнены диалогами Иисуса с довольно большим числом людей. Он всегда в окружении толпы. В Евангелии от Иоанна наоборот — все разговоры Иисус ведёт в основном наедине с собеседником. В первой главе Он говорит с Нафанаилом, в третьей — с Никодимом, в четвёртой — с самарянкой, в пятой — с расслабленным, в девятой — со слепорожденным, дальше — прощальная беседа с учениками, потом, в конце Евангелия — с Фомой и затем с Петром. Всё это — как бы беседы вполголоса. Так мы иногда, приглушив голос, беседуем ночью, когда дети уже спят. Тем же простейшим языком откровенной беседы один на один и написано Евангелие от Иоанна — Евангелие встречи. Когда Иисус встречается с Нафанаилом, мы даже не знаем, о чём они говорят, мы только становимся свидетелями их встречи, и незаметно для нас происходит и наша встреча со Христом, наш молитвенный диалог с Ним.

Климент Александрийский, христианский писатель, живший на рубеже II и III веков, назвал Иоанново благовествование *Евангелион пневматикон* — духовное Евангелие, мистичность и возвышенность которого достигаются не благодаря, а вопреки языку. И если у синоптиков портрет Иисуса дан снаружи, то евангелист Иоанн даёт его изнутри, из глубин духа. Если выписать формулы, какими Иоанн называет Христа — Сын Единородный, Агнец Божий, Хлеб жизни, Спаситель мира, Пастырь добрый и т. д., — составитя своего рода акафист Христу. Таким образом, Евангелие от Иоанна — это Евангелие личной встречи с Иисусом и Евангелие для молитвы.

Странное дело. Когда читаешь книгу Платона о Сократе, а потом книгу Ксенофонта о нём же, то впечатление, что они пишут как бы о разных людях. Сократ Ксенофонта очень не похож на Сократа Платона.

Евангелисты, как я уже говорил, очень не похожи друг на друга — ни по образованности, ни по типу мышления, ни по темпераменту, ни по задачам, которые они перед собой ставили. Но Иисус четырёх евангелистов — это один Иисус. В разных, порой почти взаимоисключающих друг друга текстах вырисовывается один Человек. Это делает Иисуса не героем Евангелия, а действительно живым Человеком, Который выходит за рамки книги и реально оказывается среди нас. Каждое из Евангелий рисует Его портрет. Но Иисус в четырёх Евангелиях — это уже значительно больше, чем портрет, даже больше, чем голограмма. Это чудо.

В одном тексте, оказывается, невозможно вместить то, что вмещено в четырёх, хотя почти всё здесь как бы повторяется. Вот почему Евангелий четыре. Одни и те же фразы повторяются, но в одном Евангелии какое-то слово выпадает, в другом — появляется. В результате создаётся эффект объёмности. Из книги, которую можно раскрыть и читать, Евангелие превращается в настоящее здание, куда можно войти, чтобы жить внутри него в течение всей оставшейся жизни. В своей «Исповеди» блаженный Августин говорит, что Евангелие напоминает ему здание с низким входом. В него трудно войти. Но чем дальше идёшь, тем выше и выше становятся своды этого здания, чтобы наконец где-то в небесах исчезнуть. Августин очень хорошо выразил именно объёмность Евангелия, этот эффект, когда читатель как бы входит в книгу, оказывается внутри. Можно использовать и сравнение со статуей, которую невозможно сфотографировать с одной стороны так, чтобы у зрителя сложилось о ней полное представление. Для этого её надо снять с нескольких точек.

Но не только поэтому Евангелий четыре. При всех различиях, их главная задача одна — возвестить Благую Весть, сообщить, что Христос воскрес. Всё остальное как бы прилагается к этому.

Закономерно возникает вопрос: почему одни Евангелия Церковь признала каноническими, а другие попали в число отвергнутых, или апокрифических? При этом в апокрифических евангелиях есть отдельные факты, которые невозможно не принять. Но в целом каждое из этих евангелий изображает своего Иисуса, не похожего на Иисуса из других апокрифов и на Того, с Которым мы встречаемся в Евангелиях, вошедших в Священное Писание. Вот первый признак неканоничности этих книг.

Второй признак заключается в том, что каждое из апокрифических евангелий написано с целью обосновать тот или иной тезис. С этой точки зрения апокрифы можно разбить на три группы. Первая — это иудео-христианские евангелия, призванные обосновать тезис, к которому много позже, в XX в., вернётся Мао Цзэдун: бедность — это хорошо. В этих евангелиях показано, что все богатые плохие, а бедные — хорошие. Конечно, мы знаем — Спаситель прямо говорит об этом, — что богатому трудно войти в Царство Небесное. Трудно, но возможно. Да, бедному проще, но при этом осуждения богатства нигде в Евангелиях нет. Апостол Павел осуждает не богатство, а сребролюбие. Христос нас предупреждает, что богатством распорядиться трудно, и поэтому проще человеку, когда у него ничего нет. Вместе с тем, призывая нас помогать, давать тем, кто в чём-то нуждается, Спаситель как бы говорит: чтобы давать, надо иметь что давать. Взаимоотношения христианина с богатством, таким образом, совсем не так просты, как иногда хотелось бы псевдохристианским социалистам. Хорошо какому-нибудь перуанскому священнику, исповедующему богословие освобождения, рассуждать о том, как замечательно быть бедным, зная, что братья из Франции, Италии или США непременно помогут его приходу... Также и мы: говорим о том, как прекрасно ничего не иметь, и поджидаем через два дня грузовик с гуманитарной помощью из Германии. Это безнравственно. И такому отношению к жизни Христос нас нигде в Новом Завете не учит. А вот в апокрифических

евангелиях первой группы Христос говорит именно о том, что хорошо быть бедным. Эта основная их идея имеет чисто социальную окраску.

Вторая группа — евангелия гностические. В евангелии от Фомы, например, речь идёт о том, что человек спасается не верой, а погружением в знание о Боге. Не надо пытаться спасти другого, не надо протягивать ему руку помощи. Главное — погрузиться в знание о Боге. Вот основной тезис гностических евангелий, свитки с текстами которых вскоре после Второй мировой войны были найдены в Египте в селении Наг Хаммади и затем многократно публиковались в Европе. У нас, в русском переводе, они увидели свет благодаря трудам М.К.Трофимовой. Эти тексты сразу привлекли внимание европейской интеллигенции, потому что в них говорится как раз о том, что приятно современному интеллигенту, — об особом знании. Христос в них призывает не верить, не жить в Нём, во Христе, и ради тех, кто нас окружает, а погрузиться в какое-то тайное знание. Такое видение христианства сразу примирило с ним очень многих, но с Христом такое «христианство» ничего общего не имеет.

Третья группа неканонических евангелий — более позднего происхождения. Эти тексты написаны по-латыни, и их задача — показать, что евреи плохие, а римляне хорошие. Это евреи распяли Христа, а римляне вообще-то были против. А римским солдатам Христос вообще сразу понравился... Эти тексты были созданы в условиях, когда христианство уже начало становиться государственной религией Римской империи. И целью их создателей было примирить империю и христианство, показав, во-первых, что Христос ничего плохого по отношению к ней не замыслил, ни с кем из представителей власти не ссорился, а наоборот, как-то очень хорошо вписывался в общую картину империи, а во-вторых, что римляне ни в чём перед Ним не виноваты.

Когда читаешь тексты любой из этих трёх групп, всегда видишь, какую цель преследовали авторы, что' они хотят доказать. Их главный герой — это всегда тезис, идея или комплекс идей, а не живой Христос, в то время как в центре любого из четырёх канонических Евангелий — Сам живой Иисус, а не Его учение.

Никто никогда не прятал апокрифические евангелия от читателей. Их легко купить в книжном магазине и сейчас, но чтение их обычно мало что даёт человеку, более того, вызывает разочарование. Многие, например, думают, что в евангелии от Фомы можно обнаружить какие-то скрытые и потому самые ценные проповеди Христовы, которые священнослужители утаивают от народа. А прочитав его, всегда испытывают разочарование.

Позволю себе несколько замечаний теоретического характера. Читая иудео-христианские евангелия, сразу видишь, что они обращены к бедным людям Ближнего Востока рубежа I-II вв. и призывают их к каким-то социальным действиям. Латинские евангелия, и это тоже сразу заметно, адресованы римлянам, которых пытаются убедить, что христианство не направлено против Рима. Понятно, что тексты гностических евангелий обращены к разочаровавшимся интеллигентам, которые жаждут не спасения, а тайного знания. А Евангелия от Марка, Матфея, Луки и Иоанна обращены к каждому из нас. Всё равно — к интеллигенту или не очень образованному человеку, к русскому или греку, к римлянину или китайцу, человеку с Востока или с Юга.

Есть в современном богословии замечательное слово, к сожалению, непере译имое на русский язык, по-английски и по-французски — *message*. Это не просто «послание». *Message* — это сообщение, которое мы получаем по факсу во много раз быстрее, чем по телеграфу. Отправленная по факсу записка через несколько секунд будет получена на другом конце земного шара. Вот что такое *message*. Евангельский текст — это именно *message*, который получает каждый из нас. Это текст, «сегодня и сейчас» адресованный конкретному человеку. Адресованность евангельского текста — одна из главных его черт.

Вторая, не менее важная деталь, о которой нужно помнить, читая библейский текст: понять *message* можно, только зная библейскую археологию, вникнув в детали, в каждое слово, осмыслив, что конкретное слово значит и что за ним стоит. Вот почему чрезвычайно важно знать реальную обстановку, в которой проповедовал Иисус, литературу, которая об этом рассказывает.

Наконец, третья, не менее важная деталь. Ни одна из евангельских фраз не может жить самостоятельной жизнью. Каждая отдельно взятая евангельская фраза — это часть единого Слова Божия. Мы говорим о Священном Писании, о всей Библии, что это Слово Божие. Интересно, что присущего каноническим Евангелиям внутреннего единства в апокрифических текстах нет. Евангелие от Фомы начинается словами: «Вот слова, которые сказал Иисус». Между тем, любое каноническое Евангелие — это Слово, точнее даже — часть Слова. По этой причине опасно вырывать евангельские фразы из контекста всей Библии, воспринимая их как самостоятельные тексты и как афоризмы, что, к сожалению, делают довольно часто. Л.Н. Толстой, взяв фразу «не противься злему», построил на ней целую теорию. Однако, если мы прочитаем эту фразу из Нагорной проповеди на фоне остального Писания, окажется, что, уча нас не отвечать злом на зло, не противиться злу злом, Христос вовсе не безразличен ко злу и нас призывает не быть безразличными. Наоборот, устами апостола Он зовёт нас побеждать зло, но только добром!

Нельзя, как это делали раньше протестантские экзегеты, брать одну фразу из Писания и строить на ней целую теорию, ибо всякая библейская фраза значима только в контексте всего Писания.

Родословная Спасителя

Открывая Евангелие от Матфея, в первой его главе, на первой же странице читатель обнаруживает довольно странный текст: родословную Спасителя, которая при ближайшем рассмотрении оказывается родословной Иосифа — обручника, т. е. жениха, Марии Девы. Экзегеза былых времён выдвигала такое объяснение: это-де родословная Марии, но, поскольку о женщинах в те времена, в той культуре не было принято говорить, родословная Марии представлена как родословная Иосифа. Объяснение это не выдерживает никакой критики: в нём нет и доли рационального. Тем более, что такая же родословная, как в Евангелии от Матфея, есть и в Евангелии от Луки, и обе представлены именно как родословные Иосифа.

Спрашивается: зачем дана эта родословная, из-за которой многие читатели Евангелия, начав с этого перечня, вообще откладывают Священное Писание, считая, что оно им не под силу?

В большинстве комментариев нет разумного ответа на этот вопрос. И тем не менее не случайно именно с этой родословной начинается Новый Завет.

В Синодальном переводе этот текст назван «Родословие», в переводе епископа Кассиана — «Книга о рождении», по-гречески это звучит как *генесис*. Один из возможных переводов слова *генесис* — «бытие», но европейская традиция оставляет его без перевода. Еврейская же традиция даёт название по первому слову текста. Мы помним, что Библия начинается со слова *берешит*, т. е. «в начале»: «В начале сотворил Бог небо и землю». В Евангелиях тоже идёт речь о начале. У Марка находим: «Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия»; в очень литературном Евангелии от Луки читаем: «Как уже многие *начали* составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами...» и т. д.; наконец, всем памятное в Евангелии от Иоанна: «В начале было Слово...» Таким образом, в истоке как Ветхого Завета, так и евангельского повествования, лежит мысль о начале. Только в первом случае это начало мира, а во втором — начало нового этапа человеческой истории, который открылся с приходом Спасителя в мир.

Если попытаться сравнить родословную Христа с тем, что мы знаем из Ветхого Завета о людях, в ней упоминаемых, то сразу всплывут весьма примечательные факты.

Первое имя, упомянутое Матфеем в его таблице. — Авраам. От Авраама до Давида — четырнадцать поколений. От Давида до вавилонского плена — тоже четырнадцать. От плена до Иисуса — ещё четырнадцать поколений. Получается стройная схема: 14, 14 и 14. Но когда начинаешь сравнивать её с Ветхим Заветом, оказывается, что четырнадцать поколений отделяют Давида от Авраама, но их совсем не четырнадцать от Давида до плена. В 8-м стихе Евангелия от Матфея говорится: «Иорам родил Озию» (Здесь и далее цитаты приводятся по Синодальному изданию Библии. — Авт.) А из Второй книги Хроник (Вторая книга Паралипоменон, глава 21) ясно, что Иорам — совсем не отец, а прадед Озии. Сын Иорама — Охозия, сын Охозии — Иоас, сын Иоаса — Амасия, сыном Амасии и был Озия. Значит, здесь опущено три поколения.

Следующее место, вызывающее удивление, — это 11-й стих (в переводе под редакцией епископа Кассиана): «Иосия родил Иехонию». Но из той же Второй книги Хроник ясно, что Иехония не сын, а внук Иосии. Значит, здесь пропущено ещё одно поколение.

От Давида до плена вроде бы действительно четырнадцать поколений. Но вот от плена до Иисуса... В 12-м стихе говорится: «Салафииль родил Зоровавеля», но Зоровавель не сын, а внук Салафииля, что известно из Первой книги Хроник. Значит, опущено ещё одно поколение...

Таким образом, оказывается, что 14 — цифра в высшей степени условная. Если же мы сравним родословные таблицы из Евангелий от Матфея и от Луки, то окажется, что в последнем от Давида до плена уже не 14, а 21 поколение. Там другая схема: 21 (от Адама до Авраама), 14 (от Авраама до Давида), 21 (от плена до Иисуса). Но 21 и 14 — числа, кратные семи, значит, поколения как бы разбиты здесь по семёркам. Иными словами родословная в обоих Евангелиях составлена так, чтобы её легко было запомнить — по числу поколений. Она имеет весьма стройный вид, определённую структуру. Английские экзегеты ввели для её обозначения особый термин: telescoping, то есть как бы взгляд издалека, когда несколько поколений могут слиться в одно. Но это не исторический документ, это — текст богословский. Через родословную Господь что-то говорит нам.

Любой внимательный читатель — а тем более читатель евангельских времён, когда Ветхий Завет знали лучше, чем теперь, — сразу должен понять, что эта родословная скорее всего представляет собой что-то вроде семейной галереи предков — подчёркиваю, предков не Спасителя, а Иосифа. Так зачем она дана в Евангелии?

Сразу после родословной в 1-й главе Евангелия от Матфея рассказывается, как ночью Иосифу во сне явился ангел и сказал: «Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою; ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого».

«Не бойся принять Марию, жену твою» — именно как жену (эта грамматическая форма называется *accusativus duplex*, двойной аккузатив — принять кого кем?). И дальше: «Родит же Сына». Так сказано в греческом тексте (Евангелие от Матфея написано по-гречески) и, следовательно, во всех переводах: «Родит же Сына».

Но среди переводов Нового Завета выделяется один, занимающий особое место. — это перевод на сирийский язык. Дело в том, что Сам Иисус говорил и проповедовал по-арамейски, и авторы Евангелия думали по-арамейски, хотя и писали по-гречески. Арамейский текст этого Евангелия не сохранился, может быть, его никогда и не было. Но зато есть перевод на сирийский язык, очень близкий к арамейскому. С чем это можно сравнить? Допустим, какой-то текст был написан на украинском языке, затем переведён на французский. Украинский оригинал не сохранился. Но при переводе текста с французского на русский какие-то элементы украинского оригинала — в силу схожести русского и украинского языков — в этом двойном переводе как бы восстанавливаются.

В переводе на сирийский язык восстанавливаются некоторые особенности арамейского оригинала. В сирийских рукописях, в отличие от остальных древних переводов Евангелия от Матфея (на армянский, грузинский, коптский, нубийский и другие языки — переводов, сделанных в первые

века, очень много), сказано не просто «Родит же Сына», а «Родит тебе Сына» (Разрядка наша. — Авт.). Это очень важное местоимение — «тебе», «для тебя», потому что в Новом Завете 27 раз повторено: Иисус рождается для нас. «Для вас», — так говорит апостол Павел. Для меня, из-за моих грехов, чтобы спасти меня. Русское «для кого-то» и в сирийском, и в греческом языках очень часто передаётся через дательный падеж. «Родит тебе» — т. е. для тебя, в твоих интересах, ради тебя.

Конец этой фразы такой: «и наречёшь Ему имя...» А что значит наречь, или дать имя? Это означает не просто назвать новорождённого, а дать своё имя в его родословную, ведь имя отца гораздо важнее. Мы не знаем имени слепого, которого исцеляет Христос: в Евангелии он назван Вартимеем. Но это не его имя: Бар Тимей — это сын Тимеев. А Иисус был до определённого времени Бар Иосеф — сын Иосифа.

Иисус рождается для людей, для человечества. И первым из людей, ради которых Он приходит в мир, Его встречает Иосиф. Значит, Иосиф присутствует здесь как бы от имени всего человечества, от имени каждого человека. И именно поэтому родословная Иосифа становится родословной Иисуса. Это родословная человечества, ради которого Спаситель пришёл в мир. Не родословная Его непосредственных предков, а родословная человечества.

Вот они, эти люди: четырнадцать поколений от Авраама до Давида, четырнадцать — от Давида до плена, четырнадцать — от плена до Иисуса. Получается как бы икона, состоящая из трёх частей — левой, центральной и правой. Слева стоят древние праведники от Авраама до Давида, в центре — люди среднего поколения, справа — уже непосредственные предки обручника Марии, жившие от периода плена до Иосифа. Это напоминает рублёвскую фреску из Успенского собора во Владимире — «Праведники, идущие в рай». Там изображены, разумеется, не все праведники, а отдельные, как бы вырванные из тьмы веков фигуры. Вот и в родословной тоже — не все люди, а как бы взятые из каждого исторического периода: по 14 человек на «фреске» у Матфея, по 21 — у Луки.

Если всмотреться в эту «фреску» внимательнее, то нетрудно заметить, что здесь очень мало достойных имён, в основном — люди преступные, надменные, злобные, безнравственные, страшные. Страшная родословная. Но ведь Иисус приходит к человечеству падшему, а не благополучному. Если бы человечество не пало, то и в вочеловечении Христовом не было бы нужды. Только затем и пришёл Христос в этот мир, чтобы спасти падших. И эта «картина», эта родословная — портрет падшего человечества.

Замечательный богослов Самуэль Бернар обратил внимание вот на что. Первая фраза родословной — «Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова...» А какое последнее имя в родословной? «Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос». Первое и последнее имя в родословной — Иисус. Альфа и Омега. Он обнимает Собою всех, кто внутри: 14, 14 и 14. В родословной можно обнаружить ещё одну деталь. В начале этой цепочки поколений стоит ключевое имя — Авраам, далее — Давид и последнее из ключевых — Христос, по-еврейски *Машиах*. А, Д, М — из первых трёх букв ключевых имён родословной таблицы складывается слово «Адам» — «человек», или «человечество». Это, действительно, икона человечества.

Здесь следует сказать, что, поскольку в Ветхом Завете запрещено графическое изображение, его авторы начинают «рисовать», используя слово. Так появляются тексты, включающие в себя ярчайшие зрительные образы. Подобные тексты, кстати, есть и в других восточных культурах, например в арабской, где Коран запрещает изображение человека и животных. В арабской поэзии есть тексты, каких нет ни в русской культуре, где живопись существовала в течение тысячелетия истории христианства, ни в английской, ни во французской, ни в какой-либо другой европейской или восточной культуре, где не запрещено графическое изображение. Тут действует принцип дополнительности. Как у слепых блестяще развивается память, так в условиях, когда в той или иной

культуре появляется запрет на графическое изображение, человек словом создаёт картины, рисует зрительные образы.

Таким образом, первая страница Нового Завета представляет собой портрет падшего человечества, к которому и ради которого, для которого приходит Иисус.

Благовещение

...Иисус ещё не родился, ангел только является к Его названному отцу, как об этом рассказывает Евангелие от Матфея, и к Его будущей Матери Марии Деве, как это показано в Евангелии от Луки... Оказывается, в Новом Завете не одно Благовещение, а два. Это как бы две парные иконы, поэтому одна не вполне понятна без другой. О Благовещении Иосифу было сказано выше. В Евангелии от Луки сцена примерно та же. И ещё очень хорошо прочитать этот текст параллельно с 6-й главой книги Судей, где ангел является Гедеону со словами «Господь с тобою!» и велит ему исполнить некую миссию: спасти Израиль от мидианитян. Деве Марии ангел тоже является со словами, ставшими теперь молитвой: «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою...». «Радуйся, Благодатная» — в Синодальном переводе, *Хайре кэхаритомене* по-гречески. Здесь это слово *хара*, корень слова «радость», звучит дважды: в слове «радуйся» — *хайре* и в слове «Благодатная» — *кэхаритомене*. Получается что-то, быть может, напоминающее русское «радуйся, обрадованная» или «радуйся, полная радости». В ответ на это непонятное пока для Неё приветствие — «благословенна Ты в женах», Мария, ещё не осознавая умом, но принимая сердцем Весть от ангела, восклицает: «Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему!»

Блаженный Иероним перевёл это место на латынь как *esse ancilla Domini*. *Ancilla* — не раба, а служанка, служительница, т. е. у Иеронима передана радость служения. Слово «раб» для нас имеет всё-таки отрицательный оттенок, и в немалой степени этот оттенок несёт весь Ветхий Завет; только в христологических главах книги пророка Исайи значение «раб» передано словом «отрок». Так или иначе, в ответе Марии заложен именно смысл добровольного служения.

Это подтверждается дальнейшим текстом, который тоже очень трудно перевести не только на русский, но и на любой другой язык. По-гречески Она восклицает: «Генойто!». Этот глагол («быть», «становиться», «делаться») употребляется в Библии довольно часто, но только в повелительном наклонении, как в молитве «Отче наш»: «Да будет воля Твоя» — или в восклицании Бога в момент творения: «Да будет свет» (Быт 1:3). Здесь же употреблено особое наклонение греческого глагола, которого нет в других языках, оно называется *optativus* — это так называемое желательное наклонение, через которое передаётся желание говорящего. Значит, получается не просто «Да будет Мне...», но «Да будет Мне, как Я того радостно желаю». Оттенок этот ускользает из любого перевода, но о нём необходимо помнить.

Ангел отходит от Марии, и Она отправляется «в нагорную страну, в город Иудин», в дом Захарии. Этот рассказ напоминает книгу Самуила, или Вторую книгу Царств, главу 6-ю, стих 2-й: «И встал и пошёл Давид и весь народ, бывший с ним из Ваала Иудина...». Они, как и Мария, тоже идут в горы, чтобы перенести оттуда ковчег Божий. В Евангелии от Луки говорится, что, увидев Матерь Божию, приближающуюся к их дому, будущий Иоанн Предтеча взыграл во чреве своей матери Елисаветы. Он пляшет во чреве матери подобно тому, как царь Давид «скакал из всей силы» перед ковчегом Завета, когда его несли в Иерусалим. А кто такая Матерь Божия? В греческом акафисте Богородице есть замечательная фраза: «Радуйся, Святая Святых бо'льшая, радуйся, ковчеже, позлащенный Духом». А в латинской литании Матери Божией есть такая фраза: «*Arca foederis ora pro nobis*» — «Ковчег Завета, молись о нас!» Для средневекового богословия Матерь Божия, несущая во чреве Своём Младенца Иисуса, — это новый ковчег Завета.

Рождество Христово

Рождается Иисус в Вифлееме. На встречу с Ним бегут пастухи. И приходят поклониться Ему волхвы с Востока.

В библейской критике эти два текста — о поклонении волхвов из Евангелия от Матфея и о поклонении пастухов из Евангелия от Луки — читаются параллельно. При этом нередко ставится вопрос: какой текст достовернее? Как было на самом деле? Действительно, ситуация здесь, в сущности, одна и та же: Вифлеем, ясли с Младенцем, Мария, склонившаяся над Ним, Иосиф, и идут люди — то ли пастухи со своими пастушескими посохами, то ли волхвы — тоже с посохами. Когда смотришь на икону старинного мастера, то не всегда знаешь, что же именно изображено: то ли поклонение волхвов, то ли пастухов.

В XIX в. библеисты нередко утверждали, что евангелист Лука как эллинизированный писатель, проникнутый духом греческой буколической, т. е. пастушеской, поэзии, увидел в том шествии пастухов, а евангелист Матфей, человек восточный, живущий ветхозаветными текстами, увидел в тех же самых фигурах волхвов, или магов с востока. Наверное, такой подход возможен, но лишь в том случае, если не считать Библию Словом Божиим, богодухновенной от начала до конца. Если же мы убеждены, что в Библии нет ни одного случайного текста, — тогда надо попытаться понять, почему в одном Евангелии фигурируют пастухи, а в другом — волхвы. И как одно Благовещение — явление ангела Иосифу — дополняется другим — явлением ангела Марии, так же и эти два рассказа дополняются один другим.

Пастухи пришли к Младенцу в ту же ночь, когда Он родился. Чтобы добраться до Вифлеема, им понадобилось 15-20 минут после того момента, когда они увидели ангела и услышали ангельскую песнь: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение». Ангел им сказал: «Я возвещаю вам великую радость... (здесь ещё раз употреблено слово «радость») Ибо ныне родился вам Спаситель (вам родился! В Евангелии от Матфея было «тебе родился», а здесь — вам, людям, для вас, для людей родился)»... И так, проходит несколько минут, и вот они уже на месте, рядом с Младенцем. Они люди простые, их путь к Богу мгновенен. Им не требуется много времени, чтобы прийти к Богу, — этим простодушным, почти диким пастухам.

А вот волхвы. Это интеллектуалы Древнего Востока, они знают всё, читали священные книги древних народов и узнают будущее по звёздам, они могут всё, что угодно, предсказать, как поётся в тропаре праздника Рождества Христова: «...в нем бо звездам служащий звездою учахуся». Их путь к Богу оказывается значительно более долгим и трудным, они идут чуть ли не год, если не больше, — через пустыни, реки, овраги и горы, пока, наконец, не приходят к Нему.

Так и сегодня к Богу ведут два пути. Один — путь простых людей с открытым сердцем. Он быстр и прост. Другой — путь магов, или волхвов. Он долог и труден. Сегодняшняя интеллигенция идёт именно путём волхвов, долгим, трудным, опасным, иногда через ущелья, из которых, кажется, нет выхода, но всё же приводящим к Тому же Младенцу Иисусу. Над этим очень важно задуматься. Это одно из удивительных мест в Евангелии, когда Бог именно через сличение двух рассказов посылает нам Свою Весть. Узнав об этих двух путях, невозможно читать только о поклонении пастухов в Евангелии от Луки или только о поклонении волхвов в Евангелии от Матфея. Одним путём пришли в Церковь бабушки, которых и сейчас ещё можно встретить во многих деревенских храмах, где они подвизаются уже лет по шестьдесят. Одна такая старушка говорила мне, что за последние семьдесят четыре года она только два раза пропустила воскресную обедню — пока с инфарктом маялась. А так всю свою жизнь каждое воскресенье молилась за обедней и причащалась Святых Христовых Тайн. Она пришла ко Христу путём пастухов. А мы, люди конца двадцатого века, да уже почти двадцать первого, идём трудным путём волхвов. Но идём к Тому же Младенцу Христу. Оба пути ведут в Вифлеем.

Выше была упомянута песнь ангелов из Евангелия от Луки: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение». Мы слышим её в храме в начале каждой утрени, перед шестопсалмием, или в конце утрени, в начале великого славословия, и это наполняет наши сердца совершенно особой радостью. В славянском варианте песнь делится на три части: «Слава в вышних Богу» — «и на земле мир» — «в человеках благоволение». Однако слово «благоволение», по-гречески — *эудокиа*, в древнейших рукописях стоит здесь в родительном падеже (не *эудокиа*, а *эудокиас*). Значит, не «в человеках благоволение», а «в человеках благоволения». Блаженный Иероним, переводивший Евангелие на латинский язык, это заметил, у него так и переведено — родительным падежом: *bonae voluntatis*. Выражение «добрая воля» («люди доброй воли») происходит именно отсюда. Однако Иероним, правильно поняв здесь грамматическую форму, не понял значения слова *эудокиа*. *Эудокиа* — это не добрая воля людей, а воля Божия, ибо этим словом в греческих текстах Нового Завета обычно обозначается именно любовь Божия. Как в словах Бога Отца в момент Богоявления: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Нем же благоволих». По-славянски этот текст скопирован очень точно. Со славянского же на русский фразу «О Нем же благоволих» надо перевести как «Которого Я люблю» — «Вот Сын Мой возлюбленный».

Что же получается? «Слава в вышних Богу, и на земле мир...». Мир — где? Не просто на земле, никем не населённой, а мир — в людях, которых любит Господь. На небесах — слава Божия, сияние Божие. А на земле это сияние превращается в *шалом*, мир в сердцах тех людей, которых любит Господь. Здесь есть что-то, напоминающее прошение в молитве «Отче наш»: «Да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли». Как на небе Твоя воля, так да будет она и на земле — на небе слава, на земле мир.

Отражением славы Божией, которая сияет на небе, является *шалом*, мир в сердцах людей на земле. Именно *шалом*, ибо на иврите это не совсем то, что *ирини* по-гречески. *Ирини* — это мир, антоним слова «война». А *шалом* — это полнота бытия, полнота отданности и открытости друг другу; это слово передаёт ощущение полного единства человечества в Боге.

Мир (*шалом*) на земле, в сердцах людей, которых любит Господь, есть отражение той славы Божией, которая на небесах, той славы Божией, которую видел и описал пророк Исайя в начале 6-й главы своего пророчества.

Само выражение «яко на небеси, и на земли» взято из Екклесиаста: «Не торопись языком твоим, и сердце твоё да не спешит произнести слово пред Богом; потому что Бог на небе, а ты на земле» (Екк 5:1).

Рукописная традиция

Новый Завет дошёл до нас в рукописях самого разного времени. Древнейшие из них — рукописи IV в. Это знаменитый кодекс *Sinaiticus Petropolitanus*, рукопись, которая раньше хранилась в Петербурге, а после революции была продана англичанам и теперь находится в Британском музее. Это также Ватиканский кодекс, названный так по месту хранения. Правда, он был похищен Наполеоном и временно находился в Париже, но после 1812г. его вернули в Рим. Это и Александрийский кодекс, который тоже хранится в Англии, в Британском музее.

Sinaiticus Petropolitanus первоначально хранился в монастыре св. Екатерины на Синае. Монахи решили было уничтожить ветхую, без переплёта рукопись — в монастырях Востока любят, чтобы в библиотеке всё было красиво, — но в это время её случайно обнаружил немецкий учёный на русской службе К. Тишендорф и попросил передать в подарок российскому императору Александру II. Так Синайский кодекс оказался в Петербурге, попал в поле зрения учёных и был издан.

Эти три древние рукописи вместе с ещё более древними, сохранившимися только во фрагментах папирусами I-II вв., и более поздними, относящимися к V-VII вв., составляют первую группу рукописей Нового Завета. Вторая группа рукописей относится к IX-XI вв.

В ряде случаев тексты древних и поздних, византийских рукописей существенно различаются. Таких случаев не так уж много, но знать их необходимо. Перевод под редакцией епископа Кассиана (Безобразова) сделан именно с древних рукописей, поэтому, сличая Кассиановский перевод с Синодальным, можно, даже не зная греческого языка, легко обнаружить все эти значимые различия.

Иногда в византийском тексте присутствует намеренная редаKTура. В Нагорной проповеди Спаситель говорит: молись Богу тайно, и Он воздаст тебе явно; постись тайно, и Он воздаст тебе явно; подавай милостыню тайно, и Он воздаст тебе явно. В византийских рукописях получается очень выразительное противопоставление: «тайно — явно». Но в древних рукописях слова «явно» нет. В них сказано: молись, постись, давай милостыню тайно, и Бог воздаст тебе.

Слово «явно» появилось в византийских текстах примерно в VIII в. как следствие упрощённого понимания христианства. (Это как у матери, которая говорит ребенку: «Молись Боженьке — получишь пятёрку». А пятёрку он получает совсем не потому, что молился, а потому, что хорошо и внимательно делал уроки). Здесь читатель ориентируется на результат — на лёгкий результат, — как ребёнок, которому показывают лакомство и говорят: «Будешь вести себя хорошо — получишь пирожное». Это очень опасная и глубоко антихристианская, антиправославная тенденция. Слово «явно» попало в текст Евангелия в Византии в условиях огосударствления христианства, когда Слово Божие приспособляли к нуждам идеологии. Чтобы люди были добрыми христианами, надо их заинтересовать. А как? Результатом. Конечным результатом. Вот, пожалуйста, молись, и Бог воздаст тебе явно. Простодушный человек поддаётся на такого рода агитацию и начинает молиться. Действительно, это делает людей христианами, но только христианами, которые верят не в Христа, а в результат своего благочестия.

Похожий случай — слово «напрасно» в Евангелии от Матфея: «Всякий, кто гневается на брата своего напрасно, — говорится в византийском тексте, — подлежит суду». В древних рукописях слова «напрасно» нет: «Всякий, кто гневается на брата своего, подлежит суду». Не гневаться — это очень трудно, но Спаситель ждёт от нас именно этого. С появлением слова *эйке* — «напрасно» в византийских текстах стих теряет смысл. Но в условиях государственного христианства это словечко было необходимо, потому что император, естественно, может гневаться на своих людей, и, разумеется, не напрасно, ведь он — император.

Да, не гневаться вообще — фантастически трудно. Но именно к этому нас зовёт Иисус. Не гневаться напрасно — это даже не цель, ибо если я хоть сколько-нибудь владею собой, то всегда смогу доказать, что мой гнев не напрасен. Дав нам заповедь «не гневаться», Иисус поставил нас перед задачей, которая подобна сияющей от белизны недостижимой вершине Эвереста или Эльбруса. Достичь её (вообще не гневаться!) почти невозможно, но, всегда сияя своей белизной перед нашими глазами, она каждому из нас безошибочно указывает направление той дороги, по которой мы решились идти вперёд.

Третий пример. «Если согрешит брат твой, — говорит Спаситель, — пойдй и обличи его между тобою и им одним», т. е. если ты видишь, что брат согрешил, наедине скажи ему об этом. Совершенно замечательная рекомендация, удивительная и глубоко евангельская. В византийском же тексте (и это перешло в Синодальный перевод) подставлены два слова: «против тебя». Если брат твой согрешил *против тебя*, тогда обличай его, а если просто согрешил — тогда и не надо. Христианин, который будет обличать (не наедине, разумеется, — ведь мы любим обличать за глаза, мы никого не обличаем в лицо, мы этого не любим, боимся испортить отношения), получает от Спасителя совсем другую рекомендацию: обличи наедине, если брат согрешил. Эти два слова — *против тебя* — сразу как бы «обезвреживают» стих. Византийский текст делает христиан социально неопасными. Потому что христианин, который обличает всякого, кто согрешил, социально опасен, а обличающий только того, кто согрешил против него, опасности не представляет.

На этих трёх самых вопиющих примерах византийской цензуровки можно понять, до какой степени было обезврежено такое, сросшееся с госаппаратом, христианство.

...Рождается Младенец, и волхвы приносят ему дары — золото, ладан и смирну. Золото — как царю, потому что на библейском языке золото — знак царской власти. Ладан — символ святости: как святому — а свят только Бог — Ему приносят они ладан, тем самым свидетельствуя, что в этом Младенце, как потом скажет апостол Павел, вся полнота Божия пребывает телесно. Но апостол пользуется здесь языком греческой философии, а Евангелие от Матфея, рассказывая о поклонении волхвов, использует язык символов. И смирну приносят волхвы, а она бывала нужна только для бальзамирования тел умерших. Смирна — знак того, что Он пришёл в этот мир, чтобы умереть, как бы первый в Новом Завете намёк на крест, на крестное страдание, на то, что этот Младенец вырастет и пойдёт на крест — за нас. Потому что Он родился, как сказано у Матфея (в сирийском варианте перевода) и у Луки (во всех вариантах), — «для нас» или «для тебя». Младенец, Которому волхвы принесли смирну как знак, как символ смерти, лежит в такой же пещере, в какой после погребения будет лежать Иисус умерший. Младенец так же запелённут, как будет запелённут Он умерший. Два евангельские текста — поклонение волхвов в начале и погребение Спасителя в конце — тоже (как и сообщение о пастухах и волхвах) следует читать один на фоне другого.

Об этом же, только на другом языке, будет сказано в Евангелии от Иоанна: «Отче! — говорит Иисус, — избавь Меня от часа сего! Но на час сей Я и пришёл». Иисус в этой молитве ясно, прямо говорит о том, о чём в Евангелии от Матфея сказано в виде намёка.

Бегство в Египет

Снова ангел является Иосифу и говорит: «Возьми Младенца и Мать Его, и беги...» И, не дожидаясь утра, Иосиф уходит вместе с Марией и Младенцем: «Он встал, взял Младенца и Матерь Его ночью, и пошёл в Египет» (Мф 2:14). Не дожидаясь утра, Иосиф здесь как бы показывает нам, что и мы должны, когда к нам обращается Господь, не ждать, а сразу исполнять Его слово.

...И убегают в Египет. Мы ничего не знаем о пребывании Святого Семейства в Египте, но известно, что с первых же веков распространения Евангелия по миру Египет стал страной монахов, страной иночества. Именно в Египте жили Антоний Великий и его друг Павел Фивейский, первые пустынножители. Именно в Египте Пахомий, создатель монашеского общежития, основал свою лавру — первый в истории мира и Церкви монастырь; именно в Египте жили блаженная Исидора и великое множество других святых. Макарий Египетский, которому приписывается авторство большинства утренних и вечерних молитв, тоже жил и подвизался там. Для жительства монахи выбирали, как правило, древние гробницы, разграбленные или полу разграбленные, опустошённые и превращённые в пещерки; там они скрывались от дневной жары и ночного холода, там, в пустыне, где нет ни воды, ни еды, искали они свой путь к Богу. Особый, трудный путь.

Монахи, которые жили в Египте, конечно, знали из Евангелия, что где-то здесь скрывался Младенец Иисус, увезённый сюда Иосифом. Им хотелось найти следы пребывания Иисуса в этой стране, но не получалось. И вдруг чей-то взор упал на голову огромного сфинкса вблизи пирамиды Хефрена, сфинкса, который египтяне называли отцом ужаса. Сфинкс этот в прежние времена улыбался — та улыбка сохранилась для нас в стихах греческих поэтов, на одной из гравюр XVIII в. Но увидеть её «в оригинале» теперь нельзя: наполеоновские солдаты упражнялись в стрельбе из пушек по голове скульптуры. Так вот, однажды, когда она была ещё целой, взгляд по-детски наивного, радостно настроенного монаха скользнул по устам сфинкса. И вдруг он понял: сфинкс улыбнулся оттого, что увидел Богомладенца — Мария с Младенцем на руках и Иосиф, прибыв в Египет, заночевали между лапами этого сфинкса. Так сложилась легенда о том, что сфинкс улыбнулся, увидев Младенца, и, поскольку он каменный, улыбка застыла на его губах навсегда. Пройдут века, и дядя

последнего русского царя поэт Константин Романов напишет замечательное стихотворение об этой легенде...

Что это? Пример того, как рождаются сказки о чудесах, или заведомый обман? Ни то и ни другое. Это отблеск веры в культуре, в творчестве — в литературе, в живописи, в скульптуре, отблеск, который может быть обнаружен в чём угодно. Это отблеск несомненной веры в реальное присутствие Божие среди нас; просто в уме и сердце обыкновенного человека он трансформируется в наивную, бесхитростную и радостную легенду. Нужно помнить, что это всего лишь легенда, ибо сфинкс, разумеется, улыбался и до той ночи, когда Мария с Младенцем оказались в Египте. Но нужно понять и того монаха... И не осуждать его, а попытаться почувствовать благовоние, благоухание этой веры. Ведь у многих средневековых легенд и религий именно такое происхождение. Не нужно их отвергать. Надо только воспринимать их не как исторические факты, а именно как факты духовной жизни, как благовоние сердец человеческих.

То же самое можно сказать и о другом евангельском следе в истории европейской цивилизации. Мы не знаем, сколько было волхвов — в Евангелии об этом ничего не сказано. Там просто говорится «маги», «волхвы» — во множественном числе. Но традиция почему-то считает, что их было трое. Обычно их так и изображают, троём. Более того, традиция даже дала каждому из них имя — Валтасар, Мельхиор и Каспар. Более того, оказалось, что есть могила этих трёх волхвов. В Кёльнском соборе! Трудно понять, почему так далеко на север попали их останки, но могила их там. Житель средневековой Германии не только не имел возможности побывать в Палестине, но вообще ничего не знал о ней. Он не видел ни гравюр, ни, тем более, фотографий. Он, может быть, даже никогда за всю свою жизнь не видел человека, побывавшего в Палестине. А гробница — это как бы возможность прикоснуться к святыне, к чему-то материально связанному с Евангелием. Для человека это иногда очень важно, потому что материальный след — это всегда своего рода фундамент, на который опирается наше человеческое восприятие. Без этого очень трудно. Вот и появляется легенда... И могила. Как к ней относиться сегодня? Как к средневековой фальшивке? Всё-таки нет. Именно как к следу, который был необходим средневековому человеку. К следу, который убеждал его в том, что всё было именно так, как сказано в Евангелии.

В одном деревенском храме я видел икону, в которую был вмонтирован ковчежец с мощами, маленькими косточками... евангелиста Луки. Я спросил батюшку: что это за ковчежец? И узнал, что сколько ни служило здесь священников, ни один к этой реликвии серьёзно не относился. Понятно, что никакого отношения эти косточки к евангелисту Луке не имели. Но наивному сердцу прихожанина их присутствие о чём-то говорило. Для него этот ковчежец был каким-то материальным свидетельством, укрепляющим его веру.

Мы, люди двадцатого века, в подобных свидетельствах не нуждаемся. И не только потому, что у нас есть кино, фото и возможность путешествовать. Думаю, что мы не нуждаемся в них прежде всего по той причине, что научились читать Слово Божие, что умеем видеть в Евангелии то, чего ещё сто лет назад люди увидеть не могли. Всего лишь 100-200 лет назад человечество почти не умело читать Священное Писание. В условиях неумения и появлялись материальные свидетельства его достоверности, подлинности того, о чём сказано в Библии. Поэтому воспринимать их нужно как радостные послания прошлого...

О чтении Евангелия

Рассказ о рождестве Христовом есть в Евангелиях от Матфея и от Луки; в Евангелиях от Марка и от Иоанна его нет. Правда, в Евангелии от Иоанна есть следующие стихи: «Пришёл к своим, и свои Его не приняли». То есть Христос пришёл к своим — братьям и сестрам, родился в мир. «А тем,

которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (Ин 1:11-13).

Выражение «которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» сразу вызывает сомнение, т. к. в греческом тексте слово «кровь» употреблено во множественном числе. В единственном числе это слово обозначает ту кровь, которая течёт в жилах, а во множественном — это «кровь, которая пролита», как в 50-м псалме, стих 16: «Избавь меня от кровей, Боже, Боже спасения моего...». Что значит «избавь меня от кровей»? Избавь меня от убийства, от пролитой крови. Значит, в Евангелии от Иоанна во фразе «которые ни от крови родились...» речь идёт не об обычном, а о каком-то другом рождении. Значит, тут речь идёт о рождестве, о котором говорит церковная традиция с первых веков.

Теперь — слово «родились». В рукописях Нового Завета оно везде стоит во множественном числе, но в цитатах этого стиха у Отцов Церкви IV в., как правило, в единственном — «родился». Так у Киприана Карфагенского, у Тертуллиана (*sed a Deo natus est* — у Киприана). Это значит, что Иоанн говорит об Иисусе, Который родился не от кровей, не от хотения плоти, не от хотения мужа — т. е. чудесным образом, от Бога.

Вот пример того, как важно к каждому евангельскому стиху подходить с огромной бережностью, как важно уметь его прочитывать, опираясь на цитаты, сохранившиеся у древних писателей, и обращая внимание на каждую, самую малую деталь текста.

Если бы у Иоанна действительно было сказано «ни от крови», как в Синодальном переводе, то и проблемы не возникло бы. Но на самом деле слово «кровь» употреблено во множественном числе — и это уже ставит проблему. И слово «родился» — в единственном числе — в евангельских цитатах у древних писателей как бы разрешает её, показывая, что речь здесь не о нашем рождении, а о рождении Иисуса.

В свете такого толкования в рассматриваемом стихе должно бы читаться не «верующим во имя Его», а «верующим во имя Того, Который родился...» Опять-таки в русском переводе это стерто.

...«Который родился». Евангелие от Иоанна, начиная с рождества предвечного («В начале было Слово...»), переходит к рождеству по плоти, к Рождеству в Вифлееме.

Сретение

Евангелист Матфей рассказывает нам о бегстве Святого Семейства в Египет и об избииении младенцев. На этом всё, что касается первых тридцати дней жизни Иисуса, в повествовании Матфея заканчивается.

Лука добавляет к этой картине несколько штрихов: прежде всего это рассказ о сретении — о том, как Иосиф с Марией приносят сорокадневного Младенца Иисуса в храм. Рассказ, который все достаточно хорошо знают, хотя не все читали его так внимательно, как следовало бы. «А когда исполнились дни очищения их...», — говорит евангелист. Обратите внимание на слова: «очищения их». В Библии ничего об «очищении их» не говорится. И Ветхий Завет, и христианская традиция знают только очищение матери после рождения младенца (имеется в виду очищение от кровей пролитых), но отец или младенец в очищении не нуждаются. При чём же тут «очищение их»? Оставим пока этот вопрос, отметив, что это место вызывает явное недоумение.

Второй парадоксальный момент в данном тексте заключается в том, что в этой сцене как бы нет родителей. Есть Младенец, есть старец Симеон, пророчица Анна, и только в последний момент появляются Иосиф и Мария.

Третий парадокс. Родители Младенца приносят в жертву двух горлиц или двух голубков. В 12-й главе книги Левит говорится, что за очищение матери нужно принести в жертву голубя или горлицу,

а двух горлиц или двух голубков жертвуют, как об этом говорит книга Чисел (6:10), за *назира* — того, кто посвящён Господу. Иными словами, в Евангелии от Луки жертва приносится не за очищение Марии, Матери Младенца, а за что-то иное.

И последнее: здесь ничего не говорится о выкупе за первенца, которого требует Закон (Числ 18:15-16). Зато есть слова о пророчице Анне, которая «в то время подошедши славила Господа и говорила о Нём всем, ожидавшим *избавления* в Иерусалиме» (Лк 2:38).

В греческом же тексте находим не «избавление», а *лю'тросис* — «выкуп». Значит, речь идёт о выкупе, но не о выкупе первенца, а о выкупе Израиля, как в 129-м псалме: «Ибо у Господа милость, и многое у Него *избавление*. И Он выкупит Израиля от всех беззаконий его» (перевод автора. — *Ред.*).

Итак, здесь говорится о том, что Бог выкупит Израиля, Свой народ. И Симеон ожидает выкупа Израиля, сказано в оригинале, а совсем не утешения. Речь идёт о выкупе за народ, и мы понимаем, что это — крестная смерть Иисуса, о которой мы читаем в тропаре: «Искупил нас еси от клятвы законныя честною Твоею Кровию; на Кресте пригвоздился, копием прободся, безсмертие источил еси человекам, Спасе наш, слава Тебе».

Если представить себе, что рассказ о сретении — это икона, но написанная словами, то сквозь сцену встречи Симеона с Богомладенцем и Его Матерью в храме как бы просматривается крест. На первом плане мы видим фигуру старца Симеона, Младенца на руках у Матери, пророчицу Анну с одной стороны, рядом со старцем, и праведного Иосифа с другой, рядом с Марией, а сзади как бы уже просматривается крест, выкуп Израиля. Тогда становится понятно, о каком очищении идёт речь. Не об очищении Марии от скверны, потому что Она и так чиста — «Нескверная, Неблзная», как мы молимся во время Великого повечерия. Речь идёт об очищении *людей от грехов их*. Вот какой глубочайший смысл заложен всего лишь в одном слове «их» вместо ожидаемого «Её». Очищение людей, выкуп за людей, символический выкуп в виде двух горлиц или двух голубков — за Сына, который есть *назир*, т. е. посвященный Богу. И сразу по-другому начинает звучать весь этот текст. Сразу становится ясно, что в нём говорится прежде всего о том, зачем пришёл в этот мир Иисус. На сороковой день Его земной жизни это уже ясно — Его путь уже открыт.

Если смотреть на рассказ о сретении Господнем как на икону, то в центре будет Младенец на руках у Матери, справа стоят Симеон с Анной. Она подносит Его к Симеону. В лице Симеона Богоприимца как бы представлены все мудрецы Ветхого Завета, а в лице 84-летней Анны — все жёны Ветхого Завета: Сарра, Ревекка, Рахиль, Девора и т. д. Мать Божия рядом с Иосифом. Симеон с Анной и Мария — люди, жизнь которых можно охарактеризовать одним словом: верность. Но для Симеона или Анны это верность *ожидания*. Анне уже 84 года, и она ни день ни ночь не отходит от храма, пребывая в молитве и посте, т. е. живёт в полной верности Богу. Симеон настолько верен ожиданию Мессии, Христа, Который должен во плоти прийти в этот мир, что даже не может умереть, пока не увидит Его. А верность Марии — это уже верность *со-работы*, верность пребывания со Христом и труда вместе с Ним.

В этом и заключается принципиальная разница между верностью ветхозаветной и новозаветной: первая есть всецело верность ожидания, а вторая от начала до конца — верность *со-работы*.

Праведники Ветхого Завета ждут, их взор как бы устремлён в будущее. У Исаяи говорится: «Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет (Ис 9:2).

Из VIII в. до Рождества Христова говорит об этом пророк. Пройдёт восемь столетий, и только тогда воскликнет Симеон Богоприимец: «Ибо видели очи мои спасение Твоё, Которое Ты уготовал пред лицом всех народов, Свет к просвещению язычников...» (Лк 2:30).

Исайя говорит о том, что свет для язычников воссияет в будущем. Симеон говорит о Свете, который уже засиял. Вся верность праведников Ветхого Завета устремлена в далёкое будущее; у праведников Нового Завета, как, скажем, у преподобного Серафима Саровского, это верность труда вместе со Христом, верность со-работы. Апостол Павел потом скажет об этом прямо и ясно: «Мы сороботники у Бога» (1 Кор 3:9). Не случайно в евангельских текстах столько раз употребляются слова «сороботник» и «работник».

И ещё одна грань происходящей в храме встречи двух Заветов — Ветхого и Нового. Симеон, последний человек Ветхого Завета, обращаясь к Марии, первой жене Нового Завета, говорит: «И Тебе Самой оружие пройдёт душу», — да откроются помышления многих сердец» (Лк 2:35).

«И Тебе Самой...» Маленькое слово — союз «и», но от него многое зависит: оно здесь почти лишнее, складнее было бы без него: «Тебе Самой оружие пройдёт душу». Но это «и Тебе» означает, что не только Он будет пронзён копием на кресте, когда «один от воин Его копием прободет, и абие изыде кровь и вода», но и Ей, стоящей у креста, это копие пройдёт сквозь душу. Вот что здесь за этим союзом «и». Вспоминаются икона, на которой изображена Матерь Божия вместе с Иоанном Богословом у креста, и францисканская песнь «*Stabat mater dolorosa*» — «Мать скорбящая стояла».

Одним только коротким союзом «и» Слово Божие прямо и чётко указывает нам на то, что Матерь Божия будет соучастницей страданий Христовых, что, стоя у креста, Она разделит их с Сыном и будет Его сороботницей в деле спасения человечества. Это ещё один пример того, как внимательно нужно вчитываться в евангельский текст, вдумчиво вникая во все его особенности. Ибо за кажущейся «корявостью» слога стоит что-то очень важное, в высшей степени значительное.

Когда мы это осознаём, чтение Нового Завета становится весьма непростым и уже не даётся нам столь же легко, как чтение романа. Тут помогут пост, молитва и вдумчивое вчитывание в текст. Это важно запомнить и почувствовать, продумать и пережить.

Премудрость Божия

Пройдёт двенадцать лет после сретения, и Отрок Иисус вместе с родителями окажется в храме в дни праздника Пасхи. Об этом упоминается у Луки. Отрок в храме среди учителей Закона. Он задаёт им вопросы, и слушающие удивляются мудрости этих вопросов. Если мы проследим, какое слово употребляется чаще всего в этом рассказе, то окажется, что это «мудрость». Из Первого Послания к Коринфянам мы знаем, что Христос есть воплощённая Премудрость Божия, но это чувствуется уже в тексте Евангелия от Луки, где Христос ещё Отроком предстаёт перед нами как Премудрость Божия, явившаяся во плоти.

Следующее появление Иисуса на страницах Евангелия — только через 18 лет. Восемнадцать лет неизвестности. Молчание Евангелия о столь большом периоде в жизни Спасителя вызывает множество предположений о том, что делал Христос в эти годы. Немало книг написано о том, как Он ходил учиться мудрости в Индию, в Китай и даже в Японию. Обычно авторы этих книг приводят какие-то параллельные тексты из книг индийских, китайских или японских философов, из вероучительных книг этих народов, которые действительно можно сопоставлять с Евангелием. Создаётся впечатление, что многое в Евангелии связано с индийской, китайской и японской мудростью. Но такое впечатление может появиться только в том случае, если мы не знаем Ветхого Завета. Если же мы научимся читать Новый Завет параллельно с Ветхим и находить в Ветхом Завете, в разных, порой неожиданных местах источник той или иной евангельской притчи, фразы, словосочетания, окажется, что в Новом Завете нет ничего, что не было бы уже сказано в Ветхом. В Новом Завете это только сфокусировано. Окажется, что нет нужды привлекать другие источники (греческую, китайскую или японскую мудрость).

Всё, что Христос сказал нам, Он сказал через Ветхий Завет до Своего рождения во плоти. Но сравните огромный объём Ветхого Завета с малым объёмом Нового — и многое сразу станет ясно. Правы были Н.А. Бердяев и В.С. Соловьёв, когда говорили, что в христианстве нет ничего такого, что не было бы сказано до Христа, что ново в нём только одно — Сам Христос, Его Личность, Его человеческое «Я». Всё остальное уже было до Него. И это надо понять и принять — без этого мы не христиане. И от иудеев нас отличает тоже только одно — принятие человеческого «Я» Иисуса из Назарета и одновременно встреча с Богом Ветхого Завета в Его лице. Это важно понять, потому что иначе мы будем всё время принимать за христианство что-то иное, будем абсолютизировать какие-то отдельные черты библейского вероучения и подменять ими христианство. Именно это время от времени происходит в богословии — берётся какая-то одна черта христианства и говорится: вот, это христианство. Например, любовь, отношение к рабу, милосердие и т. д. Нет. Только когда мы видим Христа, стоим перед Ним — только тогда мы можем сказать: вот это христианство — Сам Христос, а не какие-то отдельные черты того вероучения, которое полностью было сформулировано уже в Ветхом Завете.

В Новом Завете нет ни одного стиха, которого в эскизе не было бы в Ветхом. Вероятно, именно поэтому Церковь так объединила Священное Писание, что Ветхий Завет не издаётся без Нового — именно для того, чтобы показать это. В Ветхом Завете уже как бы спрятан, заключён во всей полноте Новый Завет.

Крещение

Проходит тридцать лет, и Иоанн Креститель начинает свою проповедь. И в это же время приходит к людям, становится известным Иисус. На картине А. Иванова «Явление Христа народу» мы видим, как Иисус приходит, чтобы креститься от Иоанна в водах Иорданских. Иоанн говорит Ему, что недостойн, что ему самому нужно креститься у Иисуса, а не крестить Его. Иисус отвечает: «Оставь теперь; ибо так надлежит нам исполнить всякую правду». Оставь и делай. Оставь и действуй. Крещение как ритуал (по-гречески, баптисма — «омовение», «омытие») был известен и до Христа, и до Иоанна Крестителя, но ритуал этот был необходим только для язычника. Если язычник хотел стать иудеем, перед обрезанием ему нужно было креститься, т. е. подвергнуться ритуальному омовению.

Само слово «крещение» к слову «крест» никакого отношения не имеет, но в славянском языке эти два слова, не связанные друг с другом, стали обозначаться через один корень. Потому что, повторяю, слово «крещение» по-гречески — *ба'птисма* («омовение»), а «крест» — ставрос, что значит «дерево»; по-латински «крещение» — *baptisma*, а «крест» — *cruх; la croix* по-французски означает «крест», *le bapte^me* — «крещение». Иоанна называют Крестителем не за то, что он вооружён крестом, а потому, что совершает крещение, омовение. По-французски Иоанн Креститель — Жан Баптист, потому что совершает *bapte^me*. Не зная этого, скульптор И.П. Витали изобразил Предтечу с крестом. И на картине А. Иванова он тоже, к сожалению, с крестом в руках.

Поскольку омовение было необходимо лишь для язычника, который хотел стать иудеем, то, когда Иоанн Креститель совершал этот ритуал над иудеями, это казалось им чем-то в высшей степени позорным. Ведь в глазах благочестивого иудея язычники — это как собаки, свиньи и вообще носители всевозможной грязи. И он, Предтеча, ставит их, детей и внуков Авраама, на одну доску с язычниками!

Но тут приходит Христос и ставит в один ряд с язычниками Себя. Вот что такое крещение Иисуса в водах Иорданских. Он не просто иудей по плоти и не просто сын Давидов; Он, в Котором полнота Божия пребывает телесно, ставит Себя в один ряд с язычниками, с людьми, которых и за людей-то не считают, — они для иудеев, может быть, даже хуже животных. Слово *ке'носис* означает «опуститься до дна», «стать рядом с самыми малыми, самыми грязными». Иисус именно это и делает.

И как раз тогда над Ним раскрываются небеса и Бог являет Себя человечеству во всей полноте. Именно поэтому праздник Крещения Господня называется также Богоявлением.

«Дух в виде голубине» — читаем мы в славянском тропаре этого праздника. В Евангелии Дух Божий является не в виде голубя, как сказано в Синодальном переводе, а в виде голубки (в греческом тексте употреблено слово *перистера'* — женского рода, и в латинском переводе у блаженного Иеронима то же самое — *columba*, женского рода). Совершенно ясно, что Дух Божий — *Рух Элохим* — может быть только женского рода, ибо на иврите это слово — женского рода. Поэтому, когда в греческом тексте Евангелия Дух обозначается существительным женского рода, это как бы продолжение Ветхого Завета, это логически из него вытекает. Это Дух, который *мера'х эфо'д*, «парил над миром», подобно тому, как парит над гнездом голубка. Именно этот глагол мы встречаем в Библии на первых страницах книги Бытие: «И Дух Божий, — сказано в Синодальном переводе, — носился над водою». Глагол *эфод* — очень редкий в иврите. Он употребляется, когда нужно сказать, как птица парит над гнездом, не улетаю высоко и не опускаюсь, не садясь на него. Это, естественно, может делать только птица, которая высидывает яйца, самка.

«И Дух Святой, как голубка, парил над водою», — так надо бы исправить текст Синодального перевода.

В то время, когда Дух Святой является в виде голубки, облако осеняет эту сцену, «и глас из облака бысть, глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, о Нем же благоволих». «О Нем же благоволих...» — он о *эудо'киса* — «Которого Я люблю». Я уже говорил, что греческое слово *эудокиа* — это «любовь Божия».

«...Которого Я люблю». Тот, кто читал Ветхий Завет по-славянски, должен знать эту формулировку, но в несколько ином виде: «Сын твой возлюбленный, которого ты любишь». «Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь» (Быт 22:2). Это о жертвоприношении Авраама. Не случайно как святоотеческая традиция, так и средневековое искусство сопоставляли эти две сцены — жертвоприношение Авраама и шествие Иисуса на Голгофу. Подобно тому как Исаак несёт дрова в гору, Иисус несёт на Голгофу Свой Крест. Итак, в Ветхом Завете употреблено слово «единственный», по-еврейски *яхи'д*.

«Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь...» — так в Синодальном переводе Ветхого Завета. Но в греческом варианте, в Септуагинте, в Новом Завете, в Евангелии от Матфея — «Возьми Сына Твоего возлюбленного (*агането'н*), Которого Ты любишь». Так что у Матфея — прямая отсылка к Ветхому Завету. Подобно Аврааму, который готов принести в жертву Исаака, Бог приносит в жертву Сына Своего. «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего...», там сказано «единородного» (*моногенис*) и употреблено прилагательное *яхид* — «...Сына твоего единственного, которого ты любишь».

Так тексты из книги Бытия о жертвоприношении Авраама и из третьей главы Евангелия от Иоанна с фразой, исходящей из уст Иисуса: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного...» (Ин 3:16), — оказываются связанными воедино со словами, прозвучавшими из облака в момент Богоявления: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Моё благоволение» (Мф 3:17).

В этих словах тоже уже присутствует крест («отдал Сына Своего...»). Как в сцене сретения через детали текста мы видим крест, так и здесь, в сцене Богоявления, мы видим крест в словах «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Моё благоволение».

Специалисты, занимающиеся иконой, могут подтвердить: каждую икону надо уметь читать, вглядываясь в мельчайшие детали. И каждый евангельский текст надо читать так же, вглядываясь в детали, потому что именно в деталях можно увидеть очень важное послание Бога, какую-то очень важную Весть. Поэтому необходимо знать язык, на котором написан этот текст (не греческий или

иврит — лишь очень немногие в двадцатом веке могут позволить себе роскошь знать эти языки так, чтобы читать на них Священное Писание). Надо знать язык Писания, чтобы узнавать в словах Нового Завета образы и места, соответствующие образам и местам Ветхого Завета. Надо уметь сопоставить один текст с другим и узнать, скажем, в Евангелии от Матфея какой-то отзвук Евангелия от Иоанна. И не только в тех местах, где на полях или между колонками даются отсылки к соответствующему тексту, но и там, где таковые отсутствуют. Надо помнить, что отсылки к параллельным текстам даются лишь в очень небольшом числе случаев. На самом же деле природа библейского текста такова, что в нём каждый стих связан с каждым другим, что в одном стихе можно увидеть всю Библию. В одном только стихе слышится, например, отзвук библейского рассказа на иврите о жертвоприношении Авраама и того же рассказа, но несколько переделанного Септуагинтой, и отзвук ночной беседы Иисуса с Никодимом. Всё это сливается в одно целое и становится понятным, только если читается вместе, когда один стих накладывается на другой, сопоставляется с другим. Тогда они начинают звучать во всей своей полноте, а мы начинаем их действительно слышать и понимать. Понимать, например, что за словом «возлюбленный» стоят слова «единственный» или «единородный», как потом будет сказано в Символе веры. Что за словами «о Нем же благоволих» стоит рассказ о жертвоприношении Авраама, а раз говорится о жертве, значит, речь идёт о кресте, о крестной жертве.

Искушения Иисуса Христа

После крещения в водах иорданских Спаситель был возведён Духом в пустыню. Об этом рассказывает сначала Евангелие от Матфея, а затем Евангелие от Луки.

«И, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал» (Мф 4:2).

Мы знаем, что этот сорокадневный пост Иисуса после крещения лёг в нашей Церкви в основу Великого поста, который длится, без Страстной недели, сорок дней. Мы догадываемся, что сорокадневный пост Спасителя в пустыне как-то связан с сорокадневным постом пророка Илии и сорокалетним странствованием народа Божия по пустыне.

В мистике Ветхого Завета пустыня — это место встречи человека с Богом. Мутбар (пустыня) — место, где нет ничего, кроме выжженных солнцем камней, где никого не встретишь и ничего не найдешь. Но здесь нас ждёт Тот, Кого «не видел никто никогда», как говорится в прологе Евангелия от Иоанна. Бога нельзя увидеть — это одна из главных Его характеристик; и Тот, Кого нельзя увидеть, может быть встречен именно там, где полная пустота.

Пустыня обостряет чувства человека, и прежде всего чувство жажды. Вспомним псалом: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому...» (Пс 42:2-3). Подобно обессиленной в безводной пустыне лани, душа человеческая жаждет Бога. Образ этот будет переходить из псалма в псалом.

Такое понимание пустыни — как места встречи с Богом — характерно для мистики трёх религий: иудаизма, христианства и ислама.

Но у Иисуса в пустыне происходит встреча не с Богом, а с сатаной. Почему?

Понятно, что свидетелей не было. Понятно, что евангелисты и первая Церковь, в которой написано Евангелие, знали об этом из уст Самого Иисуса. Если воспользоваться опытом тех издателей Евангелия, которые при печати выделяют слова Иисуса красной краской, то весь рассказ об искушении в пустыне надо бы печатать красным: от начала и до конца это рассказ Самого Иисуса. И не стоит гадать, была ли эта встреча, так сказать, «физической», или перед нами рассказ-притча, в котором Иисус передаёт Свои внутренние борения, — всё это уходит на второй план. Важно, что поведенное Иисусом обращено к каждому из нас, как всякое евангельское слово. Потому не нужно представлять себе эту встречу, как на картинах и гравюрах XIX-XX вв., где изображаются Спаситель и искушающий

Его сатана в красном плаще, похожий на Мефистофеля в исполнении Шаляпина. Лучшая иллюстрация к этому евангельскому тексту — глубочайшая по психологизму картина И.Н. Крамского «Христос в пустыне». Спаситель сидит на камне, и мы видим на Его лице отражение напряжённой борьбы мыслей и чувств.

Эта борьба продолжается в людях уже две тысячи лет после Христа.

Что же говорит искушитель Иисусу?

«Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами» (Мф 4:3).

Плоские белые камни иудейской пустыни, действительно, напоминают лепёшки. А каждый иудей знает: когда придёт Мессия, Он должен устроить пир и всех пригласить на него. Мы все — участники этого пира, ибо этот пир — таинство Евхаристии, литургия... Но апостолы этого ещё не знают. Не знают этого и живущие в полуголодной Палестине современники Иисуса, которые ждут Мессию и, помня о мессианском пире, надеются, что Он решит все их экономические проблемы, даст им хлеба. Вот самое простое решение всех вопросов — накорми голодных, и они пойдут за Тобой. Ты всё можешь. Дай им хлеба, и все они станут адептами Твоей веры, религии, которую Ты им предлагаешь. Но Иисус отвергает этот простой и, казалось бы, такой эффективный путь и отвечает сатане словами из Ветхого Завета: «Он же сказал, ему в ответ: написано: "не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих"» (Мф 4:4).

Иисус отвергает сатану и зовёт нас отвергнуть его.

Второе искушение. Сатана говорит Иисусу: «Если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: "Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнёшься о камень ногою Твоею"» (Мф 4:6) — тут искушитель повторяет слова из 90-го псалма, стихи 11-й и 12-й. Христос отвечает ему: «...написано также: "не искушай Господа Бога твоего"».

Итак: Ты стоишь на крыше храма, бросься вниз и приземлись невредимым — и все пойдут за Тобой.

Это искушение — одно из самых трудных, свидетельством тому история Церкви. Ибо сенсация всегда поражала и привлекала человека.

Так было, например, с останками святых. В Священном Писании нигде не сказано, что святой после смерти должен оставаться нетленным. Этого не утверждал ни один церковный писатель вплоть до XVII в. Однако позднее начинают акцентировать внимание на этой теме, и под воздействием примера Киево-Печерской лавры, где тела усопших монахов, как известно, действительно остаются нетленными, к концу XIX в. почти все российские монастыри оказываются заполнены раками с останками святых — и очень часто это была рака с куклой из папье-маше. Простые люди благоговейно поклонялись этим гробам. Но вот грянула революция. Большевики начали вскрывать гробницы святых; обычно это делалось прилюдно и руками священнослужителей. В результате сами настоятели монастырей с ужасом были вынуждены признать, что в раках покоились куклы.

Конечно, после этого многие отшатнулись от Церкви. Как можно ходить в храм, говорили они, если верующих пытаются привлечь обманом?! Духовенство XIX века не смогло сказать «нет» второму искушению и тем обрекло себя на позор. Стремясь привлечь людей к вере феноменом нетления, оно оттолкнуло их от веры ложью.

Ещё страшнее последнее, третье искушение. Сатана говорит Спасителю, показывая на весь мир: «Всё это дам Тебе, если, пав, поклонись мне» (Мф 4:9).

Речь идёт здесь о мирской власти и о «дружбе» Церкви и власти. Конечно, Церкви очень удобно находиться под опекой мирской власти, когда та частично её финансирует, опекает, оберегает. В России Православная Церковь до 1917 г. находилась именно в таком, привилегированном по сравнению с другими религиями, положении. Но к чему это привело? К тому, что «инородцы» часто

крестились только из карьерных соображений, так как в государственных учреждениях человека не спрашивали, верит он в Бога или нет, а требовали справку о крещении, и если тот её представлял, все ограничения с него снимались, его брали на любую работу, он мог поселиться в любом городе Российской империи. Иудеям, например, не разрешалось жить во многих областях и больших городах России. Справка о крещении (всего лишь справка) снимала все ограничения. Это страшно, потому что приводило к появлению формальных, или, как говорил в IV в. Августин, номинальных христиан, а честных людей, даже верующих, отталкивало от Церкви.

Когда в IV в. при византийском императоре Феодосии Церковь была объявлена государственной, то все вчерашние язычники, чтобы не потерять жизненные блага, тут же крестились. Так мученическая Церковь, состоявшая прежде из истинно верующих людей, превратилась в аморфную структуру, вобравшую в себя верующих, полуверующих и вовсе не верующих во Христа, но крестившихся, чтобы иметь определённые льготы или просто не попасть в число диссидентов.

Страшен союз Церкви с мирской властью. Он быстро заполняет храмы людьми, приходящими не по зову сердца, а из корыстных побуждений, и просто конформистами, которые верят (не задумываясь) в то, что рекомендовано властями.

До революции у тех, кто состоял на государственной службе, требовали справку о говении. А сегодня в православных гимназиях у детей спрашивают, в какую церковь ходят их родители, часто ли причащаются, кто их духовный отец и т. д. Всё это к духовной жизни христианина не имеет никакого отношения. Вопрос о том, часто ли ты причащаешься, кто твой духовный отец и из какого ты прихода, может быть задан в очень деликатной форме и только очень близким человеком либо у аналога, когда на нем лежат Евангелие и крест, то есть на исповеди — и нигде больше! Страшно, когда в документах фигурирует запись о принадлежности к тому или иному вероисповеданию и когда об этом спрашивают в официальном учреждении.

Когда Церковь попадает под опеку государства, её путь начинает деформироваться. Вот что писала в 1936 г. о феномене обласканности Церкви государством мать Мария (Скобцова): «Церковная жизнь постепенно перерождается по типу любого человеческого установления, Церковь становится ведомством, компрометируется государственными, подчас языческими идеалами. Эта отравленность церковного организма подчас заходит так далеко, что даже церковные иерархи утверждают, например, оправдываемость смертной казни с точки зрения христианства... Принадлежность к Церкви становится обязательной с государственной точки зрения, Церковь широко распространяется, механически включая в свой состав всех служащих, принадлежащих данному государству... Христова истина подменяется бесчисленными правилами, канонами, традициями, внешними обрядами...» (Мать Мария. Воспоминания. Статьи. Очерки. — Paris, YMCA-PRESS, 1992. С. 240-241).

В большинстве стран, освободившихся от тоталитаризма (в Польше, Венгрии, Эстонии, Латвии и Литве), Церковь, будь то Католическая, Лютеранская или Православная, начинает претендовать на роль государственной. И люди от нее тут же отшатываются.

В прошлом веке российская интеллигенция именно в силу своего неприятия государственной идеологии храмы почти не посещала и в сущности вообще была вне Церкви. В церковь ходили в основном простые люди, не читавшие газет, Пушкина и Лермонтова, Толстого и Достоевского. Они жили в деревнях, молились Богу, и всё, что делалось за пределами деревни, их не волновало. Эти люди не потеряли веру, ибо Господь спас их, если так можно выразиться, от культуры, от образованности и просто от информированности о том, что происходит вокруг. Они ходили в церковь, любили Бога и чувствовали себя в храме, как дома. Хуже было людям образованным. Они видели, что Церковь стала частью государственного аппарата, своего рода полицейским ведомством в духовной сфере, и, разумеется, не могли принадлежать к такой Церкви. И лишь очень немногие из россиян понимали, что огосударствленность Церкви свидетельствует не против Церкви, а против государства, её

поработившего. То же было в XIX в. и в Европе: ничтожно мало французов, итальянцев, немцев и т. д. посещали католические храмы и лютеранские кирхи. В церковь и там ходили либо простые люди, либо те очень немногие интеллигенты, которые смогли увидеть в религии не рутину, а присутствие Божие.

Религиозность образованного человека в прошлом веке реализовывалась вне Церкви, в форме нецерковного мистицизма и романтического порыва к Богу.

В Европе отношение к Церкви стало меняться давно, там появились истинно верующие — прежде всего среди людей искусства. У нас же этот процесс только начинается. В начале века интеллигенция пошла было в Церковь; Н.А. Бердяев, В.С. Соловьёв и другие увидели и сумели сказать своим читателям, что та земная Церковь, которая устами священников доносит на прихожан, выдаёт справки о говении и делит людей на «белых» и «чёрных», православных и иноверцев, — это не Церковь Христова, которую врата адовы не одолеют, что в истинной Церкви нас ждут не те или иные установления, а Сам Христос, что вся эта государственная мертвенность не касается таинства Евхаристии. Люди начали тогда понимать это. Но грянула революция...

Сегодня интеллигенция возвращается в Церковь. Поэтому особенно страшно, что краснокоричневые силы всё время пытаются «приватизировать» православие, превратить его в своё оружие. Нестерпимо больно порой читать в «православной» прессе, что Россия должна быть государством для русских, а православие — государственной религией; что в каждом полку вместо политрука должен быть батюшка, и лучше, если батюшками станут бывшие политруки, т. к. у них есть опыт работы с солдатами... Всё это, разумеется, отталкивает неверующих от Церкви (хотя на самом деле нет людей неверующих — есть пока не верующие, или ещё не верующие). Об этом нужно серьёзно задуматься. Нужно помнить ответ Иисуса на третье искушение: «отойди от Меня, сатана; ибо написано: "Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи"».

Не случайно рассказ об искушениях Иисуса приведён в самом начале Евангелия. Даже те, кто не дойдёт до Нагорной проповеди, успеют в течение первого часа знакомства с евангельским текстом прочитать эту удивительную повесть, в которой значимо каждое слово.

И не случайно все три ответа взяты Иисусом из Ветхого Завета, из 4-й главы Второзакония, книги, где в Библии впервые говорится о любви Бога к нам.

Нам кажется, что любовь Божия — это что-то само собой разумеющееся. Вроде бы каждый ребёнок из христианской семьи с раннего детства знает, что это такое. Но не случайно в Библии речь о любви Божией заходит не на первых страницах, а только в конце Пятикнижия. Сразу, без опыта молитвы и духовной жизни понять, что такое Его любовь, невозможно.

Возвращаясь к ответам Спасителя сатане, остановимся на двух понятиях — «сердце» и «любовь». Без сердца нет веры, нет христианства. И без любви нет христианства, нет православия. Эти два понятия — поиски Бога сердцем и Божия любовь к нам — появляются лишь в пятой, последней книге Закона. Именно из этой книги Иисус берёт ответы на вопросы искушителя. В сущности, во всех трёх случаях Он даёт один ответ — сердце горящее, наполненное любовью.

Несколько иначе, чем в Евангелии от Матфея, рассказано об искушении Иисуса дьяволом в Евангелии от Луки. В нём изменён порядок искушений. Вначале речь идёт о камне, который сатана предлагает превратить в хлеб, затем он искушает Иисуса властью и, наконец, предлагает Ему спрыгнуть с крыши Храма в Иерусалиме. Дело в том, что вообще в Евангелии от Луки действие происходит не просто в Иерусалиме, а в Храме, который играет в повествовании огромную роль. Здесь второе искушение Иисуса перенесено на третье место именно для того, чтобы закончить рассказ в Храме.

В Евангелии от Марка, несмотря на предельную краткость этого даже нет рассказа, а упоминания об искушениях в пустыне, есть один штрих — об Иисусе говорится: «и был со зверями»

(Мк 1:13). Как истолковать это замечание? Для этого надо открыть Ветхий Завет, пророчество Исайи, там, где пророк говорит о Мессии, о том времени, когда придёт Он в мир:

«Тогда волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козлёнком; и телёнок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детёныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи» (Ис 11:6-8).

Картина, нарисованная в пророчестве Исайи, и имеется в виду в Евангелии от Марка.

Это место из Исайи глубочайшим образом поразило греческих и римских писателей. Именно об этом написана, например, 4-я эклога Вергилия. Мало кто прошёл мимо этой картины гармонии, которая наступит с приходом Мессии. Гармонии, которая распространится не только на разумную часть творения, человечество, но и на природу.

Из опыта святых мы знаем, что, когда Бог входит в жизнь человека, дикие животные становятся подле него ручными. Мы знаем о медведе, который приходил к преподобному Сергию, о льве, посещавшем преподобного Герасима, о волке, усмирённом святым Франциском, — это свидетельства, пришедшие из русской глубинки (в первом примере), с Востока (во втором), из Европы (в третьем). Дикая природа животных отступила перед тем светом Христа, который исходил от святых.

...Кончились сорок дней поста. Иисус ответил на три искушительных вопроса сатаны, по-человечески вырос, укрепился. Вот ответ на вопрос о важности поста для нас. Пост должен нас не ослаблять, а укреплять. И если после Великого поста мы приходим к Пасхе ослабленными, значит, мы что-то делаем не так. Пост — всегда искушение, но он должен в конце концов нас укрепить, это евангельский критерий истинного поста. Ибо пост — это не диета, а школа жизни во Христе.

Вернувшись к людям, Иисус поселяется в Капернауме, в Галилее, и начинает Свою проповедь среди язычников. Он начинает ее словами: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф 4:17). До Него именно этим призывом — «покайтесь» — начал свою проповедь Предтеча; и теперь это слово становится первым и, может быть, главным в проповеди Иисуса.

Что такое покаяние? Мы часто не в силах ответить на этот вопрос. Для нас покаяться — значит признать свои грехи. Мы приходим на исповедь, чтобы рассказать священнику о себе что-то плохое. Но проходит две-три недели, и мы снова вынуждены рассказывать ему о том же самом. Значит, покаяние наше не состоялось.

Действительно, в современном русском языке слово «покаяние» не несет большой эмоционально-смысловой нагрузки. А в иврите слово *тшува* означает «поворот», от глагола *шув* — «поворачивать». Это соответствует славянскому «обратиться», т. е. остановиться на дороге, по которой шли от Бога, повернуться и пойти к Богу. Это и есть покаяние. К этому призывает Иисус. Он не говорит: посыпьте голову пеплом, разорвите свои одежды, расскажите, какие вы плохие. Спаситель говорит: остановитесь и повернитесь. Вы шли от Бога — теперь идите к Богу. Когда мы приходим к таинству исповеди — вот оно, наше покаяние, наша остановка. После этой остановки очень важно идти к Богу. Мне кажется, что в этом контексте лучше употреблять слово «обращение», тем более, что оно есть в нашей традиции, в славянском языке. Это очень выразительное слово — «обратиться» — значит: повернуть туда, куда нас зовёт Отец.

Иисус говорит нам: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». Очень важно здесь слово «приблизилось». Оно напоминает нам о молитве «Отче наш», где мы говорим: «да придет Царствие Твоё...» Если Царство приблизилось, значит, оно уже есть. Словами «приблизилось Царство Небесное» Господь говорит нам, что оно уже наступило. Не Спаситель, не евангелисты и не христиане придумали такое выражение — Мелкут Яхве (Царство Божие). Оно было знакомо всем современникам Иисуса из их ветхозаветной религии. Для иудея Царство Небесное (слово «Небесное» заменяет здесь слово «Божие», чтобы не употреблять лишний раз имя Всевышнего) — это далёкое будущее

человечества, а для нас — сегодняшний день. И наша задача — увидеть его, понять, что оно приблизилось и уже среди нас.

В Евангелии от Луки Спаситель говорит: «Не придёт Царствие Божие приметным образом... Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк 17:20-21).

Действительно, внутри нас всех, внутри Церкви есть Царство Божие. «Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них», — говорит Господь в Евангелии от Матфея (18:20).

Как говорит мать Тереза из Калькутты, Бог, Царство Небесное проявляется в том, как мы относимся друг к другу. Это Царство уже есть и имеет своих граждан: преподобных Серафима, Николая, Сергия, Александра Невского и других святых. Не случайно же во время Литургии, совершая таинство Евхаристии, мы читаем молитву:

«Достоин и праведно Тя пети, Тя благословити, Тя хвалити, Тя благодарити, Тебе поклоняться на всяком месте владычества Твоего: Ты бо еси Бог неизречен, неведом, невидим, непостижим, присно сый, такожде сый, Ты, и Единородный Сын, и Дух Твой Святыи; Ты от небытия в бытие нас привел еси, и отпадшия возставил еси паки, и не отступил еси вся творя, дондеже нас на небо возвел еси, и Царство Твое даровал еси будущее...»

То Царство, которое Господь даровал нам, становится реальным Царством. Для иудея Ветхого Завета оно — в будущем. А нам оно даровано уже теперь.

В средние века бытовала точка зрения, имевшая социальную подоплеку — кому плохо живётся на земле, будет хорошо на небе. Это действительно как-то утешало людей. Но к проповеди Спасителя это не имеет никакого отношения. В Царство Небесное мы входим уже здесь, на земле. Там просто станет ясно, кто просияет сразу, а кто будет ждать, пока святые отмолят его грехи. Наша задача заключается в том, чтобы войти в Царство самим и ввести в него других уже теперь, не после смерти, а при жизни.

«Царство Божие — внутри нас» (Лк 17:21). Именно так это звучит в переводе на французский и английский языки, так и в русском переводе под редакцией епископа Кассиана — «внутри нас». Это очень важное место, меняющее все акценты, во многом изменяющее наше понимание Благой Вести.

Но что происходит с Царством, которое уже проповедуется, которое среди нас? Иоанн Креститель арестован и обезглавлен, а Спаситель по поводу его судьбы говорит: «От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берётся, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф 11:12).

Слова «Царство Небесное силою берётся» и вся фраза до конца — одно из темных мест Евангелия. Обычно это толкуется таким образом: чтобы войти в Царство Небесное, нужны усилия. Отечественные толкователи говорят, например, что для этого нужно изучать Священное Писание, в совершенстве овладев славянским языком. Но трудно представить себе, как человек, от зари до зари работающий в поле или на заводе, может овладеть славянским языком. Конечно, это не представляет особого труда, например, для московской интеллигенции. Но Церковь создана Господом не только для неё, она создана для всех и каждого, и все в ней равны. Поэтому призыв «изучайте — тогда поймёте» представляется спорным.

В греческом тексте 11-го стиха употреблён глагол *βια'δзо* — «подвергать насилию». Значит, речь здесь идёт о том, что Царство Небесное подвергается насилию. Это касается судьбы не только Иоанна Крестителя, но и всех тех христиан, которые позже будут схвачены, замучены, казнены. Это значит, что Царство Небесное подвергается насилию со стороны секулярного, враждебного Богу мира.

Так что здесь Христос говорит нам совсем не о том, что мы должны предпринимать усилия, чтобы войти в Царство Небесное. Здесь речь о другом: Царство Божие, как только оно становится сколько-нибудь видимым для людей, тут же становится объектом атаки и насилия. Примеров тому

множество. И главный пример — Крест, на котором был распят Христос. Ещё — мученики, от Иоанна Предтечи до сегодняшних. Причём мученики — это не только те, кто был насильственным путём лишён жизни. Преподобный Серафим Саровский, удивительно передающий нам свет Христов, духоносный, замечательный святой, которого мы так любим, тоже был своего рода мучеником. Ведь всю жизнь его преследовали церковные власти.

Вообще царская Россия вовсе не была страной благостно-христианской, и девятнадцатый век совсем не был золотым веком православия, как это любят сейчас изображать. Это было безбожное государство, быть может, одно из самых безбожных на земле. Причём именно по той причине, что оно не выдержало третьего искушения и пошло по пути государственного православия, грубейшей подмены религии духа и сердца религией внешних форм, парадного и показного благочестия.

Страшно, что при царской власти в здании Двенадцати коллегий (министерств) в Санкт-Петербурге было место и для ведомства по делам религий, причём появилось оно, в сущности, уже в допетровские времена, приблизительно в середине XV в. Огосударствление Церкви привело к тому, что к концу XIX в. в России стало стыдно быть православным человеком. Та самая Церковь, к которой принадлежали Серафим Саровский и Тихон Задонский, управлялась чиновниками в генеральских мундирах.

Обо всём этом сказано в Евангелии. И чем ярче Царство Небесное проявляет себя, тем более дерзко действуют грабители. Это один из основных моментов в истории христианства.

Когда-то один из епископов на вопрос иностранного журналиста, гонима ли Церковь в Советском Союзе, ответил, что Церковь всегда гонима. И это действительно так, такова природа Церкви. Если её не гонят «физически», то это делается в какой-то изощёренной форме, что ещё хуже.

Говоря о том, что Царство Небесное уже здесь, Иисус призывает нас. Первое, что Он делает, — собирает учеников. Он видит Симона и Андрея, закидывающих сеть, и говорит им: «Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Мф 4:19). Если перевести дословно, то получится: «Вы будете рыболовами человеков».

Начиная с XVIII в. это выражение — «ловцы человеков» — очень полюбили атеисты. Они говорили, что церковники — ловцы, заманивающие людей в свои сети. Газета «Правда» и другие подобные издания постоянно использовали этот «фразеологизм», видя в нём какой-то негативный оттенок. Но на языке евангельском это нечто совсем другое.

В Библии вода всегда символизирует смерть. Вспомним псалом: «Из глубины взываю к Тебе, Господи. Господи! услыши голос мой. Да будут уши Твои внимательны к голосу молений моих» (Пс 129:1-2).

Из какой глубины взывает молящийся? Из глубины вод, топящих его. В другом псалме говорится: «Если бы не Господь был с нами... воды потопили бы нас» (Пс 123:1,4).

Человечество эпохи заката греческой культуры на рубеже нашей эры жило, раздираемое чудовищным страхом перед смертью. Такого страха человечество ещё не знало. Гомеровские герои тоже боялись смерти, но во времена греческого полиса этот страх прошёл. Греки очень любили свои полисы и поэтому думали: я умру, но полис останется. Потом, когда полисная система стала распадаться, страх перед смертью вновь стал возвращаться к людям. К тому времени, когда Иисус начал Свою проповедь, этот страх достиг апогея и буквально парализовал жизнь античного общества.

Мы, конечно, не в такой степени христиане, чтобы не бояться смерти. Но часто за страх перед смертью мы принимаем боязнь смерти наших близких. Этот страх имеет другую природу и никакого отношения к страху смерти не имеет, это просто боль за наших близких. Страх смерти преодолевается, когда не боишься собственной смерти. Своей проповедью Христос дал людям нечто такое, что они перестали бояться смерти. Он вытащил их из пучины вод, символизирующих смерть, избавил от

страха, спас. Вот почему Он делает апостолов именно ловцами человек, которые, подобно рыболовам, вытаскивающим рыбу из воды, вытаскивают нас из пучины страха перед смертью.

Платон сказал однажды, что мы, люди, те впадины Земли, в которых живём, принимаем за Землю, а воздух — за небо. Если бы мы вдруг увидели подлинную Землю и подлинное небо, мы в них ничего не поняли бы, как ничего не понимает рыба, вытащенная из воды. Отгалкиваясь от этого платоновского образа, можно сказать, что в христианстве человек действительно начинает чувствовать подлинность жизни. В первый момент у него наступает шок, как у вытаскиваемой из воды рыбы. Опыт показывает, что люди, открывшие для себя Бога, несколько месяцев, а то и год-полтора живут в каком-то необычном состоянии, не понимая, что с ними происходит, что произошло с миром — они увидели его совершенно новыми глазами. Господь Своими руками, руками Своих апостолов вытаскивает человека из пучины прежней жизни, открывая ему новую действительность, сначала этому человеку абсолютно непонятную, пугающую, ввергающую его в растерянность. Но со временем всё встает на свои места. Таков путь к Богу.

Начало проповеди

Крестившись, Иисус начинает Свою проповедь. Она, собственно, и составляет содержание Евангелия. Всё остальное занимает сравнительно небольшое место. Хотя и проповедь в Евангелии — не самое важное, потому что самое важное в нём — Сам Христос.

Встреча с Ним происходит в жизни каждого из нас. И никогда нельзя сказать, в какой именно момент это может случиться, на какой из страниц Евангелие перестанет быть для нас книгой и станет ключом к живому диалогу со Христом. Заранее предсказать это невозможно. Поэтому каждый должен научиться читать Евангелие самостоятельно и ни в коем случае не подменять чтение Евангелия чтением толкований. Толкование может только навести на какую-то методу, на какой-то способ, который нам подходит; оно поможет понять, но не заменит Слова Божиего. Через толкования встречи со Христом не произойдёт. Это важно понять, потому что человек конца двадцатого века склонен к такого рода подменам. Наша задача — научиться тому, что в средние века называли *lectio divina* — «божественное чтение», включающее в себя молитвенное осмысление текста и размышление над ним, из чего вырастает наша собственная к Богу обращённая молитва.

В ежедневной практике чтения Евангелия очень важно идти именно этим путём — чтобы из евангельского текста вырастала наша личная молитва, чтобы научиться говорить со Христом.

Нужно уметь вглядываться в два-три, пусть несовершенных, перевода, которые есть под руками. Даже сопоставление славянского текста с Синодальным переводом даёт очень много — притом, что каждый из переводов сам по себе может оказаться для читателя не так уж и ценен: Синодальный страдает множеством недочётов, славянский просто устарел. И тем не менее при сличении их многие трудные места проясняются.

...Крестившись, Иисус приходит в Свой город, в Назарет. В субботний день в синагоге Ему подают свиток — книгу пророка Исаяи. Развернув, Он начинает читать: «... "Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушённых сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное". И, закрыв книгу и отдав служителю, сел; и глаза всех в синагоге были устремлены на Него. И Он начал говорить им: ныне исполнилось писание сие, слышанное вами» (Лк4:18-21).

Здесь перед нами описание субботнего богослужения в синагоге, в высшей степени напоминающее то, что происходит каждый воскресный день в любом православном храме. Иисус читает Слово Божие, затем отдаёт свиток служителю, который его уносит, и начинает проповедь на

тому только что прочитанного текста: «Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами». Здесь опять связь между Ветхим и Новым Заветами — не только на уровне текста, но и в плане богослужения. Наше новозаветное богослужение выросло из ветхозаветного.

Итак, «Дух Господень на Мне, ибо Он помазал Меня», т. е. сделал Меня Христом, чтобы возвещать Благоую Весть нищим. Благая Весть — Евангелие, возвещаемое нищим. «Блаженны нищие...», начало Нагорной проповеди, — оно отсюда, из того места 61-й главы книги пророка Исайи, что было прочитано в субботний день в синагоге Назарета. Именно в этот момент, прочитав это место, Иисус в первый раз обратился к людям с тем, из чего потом вырастет Нагорная проповедь.

Заметим в качестве предварительного наблюдения: в Новом Завете присутствуют как минимум три варианта Нагорной проповеди. Первый — в 4-й главе Евангелия от Луки, второй — там же, глава 6-я, начиная с 20-го стиха, наконец, третий — в Евангелии от Матфея, глава 5-я. Поэтому, чтобы полнее понять Нагорную проповедь, мы должны сличить эти три её варианта. Только сделав это, можно услышать, что говорит нам Христос; если не попытаться сопоставить их, получится в высшей степени поверхностное чтение, духовно бесполезное и полное подмен — когда мы вкладываем свои мысли в евангельские слова и таким образом подменяем ими то, что говорит нам Христос. Получается демонстрация своего «я» на фоне Евангелия, а не духовное чтение. Вот ещё одно объяснение того, почему Евангелие в Новом Завете доведено до нас не один, а четыре раза, почему Новый Завет включает в себя благовествования от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, а не какое-то одно синтетическое повествование.

«Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим...» Христос — *Машиа'х*, что на иврите значит «помазанник», призванный «благовествовать нищим». Отсюда слова «блаженны нищие» в первом варианте Нагорной проповеди. «И послал Меня исцелять сокрушённых сердцем...» Здесь вспоминается 50-й псалом, стих 19-й: «Сердца сокрушённого и смиренного Ты не презришь, Боже» и другие стихи.

«И послал Меня исцелять...». Иисуса посылает Бог, а Иисус посылает учеников, апостолов. Слово «апостол» и означает «посланный». На иврите это *шали'я*, во множественном числе — *шелюхи'м*. В Ветхом Завете это слово обычно применяется к пророкам Илие и Елисею. Задумайтесь, и вы поймете, что служение этих двух пророков отличается от служения остальных (насколько мы можем судить, исходя из библейских текстов). Те, другие, были посланы, чтобы возвещать. А Илия и Елисей не только возвещают, но и исцеляют и воскрешают. Причём кого? Кто такая вдова из Сарепты Сидонской, у которой Илия воскрешает сына? Кто такой Нееман, которого Елисей исцеляет от проказы? Язычники. Они язычники и поэтому в большей степени открыты Богу, чем люди Писания, иудеи. Парадоксально, что иудеям Бог явился через Моисея в купине, дал заповеди, Закон, открыл Себя; а язычникам Он не являлся, но именно они, язычники, оказываются более восприимчивыми к тому, что Он делает среди людей, с людьми. Почему?

Потому что в их языческом сознании ещё не сложился образ Бога, которым они подменили бы Бога Живого. В сознании же иудея ко времени Илии-пророка такой образ уже сложился. Поэтому, когда происходит что-то, не соответствующее его представлениям о Боге, иудей просто не воспринимает происходящего. Бог творит чудеса, а человек их творить не может — для иудеев это аксиома, поэтому они отвергают чудеса, которые Бог творит руками Илии и Елисея. В их сознании застыло: чудотворец только один — Бог. Без сомнения, это так, но того, что Бог может творить чудеса руками людей, они уже принять не могут, потому что формула «чудотворец один только Бог» заслоняет от них действия Бога, становится в их сознании ложным богом, закрывает от них реальность. Посылка «Никто не может творить чудеса и прощать грехи, кроме Бога» — верная. Но она приводит к неверным выводам, когда превращается в окаменелый, застывший образ, а в результате отрывает человека от Бога.

Язычник же в силу своей непросвещённости ничего не знает об этих образах Бога и поэтому воспринимает Его действия со всей дикарской наивностью и простотой. В этом смысле он находится в выигрышном положении.

Сегодняшний язычник тоже зачастую находится в лучшем положении, нежели православный человек, потому что его религиозное сознание не сковано застывшими образами, его не пугает то, что может испугать человека, привыкшего к тому или иному способу богообщения. Например, существовавшая в средние века практика чтения Евангелия лицом к народу была вытеснена чтением лицом к алтарю. Когда на Западе литургический язык, латынь, стал непонятен тем, кто говорил по-французски, по-итальянски и тем более по-немецки, и когда у нас, на Востоке, славянский язык стал непонятен простым людям, стоящим в храме, тогда казалось, что, действительно, читать Слово Божие лицом к людям, которые в это время зевают, а то и дремлют, — кощунство. Священнослужители повернулись лицом к алтарю. Сегодня чтение Евангелия лицом к народу кем-то воспринимается как кощунство, как вызов основам православия, хотя, конечно, никакого вызова в этом нет — наоборот, это возврат к подлинной, освящённой столетиями традиции.

Понятно, почему на Западе появилась практика причащения мирян только Телом Христовым, без Святой Крови — по неосторожности прихожане могли опрокинуть Чашу. Мы тоже предупреждаем причащающихся, чтобы, подходя к Чаше, они не крестились и не делали резких движений, чтобы избытком почтения к Святым Дарам не совершить этого смертного греха. Однако призывы к осторожности довели дело до того, что люди стали причащаться крайне редко, чуть ли не раз в год, а то и раз в несколько лет, как было в последний период средневековья, когда многие верующие причащались лишь раз в жизни — перед смертью. В прошлом веке священники стали рекомендовать причащаться каждый пост, четыре раза в год, и это казалось невероятным — зачем так часто? Но ведь древняя Церковь утверждала, что если человек участвует в Литургии, он не может не причаститься, как не может не причаститься священник, совершающий Литургию.

Существует практика, согласно которой диаконы после произнесения ектеньи не участвуют в совершении таинства. Но большинством архиереев это осуждается. То же и мирянин: если он участвует в Литургии и не причащается — это грустно. Но происходит это оттого, что миряне стали приходить в храм неподготовленными, оторвались от церковной жизни, противопоставили себя Церкви. Поэтому и пришлось духовенству возводить плотину между мирянами и Евхаристией. Один вид плотины — на Западе: мирян перестали причащать Святой Кровью, другой — на Востоке: мирян причащают крайне редко или не причащают вообще.

По той же причине был ограничен круг обязанностей диаконов. Диаконское служение для того именно и установлено, чтобы служить Святым Тайнам. Священник, завершив Литургию, может совершать другие таинства. А диакон запасными Дарамы причащает больных, детей, посещая дома и больницы. Так было раньше, но ввиду недобросовестного отношения диаконов к своему служению это было запрещено Восточной Церковью (но сохранилось на Западе).

Важно понять, что все эти запреты — ритуальные, носят временный характер и введены в силу печального состояния церковной жизни, в силу неблагочестия как мирян, так и священнослужителей. Это относится и к чтению Евангелия лицом к алтарю. Понятно, что читать Евангелие людям, не понимающим ни слова в языке, на котором идет служба, стоя лицом к ним, а не к престолу, кощунственно. Но когда молящиеся все понимают, совершенная нелепость читать Слово Божие, стоя к ним спиной. Это разрушает приход. Тем не менее, повторю, чтение Евангелия лицом к людям воспринимается как скандал. Подобно тому, как застывший образ Бога препятствовал благочестивому иудею увидеть в чудесах Илии-пророка чудеса, творимые Богом руками Илии, изменение каких-то внешних форм нашей церковной жизни вводит в смущение благочестивых, добрых и чистых людей. Ведь и иудеи, считавшие, что Илия-пророк кощунствует, тоже были добропорядочными, очень

верующими и богобоязненными. Но образ Бога, сложившийся в их сознании, закрыл от них Бога Живого.

Наш опыт вчитывания в Священное Писание должен помочь нам научиться видеть Бога Живого, вступать в диалог с Ним, прорываясь через застывшие в нашем сознании Его образы. А такие поджидают нас повсюду. Чтобы образ застыл, не нужно веков, десятилетий, достаточно одного дня. Поэтому к живому евангельскому тексту нужно подходить в высшей степени целомудренно и трепетно, помня, что это текст особый. Помня, что, как говорит евангелист Лука, «много вдов было в Израиле», но ни к одной из них не был послан пророк Илия, «а только ко вдове в Сарепте Сидонскую» (4:25-26). Потому что те вдовы жили с неким застывшим образом Бога, в отличие от вдовы из Сарепты Сидонской. «Много также было прокаженных в Израиле при пророке Елисее, — подчеркивает далее апостол, — и ни один из них не очистился, кроме Неемана Сириянина» (4:27). Каждое слово здесь подобно пощёчине. Понятно, почему, услышав это, все в синагоге исполнились ярости. Потому что, действительно, для присутствовавших в синагоге сказанное было оскорбительно. Много прокаженных в Израиле, а послан был Елисей к этому грязному язычнику Нееману. Этот грязный язычник оказался ближе к Богу — его сознание не было отягощено окаменелыми образами.

Нагорная проповедь

Нищие духом, смиренные сердцем

Нет, наверное, ни одного — или почти ни одного — человека ни в России, ни вообще на белом свете, который бы не знал слов «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Без сомнения, это самый известный евангельский стих. И вместе с тем именно он труднее всего поддаётся истолкованию. Объясняется это прежде всего тем, что мы обычно берём какой-нибудь стих из Священного Писания и толкуем его, вырвав из контекста всей остальной Библии, в результате чего он часто выглядит непонятным. Но если читать этот стих в контексте даже не всей Библии, а только Нагорной проповеди, то он окажется уже не таким трудным для понимания, как при первом чтении.

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф 5:3). В первый раз Иисус произносит что-то похожее на слова Нагорной проповеди в Назарете, когда обращается к людям в субботний день в синагоге со словами из книги пророка Исаяи: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим». Свою Благую Весть Иисус адресует не каким-то особым нищим, как мы любим подчёркивать, толкуя этот стих, а просто нищим: «благовествовать нищим» — вот Его задача. Во втором варианте Нагорной проповеди, который мы встречаем в Евангелии от Луки, Он говорит о том же: «Блаженны нищие, ибо ваше есть Царствие Божие» (Лк 6:20).

Правда, в поздних рукописях Евангелия от Луки (VIII-X вв.), появившихся в Константинополе, подставлено слово «духом»; получается — «нищие духом», видимо, для того, чтобы не смущать благочестивого и простодушного читателя: раз у Матфея «блаженны нищие духом», то и у Луки должно быть так же. Поэтому в Синодальном переводе в Евангелии от Луки читаем: «блаженны нищие духом...»

В следующем стихе Евангелия от Луки говорится: «Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь», а в Евангелии от Матфея — «Блаженны алчущие и жаждущие правды; ибо они насытятся». Это значит, что в Евангелии от Луки имеются в виду просто голодные, а в Евангелии от Матфея — голодные каким-то особым, мистическим образом, те, кто алчет и жаждет правды, справедливости. Мы уже говорили, что евангельское слово «дикэосини» означает «справедливость». Таким образом, можно сказать, что и здесь речь идёт о «нищих духом». В Евангелии от Матфея Господь в Нагорной проповеди толкует нищету каким-то не совсем обычным образом. Попробуем понять это толкование.

В Библии слово «нищий» занимает особое место. Вспомним псалом, который поётся в конце вечерни во время торжественных всенощных бдений:

«Благословлю Господа на всякое время, выну' (всегда). Хвала Его во устех моих. О Господе да похвалится душа моя, да услышат кротции, и возвеселятся. Возвеличите Господа со мною, и вознесем имя Его вкупе (вместе)... Сей нищий воззва, и Господь услыша и, и от всех скорбей спасе и. Ополчится ангел Господень окрест боящихся Его, и избавит их. Вкусите и видите, яко благ Господь: блажен муж, иже уповае на Него. Бойтесь Господа, вси святии Его, яко несть лишения боящимся Его. Богатые обнищаша и взалкаша: взыскующий же Господа не лишатся всякого блага» (Пс 33:3-11).

Так вот, нищий воззвал, и Господь слышал его. *Нищий — это тот, кто взывает и кого Господь слышит. Богатые нищают и алчут, а взыскующие Господа — вот эти самые нищие — не лишаются ни одного из благ.*

Можно привести и другие места из Священного Писания, из которых становится ясно, что нищий — это человек, у которого ничего нет и вся надежда которого только на Бога. Эта тема занимает в Писании огромное место. Можно, например, сослаться на 145-й псалом, который поётся в начале Литургии: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческие, в них же нет спасения. Изыдет дух его, и возвратится в землю свою: в тот день погибнут все помышления его. Блажен, ему же Бог Иаковль помощник его...» (Пс 145:3).

Значит, не следует надеяться на князей, а блажен, как в Нагорной проповеди, тот, помощник у которого — Бог Иакова. Здесь речь идёт опять-таки о полной надежде на Бога, о том, что всецело уповающий на Бога может называться блаженным. Отсюда понятно, что слово «нищета» имеет не только прямой, житейский, но и какой-то другой смысл. Точно также слово «голод» и особенно слово «жажда» имеют смысл переносный, символический. Вспомним: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!» (Пс 41:1-2). Жажда лани, которая рвётся к источникам водным, уподобляется жажде человека, который ожидает и иной раз не может дожидаться Бога. Нищета, окружающая нас, уподобляется какой-то другой нищете, о которой говорит Господь в Нагорной проповеди. Жажда духовная похожа на жажду физическую; и наше упование на Бога в обыденной жизни похоже, наверное, на то упование, о котором говорит Господь в Нагорной проповеди.

Если сравнить разные переводы Библии на французский язык, то, наверное, в десяти из них словосочетание «нищие духом» будет передано по-разному; в переводах же на английский язык всегда сохраняется точный вариант: «нищие духом». Переводчики не пытаются истолковать это выражение, они просто сохраняют его в точном и не совсем понятном виде, как оно дано по-арамейски, по-гречески, на латыни, на русском и славянском языках. Но всё же есть какие-то способы проникнуть в смысл этого выражения. Как известно, в поэтических книгах Писания часто встречаются повторы: одна и та же мысль передаётся разными словами. Таким образом, в одной главе можно найти синонимические выражения, как, например, в начале известного псалма: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои. Многократно омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня... Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня...» (Пс 50:3, 4, 12).

Итак, «помилуй» и «изгладь беззакония мои», «омой... от беззакония» и «от греха моего очисти», «сердце чистое» и «дух правый» — почти синонимические выражения. Из этого и других примеров можно понять, что «сердце» и «дух» в поэтических книгах Библии — взаимозаменяемые слова. В Евангелии от Матфея Господь говорит: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас; возьмите иго Моё на себя, и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф 11:28-29).

«Смиренный сердцем» и «нищий духом» — тоже почти синонимы. Что значит «смиренный»? Это трудное слово — наверное, не менее трудное, чем слово «нищий» в библейском понимании. Ведь

мы часто толкуем слово «смиранный» как «покорный», «бессмысленно всему подчиняющийся». Но опыт Церкви показывает, что это не совсем верно. Животные часто бывают покорными, но это не значит, что они смиренные. У аввы Дорофея есть такая фраза: «Никто не может выразить словами, что такое смирение и как оно рождается в душе, если не узнает этого из опыта». Тем не менее митрополит Антоний Блум, человек, без сомнения, мудрый и глубоко укоренённый в восточно-христианской традиции, попытался выразить это словами. Он говорит, что не случайно слово «смиренный» (в латинском языке *humilis*) связано со словом *humus* — «земля, верхний плодородный её слой», потому что, действительно, земля ниже всего, её все топчут ногами, но в неё падает семя, согревается ею и даёт плод.

Таким образом, *humus* — это не просто земля, это плодородная земля, из которой вырастает плод, а плодоношение — один из важнейших моментов в жизни христианина. Тот, кто приносит плод в терпении, говорится в притче о сеятеле из Евангелия от Луки, — тот христианин. Так вот, смирение — это что-то связанное с духовным плодоношением: смиренный — тот человек, чьё сердце готово приносить плод в кротости. Теперь становится понятнее, о каком смирении идёт Речь. «Смиренный сердцем» или «смиренный, нищий духом» — это человек, готовый к духовному плодоношению, к тому, чтобы трудиться вместе со Христом.

Чтобы войти в Царство

Но у стиха о нищих духом есть и вторая часть — «ибо их есть Царство Небесное». Это выражение встречается ещё раз в Евангелии от Матфея, когда Иисус говорит: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне; ибо таких есть Царство Небесное» (Мф 19:14).

Царство Небесное — таких, как дети, которые закрыты ко лжи, ко злу, к злопамятности; таких, которые простодушны, как дети, и даже, может быть, глупы, как дети. Значит, «нищий духом» — как ребёнок; вот ещё один оттенок этого выражения. Не случайно во 2-й главе Евангелия от Матфея ключевое слово — «дитя», «ребёнок», «младенец». И не случайно Христос входит в жизнь человечества как Младенец на руках Своей Матери. Не менее десяти раз повторено слово «младенец» в этой главе, оно здесь действительно ключевое. Господь являет Себя как Младенца и нас зовёт попытаться стать подобными младенцам.

В том же Евангелии от Матфея, где Господь говорит, что Он Сам кроток и смирен сердцем, содержится молитва: «Слаблю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам» (Мф 11:25). «Младенцам» — это в Синодальном переводе, по-гречески же там употреблено существительное *νήπιος*, которое правильнее перевести не словом «младенец», а скорее «дурачок», «глупый», «простодушный, как младенец». И Господь открыт людям, простодушным той простотой, что сопоставима с простодушием маленького ребёнка.

О детях Христос говорит и в 18-й главе Евангелия от Матфея: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное» (Мф 18:3).

Чтобы войти в Царство Небесное — а для кого оно? для нищих духом! — надо обратиться (мы уже говорили о значении слова *тисува*: «обращение», «покаяние», «поворот») и сделаться — не быть, а именно *стать* — как младенец, как ребёнок, повернув с дороги от Бога на дорогу к Богу. Надо почувствовать, что сердце, которое бьётся в моей груди, похоже на сердце ребёнка, что в нём живёт простодушие ребёнка.

Среди псалмов есть один, который довольно плохо был понят переводчиками на греческий язык, авторами Септуагинты, и даже таким учёным и тонким переводчиком, каким был блаженный Иероним, переведший Библию, и в частности псалмы, на латинский язык. Поэтому 130-й псалом не сразу вошёл в церковную традицию: вплоть до появления новых переводов Ветхого Завета, сделанных

с иврита, Церковь проходила мимо него. Но в этом псалме говорится как раз о том, о чём у нас сегодня и идёт речь. «Господи! не надмевалось сердце моё, и не возносились очи мои, и я не входил в великое и для меня недосыгаемое. Не смирял ли я и не успокаивал ли души моей, как дитяти, отнятого от груди матери? душа моя была во мне, как дитя, отнятое от груди. Да уповаet Израиль на Господа отныне и вовек».

Как дитя, недавно отнятое от материнской груди, и должно быть сердце человека, который верует в Бога. Так возникает в Нагорной проповеди тема духовной детскости. Что же это такое? Мне кажется, правы те, кто выделяют в духовной детскости три основных момента. Во-первых, маленькие дети всё воспринимают как чудо, мир для них всегда удивителен и прекрасен. Во-вторых, дети быстро прощают и не держат злобы, они доверчивы, и почти всегда люди кажутся им близкими, «своими». Пока мы с вами делим людей на «своих» и «чужих», мы не христиане, потому что для христианина чужих и посторонних людей нет. И наконец, третье: дети чувствуют свою зависимость от старших и понимают, что не могут жить самостоятельно. Они могут не послушаться, но их бунт против родителей продолжается очень недолго: если они убежали без спросу на речку, то к обеду всё равно вернутся. У христианина тоже бывают моменты бунта, но он кончается очень скоро. К этому можно добавить ещё одно: ребёнок в силу своей неиспорченности и чистоты видит суть человека: к одним дети охотно идут, других сторонятся или пугаются. А у нас, взрослых, наша ментальность заслоняет суть человека, и на самом деле мы хуже понимаем людей, чем дети. Таким образом, духовная детскость — это ещё одно, что помогает понять выражение «нищие духом».

Довольно часто в Псалтири наряду с выражением «смиранный духом» встречается словосочетание «сокрушённый сердцем» (см. Пс 33, 108, 146 и др.). «Близок Господь к сокрушённым сердцем, и смиренных духом спасёт» (Пс 33:19). Выражение «смиранный духом» употреблено также в 29-й главе книги Притчей Соломоновых и в 57-й главе книги пророка Исаии, а в 66-й главе этой же книги есть словосочетание «сокрушённый духом».

Итак, «нищий духом», «смиранный сердцем», «сокрушённый сердцем», «смиранный духом», «сокрушённый духом» — довольно распространённые библейские выражения, но можно встретить и такие: «мудрый сердцем», «слабый сердцем» и даже «коварный сердцем». В греческом языке существительное в таких случаях стоит в дательном падеже (в латинской грамматике он называется *Ablativus limitationis*), указывающем на то, что в словосочетании «мудрый (смиранный) сердцем» имеется в виду не просто «мудрый» («смиранный»), а «мудрый (смиранный) в глубине своего "я"». В чём же тут различие? Просто смиренный человек может быть смиренным лишь внешне, а «смиранный духом» — смиренен в глубине своего «я».

«Сокрушённый сердцем» — это сокрушённый, сломленный человек, как может быть сломлено дерево. А «сокрушённый духом» — это расставшийся со своей гордыней в глубине своего «я», не внешне (ведь гордыня внешне очень часто как раз выражается в нарочитой униженности, не случайно мы говорим: «Унижение паче гордости»), но в самых глубинах своего сердца. Таким образом, «нищий духом» — это тот, кто не просто надеется на Бога, как ребёнок, но в самой глубине своего «я» надеется на Бога, как ребёнок. Вот что значит это выражение в контексте Библии.

Кто наследует землю

Во всех без исключения рукописях латинского перевода Библии после стиха «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное», идёт не «Блаженны плачущие, ибо они утешатся», как в греческой Библии, а «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю», и уже потом — «Блаженны плачущие...». Этот вариант, сохранённый именно всеми латинскими рукописями, в том числе и таким блестящим текстологом, каким был блаженный Иероним, заслуживает очень внимательного прочтения. Почему?

«Блаженны нищие духом...», а дальше — «Блаженны кроткие...». Но мы понимаем, что слово «кроткий» по смыслу очень близко словосочетаниям «смиранный сердцем», «нищий духом», «сокрушённый сердцем» — это очень схожие понятия. Не случайно Господь говорит: «...ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф 11:29).

«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Это Евангельское выражение взято из 36-го псалма, стих 11-й: «А кроткие наследуют землю, и наслаются множеством мира». Какую землю? Конечно, Землю Обетованную, Святую Землю. Но на языке Нового Завета Землёй Обетованной называется Царство Божие, или Царство Небесное. Значит, слово «земля» здесь как бы синонимично словосочетанию «Царство Небесное»: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное», «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю», то есть Землю Обетованную, или Царство Небесное. Одно и то же сказано дважды, как в классическом псалме из числа Давидовых, Кореевых и т. д.

«Наследуют землю...» Что означает слово «наследуют»? Оно очень любимо Евангелием. «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф 25:34). Наследуйте Царство, станьте наследниками, а не рабами (это уже Послание к Галатам: его основная тема — раб или сын, раб или наследник). Вы были рабами — стали сыновьями, детьми, наследниками. Наследовать может только сын, это очень важно понять, это ещё одна параллель ко второму полустушию стиха Нагорной проповеди «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Кроткие становятся наследниками Царства Божия, или Царства Небесного.

А что значит «блаженны»? Из слов, составляющих этот стих, мы не коснулись только его. Слово это хорошо известно из Ветхого Завета.

«Блажени, ихже оставишася беззакония и ихже прикрывшася греси...» — поём мы, совершая Таинство Крещения (Пс 31:1). «Блаженны непорочные в пути, холящие в законе Господнем» (Пс 118:1), «Блаженны живущие в доме Твоём» (Пс 83:5), «Блажен муж, боящийся Господа» (Пс 111:1), «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых» (Пс 1:1) и т. д. В псалмах десятки раз встречается это слово — «блажен», или *ашер*. И по-гречески, и по-латински, и на иврите, и на русском языке оно теперь почти ничего не значит. В греческом контексте это напоминает о так называемых «островах блаженных». Греки считали, что люди, прожившие благочестивую, достойную жизнь, такие, как Ахилл, Одиссей и др., не умерли, а пребывают где-то на «островах блаженных». Вот с чем связано, как говорят лингвисты, семантическое поле этого слова. Латинское *beati* — тоже не вполне ясное слово, переводят его иногда на современные языки как «счастливый», «блаженный», но это не совсем точно. Мы не знаем также, что значит на иврите слово *ашер*: видимо, что-то похожее на «близкий к Богу».

Как человек может быть «близким к Богу», мы способны узнать только из собственного опыта. «Близок Господь к сокрушённым сердцем, и смиренных духом спасёт» (Пс 33:19). Значит, близки к Богу, «блаженны» смиренные духом.

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся». О каком плаче идёт речь? Мы иногда говорим о ком-то: «У него глаза на мокром месте». Но здесь имеются в виду не меланхолики и не жертвы социальных притеснений, а те, кто жаждет духовного утешения. «Утешать» — одно из самых важных слов пророчества Исайи: «Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш» (Ис 40:1). «Истаевает душа моя о спасении Твоём... Когда Ты утетишь меня?» (Пс 118:81-82).

Симеон Богоприимец, «муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева» (Лк 2:25), говорит о Младенце, пришедшем в мир, чтобы дать жаждущим и ожидающим утешение. Блаженны те, кто всем сердцем ждут того момента, часа, когда Господь войдёт в их жизнь, ибо им действительно будет даровано и уже даруется это утешение. Вспомним также 125-й псалом, где говорится о том, как плач сменяется радостью: «Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью. С плачем несущий семена возвратится с радостью, неся снопы свои». В Евангелии от Иоанна Иисус

говорит ученикам в прощальной беседе: «...вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет» (Ин 16:20). Плач апостолов, печаль Страстей сменяется радостью Воскресения Христова.

«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». Мы знаем, что глагол «алкать» — «хотеть пить», «жаждать», «хотеть есть» — в русском языке требует при себе родительного падежа существительного (например, «хотеть воды»), а в Нагорной проповеди существительное стоит в винительном падеже. Значит, речь идёт не о какой-то частичной справедливости в отношении кого-то. Блажен тот, кто жаждет всей справедливости, какая ни есть на белом свете, — для всех и каждого, в полном объеме. А мы знаем, что такая воплощённая справедливость — Сам Христос. Блаженны алчущие и жаждущие Христа — того момента, когда Христос войдёт в их жизнь. Ибо Христос даст им Самого Себя под видом Святых Тайн, и они насытятся. Можно, таким образом, говорить о евхаристическом подтексте этого стиха Нагорной проповеди.

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». «Суд без милости не оказавшему милости», — воскликнет потом апостол Иаков (Иак 2:13). «Милость» — тоже очень важное слово в библейском языке. «Милость Божия», «любовь Божия» — любовь, которая, как дождь, проливается в наши сердца, чтобы мы отдавали её другим.

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». «Чистый сердцем» («Сердце чистое сотвори во мне, Боже» — Пс 50:12), «правые сердцем» («И похвалятся все правые сердцем» — Пс 63:11) — очень близкие понятия. Чистое сердце Господь созидает в нас, христианах, и об этом мы молимся.

«...Ибо они Бога узрят». А можно ли увидеть Бога? Нет, каждый знает, что Бог есть Бог невидимый, с этого как бы начинается религия, вера в Бога истинного. Можно увидеть Амона, Зевса, Юпитера и других богов, а Бога истинного — нельзя. «Бога никто никогда не видел», — говорит евангелист Иоанн (1 Ин 4:12). (С этого чтения начинается церковный год, потому что в понедельник Светлой седмицы, во время второй пасхальной Литургии, мы читаем именно этот текст). И тут же (и это не Ветхий, а Новый Завет!) — «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Налицо, казалось бы, противоречие. Но действительно, чистый сердцем может увидеть Бога и в Младенце на руках Его Матери, и в этом обычном, одетом в поношенный хитон раввине из Назарета — увидеть своим чистым сердцем. В Послании апостола Павла к Ефессянам есть выражение: «очи сердца» (1:18). Только очами сердца можно увидеть Бога — увидеть Его в Иисусе Христе. Как и все другие заповеди блаженства, эта заповедь вновь приковывает наше внимание ко Христу. Очень важно заметить парадоксальность этого стиха, и если она не бросается нам в глаза, то лишь потому, что мы плохо знаем Писание, где говорится: «Бога не видел никто никогда».

«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими». Кажется, это самое трудное для толкования из всех «блаженств». Как вы уже видели, к каждому из стихов Нагорной проповеди можно подобрать множество параллельных текстов из других частей Писания, а вот у этого стиха их нет, кроме одного — из книги Притчей Соломоновых. Там, причём не в наших изданиях, а только в Септуагинте, сохранился в нетронутom виде стих, несколько искажённый в Масоретской Библии и поэтому не совсем точно переведённый на русский язык. В Синодальном переводе сказано:

Кто мигает глазами, тот причиняет досаду,

а глупый устами преткнётся...

Независть возбуждает раздоры, но любовь покрывает все грехи.

*В устах разумного находится мудрость,
а на теле глупого — розга.*

*Мудрые сберегают знание, но уста глупого -
близкая погибель...*

*Труды праведного — к жизни,
успех нечестивого — ко греху*

(Притч 10:10, 12-14, 16).

Как видим, каждый стих здесь содержит противопоставление: участь глупого — участь мудрого, участь грешника — участь праведника и т. д. Если судить по греческому переводу, который был сделан с рукописей III в. до Рождества Христова, то первоначальный текст был такой: «Кто мигает глазами, тот рождает вражду, а обличающий готовит мир». Обличающий с глазу на глаз готовит мир — как в Евангелии от Матфея: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойд и обличи его между тобою и им одним...» (Мф 18:15).

Здесь об этом как раз и идёт речь — «блажен, кто готовит мир», «миротворец» — от греческого существительного «мир» и глагола «делать», причём греческий глагол *πιε'ο* замечателен тем, что обозначает труд того, кто работает до сельмого пота: ремесленника, каменотёса, плотника, гончара. Значит, блажен тот, кто не просто произносит какие-то слова, а именно трудится, подобно каменотёсу или плотнику, чтобы наступил шалом, мир — полное взаимопонимание, взаимопроникновение, полная открытость друг другу; вот такой человек и наречётся сыном Божиим. Но мы знаем, что Сын Божий — это Христос. Таким образом, и здесь в подтексте возникает Христос, Которому мы призваны уподобиться в нашем богосыновстве.

Награда на небесах

«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное». То, о чём прикровенно сказано в этом стихе — «за правду», прямо и открыто говорится в следующем: «за Меня». «Изгнанные за правду» — это те, кого гонят за Христа, мученики Христовы, мученики Церкви, ибо их есть Царство Небесное. Когда мы служим панихиду, то всегда вспоминаем о мучениках, которые нашли себе венцы в Царстве. И конец текста звучит, подобно победному гимну: «*Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесах*».

В церковнославянском переводе это звучит так: «Радуйтесь и веселитесь, ибо мзда ваша многа на небесах». Что такое «мзда»? Это слово нас несколько смущает, так как имеет отрицательный оттенок, например, в слове «мздоимство». А между тем это слово Олимпийских, Истмийских, Немейских и прочих спортивных игр. Оно означает награду, которую получает спортсмен. Иными словами, здесь содержится потрясающее сравнение христианина со спортсменом. Такое, которое с трудом укладывается в нашу концепцию христианства, воспринимающую спорт как нечто языческое, безбожное. Но ведь спорт — это борьба, притом борьба не с кем-то, а за что-то. Спорт — это борьба упорная, и мы знаем по вазописи и по текстам античных писателей, какую роль в жизни древних людей играли спортивные игры. Но, повторяю, это борьба не «против», а «за», борьба, которая не приносит никому смерти, никого не разрушает — если это спорт нормальный, многоборье, как было в древности, а не нынешний профессиональный спорт, когда человек развивает в себе какое-то одно качество, а остальные гибнут. Так вот, оказывается, что «мзда... на небесах» — награда победителю, нетленные венцы, подобные венкам, которые получает спортсмен.

Вы, конечно, помните, что говорил апостол Павел о брани невидимой. (Позже Лоренцо Скупполи напишет на эту тему книгу «Духовная брань», на рубеже XVIII-XIX веков Никодим Святогорец переведёт её на греческий язык, а святитель Феофан Затворник — с греческого на русский.)

Апостол Павел говорит: «...Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф 6:12). В греческом языке есть множество слов, обозначающих войну, брань, сражение. А здесь Павел

употребляет слово *pale*, от которого образовано существительное *палестра*. А что такое *палестра*? Место, на котором спортсмены состязаются друг с другом. Если бы это было сражение, когда бойцы поражают друг друга копьями, то было бы употреблено слово *mache* '. А здесь *pale* — схватка между борцами-спортсменами, которая кончается не убиением одного другим, а рукопожатием.

Более того, в Первом Послании к Коринфянам апостол Павел говорит: «Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить. Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы — нетленного. И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмиряю и порабощаю тело моё, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» (1 Кор 9:24-27). В греческом тексте на месте русского глагола «биться» употреблён глагол *πικτῶ*, обозначающий действия кулачного бойца.

Вот эта нота в Священном Писании — уподобление духовной жизни спорту — долго не замечалась. Но если её услышать, то станут понятными и выражения «невидимая брань», «мзда ваша многа на небесех». Мзда — это награда победителю, которая не унижает побеждённого и не приводит к его смерти.

Итак, «Радуйтесь и веселитесь, ибо мзда ваша многа на небесех». В этом восклицании слышен отзвук 10-го стиха 50-го псалма. «Дай мне услышать радость и веселие», а также первого и последнего стихов 31-го псалма: «Блажен, кому отпущены беззакония, и чьи грехи покрыты!» и «Веселитесь о Господе и радуйтесь, праведные; торжествуйте, все правые сердцем».

Как и все предыдущие стихи 5-й главы Евангелия от Матфея, этот последний стих пронизан ветхозаветным духом, ветхозаветной поэтикой, он весь, от начала до конца, библейский. Это вообще очень важная черта Евангелия: язык всего Нового Завета пронизан языком Ветхого Завета. Вся поэтика Евангелия — это поэтика Ветхого Завета. Без Ветхого Завета Евангелие понять невозможно.

Соль земли

«Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески несправедливо злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мф 5:11-12).

«Так гнали и пророков...» Действительно, из Ветхого Завета мы это хорошо знаем. Во Второй книге Хроник есть такой текст: «И Дух Божий облёк Захарию, сына Иодая, священника, и он стал на возвышении пред народом, и сказал им: так говорит Господь: для чего вы преступаете повеления Господни? не будет успеха вам; и как вы оставили Господа, то и Он оставит вас. И сговорились против него, и побиили его камнями, по приказанию царя (Иоаса), на дворе дома Господня» (2 Пар 24:20-21). И дальше: «И посылал к ним Господь, Бог отцов их, посланников Своих от раннего утра, потому что Он жалел Свой народ... Но они издевались над посланными от Бога, и пренебрегали словами Его, и ругались над пророками Его...» (2 Пар 36:15-16).

Как гнали пророков, говорит Спаситель, так и вас будут гнать, но «вы соль земли» (выделено мной. — Г.Ч.). Что это значит — «соль земли»? Вообще слово «соль» редко встречается в Писании. Но в Библии есть также выражение «завет соли». В книге Чисел Бог говорит: «Это завет соли вечный пред Господом, данный для тебя и потомства твоего...» (Числ 18:19). И ещё: «Не знаете ли вы, что Господь, Бог Израилев, дал царство Давиду над Израилем навек, ему и сыновьям его, по завету соли?» (2 Пар 13:5).

Когда мы кладём соль в пищу, то пища, во-первых, приобретает новый вкус, а во-вторых, не портится. Практика солить мясо вообще близка ближневосточной культуре. На юге, где всё быстро высыхает и портится, соль служит великолепным консервантом. В Библии слово «соль» употребляется

и в этом значении, и в то же время как обозначение вкусовой добавки. Соль предохраняет продукт от гниения, и она же придаёт ему вкус.

«Едят ли безвкусное без соли?...» — есть такое восклицание в книге Иова (6:6). А в книге пророка Варуха, известной только по-гречески (в числе книг второго канона), говорится о том, что без соли пища протухает, а благодаря соли сохраняется.

На этих двух принципах действия соли и держится выражение «завет соли». По завету соли отношения между Богом и людьми становятся *вечными*. Верующий должен сохранить мир в сердце своём в союзе с Богом. Через этот завет, союз, который заключён между Богом и верующим, в мире (во Вселенной) сохраняется мир — *шалом*, та полнота нашего взаимопонимания, вне которой Вселенная разрушается, разделяясь на враждующие между собой части, кланы и т. д. А по завету соли мир сохраняется. Подобно тому как соль предохраняет пищу от гниения, христианин предохраняет от разрушения мир. Но если соль потеряет силу, то её остаётся только выбросить, она ни на что больше не годна.

Свет мира

Вы не только «соль земли», но вы — «свет мира» (Мф 5:14). Как понять это выражение: «Вы свет мира», когда Христос в Евангелии от Иоанна прямо говорит: «Я свет миру» (Ин 8:12)? Все знают эти слова, потому что на иконах Господь изображается с открытым Евангелием, на котором написано: «Я свет миру».

Когда евангелист говорит в прологе «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин 1:5), то о каком свете идёт речь? «Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин 1:9). Конечно, здесь речь идёт о Христе, Который всякого человека, входящего в мир, освещает и просвещает. И вдруг такое неожиданное заявление: «Вы свет мира».

«Свет к просвещению язычников» в молитве Симеона Богоприимца — это тоже Христос (Лк 2:32). А тут — «Вы свет мира». Но христианин идёт за Христом, он есть подражатель Христу. Если Христос — свет миру, то и всякий христианин. Действительно идущий за Христом, становится светом мира. Это очень важный момент.

Дом на камне

«Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его», — восклицает Спаситель, подразумевая Матерь Божию (Лк 11:28). «Блажен ты, Симон, сын Ионин; потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах», — говорит Иисус, обращаясь к Петру, в ответ на его слова «Ты Христос» (Мф 16:17).

Когда мы читаем: «Блажен ты, Симон...», то как-то сразу вспоминаем «Блаженны нищие духом...», «Блаженны плачущие...», «Блаженны кроткие...». «Блажен ты, Симон», потому что открыл тебе это «Отец Мой, сущий на небесах».

Ты камень, говорит Петру Спаситель, «и на сем камне Я создам Церковь Мою». Ты камень... Но из Ветхого Завета мы знаем, что камень, скала Израиля, твердыня — это Бог (2 Цар 22:2-3). «Он твердыня», — восклицает Моисей (Втор 32:4). «Господь твердыня моя и прибежище моё, Избавитель мой, Бог мой, — скала моя; на Него и уповаю» (Пс 17:3). Здесь сказано: Ты камень, Ты скала. Апостол постоянно напоминает нам о том, что Господь — камень, скала. А Сам Иисус говорит Петру: ты камень.

Мы знаем из Евангелия от Иоанна, что Господь — это свет, а Господь обращается к нам, говоря: вы свет мира, хотя нам известно, что свет миру — это Он. Всё это есть не что иное, как призыв

подражать Христу. Если Иисус говорит, что Он камень, то и каждый из нас должен стать камнем. Если Он говорит: «Я свет миру», то и каждый из нас должен стать светом для мира. Иначе мы не будем Его подражателями, Его учениками, христианами.

Нагорная проповедь кончается рассказом о двух домах: одном — построенном на песке, а другом — на камне, на скале. Камень — это Пётр, потому что он подражает Христу. Но скала — Сам Христос. Дом на скале — это Церковь, это Дом, краеугольным камнем которого является Христос.

«И на сем камне Я создам Церковь Мою...», — говорит Христос в 16-й главе Евангелия от Матфея, а в 7-й главе — о скале, то есть тоже о Церкви, но несколько прикровенно. И этот Дом на скале — Церковь — «врата ада не одолеют». А дом на скале из Нагорной проповеди? На него обрушатся воды, но он не упадёт, потому что основан на камне, на скале. Вода в Библии символизирует смерть. Значит, и врата ада не разрушат этот Дом.

Таким образом, текст об исповедании Петра из 16-й главы Евангелия от Матфея надо читать в связи с Нагорной проповедью, так как он глубочайшим образом укоренён именно в первых словах проповеди Христовой. И когда некоторые протестантские экзегеты, как бы желая унизить Рим и апостола Петра, говорят, что это позднейшая вставка, они, конечно, не правы. Это политизация евангельского текста. Попытка оперировать текстом в целях церковной политики не выдерживает критики, потому что этот текст глубочайшим образом укоренён в Нагорной проповеди.

«А Я говорю вам...»

Далее Господь начинает разговор о заповедях. И, обратите внимание, говорит по одной формуле: «Не кради», «Не убивай», «Не прелюбодействуй»... И продолжает: «А Я говорю вам...» — тогда как все ветхозаветные пророки, никогда не подчёркивая своего «я», возвещали: «Так говорит Господь», тогда как раввины в Талмуде всегда говорят: «Есть такое мнение, что...», тогда как Сократ советует своим ученикам: «Поменьше думайте о Сократе, а побольше об истине». Господь же произносит: «А Я говорю вам...»

Эта формула — «Я говорю вам» — повторена в Нагорной проповеди пять раз, причём в греческом языке, если глагол стоит в 1-м лице единственного числа, то местоимение «я» не употребляется, оно лишнее. Но в Нагорной проповеди оно обязательно присутствует.

На *ego* делается логическое ударение: «А Я говорю вам...» Иными словами, христианство не есть какое-то учение, которое может существовать независимо от личности Того, Кто его преподаёт. Философия Канта и без Канта остаётся стройной системой. Учения Гегеля или Хайдеггера и без них не утратят своего смысла. И есть люди, которые, будучи последователями философии Мартина Хайдеггера, отрицательно относятся к нему самому, потому что на склоне лет он вступил в фашистскую партию и написал несколько статей, восхваляющих Гитлера. Действительно, это крайне неприятный факт биографии философа, но его система от этого не пострадала. Она живёт уже как бы помимо его личности.

А Евангелие отдельно от личности Христа не существует, теряет всякий смысл. Таким образом, слово *ego* играет здесь какую-то совершенно особую роль. Когда Сократ говорит: «Поменьше думайте о Сократе, побольше об истине», — то он как бы подчёркивает, что истина существует помимо людей, помимо его, Сократа, помимо его ученика Платона и т. д. Когда Аристотель восклицает: «Платон мне друг, но истина дороже», — он тоже говорит о том, что истина существует помимо его учителя.

В Евангелии всё по-другому. Иисус Сам есть воплощённая Истина. По определению искусствоведа Г. Вагнера, это «личностное воплощение Абсолюта». И именно по этой причине интеллигенту часто бывает очень трудно прийти в Церковь: ведь он, человек, воспитанный на античной философии и новоевропейской науке, привык, что истина существует сама по себе, что она

не воплощается, что она абстрактна, как бы отделена от людей. А в христианстве вся истина воплощена в лице Спасителя.

Вот где проходит граница между Афинами и Иерусалимом. Для Афин истина существует помимо человека, для Иерусалима она воплощена в лице Сына Божиего. Это центральный момент христианства.

Но в этой части Нагорной проповеди есть не только слово «Я», повторённое пять раз в формуле «А Я говорю вам...». Здесь есть ещё одно слово, которое, с точки зрения грамматики греческого языка, в тексте тоже лишнее, но в данном случае ключевое. Это слово «вы».

Такое построение текста на двух полюсах: «Я» — «вы» — особенно заметно, когда читаешь Нагорную проповедь по-гречески. Во всех других переводах этот оттенок исчезает. Из греческого же текста видно, что вся Церковь построена на отношении между «Я» Христа и «вы» Церкви — каждого из тех, кто ее составляет.

Вне этих взаимоотношений никакой Благой Вести нет и быть не может. И, может быть, именно поэтому последним и ключевым стихом этой части Нагорной проповеди становятся слова: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5:48). Несомненно, речь здесь идёт о подражании Богу. Каждый человек должен быть подражателем Ему. Вне этого жизнь теряет смысл.

В общем, наверное, каждому, кто хоть сколько-нибудь начитан в Библии, понятно, что слова эти — «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» — восходят к ключевому стиху в книге Левит, который повторён там как минимум четыре раза: «Будьте святы, ибо Я свят» (Лев 11:44, 45; 19:2; 20:7).

Святость, о которой говорится в книге Левит, — это прежде всего чистота. Чистота ритуальная и чистота вообще, символом которой является чистота ритуальная.

В Нагорной проповеди употреблено слово «совершенны», что значит «предел», «конец». Но конец не в значении английского *finish* или *end*. Не тот конец, когда, например, кончается фильм и в титрах написано: «End». Это совсем другой конец. Это когда сосуд наполнен доверху. Это полнота. «Будьте совершенны» означает «будьте полны», «будьте наполнены», «будьте совершенны в жизни по заповедям». Господь говорит богатому юноше: если хочешь быть совершенным, пойди и продай всё, что имеешь, и раздай нищим (см. Мф 19:21). Там употреблено то же самое слово. Значит, «совершенный» — это «исполняющий заповеди», «живущий по заповедям». Теперь слово «совершенный» становится более понятным, чем в Ветхом Завете, но всё же не до конца.

В третий раз это выражение встречается в Евангелии от Луки. В греческом переводе, правда, употреблено слово «делайтесь»: «Делайтесь милосердны, как Отец ваш милосерд».

Слово «милосерд» — это калька с латинского «сжалиться сердцем», «жалеть изнутри». Оно передаёт греческое слово *оикти'рмон*, но не вполне. И чтобы понять, что же скрыто в глубине этого призыва — «Будьте совершенны», «Будьте милосердны», надо подумать о том, что стоит за словом «делайтесь». Во-первых, это означает: идите вперёд, не оставайтесь такими, каковы вы сегодня, не считайте, что путь закончен, а идите по этому пути и делайтесь лучше. Слово *оиктирмон* происходит от *ойктос* — «сочувствие», «сострадание», плач и сетование о чужой боли. У Гомера часто употребляется это выражение. Один из героев «Одиссеи» рассказывает о своей судьбе, и этот *ойктос* охватывает всех ахейцев. Боль о чужой беде — вот что такое *ойктос*. Таким образом, слово *оиктирмон* можно перевести как «открытый к чужой боли»: будьте (делайтесь) открытыми к чужой боли, как открыт к ней Отец наш Небесный. Вот каков смысл слова «совершенный». «Открыты» — не то же, что «совершенны» в какой-нибудь восточной традиции, когда религия превращается в теорию самосовершенствования. В Евангелии нет этой идеи. Здесь — будьте открыты к боли другого. Это и есть христианство.

Милостыня

В начале 6-й главы Евангелия от Матфея Иисус говорит о милостыне, о молитве и о посте. Из опыта собственной духовной жизни и из опыта Церкви в целом мы знаем, что милостыня, молитва и пост — это три основных составляющих, на которых держится жизнь всякого христианина и без которых она просто невозможна.

Слово «милостыня» поддается переводу с греческого языка с очень большим трудом. Даже блаженный Иероним, будучи блестящим переводчиком и великолепным знатоком обоих языков, переводя Евангелие на латынь, не смог найти латинский эквивалент для греческого *элемосины* и в конце концов просто оставил это слово в Вульгате без перевода. Во французском языке, как это ни парадоксально, тоже не нашлось слова, аналогичного этому греческому термину. Во французских переводах Писания использовано слово *aumone*, которое происходит от средневекового латинского *alemosina*. В английском языке слово *alms* (милостыня) тоже происходит из латыни и не даёт поэтому ничего нового для понимания самого этого явления, не отвечает на главный для нас вопрос: милостыня — что же это значит? Похоже, это нечто такое, что до появления Евангелия европейскому, а следовательно, и античному менталитету было принципиально неизвестно.

Поэтому единственным источником, который нам может чем-то помочь, оказывается древнееврейский оригинал Ветхого Завета. Здесь слову, которое по-гречески звучит как *элеос*, т. е. «милость», соответствует слово *хесед* — «любовь Божия». *Хесед Яхве* — это милость Божия, которая проливается в сердца людей подобно дождю, той живительной влаге, без которой всё очень быстро погибает. Если милость Божия, пролитая в наши сердца, по нашей собственной доброй воле переливается в сердца других людей, добровольно отдаётся нами другим. — это и есть милостыня. Она подобна дождевой воде, которая, собранная во время ливня, попавшая с небес в сосуды, может быть перелита из них куда угодно.

Становится ясно, что мы тогда творим милостыню, когда, по примеру Самого Иисуса (см. Ин 13:13-15) отдаём другим то, что даёт нам Бог. Иисус в Евангелии настаивает на том, чтобы милостыня была тайной: «У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Мф 6:3). Иной раз в церковной практике это понимается буквально — бывает, что бабушки сердятся, когда кто-то передаёт деньги во время службы левой рукой. Но говорится тут, конечно, не об этом, а о вещах несравнимо более важных. Отдавая деньги, ты не должен задумываться, запоминать, кому и сколько отдал, не должен фиксировать этот факт в памяти и подсчитывать, во что оценивается твоя доброта и твоя вера. Ты можешь дать немного, и об этом хорошо говорит в Ветхом Завете книга Товита: «Давай алчущему от хлеба твоего и нагим от одежд твоих; от всего, в чём у тебя избыток, твори милостыни, и да не жалеет глаз твой, когда будешь творить милостыню» (4:16). Если ты богат — твори много, если беден — не бойся творить милостыню понемногу. Верующее сердце может сразу, не размышляя, понять, сколько я могу сегодня дать. Главное — не задумываться. Вот что такое милостыня, которая втайне. Она совершается втайне не только от других, но и от себя самого.

И Господь, Который знает тайное, воздаст тебе. Причём не воздаст тебе явно, как говорится в позднейших рукописях, а воздаст каждому по-своему: кому-то явно, а кому-то ещё более тайно. Что вообще значат слова «И Отец твой, видящий тайное...»? Иногда мы толкуем их, полагая, что Бог как бы наблюдает за нами, за каждым нашим шагом. Замечательный, хотя в высшей степени противоречивый и даже несчастный мыслитель XX в. Ж. П. Сартр признавался, что именно на этом «сломалась» его вера. Он с детства знал, что Господь видит тайное. И когда он прожёл дома ковёр и боялся сказать об этом матери, то сначала думал, что Бог накажет, ибо Он видит тайное. Но потом решил, что Бог, раз Он его не наказал, ничего не видел, и так избавился и от животного страха перед Богом и матерью, под гипнозом которого жил первые дни после совершённого проступка, и одновременно от веры, к которой уже больше не вернулся до самого конца своей жизни. Вера,

основанная на страхе перед Богом, Который всё видит, обречена. В какой-то момент своей жизни человек непременно расстанется с ней, как избавляются от детских страхов и выздоравливают от болезней.

«И Отец твой, видящий тайное...» — так говорит Иисус, имея в виду что-то другое. Что именно? Да, Бог знает тайны нашего сердца, причём знает даже те тайны, которых мы сами не знаем; Он видит в нашем сердце то, чего мы сами не видим. Он видит глубже, чем видим мы: не то, что мы пытаемся скрыть от других, а то, чего ещё не видим сами. Так, например, в сердце закоренелого преступника Бог видит то, что поможет этому человеку преодолеть свою греховность, выкарабкаться из ямы, в которую загнали его жизнь и равнодушие людей вокруг.

Бог много глубже, чем сам человек, смотрит внутрь каждого из нас. Поэтому, когда три раза подряд в 6-й главе Евангелия от Матфея повторяется выражение «эп крипто» — «втайне, тайное», Христос обращает здесь наше внимание на живую, интимную, глубоко внутреннюю связь, которая соединяет каждого из нас с Богом. Но речи о том, что Бог наблюдает за нами, как зритель за игрой актеров, здесь и в помине нет. У Н. Гумилёва в одном из стихотворений говорится: «Все мы смешные актеры в театре Господа Бога». Это, конечно, неверно. Поэт в жизни был человеком удивительно чистой веры, но богословом оказался слабым.

Бог знает наше сердце. Он, как говорит св. Иоанн Златоуст в Слове Огласительном, которое читается в день Пасхи, «намерение целует», т. е. видит то, что живёт в глубине моего «я», — видит и целует. Исходя из этого, Господь зовёт нас творить милостыню, давать, ибо это блаженнее, чем получать (см. Деян 20:35), и вообще не медлить с помощью тем, кто в этом нуждается. В книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, Бог зовёт нас тратить серебро для брата и для друга и не давать ему заржаветь (см. Сир 29:13).

Деньги надо зарабатывать и тратить, но, главное, как можно меньше о них думать. Идя этим путём, человек никогда не споткнётся. Хорошо об этом сказано в Псалтири: «...Когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца» (Пс 61:11). В богатстве как таковом ничего дурного нет, но когда мы в подсчёт денег включаем глубины своего «я», нам неминуемо грозит беда.

Не случайно слово «милостыня» такое трудное, естественно и то, что оно не поддаётся переводу. Милостыня — не просто отчисление какого-то процента от своих доходов в пользу бедных, не просто десятина — это нечто значительно большее. Она связана с отдаванием именно Божьего — того, что Даровано нам Самим Богом, — другим людям, тем, кто нас окружает. Это явление не физическое, а мистическое — явление, в которое включено сердце, часть делания, совершаемого «втайне», и не случайно в Нагорной проповеди это выражение повторяется так часто.

Молитва

Подавай милостыню и молись — вот к чему призывает нас Иисус. Как молиться? «Войди в клеть твою», — говорит Он, начиная свою беседу. Причём в славянском варианте сказано именно про клеть, а не просто про комнату, как в русском переводе. Слово, которое использовано в греческом тексте Евангелия, обозначает не жилую комнату, а чердак, амбар, склад, чулан, вообще помещение без окон, где люди обычно не живут, — свв. Кирилл и Мефодий, как всегда, заметили что-то такое, мимо чего прошли потом переводчики нового времени.

«Войди в клеть твою». Это ответ на вопрос, как и где нам следует молиться, когда, например, мы, люди разных возрастов и интересов, живём в однокомнатной квартире. Нам не следует мешать друг другу отдыхать, смотреть телевизор или заниматься какими-то другими делами. Для молитвы достаточно «клетей», молясь в которой, мы не будем мешать нашим близким или смущать их. Клетью этой, в конце концов, может стать наше собственное сердце.

Здесь говорится о том, что не надо молиться публично, демонстрируя своё благочестие, как любили делать фарисеи, останавливаясь для молитвы на углах улиц. Они уже получают награду свою, говорит Христос, а вы молитесь тайно. Тогда эта тайная молитва действительно будет приношением сердца, потому что в молитве тайной, в келети своей, запертой на замок, человек раскрепощается от условностей. Не случайно же в православных храмах принято выключать свет и гасить свечи, когда читается Шестопсалмие, — чтобы люди могли не стесняясь поплакать, встать на колени. В больших соборах всегда есть какое-то место, где можно укрыться от посторонних глаз, особенно во время вечерней молитвы. Встать в нишу, где сможешь открыть сполна сердце Богу, уйти в келью не только в прямом, но и в переносном смысле слова, в глубину своего «я», — вот что нужно для молитвы.

«А молясь, не говорите лишнего...» В греческом варианте употреблено слово *баттолого*, что значит «говорить вздор», «бормотать», «произносить непонятные слова» и т. п. Что имеет в виду Иисус? В древности во всех религиях, практически у всех без исключения народов молитвы переходили из поколения в поколение, передаваясь по наследству от дедов и прадедов. Поэтому, как правило, в них сохраняется тот язык, который уже утрачен людьми следующих поколений. Скажем, римляне во времена Цицерона и Цезаря говорили на одном языке, вполне современном, а молились на другом — на языке VII в. до Р. Х., времён Ромула и той эпохи, о которой они, в сущности, уже ничего не знали. Поэтому образованный римлянин, знавший, естественно, как разговорный, так и литературный латинский, просто не понимал, о чём он молится. Арабы и наши российские мусульмане и сегодня молятся на языке Корана, не зная древнего арабского языка. Иудеи по всему миру, не понимая иврита, молятся на нём, повторяя слова молитв, механически заученных на память.

Христос предлагает нам другой путь: молитесь на том языке, на котором вы говорите. Не на иврите, который вы плохо знаете, а на своём — арамейском. Сам Он говорит и проповедует *только по-арамейски.*

Скажите несколько слов, но на своём родном языке. Что же касается молитвы, которая совершается на языке чужом или малознакомом, то к ней необходимо относиться крайне осторожно. Заучив на память, затвердив такую молитву, человек начинает повторять её нараспев как нечто непонятное, чудесное, гипнотизирующее, вводящее в состояние особой лёгкости и какого-то особого упоения. Происходит не встреча с Богом, а нечто совсем другое: самогипноз. Вот почему Иисус нас предупреждает: молясь, не говорите слов, которые не понимаете. Молиться можно только своими, простыми, «детскими» словами, понимая, о чём мы просим Бога.

«Когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови», — говорит Господь устами пророка (Ис 1:15). Когда мы молимся, мы должны стремиться изменить себя, преодолеть свои слабости, стать другими. Нельзя механически повторять слова молитвы и не пытаться переделать свою жизнь. Мы должны отказаться от зла. «Не повторяй слова в прощении твоём», — говорится в книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова (7:14). Иными словами, не будь многословен в твоём молении. Об этом же говорится и в книге Екклесиаста «Не торопись языком твоим, и сердце твоё да не спешит произнести слово пред Богом» (5:1).

Иногда нам кажется необходимым прочитать всё Правило — быстро, невнимательно, но до конца. А лучше будет прочитать две-три молитвы, но так, чтобы каждое слово, каждая буква их прошли через сердце, вышли из глубин нашего «я».

Молитва, в сущности, не есть повторение слов — это не заклинание. Когда язычники молились на архаической латыни, не зная её и зачастую вообще не понимая, о чём в той или иной молитве идёт речь, смысл того, что они делали, заключался в самом произнесении слов. Когда колдуны бормочут свои молитвы, им тоже представляется важным произнести слово. В сказке В. Гауфа «Калиф-аист» тот, кто произносил латинское слово *мута'бор*, сразу превращался в то животное, облик которого хотел почему-то принять. Молитва, к которой призывает нас Христос, ничего общего с таким заклинанием не имеет. Молитва Его, по сути, есть уход в безмолвие.

Когда-то Ф. Мориак хорошо сказал о том, что молитва — это *piste d'envol*, т. е. взлётная полоса. Самолёту, чтобы он взлетел, необходимо пробежать как минимум пятьсот метров по бетонной дорожке, но дальше она ему уже не нужна, он летит без неё. Чтобы прикоснуться к реальности Бога, начать диалог с Ним, нужны слова, но потом необходимость в них отпадает. Задолго до Мориака о том же говорил православный святой Феофан Затворник, сравнивавший молитву по молитвослову с прописями, которые необходимы, чтобы научиться правильно и красиво писать. Когда же ты этому научишься, говорил он, тебе уже не потребуются образцы, ты сможешь молиться своими словами, а потом — и вовсе без слов.

Конечно, ничто так не открывает сердца, как молитва «Богородице Дево, радуйся...» или Иисусова молитва, а иногда просто один или два кратких стиха из того или иного псалма. Тем более что Бог, как говорит Иисус в Нагорной проповеди, знает, в чём вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него. И задача в молитве — не умножать слова, а поставить себя в присутствии Божие, почувствовать трепет, открыть для себя, что Он здесь, что земля, на которой ты стоишь, святая.

У мусульман принято входить в мечеть, сняв обувь, не навязывая Богу шума своих шагов. Это действительно замечательный обычай, который восходит к Ветхому Завету. Господь говорит Моисею из неопалимой купины: скинь обувь, не навязывай мне своего шага, прислушайся к тому, что говорю тебе Я. «И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исх 3:5).

Прекрасно говорит о молитве митрополит Сурожский Антоний: «Дайте Богу сказать, не заглушайте Его голос своими молениями, помолчите, когда молитесь».

В Талмуде описывается, как в древности благочестивые люди, прежде чем начать молиться, час пребывали в молчании. Молчание важно и для каждого из нас, потому что иначе мы не войдём в присутствие Божие. Слово «час» не обязательно понимать в астрономическом значении — на деле это могут быть три-четыре минуты, но обязательно иметь в виду, что какое-то время для молчания абсолютно необходимо каждому.

Отче наш

Далее Господь предлагает нам слова Своей молитвы, которую знают все: «Отче наш, Иже еси на небесах!» Очень важно сравнить слова этой молитвы в Евангелии от Матфея со словами той же молитвы в Евангелии от Луки. Если мы пользуемся Синодальным переводом, то сделать это невозможно — там текст Евангелия от Матфея полностью перенесён в Евангелие от Луки. Поэтому надо брать перевод под редакцией епископа Кассиана или перевод на один из современных языков и по ним сопоставлять два текста молитвы «Отче наш».

«Отче наш, Который на небесах!» — в Евангелии от Матфея (6:9), и только одно слово «Отче!» в Евангелии от Луки.

Здесь и далее в этой главе цитаты из Евангелия от Матфея и Евангелия от Луки приводятся по переводу Нового Завета под редакцией епископа Кассиана (Безобразова).

«Да святится имя Твоё. Да придёт Царство Твоё» — в обоих случаях. А дальше — только у Матфея: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе». «Хлеб наш насущный подавай нам сегодня» — у Матфея, у Луки в несколько иной форме, но полностью присутствует это же прошение. Точно так же полностью, но немного в разных вариантах: «И прости нам долги наши, как и мы простили должникам нашим» — у Матфея, «И прости нам грехи наши, ибо и мы сами прощаем всякому, кто должен нам» — у Луки. Последний стих начинается словами: «И не введи нас во искушение» — на этом кончается молитва у Луки. «Но избави нас от лукавого» — появляется в конце молитвы у Матфея. И дальше здесь же возглас: «Ибо Твоё есть Царство и сила и слава во веки», — который есть в

средневековых рукописях, но отсутствует в древнейших, относящихся к IV в.: Синайской и других. Он пришёл из литургической практики. В первый раз этот возглас встречается в Библии в Первой книге Хроник (1 Пар 29:11-13).

Что же получается? Молитва в Евангелии от Матфея состоит из пяти двустушии, это стройная поэтическая структура. У Луки же этих двустушии нет. Если вы перепишите молитвы как стихи, то увидите, как дополняется текст Евангелия от Луки вставками, которые есть у Матфея. И сразу молитва приобретает поэтическую форму, легче запоминается, потому что стихи всегда легче усваиваются, чем проза.

Полустих «Да придёт Царство Твоё» из Евангелия от Луки дополнен у Матфея вторым, параллельным: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе». Так же и последний полустих «И не введи нас во искушение» дополнен второй половиной: «Но избавь нас от лукавого». Вторая половина стиха всегда пересказывает содержание первой, но несколько иначе. Оказывается, молитва составлена по правилам библейской поэзии — из двустушии.

Что касается вставок из Евангелия от Матфея, то все они взяты из Ветхого Завета. Так, слово «наш» при слове «Отче» взято из книги пророка Исайи: «Только Ты — Отец наш; ибо Авраам не узнаёт нас, и Израиль не признаёт нас своими; Ты, Господи, Отец наш, от века имя Твоё: "Искупитель наш"» (63:16).

«Отче наш, Который на небесах» — это слова из книги Екклесиаста: «Не торопись языком твоим, и сердце твоё да не спешит произнести слово пред Богом; потому что Бог на небе, а ты на земле; поэтому слова твои да будут немноги» (5:1). «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе». Это выражение отчасти взято из названного выше места книги Екклесиаста, отчасти — из Первой книги Маккавейской: «А какая будет воля на небе, так да сотворит!» (3:60).

Вообще молитвенное восклицание «Да будет воля Твоя» легко обнаружить практически на всех страницах Сидура, иудейского молитвенника, по которому до сих пор ежедневно молятся верующие иудеи. Это одна из самых распространённых молитв Сидура. В молитве «Отче наш» она дополнена цитатой из Екклесиаста.

Следующие стихи — «Хлеб наш насущный дай нам сегодня. И прости нам долги наши, как и мы простили должникам нашим» — звучат приблизительно одинаково у Матфея и у Луки. Последний полустих у Матфея — «И не введи нас во искушение» — дополнен полустушием «Но избавь нас от лукавого», взятого из книги Премудрости Соломона (16:8).

Из каких источников дополнена молитва «Отче наш» и превращена тем самым в стройный поэтический, легко запоминающийся текст, было показано выше, это понять нетрудно. А что представляла она собой первоначально? «Отче!» — восклицает Иисус в самом начале. Из Евангелия от Иоанна мы знаем, что иудеи «ещё более искали убить Его» за то, что «Он не только нарушал субботу, но и Отцем Своим называл Бога, Делая Себя равным Богу» (5:18). Внимательного читателя, знакомого с Библией по русскому переводу, это замечание должно бы смутить. Почему за это хотели убить Иисуса, если в процитированном выше отрывке из книги пророка Исайи и во многих других местах Писания пророки многократно называют Бога Отцом?

Например, у Иеремии говорится: «Не будешь ли ты отныне звать ко Мне: "Отец мой! Ты был путеводителем юности моей!.."» (3:4). Или во Второзаконии: «Не Он ли Отец твой, Который усвоил тебя, создал и устроил тебя?» (32:6). Далее — у пророка Исайи: «Но ныне, Господи, Ты — Отец наш... и все мы — дело руки Твоей» (64:8).

И вновь пророк Иеремия: «Они пошли со слезами, а Я поведу их с утешением; поведу их близ потоков вод, дорогою ровною, на которой не споткнутся; ибо Я — отец Израилю, и Ефрем — первенец Мой» (31:9).

«Изречения отцов» («Пирке Авол»), книга, содержащая поучения мудрых раввинов, часто печатающаяся в иудейских молитвенниках, служит как бы обязательным дополнением к Сидуру. Она была известна прежде и известна до сих пор каждой иудейской семье. Один из её авторов говорит: «Будь дерзок, как леопард, стремителен, как орёл, быстр, как олень, и силен, как лев, чтобы выполнять волю Отца твоего, Который на небесах». И далее приводится молитва: «Да будет воля Твоя, предвечный Боже наш и Боже отцов наших» (5:25). Поразительно, но уже здесь есть ядро, из которого вырастет позже, в молитвенной практике Христа и Его учеников, молитва «Отче наш».

Иудеи хотят убить Иисуса за то, что Он называет Отцом Своим Бога. Но Исайя, Иеремия и другие пророки говорят то же самое — однако их за это не хотят убить! В чём же здесь дело? Понять это необходимо. В том, что Иисус в молитве «Отче наш» называет Бога вовсе не Отцом. Он называет Его словом *Абба*, с которым обращаются к своим отцам маленькие дети. За это и хотят Его убить — за то, что Он обращается к Богу без трепета, употребляя это странное, непонятное, уместное лишь дома, в интимном общении, в устах маленького ребёнка, слово. До сих пор в арабских странах дети, обращаясь к отцу, говорят *джаба, абба* — дети, но не взрослые сыновья, в устах которых такое обращение звучит нелепо. Слово *абба*, лежащее в сердцевине тех отношений с Богом, к которым зовёт нас Иисус, уместно в устах ребёнка, когда он сидит на коленях у папы, но никак не в устах взрослого. Вот за это Его и хотят убить! Вот какую новую ноту вносит Господь в наш диалог с Богом! Стань ребёнком, обращайся к Богу, как ребёнок обращается к отцу. И тогда ты поймёшь, что такое христианство, что такое молитва, которой нас учит Христос.

«Да святится имя Твоё...» На первый взгляд, эта фраза почти не поддаётся пересказу. Однако и в её смысл необходимо вникнуть как можно более серьёзно. Страдательный залог в Писании употребляется, как правило, в одном случае, — когда речь идёт о Боге, чтобы не употреблять имя Его всуе. «Блаженны милостивые, ибо они будут помилованы». Помилует их кто? Господь. «Блаженны скорбящие, ибо они будут утешены». Утешены кем? Богом. «Блаженны миротворцы, ибо они будут названы сынами Божиими». Кто наречёт их сынами Божиими? Сам Бог. «Не судите, чтобы и вы не были судимы; ибо, каким судом судите, таким будете судимы», и Сам Бог осудит вас.

Можно привести аналогичные примеры из Ветхого Завета, особенно из притч. Везде, где употребляется страдательный залог, имеется в виду, что действие осуществляет Сам Бог. Это значит, что на современном русском языке вместо «Да святится имя Твоё» надо бы сказать «Святи имя Твоё».

Это уже понятнее, потому что в книге пророка Иезекииля есть такое место: «И освящу великое имя Моё, бесславимое у народов, среди которых вы обесславили его, и узнают народы, что Я Господь... когда явлю на вас святость Мою перед глазами их» (36:23). Из этого стиха можно выделить две параллельные структуры, два параллельных стиха, дублирующих друг друга: «освящу имя Моё» и «явлю святость Мою». Разными словами они говорят об одном и том же.

В Евангелии от Иоанна Иисус несколько раз восклицает: «Я открыл имя Твоё...» (17:6, 26), т. е. «Я сделал известным имя Твоё», или: «Прославь имя Твоё...» (12:28). Значит, святить имя Божие — то же, что открыть. Когда мы обращаемся к Господу: «Святи имя Твоё», это означает, что мы просим: «Открой имя Твоё», «Яви имя Твоё людям».

Бог, как говорится в молитве, читаемой во время евхаристического канона, перед пением гимна «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф», «неизреченен», т. е. о Нём нельзя сказать, «неведом» — Его нельзя понять, «невидим» — Его нельзя увидеть, «непостижим» — Его нельзя ни изобразить, ни представить в уме.

Имя Божие — вот то единственное, во что вмещается представление о Боге. Имя Божие — как икона, как храм. Бог живёт в храме, вмещается в Своё имя. Имя Божие заменяет икону.

Бог являет Себя людям. Как? Открывая Своё имя.

Что Моисей говорит Богу у купины? Люди не поверят мне, спросят, как Твоё имя. И тогда Бог открывает Моисею Своё имя: Яхве — Сущий, Тот, Который есть и будет.

Значит, через имя Бог являет и открывает Себя людям. Имя Божие — это, в сущности, Сам Бог.

Во Второзаконии есть замечательный текст, который поможет нам до конца понять прошение «Да святится имя Твоё» «И разрушьте жертвенники их, и сокрушите столбы их, и сожгите огнём рощи их, и разбейте истуканы богов их, и истребите имя их от места того. Не то должны вы делать для Господа, Бога вашего; но к месту, какое изберёт Господь, Бог ваш, из всех колен ваших, чтобы пребывать имени Его там, обращайтесь, и туда приходите» (Втор 12:3-5).

Обычно мы говорим о пребывании Бога среди нас, а здесь речь идёт о пребывании имени — значит, Бог пребывает среди нас в виде Своего имени. Когда мы восклицаем: «Господи, Господь наш, яко чудно имя Твое по всей земли» (Пс 8:2), — то мы говорим тем самым: как чуден Ты Сам!

«Да хвалят имя Господа... Хвалите Господа... старцы и отроки да хвалят имя Господа» (Пс 148). Одно и то же повторено в этом псалме несколько раз, но разными словами. Значит, имя Божие — то же, что Сам Бог. «Ночью вспоминал я имя Твоё, Господи» (Пс 118:55), т. е. вспоминал о Тебе. Иными словами: не просто — открой имя Твоё, но открой Себя, Господи, войди во всё Твоём сиянии, во всей Твоей святости в нашу жизнь. Яви Себя в Своей славе. Вот что значат слова «Да святится имя Твоё».

Почему об этом сказано здесь так сложно — настолько, что девяносто девять процентов из нас не понимают, что значат эти слова? Вероятно, по той причине, что слово Евангелия, действительно, подобно семени. Оно, как семя в землю, падает в сердце человека, чтобы там постепенно согреться, напитаться, разбухнуть, затем дать росток, а через какое-то время принести плод. Слова «Яви Себя нам» мы бы усвоили сразу, быстро поняли и не осознали, что они значат. Но сложное и непонятное «Да святится имя Твоё» падает в сердце и постепенно там прорастает.

Слово Божие подобно ореху в скорлупе. Скорлупа защищает ядро, находящееся внутри. Слова «Да святится имя Твоё», как это ни удивительно, тоже надёжно защищены от искажений, как скорлупой, самой необычностью той формы, в которой они нам переданы Иисусом. Опыт показывает, что при переписывании текста искажаются именно понятные, лёгкие места, а как раз непонятные слова и выражения остаются в первоначальном виде. Понятные места переписчик запоминает целыми фразами, отчего может ошибиться, непонятные же пишет пословно и даже побуквенно. Парадоксально, но текст, по форме сложный и малопонятный, сохраняется при переписывании лучше, чем простой и понятный.

Вот какой смысл вложен в начало молитвы «Отче наш...»: «Отец (Папа, Отче, Папочка), открой нам Себя!»

«Отец наш...» А что значат слова «Который на небесах»? Это тоже Бог. Просто Бог — и ничего другого. Следовательно, обращение к Богу в начале молитвы «Отче наш» по Евангелию от Матфея повторено дважды, как «Боже, Боже!» в псалме: «Боже, Боже мой, вонми ми, вскую оставил мя еси?» — «Боже мой! Боже мой! внемли мне; для чего Ты оставил меня?» (Пс 21:2). Не случайно именно этот псалом вспомнит Иисус на Кресте.

Яви нам Себя, «Да придёт Царство Твоё». Оно уже здесь, близко, уже осуществимо, но мы просим о том, чтобы Царство вошло в нашу жизнь, в нас, в мир, где мы живём. Оно рядом, но подобно сокровищу, скрытому в земле. Человек должен просить о том, чтобы его найти. Это Царство направлено к нам, оно для нас, оно нам уготовано, но не может прийти, если мы сами не захотим. Нужны наша воля, наш личный выбор. Человек должен деятельно стремиться к Царству. И поэтому Господь говорит нам: молитесь «Да приидет Царствие Твое...». Царство Небесное входит в нашу жизнь, если воля Божия совершается здесь, на земле, как на небе. И поэтому прошение «Отче наш...» дополняется молитвой из Сидура «Да будет воля Твоя», соединённой с цитатой из Екклесиаста: «яко

на небеси и на земли» — прошение, изложенное в первой части двуступишия, раскрывается во второй его части.

«Хлеб наш насущный...» В Евангелии от Матфея — «Хлеб наш насущный дай нам сегодня», а в Евангелии от Луки — «Хлеб наш насущный подавай нам каждый день». Каждый день мы просим подавать нам хлеб в Евангелии от Луки, сегодня — в Евангелии от Матфея. Вот в чём разница двух этих вариантов. Евангелие от Матфея больше сосредоточено на сегодняшнем дне, Евангелие от Луки — на жизни вообще. Что значит «насущный»? По-русски, как и по-гречески, слово это непонятно. И таким же неясным по значению осталось оно у блаженного Иеронима, когда он переводил Евангелие на латынь: *supersubstantialem*. Причём Иероним смело употребляет это странное слово вместо простого и в его время уже вошедшего в церковную латынь *cotidianum* — «ежедневный». В практике Западной Церкви во время литургии, когда читается молитва «Отче наш», и сегодня употребляется старый перевод, ибо он несравненно проще и понятней (ежедневный наш хлеб). При этом в латинском Евангелии, разумеется, стоит непонятное, но точно отражающее сложное в греческом тексте место — *supersubstantialem*.

Что это значит? Выражение «хлеб наш насущный» так же спрятано от возможного искажения внутри сложной и почти непонятной формы, как и «Да святится имя Твоё».

Эпиу'сиос дословно — это именно «на-сущный». То ли это просто хлеб на сегодняшний день, то ли тот, о котором говорится в книге Притчей Соломоновых: «Нищеты и богатства не давай мне, питай меня насущным хлебом, дабы, пресытившись, я не отрёкся Тебя и не сказал: "кто Господь?" и чтобы, обеднев, не стал красть и употреблять имя Бога моего всуе» (Притч 30:8-9). Здесь говорится о среднем пути, который не приводит ни к бедности, ни к богатству. Разбогатев, человек может забыть о Боге, а обеднев, пойти по пути воровства; поэтому — дай мне то, что нужно, — хлеба, но не больше. Таково первое толкование выражения «хлеб насущный».

Но есть и другое толкование: дай хлеба, необходимого мне, и ещё немного, на тот случай, если кто-то придёт: чтобы у меня было, что ему дать, — т. е. «дай нам». Это толкование не менее удачно. К тому же оно объясняет наличие префикса эпи («на-» или «над-») в слове «насущный».

Есть и третье толкование: дай мне хлеба не только на сегодня, но и на завтрашнее утро.

Наконец, быть может, здесь говорится не просто о хлебе сущем, а насущном, находящемся над бытием. Тогда это Хлеб евхаристический — Тело Христово. И это толкование не менее убедительно. Священник во время проскомидии, вырезая из просфоры часть, которая затем будет освящена как Тело Христово, раздаёт после службы срезанные края прихожанам. Эти частицы просфоры (так называемый антидор), хотя и не были преложены во время обедни, тоже принимаются ими как святыня. В сущности, как антидор может восприниматься всякий кусок хлеба, ибо он испечён из того же зерна, из той же муки, что и хлеб, взятый для совершения таинства евхаристии. Не из скупости и не по причине крайней нищеты сушили в деревнях сухари, а именно потому, что считалось грехом, если хлеб пропадёт. В любом куске хлеба верующему человеку видится напоминание о Тайной Вечери, о том Хлебе, который взял в руки и благословил Иисус.

Таким образом, непонятное слово «насущный» оказывается удивительно многозначным.

«Долги наши...» «И остави нам долги наши, как мы оставили должникам нашим» — именно так выглядит текст этого прошения в древнейших (IV в.) рукописях Евангелия от Матфея. Глагол «оставить» стоит здесь в прошедшем времени, значит, Иисус говорит нам о том, что Бог только в том случае оставит наши долги, если мы уже простили нашим ближним. «Прости ближнему твоему обиду, — говорит Сирах, — и тогда по молитве твоей отпустятся грехи твои» (Сир 28:2). В библейском тексте употреблён страдательный залог, слова «отпустятся грехи» указывают на то, что отпустит грехи Сам Бог, и никто другой. Об этом было сказано выше. Древнейшие рукописи Евангелия от Матфея достаточно точно повторяют именно ту формулу, которая встречается у Сираха.

В Евангелии от Луки об этом же сказано по-другому и глагол «прощать» стоит в настоящем времени: «И прости нам грехи наши, ибо и мы сами прощаем всякому, кто должен нам», прощаем каждому должнику нашему.

Иисус не просит прощать вообще, потому что это легко. Он просит меня простить каждого конкретного должника моего. Это очень трудно, но необходимо, чтобы стать христианином. Из других мест Писания понятно, что простить того, кто рядом, — основа основ христианства. Если мы будем прощать людям согрешения их, то простит нам и Отец наш небесный. И не простит, если мы не будем прощать. Комментируя это место в Нагорной проповеди, апостол Иаков восклицает: «Суд без милости не оказавшему милости» (2:13).

Когда у мудрого раввина по имени Осия бен Ехуда спросили, сколько раз следует прощать, то он ответил: «Если человек оскорбил тебя один раз, его прощают, если оскорбил во второй раз, его прощают, его прощают и в третий раз, а в четвёртый — не прощают». О том же апостол Пётр спросил Иисуса: «Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз?» Осия бен Ехуда предлагал прощать три раза. Пётр называет бесконечно большое, с его точки зрения, число — не просто в два раза больше, чем предлагал учёный раввин, а плюс ещё один раз. А Христос отвечает: «Не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз» (Мф 18:21-22).

Конечно, чтобы простить кого-то 490 раз, — до этого нам расти и расти! Иисус показывает нам этими словами, что милосердие Божие не имеет ничего общего с нашей добротой, которая не более чем пародия на милосердие. Как не задуматься над этим? Это очень важный, сердцевинный момент для нашей веры.

После слов «Прости ближнему твоему обиду» Сирах говорит: «Человек питает гнев к человеку, а у Господа просит прощения. К подобному себе человеку не имеет милосердия, и молится о грехах своих» (28:3-4).

Вероятно, размышляя именно над этими словами Сираха, апостол Иоанн воскликнул: «Кто говорит: "я люблю Бога", а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» (1 Ин 4:20).

Сирах сравнивает злобу с огнём и говорит о том, что искра, если на неё подуть, разгорится в пламя, а если на неё плюнуть — потухнет. Плюнуть на искру злобы нашей, тушить в себе злобу в зародыше, не давать ей разгораться — вот задача для верующего, как её формулирует Иисус, отталкиваясь от того, что некогда сказал мудрейший Сирах.

«Но избави нас от лукавого...» «И не введи нас во искушение», — сказано в молитве «Отче наш». А с другой стороны, в Послании Иакова написано: «Блажен человек, который переносит искушение; потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его» (1:12). Человек искушается подобно тому, как испытывается серебро. Об этом постоянно говорится в Ветхом Завете. И вдруг — «не введи нас во искушение». Как согласовать эти слова с тем, что мы знаем из других мест Священного Писания, где прямо говорится, что Бог искушает, т. е. испытывает, пробует человека? Татиан, один из древних церковных писателей, приводит такую логику Иисуса: кто не был искушаем, не может войти в Царство Небесное. Так как же понять «и не введи нас во искушение»?

Даже самый лучший переводчик иногда ошибается. Причём ошибка такого блестящего и святого переводчика, каким был блаженный Иероним, значительно страшнее, чем ошибка переводчика рядового. Кому сегодня интересны старые переводы античных классиков на русский язык и какие-то непринципиальные ошибки и неточности, которые в них есть? Лишь узкому кругу специалистов. Другое дело — ошибка переводчика, на труд которого столетиями смотрели как на образец.

Ошибка эта состоит в том, что слово *исферио* он перевёл как «вводить» (*induco*), тогда как на самом деле оно значит «ввергать». Здесь надо бы сказать «не ввергни, не брось нас во искушение», «не ввергни в пучину искушений, которые нам не по силам».

В этом значении слово *исферио* употребляется в псалмах, когда говорится о водовороте, затягивающем человека. Не втягивай нас в нутро водоворота, но избави нас от лукавого (от искушителя). Спаси от того зла, которое действует в мире и засасывает нас в трясину. Это третье «тёмное» место в молитве «Отче наш», небольшой по объёму, но оказавшейся такой трудной и сложной для понимания. Потому и можно ею молиться всю жизнь, что будет она в нашем сердце сначала разбухать, потом прорасти, расти и приносить плод. Её нужно не просто выучить наизусть. Её нужно согреть сердцем, она должна прорасти из него. Эту молитву нужно *прожить* — тогда мы станем христианами.

Молитва «Отче наш» не может не быть трудной. Если бы она была простой, мы бы её быстро и легко забыли, как забываются стихи средних поэтов. Молитва «Отче наш» потому и звучит до сих пор так же пронзительно, как звучала в тот день, когда в Нагорной проповеди Иисус в первый раз предложил её людям, что в ней так много сложного. И когда мы её проживаем, — а каждый христианин проживает эту молитву, — мы становимся и богословами, и настоящими христианами.

Пост

Иисус в Нагорной проповеди говорит, что нужно не только давать милостыню и молиться втайне, но и втайне поститься. Устами пророка Иоилиа Бог наставляет: «Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши» (2:13), т. е. делайте пост своим внутренним состоянием. Поэтому Господь говорит: «Ты же, постясь, помажь твою голову и лицо твоё умой, чтобы показать себя постящимся не людям, но Отцу твоему, Который втайне» (Мф 6:17-18).

Слово «пост» в Новом Завете не употребляется без слова «молитва». Из Ветхого Завета мы знаем, что такое пост. Поститься — это в первую очередь смирать душу. Бог говорит: «Вот, вы поститесь для ссор и распрей... Таков ли тот пост, который Я избрал... Раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся» (Ис 58:4,5,7).

Дать одежду нагому, прийти к больному или к заключённому, накормить голодного — вот что такое пост. Пост теряет всякий смысл, если он не сопровождается молитвой: без молитвы он становится нелепой и вредной для здоровья диетой. Христос призывает нас переориентироваться с внешнего на внутреннее: умыть лицо и помазать голову перед началом поста, а не тогда, когда он окончился. Смирение души должно совершаться радостно и добровольно.

Пост, молитва и милостыня — это нечто неразделимое, это фундамент, основа христианства, нашего личного делания и жизни во Христе. И об этом тоже говорится в Библии, в книге Товита: «Доброе дело — молитва с постом и милостынею и справедливостью» (12:8). Лишь постясь, молясь и давая милостыню, мы можем стать христианами. Если же мы избираем из того, к чему нас зовёт Христос, не всё, а что-то одно, пост или доброделание без молитвы, или же, наоборот, молитву без доброделания и т. п., тогда у нас не получается ни то, ни другое, ни третье...

Собирайте сокровища на небе

В Евангелии от Матфея, в Нагорной проповеди, Иисус говорит ученикам Своим: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе... Ибо, где сокровища ваши, там будет и сердце ваше» (Мф 6:19-21).

В жизнеописании св. Лаврентия — диакона, жившего в Риме и принявшего мученическую смерть в 258 г., есть замечательное место. На вопрос римского чиновника: «Где ваши сокровища?» (а в Риме были богатые христиане) — он показал на вдов и сирот, которых в это время кормили в храме, и сказал: «Вот наши сокровища». Это очень хорошая иллюстрация к тому, что является сокровищем для христианина.

Сокровище на небе — это сокровище у Бога, потому что небо в Библии — всегда синоним слова «Бог». Сокровище у Бога — это на самом деле Сам Бог. Ведь для человека мирского сокровище земное — деньги, золото, положение в обществе и т. д. — в какой-то момент может стать богом. Для человека духовного — наоборот, Бог становится сокровищем. Это всегда результат духовного роста, происходящего постепенно. И для мирского, неверующего человека деньги и вообще сокровище земное, в чём бы оно ни заключалось, богом становится не сразу, а незаметно, но в какой-то поворотный момент жизни это вдруг обнаруживается. И человек изумляется: он никогда не думал, что ищет сокровище на земле, что предан деньгам, как богу. Точно так же и человек верующий до какого-то момента своей жизни не подозревает, что Бог — его сокровище, и обнаруживает это опять-таки опытным путём.

Сокровище у Бога и сокровище, которое есть Сам Бог, — это то, что человек имеет *энкрипто* — «втайне», т. е. в глубинах своей души. Это не та религиозность, которая декларируется, причём не только другим, но даже самому себе. В конце концов, не имеет значения, кому мы заявляем о том, что верим: людям, нас окружающим, или самому себе — всё равно это будет лишь заявление о вере. Нет, вера подлинная, настоящая в какой-то момент помимо всех деклараций и заявлений открывается в нас, в глубинах нашего «я».

«Не отдавай сердце маммоне» (в Синодальном переводе: «Не можете служить Богу и маммоне»), — говорит Христос (Мф 6. 24). Размышляя над этим местом, нельзя не вспомнить стих из 61-го псалма: «Когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца» (Пс 61:11). Понимать это место можно двояко. С одной стороны, не привязывайся к богатству, а с другой — когда богатство идёт к тебе, не бойся его, не торопись от него избавиться, не стремись быть бедным, потому что если все будут бедными, то кто будет помогать им, кто будет делать Божие дело?

Не прилагайте к богатству сердца. А приложено к богатству сердце или нет — это открывается при каких-то трудных обстоятельствах, при повороте судьбы, далеко не сразу. Ни в богатстве, ни в одежде, ни в еде, ни в других мирских благах изначально ничего плохого нет, и нигде в Писании не говорится, что деньги сами по себе — зло. А вот сребролюбие — это уже зло. Поэтому поворотным, кардинальным, главным будет вопрос о том, *что* мы считаем своим сокровищем.

Далее Иисус говорит: «Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то всё тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то всё тело твоё будет темно...» (Мф 6:22-23).

Что это значит: чистое или, наоборот, худое око? В славянском тексте это выражение передано несколько понятнее, чем в русском: «Если око твоё будет просто, то тогда всё тело твоё будет светло. И если око твоё будет худо (т. е. плохо. — Г.Ч.), то и тело твоё будет темно». Слово, которое в Синодальной Библии переведено как «чистое (око)», а в славянской как «простое», — это греческое *aplous*. В классическом греческом языке, языке Софокла и Еврипида, оно как раз и значит «простой» — славянский перевод точен. Понятно, что авторы славянского перевода, зная греческий язык по текстам классических авторов, в том числе по Еврипиду, перевели это выражение как «око простое». «Простой, честный, простодушный» — примерно так можно перевести это слово в греческом тексте классической эпохи. Но если мы посмотрим, что значит прилагательное *aplous* в новогреческом языке, то увидим, что это уже не «простой», а «щедрый»; это слово и производные от него в греческом языке Средневековья и Нового времени употребляются именно в значении «щедрый». И в греческой Библии, в переводе Притчей Соломоновых, еврейскому слову

«благословенный» соответствует как раз прилагательное *aplous*, которое в славянской Библии обычно переводится как «простой», а в русской — как «чистый». Слова «благословение», «благословенный» встречаются здесь в следующем контексте: «Благословляющая душа будет насыщена; и тот, кто поит других, сам будет напоен. А кто удерживает у себя хлеб, того клянёт народ; на голове же продающего — благословение» (Притч 11:25-26).

Значит, речь снова идёт о щедрости. Если же говорить о существительном с этим корнем (*aplotes*), то оно употребляется несколько раз именно в значении «щедрость». И тогда нельзя не вспомнить, что в книге Товита глазу человеческому приписывается именно такое качество, как щедрость: «Из имения твоего подавай милостыню, и да не жалеет глаз твой, когда будешь творить милостыню» (Тов 4:7).

Здесь речь идёт не о простом или чистом взоре, а именно о щедром взоре, о щедрости. Надо сказать, что выражения «щедрый глаз» и «скупой глаз» есть уже в Пятикнижии: «Берегись, чтобы не вошла в сердце твоё незаконная мысль: "приближается седьмой год, год прощения", и чтоб от того глаз твой не сделался немилостив к нищему брату твоему, и ты не отказал бы ему: ибо он возопиет на тебя к Господу, и будет на тебе грех. Дай ему займы, и, когда будешь давать ему, не должно скорбеть сердце твоё; ибо за то благословит тебя Господь» (Втор 15:9-10). «Седьмой год» — это год, когда полагалось простить все долги, и люди зачастую рассуждали так: если первый год идёт, то я смело могу дать в долг — за шесть лет я успею спросить свой долг, а если идёт шестой год, то могу не успеть взыскать с должника — и тогда плакали мои денежки. Поэтому чем ближе был седьмой год, тем неохотнее люди давали займы. Вот о чём идёт речь во Второзаконии.

Здесь опять говорится о щедрости и применительно к понятию «щедрость» обязательно употребляется словосочетание «глаз твой». Значит, и в Нагорной проповеди это место следовало бы переводить так: «Если твой глаз щедр, то всё тело твоё будет чисто, и если твой глаз скуп, то всё тело твоё будет темно».

Действительно, именно скупость погружает нас во тьму и именно щедрость выводит нас из этого состояния внутренней затемнённости. Таким образом, милостыня есть не просто проявление нашей любви к ближнему, но мистическое делание, без которого и вне которого мы просто не можем быть христианами. Собирая сокровища на небе, мы не можем не помогать другим, не можем не давать милостыню, не можем жалеть нашего богатства. Потому что, как только мы начинаем его жалеть, свет внутри нас начинает тускнеть и гаснуть, причём для нас самих поначалу незаметно. Мы долго не замечаем, как гаснет в нас этот свет, но потом вдруг оказываемся во тьме. Поэтому, собирая своё сокровище на небесах, у Бога, мы должны руководствоваться принципом, сформулированным в 33-м стихе, где Иисус говорит: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» (Мф 6:33).

Ищите правды Божией

Чего же нам нужно искать — правды Царства Божия или правды Его, Бога? По-русски здесь смысл неясен, по-гречески — понятнее: ищите Царства Божия и правды Божией. Это важно понять: не правды Царства Божия, а правды Божией. Правда — по-гречески *дикэосини* — это, как мы знаем из Послания апостола Павла к Римлянам, Сам Христос — воплощённая правда Божия.

Книга Премудрости Соломона начинается со слов: «Любите справедливость, судьи земли, право мыслите о Господе, и в простоте сердца ищите Его» (Прем 1:1).

Слова из Нагорной проповеди «ищите Царства Божия и правды Его», без сомнения, можно считать цитатой из книги Премудрости Соломона. В высшей степени важно обратить внимание на выражение «в простоте сердца». Сам же этот Принцип: «ищите правду» и «ищите Бога» — очень глубоко

укоренён в Священном Писании. В Ветхом Завете Господь говорит: «И будете там служить богам, сделанным руками человеческими из дерева и камня... Но когда ты взыщешь там Господа, Бога твоего, то найдёшь Его, если будешь искать Его всем сердцем твоим и всею душою твоею» (Втор 4:28-29).

Значит, Бога надо искать, но не так, как мы ищем какую-то пропажу, а всем сердцем, в глубинах и через глубины своего «я».

Пророк Исайя говорит: «Ищите Господа, когда можно найти Его; призывайте Его, когда Он близко» (Ис 55:6).

Пророк Иеремия продолжает: «И взыщите Меня и найдёте, если взыщите Меня всем сердцем вашим» (Иер 29:13).

Во Второй книге Хроник говорится: «И радовались все Иудеи сей клятве, потому что от всего сердца своего клялись, и со всем усердием взыскали Его, и Он дал им найти Себя» (2 Пар 15:15).

В 26-м псалме, который начинается замечательными словами: «Господь — свет мой и спасение моё: кого мне бояться?» — есть такие стихи: «Услышь, Господи, голос мой, которым я взываю; помилуй меня и внемли мне. Сердце моё говорит от Тебя: "ищите лица Моего"; и я буду искать лица Твоего, Господи» (Пс 26:7-8).

Значит, Господь призывает каждого из нас искать Его в глубинах нашего сердца. И в этом смысле евангельское «ищите и обряцете», конечно, говорит о поисках Бога.

Искать Господа в глубинах сердца — вот ключевые слова всех этих текстов. Господь сокрыт. Он *эн крипто* — тут не случайно трижды повторено слово «втайне». Вот Он — Бог сокрытый, *Deus absconditus*, как говорили средневековые богословы. Но Он, Бог сокрытый, сокровенный, невидимый, Бог, Которого «не видел никто никогда», позволяет Себя найти, более того, зовёт нас искать Его, причём искать в глубинах нашего собственного «я», в глубинах нашего сердца. Об этом замечательно говорит блаженный Августин в своей «Исповеди»: «Ты был во мне, а я искал Тебя во внешнем, и там, в этом внешнем, искал Тебя. В этот мир стройный, Тобой созданный, вламывался я безобразно. Ты был со мной, но я не был с Тобой. Мир держал меня вдали от Тебя. Мир, которого бы не было, не будь он в Тебе. Но Ты позвал, Ты крикнул и прорвал глухоту мою. Ты сверкнул, засиял и прогнал слепоту мою».

Этот описанный Августином миг, когда прорывается наша духовная глухота, и есть, вероятно, важнейший момент в поисках Бога. Но как искать Бога? В пророчестве Амоса словосочетание «искать Бога» синонимично другому — «искать правду»: «Ищите добра, а не зла, чтобы вам остаться в живых; — и тогда Господь Бог Саваоф будет с вами» (Ам 5:14).

Здесь речь идёт об одном и том же: будете искать Бога — найдёте Его и тогда будете живы. Или: ищите добра, а не зла, чтобы вам остаться в живых. «Любите правду» — фраза в книге Премудрости Соломона и «возлюбите добро» — в книге пророка Амоса. Правда воплощена во Христе, и добро тоже воплощено во Христе. Поэтому слова «ищите правду» можно понимать как «ищите Бога». Таким образом, задача христианина — искать не что, а Кого, не доктрину, не учение, не систему, не механизм для объяснения того или иного явления, а Самого Христа.

Часто мы спрашиваем, как христианство, и в частности православие, объясняет то или иное положение. На этот вопрос приходится отвечать: никак не объясняет. Многие вещи ни богословы, ни православие, ни христианство не объясняют. Потому что христианство — это не энциклопедический словарь, это не ключ к объяснению всего, что происходит с нами в жизни, а нечто похожее, образно говоря, на атлас автомобильных дорог, который нам указывает, как найти дорогу к Богу, ко Христу. Причём очень многое в этом атласе не обозначено. Там нет ничего, что не относилось бы к поискам Бога. Поэтому Священное Писание и богословие могут дать ответ далеко не на все вопросы.

Библия отвечает только на те вопросы, которые непосредственно касаются нашего спасения. Один из таких вопросов — о деньгах и сребролюбии, о скупости и щедрости. Если человек щедр, то

никакое богатство ему не страшно, но если щедрости нет в его сердце, то никакая бедность не спасительна, никакая нищета не поможет. Можно быть миллионером и, обладая щедростью, прийти ко Христу, а можно быть бомжем, последним нищим, но скупым, и поэтому так и не совершить прорыва к Богу.

Когда в I в. по миру начала распространяться евангельская проповедь, то многие поняли её как социальное учение. В апокрифическом «Евангелии бедняков» много говорится о том, что бедность спасительна сама по себе. Однако Христос об этом ничего не говорил. Не бедность хороша, а щедрость. Не богатство плохо, а сребролюбие.

Взгляните на птиц небесных

Всё, что говорит Иисус в приведённых выше стихах, пронизано библейской фразеологией и содержит прямые цитаты из Ветхого Завета. Эти стихи из Нагорной проповеди очень хорошо читать параллельно с Ветхим Заветом, привлекая для более объёмного понимания евангельского текста отдельные места из книги Товита, из Второзакония, из книг пророков.

Зато несколько следующих стихов не имеют прямых параллелей в тексте Ветхого Завета и в силу этого обстоятельства представляют особый интерес, так как содержат нечто принципиально новое, появившееся только в евангельской проповеди. Если мы пользуемся текстом Евангелия с параллельными местами (ссылками такого рода снабжены практически все наши издания), имеет смысл обращать особое внимание на стихи, к которым параллельные места не приводятся. Именно в таких стихах зачастую содержится исключительно важная информация о проповеди Иисуса, о том новом, что Он говорит Сам, от Своего имени, не опираясь на Ветхий Завет и духовный опыт пророков прошлого. «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» (Мф 6:26-28).

О птицах упоминается в Псалтири. Например, в 83-м псалме, стих 4-й: «И птичка находит себе жильё, и ласточка гнездо себе, где положить птенцов своих, у алтарей Твоих, Господи сил, Царь мой и Бог мой». Замечательная картинка: ласточка вьёт гнездо под крышей храма, чтобы вывести птенцов! В другом, менее известном тексте, близком к Священному Писанию, — Псалмах Соломона, которые печатаются в греческих изданиях Септуагинты, но в переводы Библии на другие языки обычно не включаются, — в 5-м псалме есть такое место: «Птичек и рыб Ты кормишь, Господи, когда даёшь ливень пустыням, чтобы выросли травы, готовя пропитание в пустыне всему живому, и когда они взалчут к Тебе и обратят к Тебе лица свои, Ты даёшь им эту пищу. Царей и правителей, их народы Ты кормишь, Боже, и нищего, и бедняка. Кто надежда, если не Ты, Господи!»

Вероятно, приведенные стихи — непосредственный источник евангельского образа. Тем более, в этом псалме употреблено то же самое слово, что и в Евангелии: *peteina* — «птички».

У Плутарха в одном из его трактатов, близком по теме к раннехристианской проповеди, — «О том, почему не следует делать долги», — говорится: «Ласточки не берут в долг, не берут в долг воробьи». Ранее исследователи предполагали, что Плутарх приводит здесь какую-то не известную из других источников поговорку. Однако теперь установлено, что это цитата из труда философа-стоика Мусония Руфа. Его произведения считались утерянными, но в конце XIX в. они были обнаружены археологами в Египте и сразу же опубликованы.

Есть у Мусония Руфа текст, где воображаемый собеседник философа восклицает. «У меня нет денег, но много детей. Как я их накормлю?» А Мусоний ему отвечает: «А как же птички (здесь также употреблено слово *peteina*. — Г.Ч.), которые тебя намного беднее — ласточки, соловьи, жаворонки и дрозды, — кормят своих птенцов?» Мусоний Руф, младший современник святых апостолов, вполне мог воспользоваться образом из Нагорной проповеди, но могло быть и наоборот: Иисус, несомненно,

встречавшийся с греками и, наверное, слышавший, что они рассказывают и о чём спорят, мог использовать в Своей проповеди то, что услышал от греков, от кого-то из предшественников Мусония. Сказать об этом что-то определённое сегодня невозможно. Ясно одно. Воскликание Иисуса: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут... Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут. Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них» — не находит прямых параллелей в Ветхом Завете, за исключением разве что следующего стиха: «Дни человека — как трава; как цвет полевой, так он цветёт» (Пс 102:15). В Нагорной проповеди Иисус, призывая нас посмотреть на птиц и на цветы в поле, хотя и отталкивается от библейских образов, но говорит на каком-то совершенно новом языке. Он зовёт слушателя не к беспечности, а к жизни в согласии с природой, к жизни в простоте, о которой любили размышлять греческие и римские философы-стоики. Только, в отличие от стоиков, Он показывает, что такая жизнь возможна, если человек уповает на Бога. Этот призыв очень актуален для того времени, когда проповедовал Иисус, потому что эпоха Августа и его преемников, I в. н.э. — это время накопления сокровищ, роста жизненного комфорта, когда люди с упоением все свои силы посвящали досугу, как рассказывают об этом Гораций и другие римские поэты. Вина, редкие, особого вкуса и аромата, «каких и понтифики не пивали», как говорит Гораций в оде «К Постуму», благовонные мази, тончайшие ткани, привезённые откуда-то с Востока, венки из благоухающих цветов, драгоценные перстни и т. д. — вот мир, который создают вокруг себя люди именно тогда, когда Иисус говорит своим ученикам, что смысл жизни заключается не в этом, а в чём-то совсем другом. Человек XX века тоже как-то особенно ценит свой комфорт, так что и сегодня этот призыв Иисуса звучит не менее остро, чем тогда. Позже, в средние века, ситуация изменится, жизнь вновь станет достаточно суровой, и призыв взглянуть на птиц небесных на время потеряет остроту своего звучания.

Margaritas ante porcos

«Не давайте святыни псам, и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф 7:6). Что хочет сказать нам Иисус этими словами? Есть точка зрения, согласно которой здесь говорится о недопустимости посвящать посторонних в тайны тех «разделов» вероучения христиан, которые назывались некогда *disciplina arcana*, т. е. «скрытое учение». Прежде всего это касалось таинств, в которых не должны были участвовать те, кто не был в них посвящён, — отсюда диаконский возглас: «Двери, двери!» — во время Литургии: перед началом евхаристического канона двери должны были запираются, чтобы никто из чужих не вошёл в храм. Казалось бы, всё логично, но может ли Иисус, Который учит нас чуть ли не на каждой странице Своего Евангелия бережному и уважительному отношению ко всякому человеку, Сам называть кого-то из людей «псами» или «свиньями»? Думается, что не может.

В книге Исход есть одно очень важное место: «Не медли приносить Мне начатки от гумна твоего и от точила твоего. Отдавай Мне первенца из сынов твоих (т. е. посвящай первенца Богу. — Г.Ч.); то же делай с волом твоим и с овцою твоею... И будете у Меня людьми святыми; и мяса, растерзанного зверем в поле, не ешьте: псам бросайте его» (22:29-31). Вот откуда идёт это евангельское речение. Бросайте псам то, что осквернено, говорится в книге Исход, а в Евангелии эта мысль продолжена: но не давайте псам того, что свято. Конечно, евхаристический подтекст в этом тексте звучит, и нельзя его воспринимать слишком буквально.

Необычайно важно понять и то, что представление о Церкви как о чём-то закрытом, запёртом на все замки и резко противопоставленном всему на свете типично для античных критиков христианства (Цельса, Порфирия и др., которые постоянно говорят о том, что христиане вовлечены в какие-то постыдные дела и именно поэтому стараются прятаться во время своих собраний и не допускать на них чужих), но никак не для христианских авторов. Из сочинений апологетов ясно как

раз обратное — христиане не противопоставляют себя миру. Если прочитать 6-й стих из 7-й главы Евангелия от Матфея, не изолируя его от остального текста и не вырывая из того контекста, который его окружает, то окажется, что Иисус сначала просит нас не судить, чтобы и мы сами не были судимы, затем говорит о сучке, что мы видим в глазу своего брата, не замечая при этом бревна в своём собственном, и сразу же после этого упоминает о «псах» и «свиньях», говоря, как это видно из содержания, не о животных, а о людях. Но называть так людей — значит осуждать их. Следовательно, Иисус употребляет эти два слова не как Свои собственные, а цитируя кого-то из современников. Известно, что во времена Иисуса многие благочестивые люди, в том числе фарисеи, учителя Закона, книжники и т. д., именно «псами» и «свиньями» называли язычников: греков, римлян, египтян. Против этого восстанет потом апостол Павел, который воскликнет: «Неужели Бог есть Бог Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников» (Рим 3:29). Об этом говорит и Сам Иисус: «говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном» (Мф 8:11). Он Сам посылает учеников «научить все народы» и поэтому, ясно, не может учить их называть «псами» и «свиньями» тех, к кому они посланы. Более того, иудеи говорили о язычниках как о псах и свиньях прежде всего в силу того, что те ели нечистую (с точки зрения иудейского ритуала) пищу. Иисус такой подход к нечистоте упраздняет: «Не то, что входит в уста, оскверняет человека... всё, входящее в уста, проходит в чрево и извергается вон» (Мф 15:11-17). Всё это говорит о том, что тут не запрет «давать святыни псам», а что-то совсем другое. Что именно? Свиньи, как известно, животные достаточно свирепые и действительно растерзают того, кто будет метать перед ними бисер (*margaritas ante porcos* — «бисер перед свиньями»), по очень простой причине: видя, что вы им что-то сыплете, они подумают, что это еда, и кинутся на неё, а потом, поняв ошибку, в ярости кинутся на того, кто вместо зерна сыпал в их кормушку жемчуг и «подал вместо хлеба камень». Если человек будет относиться свысока к тем, кому решил возвещать Слово Божие, смотреть на людей, к которым послан, как на существ второго сорта, не способных понять сложные или серьёзные вещи, это непременно кончится очень плохо. Люди после его проповеди не поверят в Иисуса, но станут ждать от своего формального присоединения к Церкви каких-то видимых результатов — здоровья, богатства, успеха и прочего. Дальнейшее представить себе не трудно. В лучшем случае их просто ждёт разочарование, в худшем — они убьют такого миссионера. Очень важно иметь в виду, что ни один из апостолов не был убит толпой, — их казнила власть, но не люди, среди которых они проповедовали. Думается, именно по той причине, что апостолы знали: они пришли не к «псам» и не к «свиньям», а к тем, кто просит, к тем, кому отказать нельзя и кого оттолкнуть недопустимо.

Сегодня это изречение Иисусово вновь становится актуальным. Мы, христиане, живя в окружении людей неверующих, увы, очень часто, подобно благочестивым фарисеям апостольских времён, считаем неверующих если не псами или свиньями, то чем-то вроде этого. Мы уверены: тот, кто не молится перед едой, не постится и т. д., недостойн и подлежит осуждению. А человечество ждёт, чтобы мы поделились с ним той святыней, что нам дарована, и сокровищем, которым обладаем. Не будем же отказывать ему в этом, считая, что оно состоит из псов и свиней (Мф 7:6), судя и осуждая (там же, стих 1), меря строгой мерой (стих 2) и выскивая сучок в глазу (стихи 3-5) у того, кто просит или стучится в нашу дверь (стих 7). Не будем протягивать ему камень вместо хлеба (стих 9), а просто подумаем, дал ли кто нам право смотреть на другого свысока, — и попытаемся представить себе, с какой болью цитирует в этом месте Нагорной проповеди Иисус слова тех, кто называет ближних своих псами и свиньями.

Золотое правило

Более всего тайна евангельской проповеди раскрывается в следующем стихе: «Итак во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» (Мф 7:12).

Средневековые богословы называли этот стих «золотым правилом». Поразительно, как часто выраженная в нём мысль звучит в других источниках — начиная с Библии, где говорится: «Что ненавистно тебе самому, того не делай никому» (Тов 4:15).

Очень близко к тому, о чём говорит Иисус, подходит Его старший современник раввин Гиллель, который учит: «Что вредно тебе, того не делай другому, вот тебе и весь закон, а остальное — комментарий». А Иисус уточняет: «...ибо в этом закон и пророки». Но если Гиллель поучает: «Что вредно тебе, не делай другому», то Иисус говорит: «Во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». Греческий мыслитель Исократ писал: «Не делай другим того, что злит тебя, когда ты испытываешь это на себе от рук других». Младший современник Иисуса философ Эпиктет заметил «От чего избегаешь ты страдать сам, не налагай то на других» Наконец, Александр Север, римский император, считавший себя философом-стоиком, говорил: «Чего ты не хочешь, чтобы сделали тебе, того не делай никому другому». (Этот по-своему замечательный человек в своём домашнем покое для молитвы поместил три статуи — Авраама, Орфея и Иисуса, стремясь как бы слить воедино Ветхий и Новый Заветы и языческую олимпийскую религию.) За много веков до Иисуса китайский философ Конфуций сказал: «Чего не желаешь себе, того не делай и другому». Как видим, это правило типично для самых разных философских и религиозных систем. Казалось бы, Иисус не сказал ничего нового. Но Он, в отличие от многочисленных своих предшественников, произносит слово «делайте» (в Синодальном переводе «поступайте»). Таким образом, все формулы до Христа носили характер отрицательный, как в заповедях: «Не убий», «Не укради» и т. д. Христос говорит о том же, но в утвердительной форме. И это очень важно, так как здесь речь идёт не о пассивном неделании зла, а об активном доброделии, которое есть христианство. Об этой активности христианства мы часто забываем, а зря.

Христианство — это путь

Если обратиться к притче о богатом и Лазаре, то легко понять, что богатый, о котором здесь говорится, не делал ничего плохого. Он, например, мог бы прогнать Лазаря от своих ворот, но не сделал этого. Он позволил Лазарю лежать у ворот, просить милостыню, питаться объедками и т. д. Но он и не сделал для Лазаря ничего хорошего. Неделание зла ещё не есть добро. Когда мы об этом забываем, то как бы автоматически перестаем быть христианами.

Христианство — это путь. В книге Деяний святых апостолов в Синодальном переводе несколько раз встречается слово «учение» — учение, которое проповедуют апостолы. Но если взять славянскую Библию, где Деяния святых апостолов переведены хотя и чрезвычайно сложным языком, но очень точно, то окажется, что там слова «учение» нет. Там есть слово *odos* — «путь». Это как раз то, о чём говорится в Нагорной проповеди. Христианство, повторю, не есть доктрина, система или теория. Христианство — это путь, по которому надо пройти. Не пройдя по нему, нельзя быть христианином. И дальше в Нагорной проповеди, после 13-го стиха 7-й главы, Иисус показывает нам два пути: один — путь праведника, второй — грешника. Это тоже очень старый библейский образ. Вот эти стихи: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их».

О двух путях говорит нам 1-й псалом: «Ибо знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет» (Пс 1:6).

Замечательные стихи, из которых ясно, что не сами нечестивые погибнут, *погибнет путь нечестивых*. Это значит, что в какой-то момент обнаружится, что у нечестивых нет дороги, что они оказались в тупике. И тогда они непременно из этого тупика станут искать выход и найдут его в конце концов на пути праведников.

Та же мысль содержится уже во Второзаконии. На последних страницах Пятикнижия речь идёт о двух путях. Моисей говорит: «Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло, я, который заповедую тебе сегодня — любить Господа, Бога твоего, ходить по путям Его, и исполнять заповеди Его... Если же отвратится сердце твоё, и не будешь слушать, и заблуди'шь, и станешь поклоняться иным богам и будешь служить им: то я возвещаю вам сегодня, что вы погибнете, и не пробудете долго на земле... Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твоё» (Втор 30:15-19).

Таковы эти пути: путь жизни и путь смерти, путь погибели и путь дальнейшего процветания. О двух путях говорит не только Библия, но и греческие философы. Ксенофонт, современник Сократа и его ученик, оставивший среди своих сочинений «Воспоминания о Сократе», тоже рассуждает о двух путях — пути праведников и пути нечестивцев. Можно привести много мест из книги Притчей Соломоновых, из книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова, где именно о путях — узком и широком — говорит Бог. Но нигде в Ветхом Завете нет образа ворот. Зато у греческого философа Кебета, почти современника Нового Завета, есть такой образ. Кебет говорит: «Видишь эти ворота и маленькую дверцу, и перед ней совсем немного народа? Это дорога, которая ведёт к истинному знанию». Немногие входят в узкие ворота и немногие входят в маленькую дверцу. Для греческого философа это дверь, ведущая к истинному знанию, а для Иисуса — к истинной жизни, к правде, к Богу, к спасению.

В Евангелии от Иоанна Иисус говорит: «Я есмь дверь: кто войдёт Мною, тот спасётся» (Ин 10:9).

Значит, эти ворота — опять-таки не что-то, а Кто-то. Узкие ворота — это Сам Христос, Который говорит: «Я есмь дверь» и далее — «Я семь путь и истина и жизнь» (Ин 14:6). Поэтому путь, который предлагает нам Иисус, — это Он Сам. Следовательно, вне нашей личной встречи со Христом не может быть христианства, из которого доктрины всё равно не получается, как бы этого нам иногда ни хотелось. Христианство осуществимо только как личная встреча с Человеком из Назарета по имени Иисус. Вне этого в какой-то момент жизни мы непременно окажемся на пороге полного духовного краха. В этом смысле христианство, в отличие от любой философской теории, не интеллектуально, а реально. Это хорошо понял Л.П. Карсавин в годы своего мученичества в лагерях. Больной старик, он оказался на тюремных нарах — и не сдался, и не сломался. Всю жизнь он писал о христианстве, изучал и исследовал его, но когда наступил момент быть христианином, он понял, что христианство — это не теория, а путь, по которому надо идти. Понял и прошёл по нему — подобно мученикам первых веков, подобно тем, кого мы почитаем как святых и чьи имена носим.

Все мы, люди XX века, привыкли мыслить теориями, доктринами, системами. Перейти от такого способа мышления к жизни во Христе нам очень трудно. Но это задача для каждого. Задача, решение которой часто не даётся. Задача, заключающаяся в том, чтобы жить, а не смотреть на жизнь со стороны.

Десять чудес Иисуса

В 8-й и 9-й главах Евангелия от Матфея рассказывается о десяти чудесах, которые совершил Господь. Это исцеления прокажённого, сына или слуги сотника, тёщи Петра, многих бесноватых, усмирение бури, исцеления гадаринских бесноватых, расслабленного, кровоточивой жены и дочери Иаира, двух слепых и бесноватого слепого.

Обычно в современных изданиях Нового Завета эти две главы так и названы — «Десять чудес». Но почему именно десять? В небольшом трактате «Перке авод» («Поучения отцов»), который печатается обычно вместе с иудейским молитвословом, сказано: «Десять чудес были сотворены для

праотцев наших в Египте, и десять — на море». И дальше: «Десять чудес совершилось для праотцев наших в Храме».

Таким образом, для подготовленного читателя, человека живой иудейской традиции, *десять* чудес — это нечто теснейшим образом связанное с присутствием Бога. Бог выражает Себя как в библейском тексте, так и в Храме Господнем через десять чудес. Следовательно, евангельский рассказ о десяти чудесах — это рассказ о полноте Божией, которая явлена в Иисусе, присутствует в Нём Самом, в Его действиях и проповедях.

Из этих десяти чудес выберем одно, больше всего похожее на чудеса Ветхого Завета, — усмирение бури.

Апостолы плывут вместе с Иисусом на лодке через Галилейское море. Начинается буря, и заснувший было Спаситель встаёт и умирляет её. Наступает великая тишина, как говорят евангелисты. Увидев испуг учеников, Иисус спрашивает: «Почему вы боитесь?» Эти слова живо напоминают ветхозаветное «Не бойся». Являясь человеку, Бог обозначает Своё присутствие среди людей именно этими словами: «Не бойся». «Не бойся», — говорит ангел Гедену. «Не бойся», — говорит ангел Иосифу, Аврааму, Исааку, Иакову. В Ветхом Завете мы найдём десятки мест, когда являющийся человеку Бог обращается и ему именно так: «Не бойся».

Иисус спит во время бури. Лодка раскачивается под ветром. Но в греческом тексте Евангелия «буря» обозначена словом *сейсмос* — «землетрясение на воде», если можно было бы так сказать по-русски. «На море начался *сейсмос*», — говорит евангелист. Это «землетрясение», подобное тому, в котором Господь является Моисею и его соплеменникам в пустыне, на горе Синай (книга Исход, гл. 19). Это «землетрясение» подобно тому, какое было при явлении Бога Илии. Бог говорит пророку: «Выйди и стань на горе пред лицом Господним, и вот, Господь пройдёт, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь, после огня веяние тихого ветра...» (3 Цар 19:11-12). Если сравним греческую Библию с еврейской, в первой найдём прибавление: «И здесь Господь». Значит, «веяние тихого ветра» — Господь. В этой тишине Иисус являет в Себе полноту Божию.

Конечно, речь здесь не только о плавании через Галилейское море, а о всяком «плавании» по жизни, потому что на мистическом уровне море — это наша жизнь, наш мир, в котором, как нам часто кажется, Иисуса как бы и нет — Он спит — среди наших тревог и волнений. Но стоит только взозвать, и Он здесь, и Он помогает.

Рассказ кончается вопросом: «Кто это, что и ветры и море повинуются Ему?» Вопрос будет многократно повторён в Евангелии от Луки. В главе 7-й, после того как Иисус прощает грешницу, люди восклицают: «Кто это, что и грехи прощает?» И дальше, в главе 9-й, у Ирода возникает тот же вопрос: «Кто же Этот, о Котором я слышу такое?»... В Евангелии от Матфея вплоть до 16-й главы, до исповедания Петра, не отпускает вопрос: кто Он, этот Человек, Который усмирил бурю, Который явил Себя в великой тишине, неожиданно наступившей после бури?.. Не случайно мы начали разговор именно с этого чуда — усмирения бури (хотя в Евангелии оно пятое по счёту в числе десяти чудес), ибо оно более всего связывает десять чудес Евангелия от Матфея с ветхозаветным повествованием.

Первое же чудо из этих десяти — исцеление прокажённого. В Ветхом Завете из всех болезней чаще всего упоминается именно проказа. Именно с ней связано большинство ритуальных запретов, именно это заболевание считалось неизлечимым и опасным для окружающих. Современная наука пришла к выводу, что проказа не столь заразное заболевание, как думали раньше, но люди древнего мира и даже средневековья жили, загипнотизированные страхом заразиться ею.

Прокажённый приходит к Иисусу и произносит фразу — одну и ту же в Евангелиях от Матфея, Марка и Луки, — которая абсолютно точно переведена на русский язык: «Если хочешь, можешь меня очистить». Именно так она звучит по-гречески, так её передают три евангелиста.

Эта фраза обычно ставит в тупик комментаторов: почему прокажённый не восклицает, подобно слепому: «Помилуй меня»? Почему он говорит: «Если хочешь, можешь...»? Обычно мы употребляем этот оборот речи, если говорим о чём-то малозначимом — когда, скажем, приятель берёт уже не нужную мне газету и я, видя, что он заинтересовался какой-то статьёй, говорю: «Если хочешь, можешь взять её себе». Фраза, которую произносит прокажённый, нас смущает. Почему «можешь»?.. Мы бы на его месте сказали: «Очисти меня, Господи, если у Тебя есть на это силы». Я думаю, что после «если хочешь» можно было бы поставить три вопросительных и три восклицательных знака. То же самое — после слова «можешь». В этом «можешь» — и вопль, и мольба, и вопрос, и отчаяние, и безнадёжность, и прорывающаяся через всё это надежда. А в словах «если хочешь» звучит отголосок молитвы «Отче наш»: «Да будет воля Твоя». Потому что по-гречески «хотеть» — *фело*, глагол с тем же корнем, что и слово «воля», *фелема*. «Если есть на то Твоя воля, то можешь... А вдруг не можешь?! Нет, наверное, всё-таки можешь!...» — это вопль прокажённого. И словно на выдохе: «...меня очистить». Вот что скрыто за этой странной, на первый взгляд, и непонятной фразой.

Три евангелиста, тоже, думаю, не вполне понимая эту фразу, тем не менее передают её дословно. Но, вероятно, в этом заключается одна из удивительных тайн и одно из чудес Евангелия. Непонятное евангелист передаёт предельно точно, не пытаясь, как иногда это делают переводчики, расшифровать, дать истолкования: быть может, тот, кто прочитает, поймёт, если передам точно. Евангелие — не роман, не биография и не богословский трактат. Евангелие есть *свидетельство*, и задача свидетеля не в том, чтобы рассказать красиво, понятно и убедительно, а в том, чтобы точно всё передать, даже то, что непонятно самому рассказчику.

Так в истории с прокажённым нам открывается в его словах поразительная молитва, в которой, повторяю, воедино сплетены и отчаяние, и боль, и безнадёжность, и ужас, и надежда, и последний рывок, прорыв к Богу, который и приводит его к исцелению.

Второе чудо — исцеление то ли сына, то ли слуги сотника. В греческом оригинале Евангелия от Матфея этот больной назван словом *пайс* — «мальчик». Но так можно назвать и слугу, и сына. В просторечии это слово очень часто употребляется в значении «сын», а в литературном языке это прежде всего «слуга». В Евангелии от Иоанна этот мальчик назван *пайс* — «сын», *пайдион* — «дитя» и *пайс* — «мальчик». У Луки употреблено слово *ду'лос* — «слуга». Кто же он был на самом деле, этот ребёнок: сын или слуга?

Порой пытаются уяснить именно это: кто из евангелистов прав? Но это страшный вопрос. Если все четыре Евангелия включены в Священное Писание, значит, правы и тот, и другой, и третий, и четвёртый. И когда мы сопоставляем рассказы евангелистов об одном и том же событии или одно выражение, встречающееся у них в разных формах, мы должны исходить именно из этой установки — что все они правы. Дело в том, что Евангелие «не вмещается» в обычный рассказ, оно многомерно. Повествования евангелистов не противоречат одно другому, а дополняют друг друга, освещая ту или иную сторону события.

Попытаемся параллельно прочитать три рассказа об исцелении мальчика.

У Матфея прежде всего обращаешь внимание на то, что сотник — язычник. Иисус, указывая на него, восклицает: «И в Израиле Я не нашёл такой веры». Язычник — безбожник, в нашем понимании, — оказывается, может верить, да так, как не может верить иудей. Это — неустаревающий урок. И сегодня безбожник иной раз может явить себя человеком более верующим, чем, казалось бы, укоренённый в Церкви христианин. Приведённые слова Иисуса прежде всего об этом. Вера даётся самому «неожиданному» человеку, и он, казалось бы, формально необыкновенно далёкий от Бога.

может поверить, как никто другой, глубоко и искренне — вот главное в этом рассказе у Матфея. Вера, которую Иисус нашёл в сотнике, — это та вера, которая спасает, о которой мы знаем по рассказам об исцелении дочери хананейки, это вера кровоточивой женщины, вера слепых. Исцеляя этих людей, Иисус произносит одну и ту же фразу: «Вера твоя спасла тебя».

В Евангелии от Луки в аналогичном тексте (гл. 7) внимание обращено на другое. К Спасителю приходят иудеи, просят за сотника и говорят: «Он достоин». «Он достоин, чтобы Ты сделал для него это, ибо он любит народ наш и построил нам синагогу». Но сам сотник говорит: «Не трудись, Господи! Ибо я недостоин...» Мы тоже говорим о ком-то: «Он достоин» — или о себе: «Я достоин»... Спаситель же показывает нам, что Господь приходит в нашу жизнь не потому, что мы достойны, а потому, что *это нам необходимо*. Не потому, что мы этого заслужили, а потому, что *без этого мы погибнем*. Вот что главное в рассказе у Луки.

И, наконец, Евангелие от Иоанна (гл. 4). Отрок был исцелён в тот момент, когда его отец с молитвой бросился к Иисусу, умоляя исцелить сына. Иисус вошёл в жизнь этого отрока в момент обращения к Нему его отца. Иными словами, у Господа нет расстояний. Он реально присутствует в нашей жизни всегда. Ему не нужно времени, чтобы войти в неё в той или иной конкретной ситуации, Он приходит сразу — вот что главное в этом рассказе у евангелиста Иоанна: Дух Божий действует везде. Иными словами, «Дух дышит, где хочет» (Ин У. 8)

Теперь вернёмся к тому, с чего начали: сын или слуга? А не всё ли равно? Когда эти три рассказа прочитаны вместе, то становится ясно: христианин не может о сыне просить так, а о слуге, о каком-то чужом мальчике, — иначе. Если мы одних любим больше, других — меньше, то мы пока ещё язычники. Если мы делим людей на «своих» и «чужих», на хороших и нехороших, на заслуживающих поминания и *особо* заслуживающих, на специальной бумаге с гербом и на бумаге без герба и т. п. — значит, мы не христиане. Если мы «выгораживаем» для себя и для «своих» особое место у Бога, значит, мы не христиане. Вот что встаёт из евангельского текста, когда мы сопоставляем все три рассказа, складывая их в единое целое.

Третье чудо — исцеление тёщи Петра. Иисус взял за руку эту женщину, «лежащую в горячке», и «она встала и служила». В русском Синодальном переводе Евангелия от Матфея — «служила им», а в переводе епископа Кассиана, как и в греческом тексте, — «Ему». Причём в греческом варианте в значении «встала» употреблено то самое слово, которое используется в рассказе о воскресении Самого Иисуса из мёртвых: «Она воскресла и служила Ему». Господь поднимает нас от болезней, преобразует и воскрешает, чтобы мы служили Ему. Не «им», которые сидят и пируют, а Ему, Христу. А служить Ему можно, только приходя на помощь тем, кому плохо, как, скажем, в притче о милосердном самарянине.

В Евангелиях от Марка и от Луки про исцеление тёщи Петра говорится: «Она встала и служила им» — эти евангелисты видят как бы внешнюю сторону события. А Матфей — и это характерно для него — отмечает внутреннюю, мистическую сторону происшедшего. Да, исцелённая тёща Петра служит им — подаёт еду. Но Матфей разглядел за этим событием мистический урок для каждого из нас.

На вопрос одного из учеников, где Он живёт, Иисус отвечает: «Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнёзда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф 8:20). Вероятно, это цитата из Псалтири: «Тамо птицы возгнездятся, еродиево жилище (гнездо аиста — Г.Ч.) предводительствует ими. Горы высокие оленем, камень прибежище зайцем» (Пс 103:17-18). Эти «заяцы» из славянского перевода 103-го псалма и греческого перевода семидесяти, т. е. Септуагинты, в еврейском оригинале были сурками или сусликами, которые живут в норах среди гор, а в том греческом переводе псалма, который использован в Евангелии от Матфея, они же стали лисицами.

Даже у каждого животного есть своё место, а Иисусу негде голову приклонить. У Него места нет, но оно будет найдено. Это место — крест. В 30-м стихе 19-й главы Евангелия от Иоанна, в рассказе о том, как умирает Иисус, используется именно это выражение: «И, приклонив голову, испустил дух» (кли'нас тин кэфали'н — и то же самое слово кли'ни употреблено в Евангелии от Матфея). Итак, когда в ответ на слова ученика: «Я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошёл», — Иисус говорит: «Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову», — Он, Христос, зовёт каждого быть готовым идти за Ним вплоть до креста. Позже Фома Кемпийский скажет в «Подражании Христу», что есть много желающих идти за Иисусом вплоть до преломления хлеба, до Тайной Вечери, но мало тех, кто готов идти за Ним до креста. В Евангелии Иисус потом пять раз (гл. 10, 16 у Матфея, гл. 8 у Марка, гл. 9, 14 у Луки) будет звать нас идти за Ним именно до креста. Причём в Евангелии от Луки это сформулировано наиболее ярко и определённо: «Если кто хочет идти за Мною, — говорит Иисус, — отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мной» (9:23). Так — в Синодальном переводе. Но в греческом тексте есть ещё одно слово, пропущенное здесь: «ежедневно». Оно есть и в латинском переводе. (Слово «ежедневно» было утеряно в средние века в византийских рукописях и поэтому не попало в русский перевод). Значит, к кресту мы призваны идти не раз в жизни, не по какому-то порыву, вдруг однажды нас охватившему, а ежедневно. Христианство — это не просто рывок к Богу, это ежедневный труд. Эта вот «ежедневность» христианства — чрезвычайно важная его черта. *Каф эме'ран* — «бери крест свой ежедневно».

Попутно замечу, что слово «ежедневно» — это, кажется, единственное слово из оригинала, отсутствующее в русском тексте Евангелия. Вставки, которых нет в византийском оригинале, в Синодальном переводе можно найти, а вот пропуск текста — один на всё Евангелие, именно в этом месте.

Шестое чудо — исцеление гадаринских бесноватых. Двое бесноватых живут близ города Гадары в гробах. Иисус изгоняет из них бесов с вопросом: «Как тебе имя?», — и они говорят: «Легион... потому что нас много». Иисус отправляет этот легион в стадо свиней, свиньи кидаются с обрыва в море и погибают. Люди из города приходят к Иисусу и просят уйти «от пределов их». Об этом рассказывается у Матфея в главе 8-й, у Марка в главе 5-й и у Луки в главе 8-й. Только у Марка и Луки — один бесноватый, а у Матфея — два.

Экзегеты былых времён пытались утверждать, что здесь описаны два разных, хотя и похожих чуда. Но мы, параллельно читая эти три рассказа, понимаем, что речь идёт об одном и том же чуде. Почему же у Матфея двое бесноватых, а у Луки и Марка — один? Аналогичный вопрос можно задать о девятом чуде: почему у Марка и Луки Иисус исцеляет одного слепого — Марк даже имя его сообщает: Вартимей, т. е. сын Тимеев (Мк 10:46), а у Матфея исцеляются два иерихонских слепца, причём об этом рассказано дважды (Мф 9:27-31; 20:29-34). На эти вопросы нелегко ответить.

Евангелие — это не отчёт о жизни и деятельности Господа, не простая книга для чтения, а Книга, которая втягивает нас внутрь себя. И если мы христиане, то живём уже не вне, а внутри Евангелия. Когда-то блаженный Августин сравнил Евангелие со зданием с низким входом. Задача христианина — войти внутрь этого здания.

Один бесноватый — это тот, которого Иисус исцелил на берегу Галилейского моря, а другой — это каждый из нас, кто, оказываясь «внутри Евангелия», тоже получает исцеление, тоже избавляется от своих недугов. В самом деле, даже свиньи, эти грязные животные, которые пожирают отбросы и валяются в грязи, не выдержали того, с чем живём мы, — злобы. Правда, нас трясёт от неё, мы кидаемся и бьёмся о камни, но продолжаем так жить... Вот урок, извлекаемый из этого текста.

Исцелённый бесноватый просит Иисуса оставить его при Себе, он хочет теперь всегда быть с Ним. А Христос ему говорит: «Иди домой к своим и расскажи им, что сотворил с тобою Господь» (Мк

5:18-19). Иисус не оставляет исцелённого при Себе, а посылает проповедовать в Гадару, город, где жил этот человек. Для того чтобы понять, почему именно туда, надо знать, что такое Гадара.

О Гадаре мы знаем не только из Евангелия, но и из других источников прошлого. Примерно в эти времена здесь, скажем, жил поэт по имени Мелеагр, автор эротических, если не сказать откровеннее, стихов, хорошо известный тем, кто занимается античной литературой. Это город со смешанным населением: здесь жили евреи, сирийцы, греки и, наверное, выходцы из других племён. Они любили хорошо поесть-попить, повеселиться, предавались разгулу. Гадара — это как бы маленькая Александрия. А Александрия очень походит на сегодняшнюю Москву: университеты, музеи, библиотеки, много роскошной еды, деликатесов... Казалось бы, люди живут интеллектуальной жизнью, но при этом их жизнь пуста, ими всё время владеет тоска. Они ни во что не верят, потому что достаточно «познали мир». Возможен ли в них прорыв к Богу?.. В этот-то трудный город, маленькую Александрию Северной Палестины — Гадару, где люди избалованы и предаются приятному ничегонеделанию, очень напоминая наших современников, — Иисус и посылает исцелённого проповедовать.

Мы знаем: среди своих проповедовать труднее всего. К тому же жители Гадары просят Христа уйти из их пределов. Нужно понять, почему люди говорят Иисусу: уйди. Очевидно, им не только свиней жалко, но и своего покоя. Они поняли: этот Человек покоя им не принесёт. Он перевернёт их жизнь, вырвет из привычного уюта.

Разве не то же происходит с нами сегодня? Входя в нашу жизнь, Христос отрывает нас от наших маленьких пристрастий, от нашего уюта, от того, что просто и мило, и зовёт в совершенно иной мир — из мира мечты в мир реальности...

Вот почему гадарцы говорят Иисусу: уйди из нашей жизни — без Тебя нам спокойнее, без Тебя мы чувствуем себя как-то увереннее.

Девятое чудо: исцеление одного слепого у Марка и Луки и двух слепых — у Матфея. Марк и Лука показывают нам эту историю как бы со стороны. Вот картинка: приходит Иисус, к Нему подбегает слепой и получает исцеление. У Матфея, повторю, получает исцеление и второй слепой. Этим вторым может оказаться любой из нас. Потом это чудо повторяется в Евангелии ещё раз. Тут очень важно понять: евангельские чудеса не закончены, они повторяются и сегодня. Господь продолжает совершать их. Он продолжает исцелять бесноватых, слепых, возвращать нам также и духовное здоровье, духовное зрение. Слепые бросаются к Иисусу со словами: «Помилуй нас, Иисус, сын Давидов!» «Иисус, сын Давидов! Помилуй меня!» — восклицает слепой у Марка. Вот откуда взята нами так называемая «Иисусова молитва».

Седьмое чудо — исцеление расслабленного. В Евангелии от Марка есть деталь, отсутствующая в Евангелии от Матфея. Люди, которые принесли расслабленного на носилках, из-за множества народа вынуждены были забраться на крышу и, раскопав её, опустить больного сверху. Мне кажется, важно понять, что к Богу не всегда надо подниматься, иногда мы должны раскопать крышу, т. е. расчистить тот путь вниз, который ведёт человека к Спасителю. И далеко не всегда мы в силах сделать это сами, поскольку подобны этому расслабленному. Надо, чтобы кто-то раскопал для нас эту крышу, помог нам именно не подняться до Бога, а опуститься к Нему. Потому что Христос ждёт нас не где-то в облаках, не в области мечты и воздушных замков, а среди волнений нашей обыденной, ежедневной, весьма прозаической жизни, среди тех, кому трудно, кто отвержен, кто на самом дне. Чтобы найти Христа, очень часто надо спуститься на дно, а у нас не всегда это получается, потому что от бомжей, скажем, плохо пахнет, да и вообще нам это трудно вынести... Однажды я услышал от женщины с весьма большим церковным опытом, что те, евангельские нищие — это какие-то другие, не похожие на этих, сегодняшних. То были хорошие нищие, а эти плохие. Нет, те нищие были такие же, как и

нынешние бомжи, грязные, вонючие, пьяные, вшивые, а иногда и лживые. Но не здоровые имеют нужду во враче, а больные — вот что мы должны понять.

Все, кто читал Евангелие, помнят и об исцелении кровоточивой, и о воскрешении дочери Иаира (это восьмое чудо), и о бесноватом немом (десятое чудо).

Бесноватый немой — он, конечно же, не немой, а глухой. Те, кого мы обычно называем немыми, немые по причине своей глухоты. Он глухой, он не слышит Бога и потому, в отличие от слепого, не может прийти к Богу сам. Слепой не видит, но слышит, и у него есть возможность прийти к Богу самому, а у него нет этой возможности, поскольку он глух. Его надо привести. Духовная глухота всегда страшнее духовной слепоты, потому что слепой отдаёт себе отчёт в том, что он не видит, и благодаря этому у него нередко есть возможность прозреть. Немой же всё видит, но очень часто не понимает своей неполноценности, и помочь ему почти невозможно. Мне многократно приходилось общаться и с теми, и с другими. Я смело могу сказать, что не только ослепшие, но и слепорождённые люди по своему интеллектуальному, нервному, душевному и сердечному развитию ничем не отличаются от нас, зрячих. Слепота полностью компенсируется. Они только не видят солнца, птиц, деревьев. Но слепота не делает их отверженными, выброшенными из общества, из жизни, из мира. Слепой всегда готов к духовному прорыву, и иногда это получается у него лучше, чем у нас, зрячих. Глухой же многого не понимает. Вы, может быть, обращали внимание на то, как безвкусно одеваются глухие? Они, например, могут надеть совершенно не сочетающиеся по цвету вещи. Они подсознательно пытаются яркими цветами в одежде выразить что-то, чего не могут выразить другими средствами. Им невероятно трудно. Глухота — это страшно.

Глухота духовная страшна не менее, чем глухота физическая, она более страшна, потому что в меньшей степени заметна самому человеку. Слепой понимает, что слеп, потому что все видят, а он не видит. А глухой не понимает, что глух, потому что не знает, что такое слышать. Вот чем страшна духовная глухота. Вот почему блаженный Августин говорил в своей замечательной молитве: «Господи, прорви глухоту мою». Вот почему слепой может прийти к Господу сам, а глухого надо привести.

Очень яркий евангельский рассказ о десяти чудесах Иисуса — это рассказ о том, как в Иисусе — через Его чудеса — является нам полнота Божия. Апостол Павел говорит об этом на языке греческой философии — прямо и очень чётко: «Ибо в Нём обитает вся полнота Божества телесно» (Кол 2:9).

Наставления Иисуса ученикам

В 10-й главе Евангелия от Матфея рассказывается о наставлениях, которые Спаситель даёт Своим двенадцати ученикам.

Двенадцать апостолов. Двенадцать колен Израилевых. Двенадцать врат в Небесный Иерусалим. Двенадцать коробов хлеба, что были собраны после умножения хлебов...

В этом числе заключён глубокий смысл. Двенадцать колен Израилевых включают в себя всю Церковь, весь народ Божий Ветхого Завета; а двенадцать апостолов представляют всю Церковь, весь народ Божий Нового Завета, которая наполнит весь мир. Не случайно каждая поместная Церковь возводит себя к одному из апостолов — из двенадцати или из семидесяти.

Православная Церковь в России тоже подчёркивает свою связь с проповедью одного из апостолов — Андрея, который пришёл в Киев и благословил его. И не имеет значения, исторический ли это факт или благочестивая легенда. Важно понять, что этим Церковь подчёркивает свою апостольскую преемственность, сохраняющуюся из поколения в поколение.

Само греческое слово *апостолос* — «посланник» — соответствует еврейскому *шалиа'х*, что значит не просто «посланник», но «посланник, равный тому, кто его послал». Апостол, приходя в тот или иной город, в ту или иную страну, полностью представляет там Христа. Он полностью в ответе перед Христом за всё, что он делает; власть Христова передана ему во всей полноте. Евангелие говорит: «И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть». «Дал им власть» — выражение, близкое по смыслу к тому, что Господь говорит в конце Евангелия от Матфея: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (28:18). Именно всю эту Свою власть, данную Ему Отцом, Христос передаёт апостолам. «Как послал меня Отец, — говорит им Христос, — так и Я посылаю вас» (Ин 20:21). И куда ни приходили апостолы, их встречали, как Самого Христа, о чём потом апостол Павел скажет в одном из своих посланий: «Вы приняли меня... как Христа Иисуса» (Гал 4:14).

Итак, апостол — «посланник», ангел — «вестник», Евангелие — «Благая Весть». «Проповедь» — *ке'ризма* — от слова *ке'рикс*, что тоже значит «вестник». *Эпистола* — «послание», *ангели'а* — тоже «послание», «письмо». Всё связанное с проповедью, с передачей Слова Христова людям, можно выразить одним русским словом «весть». Христианство есть Весть, а если употребить современное слово — Новость, Благая Новость.

Особое место среди апостолов занимают Пётр, его брат Андрей, Иаков и Иоанн. Пётр, Иаков и Иоанн вместе с Христом на горе Преображения, они вместе с Ним в Гефсиманском саду — они как бы всегда рядом с Господом.

Филипп, вероятно, связан с греческой культурой, о чём говорит его греческое имя. Да, он иудей, но, возможно, из Александрии; возможно, его родной язык греческий. Не случайно в 12-й главе Евангелия от Иоанна именно Филипп говорит Господу, что пришли греки и хотят видеть Иисуса. Варфоломей — это, конечно, *Бар-Толмаи* по-арамейски, «сын Птолемея». Ясно, что этот апостол — иудей родом из Египта, поскольку Птолемей — имя египетское. Иаков Алфеев и Фома с Матфеем тоже, возможно, связаны с грекоязычными общинами.

Третья группа апостолов — Фаддей, или Иуда Иаковлев — в Евангелии от Луки, Симон Кананит и Иуда Искариот.

Симон Кананит (в Евангелии от Луки — Симон Зилот). Его имя происходит от греческого *зи'лос* — «ревность», «ревнитель». Что означает Кананит? По-арамейски — тоже «ревнитель». Так называли людей, которые в оккупированной римлянами Палестине вели борьбу против захватчиков, оккупантов, устраивая террористические акты с целью запугать римлян и таким способом изгнать их из Палестины. Политические экстремисты, зилоты, пытались постоянными «укусами», нападениями вытеснить римлян из страны. Эти люди яростно отстаивали национальную идею, на которой и была замешена их религиозность. Мессия придёт, считали они, чтобы освободить Палестину от римских захватчиков, вернуть народу независимость и славу, которой он обладал со времён Давида и Соломона.

Из этой среды и вышел Симон Кананит. Вероятно, пойдя за Христом, он отказался от своих политических идей. Об этом свидетельствуют его традиционные жизнеописания, повествующие о том, что он в дальнейшем проповедовал Евангелие и умер за Христа.

Рядом с фигурой Симона Кананита в Евангелии стоит Иуда Искариот. Кто он такой? Почему назван Искариотом? То ли это человек из Кариота (местечко в Палестине, упоминаемое в книге Иисуса Навина). То ли *искариот* есть передача греческими буквами арамейского слова *шикара'йа* — «лжец». То ли это слово — от латинского *sicarius*, «кинжальщик» (от *sica* — «кинжал»)... Представляется, что последняя версия наиболее близка к исторической правде: Иуда Искариот участвовал в «партизанской войне» против римлян (зилоты, врываясь с кинжалами в руках в дома, перерезали спящим солдатам горло и скрывались). Затем он примкнул к Иисусу, надеясь, что этот Человек как сын Давидов осуществит мечту зилотов: прогонит римлян, установит Свою сильную власть и даст стране изобилие.

Если так, то становится понятным, что Иуда, обманувшись в своих политических ожиданиях и потому разочаровавшись в Христовой проповеди, считает возможным не только отойти от Учителя, но и предать Его.

Здесь очень важно иметь в виду одно обстоятельство. Нередко, особенно в художественной литературе, Иуду представляют подобным Мефистофелю «гением зла», из-за которого Господь восходит на крест. Но ведь мы знаем, что Господь взошёл на крест добровольно. В кондаке праздника Преображения мы поём: «Страдание убо уразумеют вольное». «Грядый на вольную страсть Христос, истинный Бог наш», — говорится в отпусе в дни Страстной седмицы. Вольное страдание, добровольно избранный крест — это один из постулатов нашей веры. Но если Господь избирает смерть добровольно, то, получается, Иуда-предатель — слепое орудие в руках Бога? Выходит, Бог не всеблаг? Страшно даже подумать такое. Разве может Бог использовать человеческую слабость для осуществления Своего замысла, делать из человека актёра в Своём театре? Если бы это было так, то нужно было бы бежать из Церкви такого Бога... Нет, здесь совсем не то.

Представим, что Иуды не было. Что бы тогда изменилось? Римляне могли найти Иисуса и без Иуды — Он уже заметный Человек в Иерусалиме, и в общем-то известно, где Он находится. Арестовать Его не так уж трудно, тем более, что Он не прячется, а открыто проповедует по всему городу. Значит, нет никакой нужды в предательстве Иуды — Иисуса так или иначе схватили бы и отправили на Голгофу. Иуда — вовсе не ось, на которой вращается колесо мировой истории в этот важный, может быть, самый важный для неё момент. Иуда — маленький человек. Поняв, что Иисус не тот, за кого он Его принял, Иуда разочаровывается и отпадает от Учителя, но по инерции ещё ходит за Ним вместе с другими учениками. Он думает о деньгах — о том, например, что миро, которым женщина полила Иисусу ноги, можно было бы продать... И когда понимает, что Иисуса вот-вот должны схватить, «вписывается» в ситуацию и получает небольшое, но, на его взгляд, приличное вознаграждение.

Когда-то церковный историк прошлого столетия В.В. Болотов пересчитал эти тридцать сребреников в ценах конца XIX в. Сейчас не помню, сколько у него получилось, но я в начале семидесятых перевёл ту сумму в советские рубли. Получилось около 500 рублей, по тем временам — оклад завкафедрой вуза. В представлении среднего советского служащего это было очень много...

Так что причина Иудиного шага — интерес к деньгам, сребролюбие. Это точно раскрыто в тропаре Великого четверга: «Егда славнии ученици на умовении Вечери просвещахуся, Тогда Иуда злочестивый сребролюбием недуговав омрачашися...» «Сребролюбием недуговав» — вот его диагноз.

Когда выворенный из Советского Союза Андрей Тарковский умирал в Париже от рака, во ВГИКе или где-то ещё какой-нибудь Серёжа Иванов выступил на студенческой конференции с докладом «Антигуманистическая эстетика Андрея Тарковского». В судьбе мастера в связи с этим ничто не изменилось. Но в судьбе студента изменения произошли. Он, например, мог получить повышенную стипендию — 42 рубля вместо 35 и путёвку в Прагу на четыре дня. То же было и у тех; литераторов средней руки, которые уже после изгнания Александра Исаевича Солженицына из страны подписали письмо, где выражалось «искреннее возмущение» поведением «предателя Солженицына». В судьбе Солженицына это ничего не изменило, но писатель Иванов (Петров, Сидоров) что-то получил — квартиру, дачу и т. п. То есть свою, как говорил И.А. Бунин, «маленькую пользу» эти люди имели. Такого рода было и предательство Иуды (разумеется, без всяких аналогий между названными изгнанниками и Христом). В результате он предал не своего Учителя, а себя самого. И в положении Иуды, когда есть возможность «вписаться в ситуацию», может оказаться каждый, никто от этого не застрахован. Это самый страшный вид предательства — когда человек предаёт самого себя.

В конце концов, не только Иуда, но и апостол Пётр отказывается от Учителя. Пётр потом страдает и плачет; Иуда не выносит страданий и кончает с собой. Иуда предаёт Иисуса, Пётр

отказывается от Него — в общем, они виноваты в одном и том же. Но Петра на предательство толкнуло не желание получить выгоду, а страх, трусость, эмоциональный стресс. У Иуды же был холодный расчёт — вот почему он не нашёл в себе сил покаяться.

История Иуды ужасна, потому что вот уже две тысячи лет о нём и его душе молится только один Человек — Господь наш Иисус Христос, который и на кресте молился за предавших Его. А у нас не находится такого дерзновения. Не потому, что мы жестокие. Нам просто чего-то не хватает, чтобы помочь им — Иуде Искароту и тем, кто зачастую оказывается в его положении.

Посылая апостолов на проповедь, Господь говорит: «Больных исцеляйте, прокажённых очищайте, мёртвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте» (Мф 10:8).

Можно добавить: исцеляйте, как это делали Илия и Елисей. Потому что именно эти два пророка в иудейской традиции названы словом *апостолос* — «апостолы», «посланные». Потому что Сам Господь через апостолов (в Деяниях святых апостолов есть очень хорошее выражение — «руками апостолов») совершает многочисленные исцеления. Эти исцеления — знамение Царства, знак того, что Господь присутствует среди нас.

В Евангелиях нет слова «чудо», хотя в греческом языке очень много слов с этим значением: «необыкновенный», «удивительный», «поразительный», «невероятный», «необычный», «аномальный» и т. п. Народу очень нравились эти слова. Греческая литература времён земной жизни Христа изобиловала рассказами о разного рода чудесах языческих пророков, полубогов. Но в Евангелии ни одного из этих слов нет. Для обозначения чуда там употреблено лишь одно греческое слово *сэме'йон*, которое на латынь обычно переводится как *signum* — «сигнал, знак». Значит, то, что совершает Иисус, не чудо, а сигнал, знак присутствия Божия среди людей. Значит, в чуде главное не «аномальность», необычность, а то, что через него *Господь подаёт нам весть о Себе.* Надо сказать, что и в славянском Евангелии слово «чудо» не употребляется, хотя в славянском языке оно, конечно, есть. Но оно применялось только для обозначения лжечудес разного рода языческих богов и полубогов, пророков, лжепророков, волхвов и т. п. Вот Симон Волхв или Вариисус, с которыми столкнулся апостол Павел, — те совершали «чудеса». А Христос давал знамения; *сэмейон* по-славянски — «знамение». Но когда в начале XIX в. делался Синодальный перевод, его авторы не обратили на это внимания и использовали слово «чудо». Тем более что это была эпоха романтизма, «чудесное» было модным в литературе — вспомним полные превращений сказки Гофмана, Гауфа... Вот в этой романтической атмосфере вызревал Синодальный перевод Нового Завета на русский язык, и вместо замечательного слова «знамение» появилось «чудо»...

Иисус и Его апостолы не совершают чудеса, а дают знамения. Этими знамениями Господь сообщает нам, что Он действительно пришёл, чтобы освободить мир от власти зла, поднять нас из рабства, в котором мы все оказались.

Отправляя апостолов на проповедь, Иисус говорит им: «...на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите; а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева» (Мф 10:5). Многих этот текст смущает, особенно тех, кто ещё только ищет веру: выходит, этот Человек из Назарета заботится только о Своих, об иудеях? только о тех, кто живёт в Его стране и подчиняется правилам Его религии? Однако надо помнить: в Евангелии каждое слово обращено не только к тем, кто слышал его в тот момент, когда Господь его произнёс, но и ко мне, и к вам — к каждому из нас, кто сегодня открывает Евангелие. Евангелие можно сравнить с телефонной трубкой, которую любой из нас может снять — и тогда услышит обращённый к нему по конкретному поводу голос Христов. И когда Спаситель говорит: «На путь к язычникам не ходите», — Он обращается не к кому-то, а к нам.

У нас иногда возникает желание обращать людей, которых мы считаем язычниками. Много лет назад один юноша лет пятнадцати-шестнадцати сказал отцу Александру Меню: «Я бы хотел поехать в Китай, чтобы обращать китайцев в веру Христову». И получил на это замечательный ответ: «А что,

Россия уже так увязла в благодати, что здесь и обращать некого?» Это ответ каждому из нас, и прежде всего — о нашей миссии. Разве дело проповеди уже закончено здесь, среди окружающих? Совсем не нужно ехать «в Китай». Достаточно пойти в ближайшую школу или больницу, где нас ждут, где наша проповедь необходима.

Вот каков смысл слов Господа: «на путь к язычникам не ходите...» Дальше в этой же главе — подтверждение того, что Он обращается не только к иудеям: «И поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками» (Мф 10:18). Цари в те времена были только у язычников, значит, речь идёт о проповеди среди язычников. Таким образом, говоря: «На путь к язычникам не ходите», — Иисус предостерегает нас сегодня от всяких ложных идей и направляет «к погибшим овцам дома Израилева», которых более чем достаточно вокруг нас.

Если посчитать по московским храмам число молящихся на воскресной службе, получится примерно 1% населения (а в провинции и того меньше). А если посмотреть данные опросов, проводившихся Центром изучения общественного мнения, то увидим, что 46-48% называют себя православными (при этом Священное Писание читают регулярно лишь 3%). Вот к этим 46% и посылает нас Господь.

Отправляя учеников на проповедь, Господь напутствует: «Не берите с собой ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои» (Мф 10:9). Эта рекомендация станет понятнее, если мы откроем один из талмудических трактатов, где написано: «Никто не должен входить в храм с посохом, в башмаках, с поясом с деньгами и с пыльными ногами». Входя в храм, человек должен оставить за порогом все мирские дела. А Христос посылает нас в мир как в храм. Во время Литургии мы поём; «Всякое ныне житейское отложим попечение», — это то самое напутствие Христа, которым Он напоминает нам, что для христианина весь мир — храм. Для иудея храм — не только место, где совершаются ритуалы, обряды, это место пребывания Бога и потому — место для молитвы. А для христианина место пребывания Бога и место Для молитвы — весь мир. Об этом прямо говорится и в Ветхом Завете: «Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо — Ты там; сойду ли в преисподнюю — и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря — и там рука Твоя поведёт меня, и удержит меня Десница Твоя» (Пс 138:7-10).

Господь посылает апостолов, «как овец среди волков», и просит быть мудрыми, как змеи, и чистыми, как голуби. Думается, обнажённая, незащищённая мудрость — одна из важнейших христианских черт. Во Второзаконии сказано: «...и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими» (Втор 6:5). А в ряде рукописей Септуагинты, греческого перевода Библии, находим ещё и слово *διανοΐας* — «умом». Так в ветхозаветном тексте вместо слова «сердце» появляется «ум», а новозаветный (Мк 12:29-30) называет и то и другое — и сердце и ум. Таким образом, христианин должен иметь не только сердце горящее, но и ум, иначе любая деятельность может свестись на нет. Конечно, Иисус — Бог нашего сердца, об этом прекрасно сказано в акафисте ко причащению Святых Христовых Тайн: «Иисусе, Боже сердца моего, прииди и соедини мя с Тобою во веки». Однако не только сердцем, но и умом должно любить Господа. Но это должен быть ум беззащитный.

«И поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства пред ними и язычниками». Пожалуй, здесь впервые употреблено это важнейшее в Евангелии слово — «свидетельство». Русское «мученик» — это греческое *μαρτυς* — «свидетель, тот, кто свидетельствует». Таким образом, смысл не в том, что мученик терпит, а в том, что этим терпением он свидетельствует о Христе.

Будучи свидетелями, говорит Господь, «что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях» (Мф 10:27). Это тоже исполнено глубочайшего смысла, который сегодня особенно важно понимать. То, что слышите «на ухо», означает: то, что Я говорю вам через ваше сердце, через глубины вашего «я».

Только это, говорит Иисус, возглашайте во весь голос — «на кровлях». Не то, что вычитали из книг, а то, что идёт из сердца.

Пока мы не услышим, что Господь говорит нам «на ухо», мы не можем говорить «с кровли», потому что нам не поверят. Это надо прочно усвоить. Иной раз начинают проповедовать Евангелие, что-то прочитав на скорую руку, что-то услышав краем уха, во что-то сгоряча поверив. Но пока в нашей христианской жизни не задействовано сердце, «проповедь» ничего, кроме вреда, людям не принесёт.

«Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; не мир пришёл Я принести, но меч» (Мф 10:34). Чтобы понять, что означают эти слова, надо их очень внимательно прочитать по-гречески. В греческом оригинале нет слова «принести», а есть глагол *ба'лло* — «бросить», «бросить на...», «установить силой» В точном переводе эти строки звучат так: «Я пришёл, чтобы ни мир, ни войну не устанавливать силой» (не для того, чтобы «бросить на вас» мир или войну). Другими словами, Я не буду устанавливать мир между вами *насилъно*. Вы сами должны почувствовать, что такое мир, и потрудиться ради того, чтобы понять значение слов «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф 5:9). Я не буду ввергать вас в войну. Я даю вам свободу, а мир вы должны установить сами — подлинный мир, а не тот, под маской которого скрывается разделение.

Дальше Господь говорит о семье. В семьях очень часто царит такой ложный мир, в основе которого лежит не любовь, а что-то другое. «И враги человеку домашние его» (Мф 10:36). Почему?

В семьях, как правило, действуют три модели отношений между людьми. Первая, наиболее простая: одни члены семьи зависят от других — дети от родителей или родители от детей, жена от мужа или наоборот. Вторая — когда родители относятся к детям как собственники к дорогой и любимой вещи, которая должна занимать своё, пусть и почетное, место, во всяком случае, не иметь права голоса. Ты должен идти в этот, а не в другой вуз; ты должен поступить вот так, а не иначе; и вообще я лучше знаю, что тебе нужно, потому что у меня больше опыта и потому что я тебя люблю. И, наконец, третья модель: когда дети *по обязанности*, без любви почитают родителей, не считая для себя возможным нарушать заповедь «Почитай отца и мать», понимая её как правило поведения.

Парадоксальный Христов тезис — «Враги человеку домашние его» — как бы взрывает наше сознание. Мы знаем из Десятисловия, что родителей надо почитать, тогда — «Да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле» (Еф 6:3). Не случайно апостол Павел, вспоминая эту заповедь, говорит: «Это — первая заповедь с обетованием» (Еф 6:2). Из Писания мы знаем, что только на любви и уважении зиждятся отношения в семье. И вдруг это странное, вызывающее: «И враги человеку домашние его»...

Господь обратился к людям Евангелие в то время, когда не было ни газет, ни радио, ни телевидения, ни других средств массовой информации. Довести Слово до адресата было не так просто, ибо это было возможно только в устной форме. Через две тысячи лет, при советской власти, Евангелие оказалось в том же положении, что и во времена Иисуса: оно не издавалось, его можно было услышать только во время богослужения. Конечно, у кого-то Евангелие сохранилось с дореволюционных времён, кто-то тайком привёз его из-за границы, однако общей ситуации это не меняло. Но дело в том, что Евангелие Самим Христом было предназначено для распространения в устной форме. В этом случае парадоксальная фраза запоминается сразу. Она режет слух, она настолько странна и непонятна, что забыть её невозможно. Она глубоко врежется в память именно благодаря своей парадоксальности. Слово Божие, как семя, попав в сердце, начинает там набухать, наливаясь соками и потом даёт росток, затем из ростка поднимется растение, которое принесёт плод. Так действуют все евангельские парадоксы: они запоминаются сразу, а «прорастают», становятся понятны — со временем.

Так вот, афоризм Христа взрывает все три вышеназванных типа отношений в семье (материальная зависимость, собственнические притязания родителей на детей, уважение без любви).

Для чего? Чтобы мы увидели в наших детях, родителях, в самых близких нам людях братьев и сестёр во Христе. Это то, что даётся труднее всего, но именно к этому зовёт нас Господь, произнося свою парадоксальную фразу. Он призывает перестроить «вертикаль» взаимоотношений на «горизонталь». Разгляди в своей матери сестру во Христе, а в сыне — брата во Христе, и тогда что-то поймёшь. И тогда действительно жизнь станет другой, в ней появятся новые тона, откроются новые горизонты.

«...И кто не берёт креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф 10:38). Христианство есть крест. Мы должны идти за Христом, и горе нам, если не идём. Но будем помнить — это очень важно для нашего смирения, — что крест наш берёт и несёт Он. Польский поэт Циприан Норвид сказал однажды: не в том наше христианство и наша вера, что мы идём за Христом и несём свой крест, а в том, что мы идём за Христом, *Который несёт наш крест.*

«И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (Мф 10:42). Напоить чашей холодной воды совсем не трудно. Не то что отдать все свои деньги, или время, или силы, или, например, дать монашеские обеты. В жаркой Палестине, чтобы напоить жаждущего, нужно всего лишь достать из подвала кувшин с водой и наполнить чашу...

Христианство начинается не с подвигов, подобных подвигам Геракла, Персея, Тесея или других античных героев, а с самых простых, обыденных дел. Чтобы дать идущему мимо путнику чашу холодной воды, не нужно ни денег, ни мудрости, ни времени, ни здоровья, ни подготовки. Нужно лишь, встав рано утром, запасти воды чуть больше, чем потребуется на день тебе и твоим близким. Это потрясающая, удивительная, очень простая и радостная, но с большим трудом входящая в наши сердца новость.

Да, христианство — это очень просто, оно начинается с малых дел. Беда, однако, в том, что нам хочется совершать подвиги Геракла, мы хотим гордо нести свой крест, быть героями. Но крест несёт Сам Христос, и наше дело — только успевать идти вслед за Ним.

Чудо умножения хлебов

Некоторые притчи, рассказанные Иисусом, и повествования о Его чудесах встречаются только в одном из четырёх Евангелий. Так, притчи о блудном сыне, о милосердном самарянине есть только у Луки, а притча о десяти девах — пяти мудрых и пяти неразумных — только у Матфея. Иные сюжеты находятся у трёх евангелистов, другие (например, вход в Иерусалим) — у всех четырёх... Но есть в Евангелии место, которое повторяется не два, не три, не четыре, а шесть раз: дважды у Матфея, дважды у Марка, по одному разу у Луки и у Иоанна. Это рассказ об умножении хлебов, о том, как Господь взял хлеб, благословил, преломил и дал Своим ученикам, а ученики — людям. Раз это единственный текст, повторяющийся в Новом Завете так часто, значит, он в самом деле особенно важен.

В Евангелии от Матфея об умножении хлебов первый раз рассказывается в 14-й главе; затем в 15-й главе евангелист снова говорит об этом чуде. Если мы сравним два эти повествования, то поймём, что речь идёт не о двух разных случаях, не о двух чудесах умножения хлебов, а об одном событии (экзегеты былых времён говорили: «Господь совершил чудо один раз, а затем повторил его»). То же и в Евангелии от Марка: сопоставив два рассказа — в 6-й и 8-й главах, — мы и тут убедимся, что в двух местах рассказано об одном и том же. В Евангелии от Луки об умножении хлебов говорится в 9-й главе, в Евангелии от Иоанна — в 6-й.

Так что же это за чудо — умножение хлебов, и почему в Писании о нём рассказано шесть раз?

...День клонится к вечеру. Спаситель с учениками и пришедшим с Ним народом находится где-то далеко от городов и селений. Он говорит, что не хочет отпустить людей голодными, чтобы они не ослабели в дороге. Он не хочет отпустить их голодными, жалеет их — с этого начинается каждый из

шести рассказов. Иисус спрашивает у учеников, есть ли у них что-то съестное, и затем говорит им: «Вы дайте им есть». У учеников ничего нет. Но всё же находятся хлеб и рыбёшки. Господь берёт их, благословляет, преломляет и даёт ученикам, а ученики — людям. Все ели, все насытились, и осталось. По слову Его, собрали остатки, отпустив всех.

Первый рассказ об умножении хлебов как у Матфея, так и у Марка — подробнее, с множеством деталей, второй — схематичнее. Несколько различаются цифры: в первом случае хлеб вкусили пять тысяч человек, а остатков набрали двенадцать коробов, во втором — четыре тысячи человек и остатков — семь коробов.

Пять тысяч — и двенадцать; четыре тысячи — и семь. Больше людей — больше остатков, меньше людей — и остатков меньше, хотя, казалось бы, должно быть наоборот. Все эти числа имеют, конечно, символический смысл. Двенадцать корзин — как двенадцать колен Израилевых, как двенадцать апостолов. Это библейское число. И семь — тоже библейское число.

Но «не мерою даёт Бог Духа» (Ин 3:34). Действия Его законам нашей двухмерной логики не подчиняются.

Из Евангелия от Иоанна мы знаем, что это были ячменные хлебцы. Но *что* они для такого множества людей в пустынном месте?! А в Евангелии всякий раз подчёркивается именно это: всё происходит в пустынном месте. Пустыня? Если мы вчитаемся в Библию, то увидим, что это всегда место встречи с Богом. Зачем Моисей выводит людей в пустыню? Чтобы там им явился Бог. Мидбар — по-еврейски «пустыня» — являет человеку Того, Кого нельзя увидеть. Мы молимся во время шестопсалмия: «Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я, Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной» (Пс 62:2).

В пустыне происходит «невозможная» встреча человека с Тем, Кого нельзя увидеть. Там, где никого нет, присутствует Он, невидимый Господь. В пустыне, где можно много лет бродить по пескам и никого не встретить, мы встречаем Его. В пустыне, где нет ни воды, ни травы, ни еды, где «лань желает к Потокам воды» (Пс 41:1-2), обостряются все чувства. Жаждет истосковавшаяся по воде лань, и подобно свече вспыхивает здесь жадной Бога человеческое сердце. Не случайно в древних Церквах (Армянской, Коптской, Эфиопской) есть удивительный обычай ставить свечи в песок — он символизирует эту «невозможную» встречу в пустыне.

В пустыне Моисей разбивает народ Божий на тысячи, сотни и пятидесятки. Иисус тоже велит апостолам рассадить людей по пятьдесят, то есть по той же схеме, что и Моисей. В Евангелии от Марка очень образно сказано о том, как Иисус и ученики рассадили своих братьев и сестёр рядами по пятьдесят человек: «как овощи лежат на грядке». Взятое из просторечия, но очень яркое сравнение. В нём мне слышится голос апостола Петра, грубого галилейского рыбака, который не умеет выражаться изысканно, но зато говорит так ярко, что его слова не потускнели и за две тысячи лет.

..День клонится к вечеру, уставшие люди рассаживаются рядами по пятьдесят человек. И вот в присутствии всего народа Иисус берёт хлеб, благословляет, преломляет и даёт ученикам.

Ещё четыре раза (кроме этих шести) в Писании рассказывается о том, как Иисус взял хлеб, благословил, преломил и дал ученикам со словами: «Примите, ядите: сие есть Тело Моё». Это три рассказа о Тайной Вечере в Евангелиях от Матфея, Марка и Луки и ещё один раз — в 24-й главе Евангелия от Луки, когда во время эммаусской встречи Иисус тоже берёт хлеб, благословляет и преломляет. В Преломившем хлеб ученики узнают Его, и Он становится невидимым для них. Перед ними на столе остаётся только хлеб, который Он взял, благословил, преломил и дал им, — евхаристический хлеб.

Эти четыре жеста Спасителя во время совершения чуда умножения хлебов точнейшим образом повторяются во время Тайной Вечери, во время Евхаристии.

«И даёт народу...» Сравним, как об этом рассказано у синоптиков — Матфея, Марка и Луки — и в Евангелии от Иоанна. В греческом тексте — «Иисус дал ученикам хлеб, а ученики — народу», а в Евангелии от Иоанна — «И дал хлеб возлежащим», об учениках там ничего не сказано. Евангелисты Матфей, Марк и Лука описывают события как бы снаружи, а последний — Иоанн — как бы изнутри. «Снаружи» это чудо видится именно так: Иисус даёт хлеб ученикам, а ученики раздают его возлежащим. А если смотреть на это чудо «изнутри», то Иисус Сам даёт хлеб каждому из возлежащих вместе с Ним. Апостолы лишь выполняют роль рук Спасителя, их руками именно Он Сам даёт людям этот хлеб. В более поздних рукописях Евангелия от Иоанна вставлены слова «...ученикам, а ученики — возлежавшим», таким образом, повествование об умножении хлебов в Евангелии от Иоанна «подогнали» под рассказ в синоптических Евангелиях. Это характерная черта византийской редакции евангельского текста. В настоящее время познакомиться с древним текстом можно по переводу под редакцией епископа Кассиана (Безобразова), не раз уже издававшемуся Российским Библейским Обществом.

Чудо умножения хлебов удивительным образом напоминает нам о таинстве Евхаристии. Тайная Вечеря ещё не совершена. Ещё впереди и Страстная неделя, и Великий четверг... В этом чуде как бы присутствует тень будущей Евхаристии. Потом, в день Тайной Вечери, Иисус велит ученикам тоже принести хлеб...

А почему у евангелистов Марка и Иоанна упоминается о зелёной траве? Зелёной трава в Палестине бывает только весной. Если мы посмотрим, в каком месте 6-й главы Евангелия от Иоанна стоит рассказ об этом чуде, то поймём, что речь идёт о времени перед Пасхой. Но ведь и Тайная Вечеря была совершена перед Пасхой. Это не простое совпадение.

Когда хлеба ещё не умножены, когда ученики говорят о том, что этим людям нечего есть и двухсот динариев не хватит, чтобы купить еды для всех, а денег взять неоткуда, Иисус отвечает: «Вы дайте им есть». Интересно, что с точки зрения грамматики греческого языка местоимение «вы» здесь совершенно не нужно. А оно здесь стоит! Оно как бы курсивом, вразрез с правилами грамматики туда вставлено, чтобы подчеркнуть что-то важное: именно вы дайте им есть. То есть — если вы сами не дадите, то никто им не даст. Обращаясь к апостолам, Иисус говорит: «Я сотворю это чудо, но вашими руками».

Когда мы теперь, в XX веке, служим Литургию, мы берём для этого хлеб, который называется «просфора», по-латыни — *oblata*, «приношение». Это хлеб, который *приносят в храм молящиеся*, чтобы на нём была совершена Евхаристия.

Однажды я был в греческом храме в Париже, пришёл туда рано, когда ещё никого не было. Священник мне сказал: «Посидите, подождите, в 10 часов будет служба». Я сидел, молился и ждал. Входит старушка, в платочке, вся в чёрном, как ходят всегда старые гречанки, и несёт хлеб. Священник выходит из алтаря, берёт его, подкидывает, говорит: «Хорошо!» — и уносит в алтарь. Вот на этом хлебе он и совершил таинство Евхаристии. Это — знак подлинности Евхаристии, которая совершается на принесённом хлебе, а не на специально выпекаемой в храме просфоре, как это сложилось теперь у нас, на Руси. Ведь в древности просфору и у нас приносили прихожане — по слову Спасителя: «Вы дайте им есть»; потому она так и называется — «приношение». В этом таинстве соединяются два вида служения: священство и диакония, всеобщая диакония всех во Христе. Разумеется, чтобы совершить таинство, необходима только одна просфора, только один хлеб. Но по сложившейся у нас традиции Литургия служит на пяти хлебах. Чудо умножения совершается Иисусом над пятью хлебами, поэтому мы служим Евхаристию на пяти просфорах, вспоминая и об этом чуде, а не только о Тайной Вечере. А если прихожан сто, двести, триста и они принесут много хлебов, то этот остальной хлеб будет *антидодом*. Его раздадут нищим, убогим, тем, кто в нём нуждается. Это и есть диакония всего прихода, диакония каждого христианина, когда все участвуют в служении, когда нет зрителей,

потребителей благодати, а все — участники одного общего дела. Ибо само слово «литургия» означает «общее дело».

В рассказе о чуде умножения хлебов в 6-й главе Евангелия от Иоанна присутствует одна очень важная деталь, которой нет у других евангелистов: хлеб, который Иисус берёт и благословляет, находится у мальчика. Вспомним другое место из Евангелия: «Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им; ибо таковых есть Царствие Божие» (Мк 10:14). Не случайно именно у ребёнка и находится хлеб, который Господь берёт для умножения.

Иисус говорит: «Отпустить же их неевшими не хочу, чтобы они не ослабели в дороге» (Мф 15:32). В какой дороге? Не только в той, что ведёт из пустынного места домой, но и в жизненной дороге. Не хочу оставить их, говорит Спаситель, без хлеба Евхаристии, без таинства Евхаристии, без святого причащения, чтобы они не ослабели на жизненном пути.

Иногда говорят: «Этот человек недостаточно чист, он грешен, грязен и так далее, ему нельзя причащаться». Нет, именно ему и предлагает Господь Себя в виде хлеба, чтобы он «не ослабел в дороге» окончательно, не сломался.

Один из святых прошлого века говорил: «Ты недостойн Святых Тайн? Да, недостойн, это ясно, но это тебе необходимо». Другими словами, ты недостойн и никогда не будешь достоин, но причащаться Святым Тайн тебе необходимо, без этого тебе будет ещё хуже. «Не хочу их отпустить неевшими, чтобы они не ослабели окончательно», — говорит Спаситель. Людям надо дать эту духовную пищу, иначе им будет ещё хуже, ещё труднее. Что такое причащение? Награда за хорошее поведение? За то, что ты постился или молился? Или это тот Хлеб, без Которого ты, если начал погибать, погибнешь окончательно? Наверное, всё-таки второе...

Евангелист Марк, рассказывая о начале этого чуда, говорит: «Иисус, выйдя, увидел множество народа и сжалился над ними...» (Мк 6:34). Слово «сжалился» осталось во всех остальных Рассказах, но то, что дальше сохранено у Марка, в других текстах утеряно: «...сжалился над ними, потому что они были, как овцы, не имеющие пастыря». Иисус, совершая чудо умножения хлебов, поступает как добрый пастырь из 10-й главы Евангелия от Иоанна. А ведь именно 10-я глава Евангелия от Иоанна, глава о добром пастыре, который душу свою полагает за овец, была древним пасхальным чтением. Это теперь мы читаем в пасхальную ночь начало Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово...», а христиане Запада — последнюю главу Евангелия от Марка: в глубокой же древности в пасхальную ночь читалась именно 10-я глава Евангелия от Иоанна — о добром пастыре. Так что евангелист Марк, сравнивая Господа в рассказе о чуде умножения хлебов с добрым пастырем, напоминает нам, что мы всякий раз, когда вкушаем евхаристический хлеб, «смерть Христову возвещаем, доколе Он не придёт», как говорит об этом в Первом Послании к Коринфянам апостол Павел (11:26). В чуде умножения хлебов присутствует весть о смерти Христа и воскресении Его из мёртвых.

...Пять тысяч человек окружают Иисуса в тот момент, когда Он совершает таинство умножения хлебов. Таинство? Наверное, правильнее было бы сказать «чудо», — но всё же это не оговорка, поскольку в чуде умножения хлебов уже присутствует будущее таинство Евхаристии. Пять тысяч, четыре тысячи — попытайтесь представить себе такое огромное число людей. Вот это и есть та койнония (от греческого слова койнос — «общий»), то со-общение, соединение всех воедино. Апостол Павел восклицает по этому поводу: нас много, но «мы многие — одно тело; ибо причащаемся от одного хлеба» (1 Кор 10:17).

Меня всегда поражает, что просфоры, которую мы используем для таинства Евхаристии, хватает всем, сколько бы ни было народу в храме. Если причащаются сто человек, частицы получаются больше. Если тысяча, как бывает в пасхальную ночь, то мы дробим одну просфору на тысячу частиц. Они меньше, но всё равно их хватает всем.

Есть в этом повествовании ещё один существенный момент: Иисус умножает хлеба, когда наступает вечер. Когда тьма начинает сгущаться, нам являет Себя Иисус — Тот, Который «во тьме светит» (Ин 1:5). Когда вокруг сгущается тьма, Он одерживает над ней победу, побеждает смерть. Именно в тот момент, когда над нами торжествует тьма — физическая или психологическая, — Он приходит и начинает сиять, Он отдаёт нам Самого Себя.

В каждом евангельском рассказе надо различать два плана. С одной стороны, это рассказ о событии, которое имело место две тысячи лет назад в очень далёкой от нас стране. Вместе с тем всё это происходит с нами, с каждым из нас. Мы оказываемся участниками каждого евангельского события. Можно так сказать: любая книга существует отдельно от нас, мы существуем вне её. Евангелие — совсем другая книга, мы живём как бы «внутри» её.

Чудо умножения хлебов происходит на мистическом уровне каждый день вот уже две тысячи лет. Каждый день на земле служитя Литургия — не в этом, так в другом храме; нет ни дня, когда бы не было обедни. Когда начинается Великий пост, на Востоке Литургия совершается только по субботам и воскресеньям, а на Западе — и в будние дни. В Великую пятницу Литургия не совершается, но когда Великая пятница наступает у христиан Востока, у христиан Запада уже Пасха... Так что за две тысячи лет христианской истории не было ни одного дня, когда бы это чудо, чудо умножения хлебов, не повторилось. И всем хватает, и все насыщаются! Каждый день Господь берёт, благословляет, преломляет и даёт нам этот хлеб. И его всегда хватает, и остаётся! А если кто-то болен и не может прийти на Литургию, всегда на Престоле есть запасные Дары, которые священник может положить в дароносицу, принести больному и в любой день и час — вечером, ночью — причастить его (в Византийском уставе сказано, что больного можно причащать и не натошак, в любое время, независимо от того, готовился он к этому или нет).

В евангельском рассказе об умножении хлебов описано таинство Евхаристии. Однако «механизм» чуда остаётся скрытым от нас. Но потому это и чудо. Когда всё понятно, это уже что-то другое.

Что было на самом деле? — спрашивают люди. Как это произошло? Какова, действительно, была «метода» этого действия? Я не знаю. В книге «Сын Человеческий» о. Александр Мень на: «Мы никогда не узнаем, как именно произошло умножение хлебов, но важно совсем не это. Накормив народ, Иисус показал, что подлинная вера и единение душ в благодати могут стать залогом не только небесного, но и земного благословения».

Можно сказать, что это чудо позволило людям вкусить радость более насыщающую, чем изобилие, — подлинное братство. Подчёркиваю: мы не знаем, как это произошло в тот день, но в свете веры знаем, что факт имел место, и видим результаты этого факта.

Мы знаем, что вино и хлеб в ходе совершения таинства Евхаристии не изменяют своей *физической* природы. Об этом прямо сказано в «Известии учительном для служащих Божественную Литургию». С евхаристическим хлебом, с Телом Христовым, надо обращаться бережно, помня, что это хлеб, который может засохнуть, заплесневеть и т. д. Относясь к нему благоговейно, надо беречь его физическое естество. Но хлеб этот *прелагается* («Преложив Духом Святым», — говорим мы); не меняя своей физической природы, он наполняется новым, абсолютно новым бытием. Это тоже помогает нам понять суть описанного в Евангелии чуда — когда хлеб умножается, наполняясь каким-то новым бытием.

Если сравнивать в Евангелиях Марка и Матфея первый вариант повествования со вторым, то заметно, что во втором, как я уже говорил, меньше деталей, рассказ короче, но зато больше значимости мистической, явственнее подчёркивается *евхаристическая* суть этого чуда. Например, у Матфея вместо «благословил» (14:19) во втором варианте сказано: «воздав благодарение» — *евхаристос*, то есть «совершив Евхаристию» (15:36). Читая о чуде умножения хлебов в первый раз, мы воспринимаем его как бы в реальном плане, второй раз — в большей степени мистически.

В Евангелии от Марка рассказ об умножении хлебов, особенно первый, — это рассказ свидетеля чуда (если просто изменить местоимение «они» на «мы», то это становится особенно ощутимым). Быть может, это рассказ самого апостола Петра, из которого потом выросло евангельское повествование. Прочитать его, просто заменив местоимение «они» на «мы», очень продуктивно в духовном смысле для любого из нас...

Каждый иудей знал: когда придёт Мессия, или Христос, Он устроит пир. Все ждали, что это будет пиршество с роскошным угощением, с мясными блюдами и прочим. Но вот этот «пир» Мессии происходит. И оказывается совсем другим. Христос приходит не таким, каким Его нарисовало человеческое воображение, а таким, какой Он есть. И «пир» происходит благодаря тому, что мальчик даёт им хлеб, о чём говорит евангелист Иоанн. Не случайно именно мальчик, ребёнок, даёт хлеб для чуда. Духовная детскость лежит в сердцевине христианства, без неё христианства нет!

На то, что все мы становимся участниками этого чуда каждый воскресный день, указывает молитва, читаемая в самом конце Литургии, перед тем как задёргивается завеса. Мы просим Спасителя: «И сподоби державною Твоею рукою преподати нам Пречистое Тело Твое и Честную Кровь Твою, и нам и всем людям». При этом не следует забывать, что всё это происходило и в реальной жизни в Палестине I века. Если мы не будем обращать внимания на реальный фон евангельского события, то никогда не станем его участниками. Например, в фильме Ф. Дзеффирелли «Иисус из Назарета» рыбы, которые умножает Христос, крупные, вроде карпов. Получилось что-то похожее на рынок в процветающем западноевропейском городе, где-нибудь в Неаполе. Ничего общего с Палестиной, с таинством Евхаристии это, увы, не имеет. Иисус брал маленькие сушёные рыбёшки — *опсария* (греки сейчас называют их *псары*). Увы, образ чуда, который нарисовал Ф. Дзеффирелли, просто дезориентирует зрителя.

Зададимся вопросом: какое место занимает здесь, в этом чуде, рыба? Вы помните, что рыба была символом присутствия Христова в жизни. Первым христианам из Иудеи было очень трудно перешагнуть через ветхозаветный обычай не изображать Бога. Они никогда не изображали Спасителя так, как потом Его будут изображать на иконах, отталкиваясь от нерукотворных ликов, которые сохранились у царя Авгаря, на плате Вероники, на Туринской плащанице. В первые века Спасителя изображали или в виде рыбы, или в виде агнца, или в виде виноградной лозы, то есть пользовались только символическими изображениями. Позже — в виде доброго пастыря с овцой на плечах — но без портретного сходства. И только потом появились иконы, на которых мы видим тот лик, который запечатлен на Туринской плащанице.

Господь совершает чудо умножения хлебов вечером, когда ступает тьма, когда все наши страхи усиливаются — страхи, обнажающие нашу беспомощность; именно в такие моменты мы остро чувствуем, насколько мы далеки от своей истинной родины, от Бога: нам трудно, мы потеряны... В этой тьме Господь совершает чудо умножения хлебов. Вот почему особенно значимы литургии, совершаемые, когда темно — в рождественскую или пасхальную ночь. Вокруг тьма, а в храме в это время совершается таинство Евхаристии, Господь становится посреди нас, чтобы «снова и снова» взять хлеб в руки, благословить, преломить и дать нам.

В Евангелии от Иоанна есть очень важное место. После совершения чуда умножения хлебов, узнав в Иисусе Христа, Мессию, Того помазанника, Которого вот уже тысячу с лишним лет ждёт народ, иудеи хотят сделать Его царём. Здесь как бы повторяется третье искушение Спасителя в пустыне, но только уже перед лицом людей, — искушение властью. И тут Иисус уходит и удаляется на гору один. Матфей рассказывает, что, отпустив народ, Он взшёл на гору молиться наедине и вечером оставался там один (см. 14:23). Из Евангелия от Марка мы знаем, что именно в этот момент Он спрашивает: «За кого почитают Меня люди?» (8:27). Ответ напрашивается сам собой — за Мессию. Из Евангелия от Иоанна становится понятным: Он уходит молиться, потому что люди хотят сделать Его царём, «взять» Его и сказать: решай за нас наши мирские проблемы. Он уходит и молится... Так

и мы — ждём, чтобы Христос устроил наше мирское бытие, устроил жизнь вокруг нас. А Он в тот момент, когда мы Ему говорим: «Будь нашим царём, всё устрой, а мы придём на готовенькое», уходит и молится о нас, молится о том, чтобы братское общение — *койнония* — осуществлялось самими братьями и сестрами, всегда и во всём. Чтобы через это братское общение в нашу жизнь вошло то разумное её устройство, на котором она должна быть основана. Не государственное устройство — а именно братство, которое параллельно государству и не зависит от него, но делает жизнь действительно жизнью, а не прозябанием. Люди, желая видеть в Иисусе земного царя, противопоставляют себя Ему. Вот Он — внешняя сила, а мы — овцы Его пажити, Он всё для нас приготовит. Но если мы видим в Нём внешнюю силу, то Он оказывается вне нас — не среди нас и не в нас, а над нами. И нам уже тогда не воскликнуть: «Не я живу, а живёт во мне Христос!»... Именно *койнония*, то общение, которое предлагает нам Христос, даёт возможность увидеть в Нём не внешнюю силу, а Того, Кто среди нас. Кто воедино объединяет нас изнутри.

Исповедание Петра и Преображение Господне

Когда в конце Литургии священник выходит из Царских врат со Святой Чашей, мы все вместе — и священнослужители, и участвующие в богослужении миряне — читаем молитву, составленную в IV в. Иоанном Златоустом: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от них же первый есмь аз...»

«Ты еси воистину Христос»

Слова «Ты воистину Христос, Сын Бога живаго» взяты из 16-й главы Евангелия от Матфея. «Придя же в страны Кесарии Филипповой, Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Пётр, отвечая, сказал: Ты Христос, Сын Бога живаго» (Мф 16:13-16).

Ответ Петра — очень важное место в Евангелии. Сразу же после того, как Пётр исповдал Иисуса как Сына Бога живого, как Христа, как Мессию, Господь в первый раз открывает ученикам, что Ему предстоит пострадать, быть распятым, погребённым и воскреснуть в третий день (Мф 16:21, Мк 8:31, Лк 9:22). Затем Иисус ещё дважды напоминает ученикам об этом.

Исповедание Петра — очень важный момент в истории евангельской проповеди и в личной истории каждого христианина. То, что одни почитают Иисуса за Иоанна Крестителя, другие — за одного из пророков, понятно. Нам всегда хочется видеть в новом что-то похожее на старое. Ещё Платон говорил, что «познание нового есть узнавание старого». Нам хочется найти в новом поэте что-то уже знакомое, и мы говорим: этот поэт похож на Лермонтова, на Блока, на Гумилёва... Многие не приняли Иосифа Бродского именно потому, что он не похож ни на кого. Нам проще, когда новый поэт, композитор, философ или художник похож на кого-то, кого мы уже знаем.

Апостол Пётр сделал то, что очень трудно сделать. Он вырвался из порочного круга привычных представлений и стереотипов к совершенно новому пониманию реальности. Он сумел понять, Кто стоит перед ним. Христос. Помазанник. Тот, Кого уже тысячу лет ожидал народ Божий, — Мессия, обещанный ещё во времена пророка Моисея. «Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь, Бог твой, — Его слушайте» (Втор 18:15).

Н. Бердяев когда-то замечательно сказал, что христианство отличается от других религий исключительно тем, что здесь мы встречаемся с Иисусом как с Человеком. Всё остальное, что мы находим в христианстве, уже было открыто античной философской мыслью или сформулировано в Ветхом Завете — только Сам Христос абсолютно нов и уникален. Об этом же ещё раньше говорил Владимир Соловьёв, сначала в «Чтениях о богочеловечестве», а затем в «Трёх разговорах».

Христианство и история

Важно обратить внимание на тот фон, на котором происходит исповедание Петра. «Придя же в страны Кесарии Филипповой...» Окрестности Кесарии Филипповой — это холмы. Как на холме Акрополя стоит Парфенон, так и здесь на высоком холме расположен город Кесария с огромным храмом Августа. Этот храм украшают белые колонны и статуи. Античный храм Августа — как бы картинка греко-римского мира. Вокруг — множество языческих храмов и святилищ в честь различных богов. Это уже не Палестина, а Финикия. Население смешанное, поэтому здесь верят в самых разных языческих богов, приносят жертвы Ваалу, Адонису и другим божествам.

Пётр исповедует Христа *на фоне истории мировых религий*. Не в вакууме, а именно в контексте всего того, что накопило к этому моменту человечество, на фоне истории человеческой мысли, религии, веры, философии, искусства, литературы Пётр восклицает: «Ты Христос!»

Христианство не стоит вне истории — оно глубочайшим образом укоренено в ней. Христианство не стоит вне культуры в её историческом развитии — оно *внутри* её.

В Евангелии от Луки, в начале 3-й главы, подробнейшим образом представлена историческая обстановка, в которой начинал Свою проповедь Христос: «В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод был четвертовластником в Галилее, Филипп, брат его, четвертовластником в Иудее и Трахонитской области, а Лисаний четвертовластником в Авилинее, при первосвященниках Анне и Каиафе, был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне» (Лк 3:1-2). Слово Божие, Евангелие, христианство всегда связаны с миром, в котором мы живём. Если в других религиях и учениях, особенно на Востоке, человек приходит к Богу, отворачиваясь от реальности, то в христианстве всё происходит наоборот — Бог приходит к людям, Бог оказывается среди нас!

Приведу случай из своей недавней практики. Меня попросили освятить помещение на бывшей ВДНХ. Я не уточнил, какое, а когда приехал, оказалось, что освятить нужно котельную. В ней работают замечательные женщины, они-то и пригласили меня. Открыв требник, я сразу попал на молитву «На освящение печи». В этой прекрасной молитве византийского происхождения говорится не только о самой печи, но и о людях, которые при ней трудятся. И то, что в требнике нашлась молитва специально для такого случая, — очень хороший знак жизненности нашей веры. Вся она построена на том, что Господь не уводит нас из реальности, а входит в наш реальный человеческий мир.

«Иди за Мной»

...Теперь, после исповедания Петра, апостолы знают, что Человек, собравший их вокруг Себя, и есть Тот, Кого уже тысячу с лишним лет ждут, Тот, Который должен всё устроить. И, повторю, именно с этого момента Иисус стал говорить ученикам о том, что Его ожидает: «С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим, и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть» (Мф 16:21). Но оказывается, что даже Петру, который сделал такой потрясающий прорыв в своём видении Христа, не по силам принять эти слова: «И, отозвав Его, Пётр начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою!» (Мф 16:22).

Иисус, Который только что сказал исповедавшему Его Петру: «...Блажен ты, Симон, сын Ионин; потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах» (Мф 16:17), — на эти слова Петра отвечает: «...Отойди от Меня, сатана!» (Мф 16:23).

Так звучит Его ответ Петру в Синодальном переводе. Когда мы читаем это, нас смущает «неадекватная» реакция Иисуса на слова Петра. Пусть даже тот сказал глупость — но ведь только потому, что он любит Иисуса, боится за Него и не хочет Его потерять... Однако, прочитав ответ Иисуса по-гречески или даже на церковно-славянском языке, мы увидим, что звучит он совсем не так, как в Синодальном переводе. На церковно-славянском — «Иди за Мной, сатана» (выделено

мною. Г. Ч.). В греческом тексте также употреблён предлог, означающий не «от», а «за». Значит, Иисус сказал не «отойди от Меня», а «иди за Мной». В таком случае слова Спасителя можно истолковать примерно так: «Ах, сатана ты, сатана... Но — иди за Мной». Или: «Пётр, сейчас через тебя говорит сатана, но Я не отталкиваю тебя, а, наоборот, зову за Собой».

Сказав: «Иди за Мной, сатана», Иисус продолжает, употребляя тот же предлог «за»: «...Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо, кто хочет душу (жизнь) свою сберечь, тот потеряет её; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретёт её» (Мф 16:24-25).

Вот какие удивительные слова обращает Иисус к Петру и Другим Своим ученикам! В них — ещё один важнейший феномен христианства: христианин всегда идёт вперёд, пусть даже сатана и сеет в его сердце плевелы. Именно на пути вперёд эти плевелы засыхают. Мы можем не делать дурного, но не думать о дурном — не в наших силах. Мы можем не красть, но не завидовать — не в наших силах. Мы можем не грешить в поступках, но в мыслях-то, в сердце грех сидит, и с этим не совладать. Это то, что в восточной христианской традиции обозначается словом «помыслы». Именно эти дурные помыслы Иисус называет словом «сатана». От них есть только одно лекарство: идти вперёд, за Христом, несмотря ни на что. А лучший способ от них избавиться — не оставлять себе свободного времени. Сначала его не будет хватать на дурные дела, а потом и на дурные помыслы.

В аскетической литературе есть тысячи страниц с рекомендациями, как бороться с дурными помыслами, но нередко, занимаясь этой борьбой, человек только увязает в них. Однако если мы будем идти вперёд, как зовёт Христос, то дурные помыслы начнут сами собой отмирать, засыхать и отпадать, как старые ветки с дерева.

«На горе преобразился еси»

Иисус преодолел искушение Петра, сказавшего: «Да не будет этого с Тобою», предсказал Свою смерть, после того как Пётр признал Его Христом; Он объяснил Петру, а с ним и всем нам, что делать, если дурные мысли входят в наши головы и души. Затем Он уводит трёх Своих учеников на гору и там преображается перед ними. Тут всё связано в единое целое: исповедание Христа Петром, попытка Петра предотвратить предсказанную Иисусом смерть и Преображение Иисуса. «По прошествии дней шести взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвёл их на гору высокую одних. И преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф 17:1-2).

Когда Преображение Господне изображается на иконах, Иисус предстаёт перед нами в белых одеждах, сияющий каким-то особым, нетварным, по определению Григория Паламы, светом, как бы уже воскресший. В этом, наверное, суть чуда, свидетелями которого стали Пётр, Иаков и Иоанн. Ещё до смерти и воскресения, ещё до креста Иисус явился как бы воскресшим. На горе Он является ученикам преображённым, как потом, в конце Евангелия от Матфея, уже после Своего воскресения, — на горе перед одиннадцатью учениками.

В самом начале рассказа о Преображении есть не совсем понятное выражение «по прошествии дней шести». Что это за шесть дней?

После того как Иисус преобразился, Ему и апостолам являются Моисей и Илия — два ветхозаветных пророка; они беседуют со Спасителем. Пётр восклицает: «Господи! хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии» (Мф 17:4).

Кущи устраивают, когда празднуют *суккот*. На этот праздник, как мы знаем из Евангелия от Иоанна, Иисус ходил в Иерусалим. В Сидуре, иудейском молитвослове, говорится, что праздник кущей посвящён благословию плодов. Этрог — плод, напоминающий лимон, — обязательный элемент на празднике *суккот*, потому что в глубочайшей древности это был праздник урожая. В нашей Церкви в празднике Преображения тоже присутствуют элементы праздника урожая, правда, в храм

приносят не лимоны, а яблоки. «Яблочный Спас» — так называется праздник Преображения в народе. В этот день читаются специальные молитвы «на благословение плодов», по содержанию очень напоминающие те, что читали в дни праздника кущей в Палестине.

Этот праздник, суккот, длился семь дней, и самым значительным был последний. Теперь становится понятным, что это за «шесть дней» — речь идёт о шести днях праздника кущей. А по прошествии их, в последний, самый значительный День праздника Иисус поднялся на гору и преобразился, воссияв каким-то особым светом... Именно в этот день совершались церемонии с зажжением светильников по всему городу. Весь город сиял особым светом... Иудейский праздник кущей (в нашей Церкви — праздник Преображения) связан с мистикой света и с благословением плодов. Кущи тоже упоминаются в рассказе о Преображении: Пётр хочет построить их для Спасителя, Моисея и Илии. Очень важно запомнить, что три величайших праздника христианства связаны с тремя самыми большими ветхозаветными праздниками. Наш праздник Преображения — с праздником кущей, наша Пасха — с исходом из Египта, Пасхой ветхозаветной, наша Троица (Пятидесятница) — с праздником недель (*шевуот*). Эта параллель, разумеется, не распространяется на Рождество — рождение Спасителя вносит в мир то, чего раньше не было.

А почему с Иисусом беседуют Моисей и Илия? Во-первых, оба они боговидцы: и с тем и с другим говорил Бог. Во-вторых, оба представляют как бы весь Ветхий Завет: то, что мы называем Библией, иудеи называют Закон и Пророки. Закон представлен Моисеем, а Пророки — Илией.

«Хорошо нам здесь быть»

...Видя преобразённого Иисуса, беседующего с Моисеем и Илией, Пётр и восклицает: «Господи! хорошо нам здесь быть!» Какие-то смешные, наивные слова. Но ведь и мы с вами очень часто, приходя в храм, говорим в душе: «Хорошо нам здесь быть!» Нам хорошо, приятно здесь находиться, здесь молиться, и нам начинает казаться, что в этом — в храмовом действе — и воплощается наше христианство. «Хорошо нам здесь быть!» — и мы становимся христианами не в жизни, а в храме. Но это путь очень опасный, он приводит к тому, что мы перестаём быть христианами, а становимся просто почитателями храма. Нам приятно «погреться» в храме. О. Александр Мень очень хорошо говорил, что христианство не тёплая печка, к которой приятно прислониться, а трудная и опасная экспедиция. Так он выразил на языке XX века то, что говорил Пётр в рассказе о Преображении.

В тот момент, когда Пётр сказал: «Хорошо нам здесь быть», облако закрыло гору. Из Ветхого Завета, из книги Исход прежде всего, мы знаем, что в облаке являет Себя Бог. И конечно, это повергает апостолов в ужас: они понимают, что имеют дело с Богоявлением, что в этот момент они встречаются с Богом лицом к лицу. «Когда он ещё говорил, се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголящий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Моё благоволение: Его слушайте» (Мф 17:5).

Эти слова мы уже встречали в Евангелии — в рассказе о Богоявлении: в тот момент, когда Спаситель выходит из иорданских вод после крещения от Иоанна Крестителя, с неба, из облака, раздаётся глас Божий: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Моё благоволение» (Мф 3:17).

В обоих случаях речь идёт о Богоявлении. Только в рассказе о крещении Дух Святой является в виде голубя, как мы поём в тропаре: «И дух в виде голубине извествовавше словесе утверждение». А как же являет Себя Дух Святой в момент Преображения Иисуса? На иконе «Преображение» мы видим на горе, кроме Спасителя и двух пророков, три смешные фигурки, причём иногда они катятся вниз с этой горы. Они в испуге, в смятении, они не в силах вместить в себя то, что происходит. На многих иконах апостолы изображены почти карикатурно. Но именно в этих трёх смешных фигурках присутствует Дух Святой!

Да, мы смешные, да, мы неподготовленные, глупые, эгоистичные, жадные... Но при этом мы — храм Духа Святого! В нас и через нас действует Дух Святой. Евангельский рассказ о преображении —

и об этом тоже. Это какое-то особое Богоявление, во время которого нам, оказавшимся его свидетелями, открывается, что Дух Святой присутствует в нас, таких смешных и неподготовленных.

«Се Сын Мой Возлюбленный» — это цитата из книги Бытие (гл. 22). «Его слушайте» — тоже ветхозаветная цитата (Втор 18:15). Иудея, хорошо знавшего Писание, эта фраза сразу пронзала, сразу ставила лицом к лицу перед потрясающей новостью: в мир вошёл Мессия, в мир вошёл Спаситель!

Три евангельских рассказа

Обратим внимание на то, что три евангельских рассказа о Преображении, как всегда, отличаются друг от друга какими-то деталями. В Евангелии от Матфея рассказ просто иконописен. Не случайно именно на нём основана иконография Преображения Господня.

Рассказ Марка очень ярок и местами почти смешон. Но в нём слышится живой голос апостола Петра, и этим он ценен. Я уже говорил раньше, что, рассказывая о том, как белы стали в момент Преображения одежды Иисуса, евангелист Марк восклицает: «Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить» (Мк 9:3). Зачем в таком мистическом рассказе, где всё действительно сияет нетварным светом, вдруг вспоминать о белильщике, который, видимо, в каком-то специальном резервуаре щёлочком или ещё чем-то отбеливает полотно? Апостол — простой галилейский рыбак, не привыкший ко всяким литературным красотам. Он не может описать этот свет так, как потом его опишет Дионисий Ареопагит или аббат Сугерий во Франции. Он использует самый простой бытовой образ, который и превращает этот рассказ в подлинное, живое свидетельство.

Совсем по-другому описано Преображение в Евангелии от Луки. В нём нет слова «Преображение». Рассказывая о событии, Лука говорит: «И когда молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею» (Лк 9:29). Лука — грек. В отличие от тех апостолов, которые проповедовали в одной только Палестине и не были знакомы с великой греческой литературой, он — образованный человек, укоренённый в античной культуре. Преображение, или, по-гречески, *метаморфоза*, связано для Луки с мифологическими превращениями олимпийских богов, описанными в «Метаморфозах» Овидия. Евангелист не употребляет этого слова, чтобы показать, что в этом Преображении нет ничего общего с тем, о чём писали Овидий, Апулей и другие писатели древности. Лука понимал, что, если он употребит слово «Преображение», читатели сразу начнут проводить параллели между этой и другими метаморфозами. Поэтому он употребил достаточно нескладное на фоне своего хорошего литературного языка выражение: «вид лица Его изменился».

Преображение Его и наше

Пётр воскликнул: «Ты Христос!» После этого Иисус сообщил о том, что Он умрёт и воскреснет, и преобразился. В этом Преображении ученики и все мы увидели, что Он не просто Мессия, не просто единственный в своём роде Пророк, но Человек, в Котором заключена вся полнота Божия.

Иисус — не античный бог, спустившийся на землю. Он — Человек, как и все мы. Но в этом Человеке обитает, как говорит прекрасно владеющий греческой философской терминологией апостол Павел, «вся полнота Божества телесно» (Кол 2:9). Павел употребляет слово «обитает», соответствующее понятию иудейского богословия *шехина* (пребывание Божие).

Преображение Господне становится следующим после исповедания Петра открытием Тайн Христовых. И вслед за этим Иисус вторично предсказывает Свою смерть и воскресение. Апостолы ещё не пришли в себя после Преображения, а Иисус опять говорит им о том, что Сын Человеческий умрёт и воскреснет. Он вновь погружает их в тайну, которая пока ещё не вмещается в их сердца. И после этого Его второго пророчества о Своей смерти и воскресении происходит то, что описано у всех трёх синоптиков: Он благословляет детей, ибо «таковых есть Царство Небесное». Вторично столкнувшись с тем, что Его слова не вмещаются в сердца апостолов, Он благословляет детей, указывая тем самым и апостолам, и всем нам, на кого нужно ориентироваться, — «таковых» (выделено

мног. — Г. Ч.) есть Царство Небесное». Иными словами, Спаситель предлагает нам стать как эти дети, и тогда то, что в нас не вмещается сегодня, в какой-то момент войдёт в наше сердце. Апостолы, которые не могут вместить в себя смерть и воскресение Иисуса, спрашивают: «Разве это возможно?» Да, отвечает Иисус, это невозможно для людей, но не для Бога, потому что для Бога возможно всё. И, обращая их взор на детей — ибо «таковых есть Царство Небесное», — Христос укрепляет учеников перед лицом этого не понятого ими предсказания о Своей смерти.

И в третий раз Иисус предсказывает Свою смерть и воскресение, и снова эта весть не вмещается в сердца апостолов. Тогда Иисус исцеляет слепого, после чего входит в Иерусалим. Этим исцелением Он показывает нам, что мы тоже можем обрести зрение и увидеть и понять то, о чём Он нам говорит. Об исцелении слепого тоже рассказывают все три синоптика, и это знак того, что речь идёт действительно о чём-то особо важном.

У Луки между вторым и третьим предсказаниями — в кульминационный момент, когда мы вместе с апостолами не в силах осознать весть о смерти Христовой и Его воскресении, — приведены три притчи: о добром самарянине, о блудном сыне и о мытаре и фарисее. Эти три знаменитые притчи, которые есть только у Луки, не случайно даны именно в этом месте повествования. Мы приходим со Спасителем в Иерусалим, и тут Господь вводит нас в тайну Своей смерти. Начинается Страстная неделя; Господь ведёт нас по очень трудной дороге, готовя к вхождению в Царство Небесное. А перед этим Он в притчах рассказал, что такое Царство Небесное.

Празднику Преображения (19 августа) посвящены замечательные песнопения. В частности, тропарь «Преобразился еси на горе Боже, показывай учеником Твоим Славу Твою, яко же можаху (то есть — насколько они могли вместить в себя это событие. — Г. Ч.). Да воссияет и нам, грешным, Свет Твой Присносущный молитвами Богородицы, Светодавче, Слава Тебе!» — и кондак «На горе преобразился еси и яко же вмещаху ученицы Славу Твою, Христе Боже, видеша. Да егда Тя узрят распинаема, страдание убо уразумеют вольное, мирови же проповедят, яко Ты еси воистину Отчее сияние».

В этом коротком гимне Преображение связывается со смертью на кресте: «Егда Тя узрят распинаема, страдание убо уразумеют вольное». Значит, являясь ученикам как бы уже воскресшим до Своей смерти, Христос готовит их (а вместе с ними и нас) к вхождению в тайну Его смерти. Но Он преобразился, не умерев, показав, что в мир воскресения можно войти до смерти. Этот путь Он открывает каждому из нас. И как воскресение Христово началось до Его смерти, так и воскресение каждого христианина — лишь особый переход. Потому что входить в мир воскресения все мы должны при жизни, только называть его, может быть, лучше не воскресением, а именно *преображением*. Такое преобразование и есть христианство.

Большинство восточных религий отрицают плоть и показывают её испорченность, отсюда — умерщвление плоти, борьба с нею, разные экзотические формы аскетизма, свойственные религиозным доктринам Индии, Египта и вообще Востока: не есть, не пить, высушивать себя заживо. Античная религия, наоборот, плоть обожествляет. А Христос предлагает нам третий, совершенно иной путь, показывает нам, что плоть может быть преобразена, если Бог входит в наше сердце, если Он наполняет нас.

Понять это очень важно. Поскольку христианство распространялось прежде всего на Востоке, где в течение тринадцати веков существовали религии, полностью построенные на ненависти к плоти, то и в нашу веру проникли элементы отрицательного отношения к плоти. А ведь она дана нам Творцом. Поэтому пост, увы, превращается в идолослужение, если он не поднимает, не совершенствует человека, а ломает его. И наоборот, если мы чувствуем, что пост нас поднимает, делает в чём-то лучше, придаёт нам доброту, щедрость, смелость и честность, это значит, что преобразование нашего человеческого «я» уже происходит.

Часть II

Особенности Евангелия от Матфея

«До скончания века»

Как правило, мы начинаем читать евангельский текст и размышлять над ним с Евангелия от Матфея. И часто складывается впечатление, что оно, если можно так сказать, — образцовое, а в трёх остальных Евангелиях есть что-то новое по сравнению с ним. Но на самом деле какие-то вещи, как раз особенные, которые есть в первом из четырёх Евангелий, начисто отсутствуют у Луки, у Марка, у Иоанна.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на композицию Евангелия от Матфея. Как Закон Моисеев изложен в пяти книгах (Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие), так и Евангелие от Матфея (Новый Закон, Закон Христов) тоже можно разделить на пять частей.

Первая часть включает в себя рассказ о крещении Спасителя, начале Его проповеди и текст Нагорной проповеди и завершается замечанием о том, как, кончив эти слова, Иисус сошёл с горы (8:1).

Вторая часть включает рассказ о десяти чудесах Божиих (8-я и 9-я главы), а кончается 10-й главой, где Спаситель даёт наставления апостолам, и завершается такой же ремаркой: «И когда окончил Иисус наставления двенадцати ученикам Своим, перешёл оттуда...» (11:1).

Третья часть тоже кончается большим текстом, сказанным Спасителем, — притчами о Царстве Божием, и точно такой же репликой: «И когда окончил Иисус притчи сии, пошёл оттуда» (13:53).

Четвёртая часть завершается 18-й главой, последний стих её: «Когда Иисус окончил слова сии, то... вышел из Галилеи...» (19:1). Она включает в себя, кроме повествовательной части, притчу о немилосердном займодавце.

Наконец, последняя, пятая часть — перед событиями Страстной недели — включает в себя беседу на горе Елеонской о Конце истории, притчу о десяти девах и о последнем Суде и завершается той же самой фразой: «Когда окончил все слова сии...» (26:1).

Так же, как в Пятикнижии центральный момент — это Заповеди Божии, которые даёт Бог Моисею на горе, так и в Евангелии от Матфея главное — Нагорная проповедь: Заповеди Блаженства, которые Бог даёт людям через Иисуса на горе (поэтому мы и говорим «Нагорная проповедь»).

Как в Ветхом Завете Пятикнижие — книга о присутствии Божиим среди людей, так и Евангелие от Матфея включает в себя — как главную тему — весть о присутствии Божиим среди людей в лице Иисуса.

Уже в самом начале, как бы задавая тон всей книге, звучит стих пророка Исайи: «Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог» (Мф 1:23). Это имя Иисусово, данное Ему через пророка, — ключ ко всему остальному тексту. В лице Иисуса — с нами Бог.

Если мы пойдём по евангельскому тексту дальше, то обнаружим фразу Спасителя о том, что не могут поститься сыны чертога брачного, пока с ними жених. Слово «Жених» в Ветхом Завете очень часто заменяет слово «Бог» — Жених с ними, с сынами чертога брачного. Если мы — «сыны чертога брачного», значит, с нами Жених, то есть с нами Бог.

Далее, в 18-й главе читаем: «...где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них» (18:20).

И наконец, последний стих ещё раз повторяет эту формулу — «Аз есмь»: «...и се, Я с вами до скончания века» (28:20).

С нами Бог, с нами Эммануил — вот главная тема всего Евангелия от Матфея, через которое Господь как бы открывает нам Своё присутствие среди нас, причём этот важный для христианства момент подчёркнут только в Евангелии от Матфея. От начала до конца, целиком, только в нём

содержится Нагорная проповедь. Но если мы разделим Нагорную проповедь на отдельные части, то окажется, что почти весь её текст можно найти и у Луки, и у Марка, и отдельные слова — в Евангелии от Иоанна. Из 111 стихов Нагорной проповеди лишь 24, то есть меньше четверти, отсутствуют в других Евангелиях. Поэтому важно обратить внимание именно на них.

«Не нарушить пришёл Я, но исполнить»

«Не нарушить пришёл Я, но исполнить» (Мф 5:17) — эти слова являются ключом к пониманию Ветхого Завета и в то же время задают тон всему Евангелию. Евангелие есть исполнение того, о чём говорится в Ветхом Завете, — без Ветхого Завета Новый теряет всякий смысл. В 13-й главе говорится, в общем, о том же: «Он же сказал им: поэтому всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое» (13:52).

Что значит «Новый» и что значит «Ветхий Завет»?

Новый — не в смысле его противоположности Старому Завету, как мы часто думаем, а Новый (греч. *кайнос* или лат. *novus*) в смысле — всегда новый. Не случайно слова Спасителя во время Тайной Вечери: «Сия есть кровь Моя Нового Завета» — на латинский язык переведены как: «*Nic est enim sanguis mens novi et aeterni testamenti*» («Это Моя кровь Нового и Вечного Завета»).

Латинское слово *novus* уже не вмещает того, что на греческом выражено словом *кайнос*, так что переводчику приходится прибегнуть к замене одного слова двумя: «новый» и «вечный». Я бы перевёл на современный язык это слово как «вечно новый»: «Сия есть кровь Моя вечно Нового Завета», «неустаревающего Завета».

Сам термин «Старый», или «Ветхий», как мы обычно говорим, в достаточной мере условен. Лучше всё-таки говорить не Ветхий, а Моисеев Завет (данный при Моисее), или Завет, заключённый с отцами, но во всяком случае не Ветхий, потому что ничего ветхого в нём нет.

Завет, данный отцам, и Завет, данный нам, — в этом вся разница двух Заветов.

«Не нарушить пришёл Я, но исполнить» — это первый момент Нагорной проповеди, присущий только Евангелию от Матфея. Второй — о клятве, когда Спаситель обращается к Нам с такими словами: «...не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий; ни землёю, потому что она подножие Ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или чёрным. Но да будет слово ваше: "да, да", "нет, нет", а что сверх этого, то от лукавого» (5:34-37).

Эта истина очень важная, но мы её за две тысячи лет чтения Нагорной проповеди ещё не осознали: до сих пор не только в обыденной жизни, но и в церковной присутствует такое понятие, как клятва. Мы должны понять, что нельзя давать клятвы, потому что всякая клятва — это уже шаг к её нарушению. Чтобы не нарушать, не надо обещать, надо просто обладать открытым сердцем. Это очень важно почувствовать изнутри, понять из глубины нашего «я».

Наличие элемента клятвы во многих богослужебных чинах и в жизни христианских монархов первых веков распространения христианства — это удар по евангельской проповеди. Это то, с чего начинается иногда наше отступление от Христа, присутствующего среди нас.

Жизнь христианина

Милостыня, молитва, пост — в сущности, вся жизнь христианина укладывается в эти три понятия, но чётко обозначены они только в Евангелии от Матфея, в Нагорной проповеди. Это третий очень важный момент.

Эпизод, когда Спаситель идёт по водам к ученикам, есть и у Луки, и у Марка, и у Иоанна. Но только у Матфея Пётр, выйдя из корабля, отправляется к Нему навстречу, идёт по воде и начинает тонуть, потому что пугается. Тогда Спаситель протягивает ему руку. Этот отрывок, попавший в покаянный канон Андрея Критского, читается первые четыре дня Великого Поста. «Буря меня злобы обдержит, благоутробни Господи, но, как Петру, и мне руку простри», — молится каждый из нас. В кондаке воскресного акафиста тоже есть об этом: «Буря страстей смущает и потопляет меня, но молю Тебя, Иисусе, как Петру, простри мне руку помощи и, силу Воскресения Твоего воздвигнув, научи воспевать "Аллилуйя"».

Вероятно, в том и заключается христианский подвиг Петра, что он сумел схватиться за протянутую руку. Христос протягивает руку помощи каждому из нас, но у нас не получается схватиться за неё. Этот момент связи между Богом и верующим, открывающийся, когда Иисус идёт по воде, содержится только в Евангелии от Матфея.

Хотелось бы напомнить ещё одно место. Призывая учеников, сыновей Заведеевых (Иоанна и Иакова), Иисус говорит. «И сделаю вас ловцами человеков», а в Евангелии от Марка и во многих древних рукописях Евангелия от Матфея, в Синайском кодексе, в сирийском переводе есть ещё слово *генестай* — «и сделаю», и дальше конструкция (как английский *complex object*) — «чтобы вы стали ловцами человеков». Он говорит: «...и сделаю, чтобы вы сделались ловцами человеков».

Иными словами, Спаситель не делает нас другими механически. Он делает так, чтобы мы сами сделались. Он даёт нам силы для этого, а уж сделаться или нет — в нашей власти. Это очень важно. Он протягивает руку, а схватиться за неё или нет — в этом наша свободная воля. Один идёт по этому пути, другой выбирает какой-то свой путь. Мысль о свободе христианина становится очень заметной, когда не поверхностно читаешь евангельский текст, а глубоко всматриваешься в каждое слово, в каждую грамматическую конструкцию, потому что Бог говорит с нами каким-то совершенно особым образом. При этом Матфей (или правильнее говорить — Евангелие от Матфея) о чудесах рассказывает, как правило, конспективно, никогда не называя имён людей, с которыми происходят эти чудеса.

Скажем, о том, что Спаситель воскрешает дочь Иаира, мы узнаём из Евангелия от Марка и из Евангелия от Луки — в Евангелии от Матфея об этом хотя и рассказано, но имя отца девочки не упомянуто.

О том, что слепого, избавленного Иисусом от слепоты, звали Вартимей, мы тоже узнаём из Евангелия от Марка — в Евангелии от Матфея об этом не говорится. Исцеление расслабленного тоже изложено у Матфея максимально кратко по сравнению с тем же рассказом у Марка.

Или эпизод, когда Иисус исцеляет мальчика, страдающего эпилепсией. Отец его прибегает, как рассказано в Евангелии от Марка, со словами: «Верую, Господи! Помогни моему неверию» (Мк 9:24). Эта сцена есть не только у Марка и у Луки, но и у Матфея. Но Матфей передаёт её буквально в двух словах, без каких бы то ни было деталей. Он всегда говорит о чудесах не просто конспективно, но ещё как-то прессует события.

Иисус приходит в Иерусалим в шестое воскресенье Великого поста и изгоняет торгующих из Храма. У Марка подчёркнуто, что в один день Спаситель приходит в Иерусалим, на другой день возвращается и тогда изгоняет торгующих из Храма. А в Евангелии от Матфея создаётся впечатление, что Спаситель делает это в тот же день, когда пришёл в Иерусалим.

Или такой пример. Иисус приходит к бесплодной смоковнице и, видя, что она бесплодна, проклинает её. В Евангелии от Марка сказано: на другой день, проходя мимо смоковницы, ученики увидели, что она засохла. В Евангелии же от Матфея говорится, что смоковница засохла сразу. Проклял — и засохла. Хотя понятно, что для того, чтобы дерево засохло, нужно хоть какое-то время.

Таков метод Евангелия от Матфея в отличие от Евангелия от Марка. При этом каждый из этих текстов как бы начинает звучать в перспективе будущей истории Церкви. Скажем, когда в Евангелии от Марка рассказывается об исцелении расслабленного, мы можем очень хорошо представить, как всё было. Как Иисус пришёл в тот дом, как Его окружили люди, как они толпились у дверей и было невозможно пройти, как четыре человека «раскрыли кровлю дома, где Он находился, и, прокопавши её, спустили постель, на которой лежал расслабленный», к ногам Иисусовым (Мк 2:4). Обо всём этом у Марка рассказано очень подробно, у Матфея — очень кратко. Но при этом как кончает свой рассказ об исцелении расслабленного Марк? «...Все изумлялись и прославляли Бога, говоря: никогда ничего такого мы не видели» (Мк 2:12).

Рассказ об этом же у Луки заканчивается так: «И ужас объял всех, и славили Бога; и бывши исполнены страха, говорили: чудные дела видели мы ныне» (Лк 5; 26).

И наконец, у Матфея: «Народ же, видев это, удивился и прославил Бога, давшего такую власть человекам» (Мф 9:8).

Вот это выражение «давшего такую власть человекам» — только в Евангелии от Матфея, то есть история об этом чуде рассказана в перспективе будущего Церкви. Спаситель не только имеет власть прощать грехи и не только Сам прощает их, но передаёт «власть отпускать грехи» человеку, чтобы в дальнейшем это чудо повторялось вновь и вновь. Он устраивает всё так, что может прощать грехи и через руки тех, кому передана эта власть.

Отсюда мы и получаем таинство покаяния, суть которого предельно выражена в той формуле, которую священник читает, когда накрывает епитрахилью голову кающегося: «Господь и Бог наш Иисус Христос благодатью и щедротами Своего человеколюбия да простит тебе, чадо, все прегрешения твоя, и аз, недостойный иерей, властью Его («давшего такую власть человекам», — Г.Ч.), мне данной, прощаю и разрешаю тебя от грехов твоих во имя Отца и Сына и Святаго Духа».

Не случайно в Евангелии от Марка Иисус исцеляет одного слепого, а в Евангелии от Матфея чудо совершается вновь и вновь. Когда мы читаем один и тот же рассказ у Марка, у Матфея, у Луки и видим, что в каждом случае есть что-то противоречащее, казалось бы, другому, то надо понимать, что за этим противоречием скрывается какое-то особое послание.

Ещё раз вспомним такой пример. Исцеляя тещу Петра, Спаситель поднимает её здоровой с постели, и в Евангелии от Матфея сказано, что «она встала и служила Ему», а в Евангелии от Марка — «она встала и служила им». Так написано в греческом оригинале и в русском переводе епископа Кассиана (в Синодальном переводе в обоих текстах — «...и служила им»). В чём разница?

В Евангелии от Марка описана ситуация: женщина была больна, лежала, а как только исцелилась, встала и начала служить им — всем людям, которые находились в доме. А в Евангелии от Матфея подчёркивается суть: встала, чтобы служить. Кому? — Ему! Значит, Спаситель исцеляет нас, чтобы мы служили Ему.

Таким образом, Евангелие от Матфея отвечает на вопрос, что должен делать христианин. Служить Ему, Христу! А Евангелие от Марка отвечает на вопрос, как это делать, как служить Ему: служба людям, ради которых Христос пришёл в этот мир.

В Евангелии от Матфея есть притча о том, как надо давать деньги на храм. Так же, как и притча о проклятой смоковнице, она не рассказывается, а показывается нам. Приходят собиратели дидрахм к апостолу Петру и говорят: «Не даст ли ваш Учитель дидрахмы на Храм?» Иисус отправляет Петра: «...пойди на море, брось уду и первую рыбу, которая попадётся, возьми; и, открыв у ней рот, найдёшь статир; возьми его и отдай им за Меня и за себя» (Мф 17:27).

Пётр вытаскивает рыбу, находит, как сказал Иисус, у неё во рту статир — монету, составляющую четыре драхмы, и отдаёт на Храм за Иисуса и за себя.

Да, задача каждого христианина давать деньги на храм. Откуда брать эти деньги? Зарабатывать своим трудом. Пётр — рыбак, и, наверное, не случайно их приносит ему рыба. Суть этой «показанной» притчи заключается в том, что христианину необходимо работать и своим трудом, как потом многократно нам скажет об этом в Посланиях апостол Павел, добывать деньги, чтобы вкладывать их в казну храма.

Очень важно внимательно читать эти «показанные» притчи, своего рода евангельские клипы, мимо которых мы часто проходим. Это что-то совершенно особенное, данное нам Христом.

Более того, Христос показывает нам притчи именно в тех случаях, когда их трудно или почти невозможно рассказать, потому что в христианстве как бы три слоя истины: те истины, о которых можно рассказать; те, которые можно показать; и те, которые можно понять только из собственного опыта. И вот притчи показываются нам в тех случаях, когда об этом рассказать невозможно, не получается, когда слов нет. О самом же главном не только не расскажешь — самого главного и не покажешь. Самое главное, сердцевинное в христианстве можно понять только *из собственного опыта*.

Напомню, что только в Евангелии от Матфея рассказаны притча о плевелах на поле; притча о работниках одиннадцатого часа, которые получили такой же динарий, что и те, кто пережил и зной, и долгий рабочий день; притча о двух братьях, один из которых отказался работать в винограднике, сказав отцу: «Не хочу», — но после, раскаявшись, пошёл, а другой охотно согласился: «Иду, государь», — и не пошёл.

Мы понимаем, что верен путь того, кто сначала отказался, а затем раскаялся и пошёл, а не путь паиньки, который сказал: «Да, да, иду», — и не пошёл. Здесь содержится какая-то очень важная для нас весть от Господа. Вера часто начинается с бунта, с того, что мы противимся Богу и говорим: «Нет, не хочу», а не с того, когда мы охотно говорим: «Да, да», но дальше этого «да, да» иной раз не идём в течение долгих лет.

Эта притча адресуется тем, кто расстраивается из-за своих детей и внуков, которые не хотят идти в церковь, которые бунтуют против Бога. Но если человек против Церкви бунтует, — это уже хорошо, это значит, что Бог его уже коснулся, что он уже на дороге. Гораздо страшнее «воскресный христианин», который при случае, раз в три-четыре месяца зайдёт в храм, поставит свечку и считает себя верующим.

Среди притч, которые рассказываются только в Евангелии от Матфея, — притча о десяти девах, притча о последнем Суде, притча о немилосердном заимодавце. Последняя притча очень важная. Мы не всегда её помним, не всегда читаем: «...Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитаться с рабами своими. Когда он начал считаться, приведён был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов. А как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и всё, что он имел, и заплатить. Тогда раб тот пал и, кланяясь ему, говорил: "государь! потерпи на мне, и всё тебе заплачу". Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему. Раб же тот, вышед, нашёл одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: "отдай мне, что должен". Тогда товарищ его пал к ногам его, умолял его и говорил: "потерпи на мне, и всё отдам тебе". Но тот не захотел, а пошёл и посадил его в темницу, пока не отдаст долга. Товарищи его, видевшие происшедшее, очень огорчились и, пришедши, рассказали государю своему всё бывшее. Тогда государь его призывает его и говорит: "злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня. Не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?" И, разгневавшись, государь отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга» (18:23-34).

Эта притча на тему слов из молитвы Господней «Отче наш»: «И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим». Если мы должникам не прощаем, то и Господь не простит нам

наших согрешений. В последнем стихе притчи говорится: «Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его» (18:35).

А нам, как правило, трудно это сделать. Даже если мы можем сказать: «Я простил», в сердце часто продолжает жить обида. Простить именно из глубины нашего «я» у нас не получается. А нужно прощать от сердца, потому что ничто так не разрушает человека, как обида.

С другой стороны, важно сравнить эту притчу с притчей из Евангелия от Луки о неверном управителе, который тоже должен был своему господину, но для того, чтобы устроить свою судьбу, он зовёт людей, которые были ему должны, прощает им часть долга и таким образом устраивается на будущее. Вот один способ поведения человека, не просвещённого Богом: когда его касается беда, устраивать всё хитростью. Другой способ показан в Евангелии от Матфея — устроить всё силой, схватить, начать душиить и говорить: «Отдай!»

А Спаситель говорит нам, что ни хитрость, ни злоба, ни принуждение не подходят, не годятся. И тот и другой путь ведут в тупик. Нужен какой-то третий вариант. И он появляется только тогда, когда в нашей жизни происходит реальная встреча со Спасителем, когда мы встречаем Христа, как в жизни встречаем человека.

Но есть ещё один момент в этой притче. Её герой должен был своему господину 10 тысяч талантов, и тот простил ему эту сумму, а его должник не смог вернуть ему 100 динариев, и за это он стал душиить несчастного должника. Что такое 10 тысяч талантов и 100 динариев? Когда читаешь этот текст, то и таланты и динарии — для нас достаточно абстрактные величины: и 10 тысяч много, и сотня — немало. Но если выразить эти суммы в современной конвертируемой валюте, то 10 тысяч талантов — это примерно 15 миллионов долларов, а 100 динариев — это 25 долларов.

Вот сколько прощает Бог и сколько не захотели простить мы! Вот до какой степени милосерден Бог и до какой степени немилосердны мы с вами.

«Не давайте святыни псам...»

Ещё одно, может быть, самое трудное место не только в Евангелии от Матфея, но в Евангелии вообще, если не во всей Библии. Это слова Спасителя из Нагорной проповеди: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали бы вас» (Мф 7:6).

О чём идёт речь? Очень часто это место понимается как указание на то, что позднее, в средние века, латинские богословы назовут «дисциплина аркана»: в Церкви должны быть тайная дисциплина, тайная наука, тайное знание и богословие, в которые не посвящаются обычные люди. Есть книги, которые можно читать духовенству и нельзя — мирянам. Есть вещи, к которым допущено духовенство и не допущены миряне: иконостас, Царские врата, алтарь. Многие священники считают, что мирянам нельзя слишком часто причащаться, потому что это значит — давать святыни псам. Я всегда говорю таким батюшкам: «Мы служим Литургию три раза в неделю, значит, причащаемся три раза в неделю. Чем же мы лучше прихожан?» Мне отвечают: «Как же, это дисциплина аркана». Дисциплина аркана выразилась в Восточной Церкви появлением в храмах алтарной преграды, Царских врат, завесы и т. д. В Западной Церкви она выразилась в том, что мирян стали причащать не Телом и Кровью Христовыми, а только Телом Христовым. Так по-разному проявилось неправильное понимание слов Спасителя: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями...»

О чём же идёт речь на самом деле? Если нас хоть сколько-нибудь коснулся Христос, если Он хоть сколько-нибудь вошёл в наши сердца, мы понимаем, что Спаситель не может оттолкнуть грешника со словами «не давайте святыни псам». Из литературы, из Талмуда в частности, мы знаем, что многие благочестивые иудеи псами и свиньями называли язычников. Но мы также знаем, что

Спаситель пришёл именно к тем, кого уже раздавил или почти раздавил грех, чтобы «призвать не праведников, но грешников», чтобы взыскать и спасти погибших, чтобы протянуть руку помощи тем, кто всеми отвержен.

Евангелие в целом, очень многие притчи и чудеса евангельские свидетельствуют, что именно падших Спаситель поднимает и спасает.

Каждое евангельское выражение, вообще слово Божие отличается от слова человеческого тем, что оно живое. Слово Божие — это семя. Не случайно в притче о сеятеле так и говорится: «Сеятель слово сеет». Значит, семя, о котором рассказывается в притче о сеятеле, — это слово Божие. Если семя падает на землю, то слово Божие падает в сердце. Но дальше с ним происходит то же самое, что с семенем в земле, которое наполняется водой из почвы, разбухает, даёт росток — и постепенно прорастает.

И в сердце каждого из нас, если мы принимаем слово Божие в себя, даже не понимая его, и носим в сердце, — оно постепенно прорастает, даёт всходы. И с этой евангельской фразой, наверное, должно произойти именно так. Если мы её примем в сердце, она постепенно прорастёт, и из опыта мы поймём, что такое «не давайте святыни псам».

Ясно, что псами и свиньями Спаситель никого назвать не может, а мы с вами — можем. Значит, говоря: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями», — Спаситель как бы берёт в кавычки слова «псам» и «свиньям». То есть это выражение надо понимать так: не давайте святыни тем, кого вы считаете псами и свиньями, потому что, если вы это сделаете, они кинутся и растерзают вас.

Называя кого-то «псами» и «свиньями», Он цитирует нас. Понять это очень важно. Считаю, что простые люди ещё не готовы понять церковную службу или что им этого знать нельзя, мы уподобляемся тем иудеям, которые называли язычников псами и свиньями. И при этом не понимаем самого простого: если мы считаем, что не готовы они, значит, не готовы мы сами.

Почему полинезийцы съели Кука? Потому что он пришёл к ним как к «псам» и «свиньям», как к людям второго сорта и смотрел на них свысока: я — европеец в погонах и эполетах, а вы — дикари, бегаєте нагишом и вообще ничего не понимаете.

А почему те же самые полинезийцы не съели Поля Гогена или Миклухо-Маклая? Потому что те пришли к ним как к равным. Не как лучшие к худшим, а, может быть, как худшие, испорченные цивилизацией, к наивным детям природы — и по этой причине они там мирно жили, и приобрели множество друзей, и оставили по себе благодарную память. И Полю Гогену, и Миклухо-Маклаю услышали эти слова Спасителя: «Не давайте святыни псам», то есть не вступайте в диалог с людьми, если считаете их псами.

Мы читаем о чём-то подобном в Евангелии от Марка и в Евангелии от Матфея: женщина-хананеянка прибегает к Иисусу и просит исцелить её дочь. «Но Иисус сказал ей: дай прежде насытиться детям; ибо нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она же сказала Ему в ответ, — так, Господи; но и псы под столом едят крохи у детей» (Мк 7:27-28).

Неужели Спаситель эту женщину и её дочь называет псами? Нет, Спаситель проговаривает вслух то, что думает она: «Я грязная, как собака, я мерзкая, но помоги мне».

Самое страшное для неё то, что она — язычница, в отличие от них — людей чистых и просвещённых Богом. И беда не в том, что кто-то считает её грязной, а беда в том, что она сама считает себя такой. Спаситель произносит это вслух и спасает её, и она распрямляется, она перестаёт быть человеком второго сорта — это очень важно понять.

Если мы обратимся к истории Церкви, то увидим два пути в диалоге с непросвещёнными народами. Одни проповедники отправились в Латинскую Америку, другие — на Филиппины. Задача

тех, кто прибыл в Латинскую Америку, заключалась в том, чтобы побыстрее покрестить местных жителей, дать им христианские имена, установив таким образом свою власть, — и двигаться дальше. А те, кто пришёл на Филиппины, стали там трудиться. И что получилось в результате? Филиппинцы — один из наиболее верующих народов мира. А в Латинской Америке, как известно, верующих единицы — только в образованном слое, простые же люди в Бога не верят, хоть и носят христианские имена. Потому что с ними поступили именно по принципу «не давайте святыни псам, они всё равно ничего не поймут».

Можно обратиться и к нашей истории. Жители Чувашии были крещены ещё в средние века, но практически остались язычниками. Не удивительно, что сегодня там строятся языческие храмы, открыто практикуются языческие ритуалы. Старый художник, отец которого был сельским священником в Чувашии, рассказывал мне, что на рубеже XIX и XX веков чуваши, в общем, в Бога не верили, а ходили куда-то в лес, где были шалаши, и там поклонялись своим богам. Более того, жители каждой деревни кроме официального христианского имени имели ещё и языческое. То есть их крестили — и на этом общение с ними как с будущими христианами закончилось.

И наоборот, в Пермской области ещё во времена преподобного Сергия святитель Стефан Пермский начал с того, что выучил язык пермяков, составил для них азбуку, перевёл Евангелие и уже потом начал их крестить, проповедуя среди них. Прошли века, пермяцкий язык забылся, но уже был усвоен евангельский образ жизни, уже было усвоено Евангелие, уже Они приняли Христа в сердце — и в Пермской области никакие языческие храмы не строятся, им они просто не нужны, потому что с ними святитель Стефан ещё в XIV веке заговорил как равный с равными. А к чувашам пришли, глядя на них сверху вниз.

Можно взять для примера ещё две области — Якутию и Аляску. Святейший Патриарх часто спрашивает: «А как с Евангелием на якутском языке?», потому что там сейчас возрождается язычество. К сожалению, с Евангелием на якутском языке мы опоздали как минимум лет на 150. Сегодня почти все там говорят по-русски. Вот если бы в своё время миссионеры перевели Евангелие, местные жители усвоили бы его и, может быть, позднее, как и пермяки, перешли на русский. Но их крестили, а Слово Божие в руки не дали и вообще о Боге даже не заговорили.

Совершенно иная ситуация на Аляске. Она уже давно относится не к России, а к протестантским Соединённым Штатам, и никто здесь не знает по-русски. Тем не менее, в каждой деревне есть православный храм. Да, местные жители совершают богослужение, читают Священное Писание на английском языке, но все они православные, хотя живут в протестантской стране. Почему они не отказались от православия? Потому что миссионеры, пришедшие на Аляску, начали, опять же, с того, что изучили язык здешних жителей.

Святитель Иннокентий, будущий митрополит Московский, ещё молодым человеком начал работать в Америке, освоил алеутский язык, составил словарь, грамматику, перевёл Евангелие, другие священные книги и уже после этого как епископ начал строить и освящать храмы, устраивать воскресные Школы и т. д.

И то же самое делали его продолжатели, среди которых был святитель Тихон, будущий Патриарх Московский и Всея Руси. Не случайно на московской кафедре оказались два епископа, которые довольно долгое время трудились на Аляске. Причём православные американцы ещё в брежневские времена потребовали от нашей Церкви, чтобы мы признали святителя Иннокентия святым. Он (позднее и святитель Тихон) был канонизирован, хотя этого очень не хотелось нашим властям, и церковным в том числе: святые, говорили они, давно умерли, как это вдруг — новый святой?

Святитель Иннокентий понял, насколько бесперспективно жить по принципу «не давайте святыни псам». Надо понять, что язычники такие же люди, как мы, может, даже лучше, — и потом,

перейдя на их язык, объяснить им всё, что касается Бога, объяснить не «псам» и «свиньям», а своим братьям и сестрам.

Вот о чём говорят эти слова, которые, повторяю, нам сохранило только Евангелие от Матфея. И они, такие странные и жёсткие на первый взгляд, становятся замечательными, спасительными, полными Божией любви, когда они «разбухнут» в нашем сердце.

Особенности Евангелия от Марка

Когда начинаешь сравнивать Евангелие от Марка с другими евангельскими текстами, то обнаруживаешь, что повествование Марка — самое краткое: практически всё, о чём он говорит, уже рассказано Матфеем, Лукой и Иоанном. Вот почему в первые века христианства Марк был назван словом *abbreviator* — «сократитель». Со святоотеческой точки зрения, Евангелие от Марка — это сокращённый текст Евангелия от Матфея. Такое мнение существует уже почти 1700 лет и связано с традиционной датировкой Евангелия от Марка. Оно занимает в каноне второе место — тем самым как бы подтверждается, что написано оно после Евангелия от Матфея.

Все византийские писатели так или иначе согласны с тем, что Марк младше Матфея. Но если внимательно вчитываться в текст Евангелия от Марка и сравнивать, как описаны те или иные эпизоды у него и у каждого из трёх других евангелистов, то становится ясно, что не Марк сократил Матфея, а как раз наоборот: Матфей использовал текст Марка.

Скажем, у Марка говорится про Спасителя: «И не мог совершить там никакого чуда... И дивился неверию их» (Мк 6:56). У Матфея о том же сказано: «И не совершил там многих чудес по неверию их» (Мф 13:58). Мы видим, что у Матфея текст смягчён: «не мог» заменено на более нейтральное — «не совершил»; Марк говорит прямо — «никакого чуда», Матфей — «не совершил многих чудес». Таких примеров немало. «Исцелил многих», — говорит Марк (1:34). «Исцелил всех», — говорит Матфей (8:16). Таким образом, «острые углы», которые сохранены в Евангелии от Марка, в Евангелии от Матфея сглажены. Можно привести и другие доказательства того, что Евангелие от Марка написано раньше Евангелия от Матфея.

Но важно заметить и другое: когда речь идёт о конкретных событиях, Марк, несмотря на свою поразительную краткость, описывает их гораздо подробнее, чем Матфей. Я уже не раз говорил о феномене Марка: этот евангелист помогает нам увидеть собственными глазами то, о чём он рассказывает.

Вот слепой по имени Вартимей подбегает к Иисусу, чтобы исцелиться. Марк добавляет: «сбросил с себя верхнюю одежду» (10:50). И мы видим это движение: слепой Вартимей сбрасывает плащ и в одном хитоне подбегает к Иисусу.

Богатый юноша приходит к Спасителю с вопросом: «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» Этот эпизод есть и у Матфея, и у Марка, и у Луки. Но только у Марка сказано: «пал пред Ним на колени и спросил...» (10:17). Это замечание — «пал пред Ним на колени» — не меняет ни смысла рассказа, ни даже стиля его, но оно помогает нам увидеть сцену своими глазами.

Или женщина, которая с алавастровым сосудом драгоценного мира пришла к Иисусу. У Марка и Матфея сказано, что она возлила его на голову Иисуса; у Луки и Иоанна она проливает миро Ему на ноги и отирает их своими волосами. И только у Марка зафиксирована такая деталь: женщина, «разбивши сосуд, возлила Ему на голову» (14:3).

Наконец, буря на море Галилейском. Иисус спит. Евангелист Марк подчёркивает — «на корме на возглавии» (4:38), то есть на высокой части кормы. И опять: замечание это, не вносящее в смысл рассказа абсолютно ничего нового, сделано ради одного — чтобы создать зрительный образ происходящего.

Можно привести много других примеров, когда евангелист Марк помогает нам как бы своими глазами увидеть сюжеты, которые мы хорошо знаем из текстов Матфея и Луки. И если Евангелие от Матфея адресовано прежде всего нашему уму, то Евангелие от Марка — благодаря тому, что оно ориентирует на зрительные образы, — подключает нашу эмоциональную сферу.

Это довольно интересная особенность. Дело в том, что Марк — очень плохой писатель. Трудно найти другой текст на греческом языке, который был бы так несовершенен. Но помните, как восклицают апостолы Пётр и Иоанн: «Мы не можем не говорить того, что видели и слышали» (Деян 4:20)? Да, Пётр с Иоанном тоже не проповедники, не ораторы, они не умеют говорить публично, не получается это у них — но они не могут не говорить о том, свидетелями чего они были. Проповедь Спасителя до такой степени переполняет их, что они просто не в силах молчать.

Так же и евангелист Марк. Он никогда не учился искусству рассказа. Он совершенно не умеет рассказывать так, как прекрасный писатель Лука или старательный, молитвенно настроенный Матфей. Но Марк, тем не менее, делает то, что в его силах, потому что его переполняет Благая Весть и он не может не делиться ею с людьми, его окружающими.

Марк почти не использует прошедшего времени — у него всегда время *настоящее*. Это ещё одна яркая отличительная черта в его совершенно особом стиле повествования. Кроме того, он часто начинает предложение с союза «и». Можно насчитать у Марка до сорока таких предложений подряд. И ещё он любит два слова: *тотчас* и *вновь*. За такие вещи учительница литературы снижает ученику оценку. Но Марк не может по-другому. И в силу этого Евангелие от Марка становится абсолютно уникальным *свидетельством* о Спасителе. Именно литературное несовершенство делает это Евангелие удивительным *свидетельством несомненной подлинности*.

Описывая, например, умножение хлебов, евангелист Марк говорит, что люди были рассажены апостолами на лужайке, как овощи на грядке. Он употребляет слово *прасиай* — по-гречески «грядки». (Это слово встречается у Гомера примерно в таком контексте: «Саду границей служили красивые грядки, с которых овощ и вкусная зелень весь год собирались обильно».) Для того чтобы *показать*, как были рассажены люди, евангелист вспоминает об овощах, которые растут на грядках. Выражение настолько неожиданное, что переводчик даже не сумел это *прасиай* передать средствами русского языка и написал «рядами» (Мк 6:40). А на самом деле речь идёт не о рядах вообще, а именно о рядах в огороде.

Рассказывая о преображении Иисуса (кажется, нет более мистической сцены во всём Евангелии), Марк, подыскивая подходящие слова, вдруг вспоминает о белильщике, который выбеливает полотно, и говорит так: «Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить» (9:3).

И так на каждой странице есть что-то, выдающее в Марке весьма плохого литератора и вместе с тем как-то по-особенному подтверждающее достоверность его Евангелия.

И у Марка (9:17-27), и у Матфея (17:14-18), и у Луки (9:38-42) описывается исцеление мальчика-эпилептика. В Евангелии от Марка отец, придя к Иисусу, просит исцелить сына, подробно описывая приступы у ребёнка: «Где ни схватывает его, повергает его на землю, и он испускает пену и скрежещет зубами своими и цепенеет». Дальше идёт диалог, который есть только в Евангелии от Марка: «И спросил Иисус отца его: как давно это сделалось с ним? Он сказал: с детства; и многократно дух бросал его и в огонь и в воду, чтобы погубить его; но, если что можешь, сжался над нами и помоги нам. Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, всё возможно верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! помоги моему неверию» (9:21-24).

Мы все знаем эту последнюю фразу. Для многих она стала личной молитвой, потому что часто наша вера — в глубинах её — есть просто плохо прикрытое неверие. И от этого нашего неверия мы прорываемся к подлинной вере, повторяя вслед за отцом мальчика: «Верую, Господи! помоги моему

неверию!» Эта фраза есть только в Евангелии от Марка. Его рассказ об исцелении мальчика не так лаконичен, как у Матфея, и не так совершенен в литературном плане, как у Луки. Но именно в силу его безыскусности и подлинности в нём сохранилась фраза, которую утратили и Матфей, и Лука: «Верую, Господи! помоги моему неверию».

Вспомним ещё один эпизод. Спаситель с учениками приходит к стенам Иерусалима... Иисус торжественно въезжает в Иерусалим на осле, как бы исполняя пророчество Захарии. А осла этого апостолы нашли «привязанного у ворот на улице» (Мк 11:4). В трёх словах дана исчерпывающая характеристика: у ворот дома, но не внутри двора, а за забором, снаружи. С точки зрения того, что хочет донести до нас Спаситель, нет никакой разницы, где именно был осёл — снаружи или внутри, на улице или в переулке, у ворот или у окошка. Но эти детали в Евангелии от Марка включают в работу не только наше сердце, но и глаза, что далеко не всегда бывает в текстах.

Ещё один пример. Иисус исцеляет дочь сиропиникиянки (или хананеянки), той самой женщины, которая в ответ на слова Спасителя о том, что «нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам», восклицает: «Но и псы под столом едят крохи у детей» (Мк 7:28). Исцелив девочку, Иисус отправляет мать домой. «И, придя в свой дом, она нашла, что бес вышел и дочь лежит на постели» (Мк 7:30). Мы как бы вместе с этой женщиной входим в её домик и видим девочку, которая лежит на постели... У Матфея в рассказе об этом событии какие-то моменты переданы гораздо подробнее, чем у Марка, но завершается эпизод как бы более нейтрально: «И исцелилась дочь её в тот час» (Мф 15:28).

Марк очень часто даёт полную информацию для наших глаз. Вот Иисус вместе с апостолами идёт по направлению к Иерусалиму: Марк отмечает: «Иисус шёл впереди их» (10:32). Снова, казалось бы, реплика, богословски незначимая, но она помогает увидеть, как они идут: впереди Иисус, и за Ним, чуть поодаль, апостолы. Христос всегда впереди. Мы всегда от Него отстаём.

У Марка, в отличие от других евангелистов, довольно много арамейских слов: «*тапифа' куми'*» (5:41), — говорит Иисус дочери Иаира («девица, тебе говорю, встань») и «*еффафа*» (7:35), то есть «отверзись!» — исцеляемому глухому косноязычному. Слепой Вартимей обращается к Иисусу тоже на арамейском: «*Раввун!*» (10:51). Синодальный перевод, в отличие от сделанного под редакцией епископа Кассиана, не сохранил это арамейское обращение и дал вариант: «Учитель».

В Гефсиманской молитве Иисус молится: «Авва Отче». Спаситель произносит Своё «Авва» (Отец), и тут же Марк переводит это слово на греческий язык — Отче (14:36). Наконец, последние слова Спасителя на Кресте: «*Элои! Элои! лама' савахфани'?*» — что значит: «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (15:34). Элементы арамейского языка сохранились именно у Марка.

Есть в Евангелии от Марка ещё одно место, на которое следует обратить внимание. Иисуса, уже схваченного, ведут во двор первосвященника. «Один юноша, завернувшись по нагому телу в покрывало, следовал за Ним; и воины схватили его. Но он, оставив покрывало, нагой убежал от них» (14:51-52).

Кто этот юноша? Когда-то было высказано предположение, что евангелист запечатлел в этой фигуре самого себя. Я всегда сравниваю евангельский текст с иконой. Как на иконе мастер нередко изображает где-то сбоку самого себя, так и здесь вполне вероятно появление автопортрета — как бы на полях евангельского текста.

Он, этот юноша, был завёрнут в покрывало по нагому телу. Почему? Приходится домысливать ситуацию. Вероятно, когда этот юноша уже лёг спать, он оказался свидетелем чего-то необычного, выскочил из постели, завернулся в то, что попало под руку, и кинулся вслед за Иисусом и апостолами. Возможно, он был свидетелем Тайной Вечери, возможно, видел, как Иисус ушёл вместе с учениками в Гефсиманский сад и потом молился там или как Его схватили. Так или иначе, краткое замечание — «завернувшись по нагому телу в покрывало» — ещё одно доказательство того, что в Евангелии от

Марка мы имеем дело с подлинным свидетельством. Причём автор (или авторы) дорожит каждой, даже самой маленькой и на первый взгляд незначашей, деталью.

Когда в первые десятилетия XX века Евангелие от Марка было прочитано именно под таким углом, сразу сложилось мнение: это просто свидетельство, документ, бессистемный набор фактов — подлинных, свежих, не подвергнувшихся никакой обработке. Следовательно, это очень хорошее первоначальное свидетельство евангельской проповеди. Но когда начинаешь читать Марка внимательнее, понимаешь, что вместе с тем это текст, от начала до конца довольно хорошо продуманный. До нас дошли сотни и сотни фрагментов Евангелия от Марка, записанных для личного пользования на маленьких клочках папируса. Эти фрагменты — цитаты того текста, который мы читаем сегодня. То есть никаких черновиков не было. Можно сделать важный вывод: как и Евангелие от Матфея, текст Марка был записан уже в готовом виде. Это не случайные записи и не мемуарные наброски свидетеля, а хорошо заученная, изначально запечатленная в памяти десятков людей проповедь, когда сначала всё встало на свои места, а потом уже было записано. Это проповедь, которая передавалась из уст в уста, в которой (не в ущерб её подлинности) присутствует чёткий замысел. И его легко обнаружить.

Как начинается Евангелие от Марка? «Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия...» (1:1). Чем заканчивается рассказ Марка о смерти Иисуса на Кресте? Сотник, стоявший возле Креста, восклицает: «...Истинно Человек Сей был Сын Божий» (15:39). В первой главе, когда рассказывается о Богоявлении, глас с небес говорит: «Ты Сын Мой Возлюбленный, в Котором Моё благоволение» (1:11). Эта же тема звучит в вопросе первосвященника: «Ты ли Христос, Сын Благословенного?» (14:61). И Пётр на вопрос Христа: «А вы за кого почитаете Меня?» — отвечает: «Ты Христос» (8:29).

Наверное, именно этот стих и надо считать сердцевинным (он и находится как раз в середине Евангелия). До этого восклицания Петра: «Ты Христос» в Евангелии высвечивалась одна важная тема. На ней необходимо остановиться.

Иисус исцеляет больного и говорит духу, которого Он изгоняет: «...Замолчи и выйди из него» (1:25). Дальше рассказывается об исцелении многих: «И Он исцелил многих, страдавших различными болезнями; изгнал многих бесов и не позволял бесам говорить, что они знают, что Он Христос» (1:34). Затем, исцеляя прокажённого, Иисус говорит ему: «...Смотри, Никому ничего не говори...» (1:44). А возвращая жизнь умершей дочери Иаира, Спаситель «строго приказал им, чтобы никто об этом не знал» (5:43). Рассказывая об исцелении глухонемого, евангелист снова подчёркивает: «И повелел им не сказывать никому. Но, сколько Он ни запрещал им, они ещё больше разглашали» (7:36). И наконец, исцеление слепого, который произносит замечательную фразу: «Я вижу людей. Они как деревья, но ходят» (8:24). (Перевод наш. — Г.Ч.) Это место очень неудачно передано в Синодальном переводе: «вижу проходящих людей, как деревья». Непонятно, о чём идёт речь. Слепой на самом деле привык, нащупывая дорогу, обхватывать руками деревья. И вот, наконец, теперь он видит людей: «Они как деревья, но ходят». Это ещё одно свидетельство потрясающей истинности, свежести евангельского текста — не причёсанного и не украшенного. Рассказывая об этом исцелении, евангелист опять говорит: «И послал его домой, сказав: не заходи в селение и не рассказывай никому в селении» (8:26).

И так, вплоть до момента, когда Пётр воскликнул: «Ты Христос» (8:29), Иисус запрещает тем, кто оказывается свидетелем Его чудес, рассказывать о них. Почему?

Спаситель приходит в этот мир *тайне*. Поэтому Его проповедь обычно связана с тем, что мы называем *мессианской тайной*. Да, Он исцеляет людей, потому что не может не исцелять. Он воскрешает умерших, потому что не может не протянуть руку помощи тем, кому плохо. Но Он запрещает разглашать это, ибо тогда люди начнут стремиться к Нему не потому, что Он есть воплощённая Истина, а потому, что Он чудотворец. И тогда они потянутся к Нему лишь затем, чтобы получить какую-то корысть, выгоду. Вот этого Спаситель боится больше всего.

Мы знаем по двухтысячелетнему опыту Церкви, что вера кончается в тот момент, когда человек хочет что-то с этого иметь: здоровье, успех в жизни, квартиру, работу или ещё что-нибудь. В «Откровенных рассказах странника» говорится о трёх путях, которые ведут к Богу. Первый — путь раба, который трудится из страха перед адскими муками. Этот путь страха начисто отрицается Евангелием, хотя в средние века люди обращались ко Христу, именно страшась будущего. Второй путь — путь наёмника, который надеется своей честной работой заслужить награду у Бога. Это как раз тот путь, по которому могут пойти люди, если увидят в Спасителе не своего друга и Брата, разделяющего все горести и радости этой жизни, а всемогущего чудотворца. Наконец, третий путь — тот, который выбирает для себя странник в «Откровенных рассказах». Это путь любви, когда не возникает вопроса: а что даст эта любовь? Когда ясно одно: быть вне Христа невозможно. Жизнь без Него невыносима. Можно быть только со Христом.

Блестящий ответ на такую постановку вопроса даёт евангелист Марк: с первых строк повествования мы видим Иисуса в окружении Его учеников. Его миссия. Его служение. Его путь теряют всякий смысл, если Он один. Евангелие от Марка — это Евангелие, в котором Иисус, апостолы и ученики всё время идут вместе. Таков путь христианина — путь ученика, который не спрашивает, зачем он здесь, вместе со своим Учителем. У него просто нет другого пути: он со Христом, потому что он не может быть без Него.

Когда Пётр восклицает: «Ты Христос», — тайна Мессии перестаёт быть тайной. Ещё раз обратим внимание, — в начале Евангелия звучат слова о Сыне Божиим, в конце — сотник восклицает: «Истинно Человек Сей был Сын Божий» (15:39). В середине Евангелия от Марка апостол Пётр говорит: «Ты Христос», и мы уже знаем, что Он — Христос. Читая первые главы Евангелия, мы научаемся говорить с Ним и слушать Его. Мы проходим за Иисусом очень трудный путь осознания того, что Его миссия связана с Крестом, с позорной смертью. Вторая часть Евангелия посвящена именно этому — три раза по дороге в Иерусалим Иисус говорит ученикам о Своей смерти, о казни, которой Он будет подвергнут, о том позоре, который Ему придётся пережить. Им очень трудно принять всё это в свои сердца, хотя у них уже есть опыт личного общения с Ним.

Вот так и мы: читая первые восемь глав, мы, казалось бы, тоже накапливаем опыт общения со Спасителем. Тем не менее в Наше сознание очень трудно входит всё последующее. Нам всё время хочется, чтобы Страстная пятница не была таким днём, каким она является уже много веков — днём заупокойной службы. Нам всё хочется видеть в христианстве какую-то силу. А Евангелие от Марка показывает нам, что христианство — это просто жизнь во Христе. В Евангелии нет никакой системы, никакой теории и никакого особого учения. В нем есть Христос.

В Евангелии от Марка, повторю, нет ничего такого, чего бы уже не было у Матфея или Луки. Вернее, у Марка есть только один текст, которого нет в других Евангелиях, — маленькая драгоценная притча Иисуса о семени, брошенном в землю:

«...Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю; и спит, и встаёт ночью и днём; и как семя всходит и растёт, не знает он. Ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе. Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва» (4:26-29).

Здесь речь идёт о семени, которое внутри, в земле, набухает, наполняется водой, прорастает и затем растёт незаметно для внешнего наблюдателя. Этому семени уподобляет Иисус Царство Божие: работа Божия происходит в глубинах нашего «я», очень часто незаметно не только для стороннего наблюдателя, но и для нас самих. И эта тайна делания Божия внутри человека так ярко открыта именно в Евангелии от Марка.

Особенности Евангелия от Луки

О богатстве

Когда пытаешься выделить, что именно в Евангелии от Луки отлично от трёх других Евангелий, то прежде всего обнаруживаешь, что это *тема богатства*.

У Матфея (19:24) и у Марка (10:25) встречается знаменитый афоризм: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие». Есть он и у Луки (18:25). Во всех трёх Евангелиях этот афоризм завершает рассказ о богатом юноше, который пришёл к Спасителю спросить, что делать, чтобы наследовать жизнь вечную. Но только у Луки тема богатства становится одной из основных, проходит через весь текст его Евангелия. И прежде всего она выражена в четырёх больших притчах.

Во-первых, в 10-й главе. Притча о милосердном самарянине представляет собой как бы ответ на вопрос богатого юноши: что надо делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Спаситель рассказывает притчу, из которой ясно, что для этого надо помогать ближнему. А кто твой ближний? Вот этот не знакомый тебе раненый человек, которого ты обнаружил брошенным на дороге.

Второй текст, посвящённый этой проблеме — месту в Церкви человека, у которого есть какое-то состояние, — притча о безумном богаче. (Тем, у кого ничего нет, проще — им нечего терять. Тем же, у кого есть, что терять, гораздо труднее.)

Собрав слишком большой урожай, не вмещающийся в его житницы, безумный богач сказал: «...Сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и всё добро мое. И скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: "безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?"» (12:18-20).

С кем разговаривает этот богач? С самим собой. Его молитва из диалога с Богом превращается в диалог с собственной душой. Вот это, наверное, и есть главный критерий безумия главный критерий отпадения от истины: говорить не с Богом, а с самим собой. Это страшно и опасно. И это очень часто бывает с богатыми людьми. Но богатство — далеко не всегда деньги; знания — тоже богатство. И есть люди, которые противопоставляют себя тем, кто знает *не то*, или *не так*, или меньше, или по-другому.

Третья притча на ту же тему — притча о богаче и нищем Лазаре (16:20-31). Мы помним, как одевался и пиршествовал богатый и как лежал в струпьях у его ворот Лазарь. Приходили псы и лизали его струпья. А затем умерли оба. Богач попал в ад, а Лазарь — на лоно Авраамово.

Главное, наверное, заключается в том, что богатый не делал ничего плохого. Можно легко себе представить, что многие другие на месте этого не известного нам по имени богача могли бы просто велеть своим слугам отшвырнуть Лазаря подальше, чтобы вид несчастного бедняка не смущал хозяина и его друзей. Можно предположить, что какие-то крохи со стола этого богатого человека всё-таки перепали Лазарю, раз он там лежал. Во всяком случае, ясно одно: ничего дурного этот богач не делал, но ничего хорошего он тоже не делал. И вот это неделание хорошего и привело к печальному концу.

«Во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф 7:12). Это золотое правило существовало и до Христа. Но и в Ветхом Завете, и в книге Товита, и в талмудической литературе, и у античных философов и мыслителей — везде оно формулируется в отрицательной форме: *не делай* другому того, чего ты не хочешь, чтобы сделали тебе. У Иисуса в Нагорной проповеди наоборот — *делай* другим то, что ты бы хотел, чтобы сделали тебе. Эта активность делания представляет собой что-то принципиально новое.

Богач из этой притчи как раз вписывается в это правило: ничего плохого он не делал, но не делал и хорошего. На земле у него остались пять братьев, и он просит: «Отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря... в дом отца моего пусть он засвидетельствует им, чтоб и они не пришли

в это место мучения» (Лк 16:24, 27, 28). Авраам отвечает ему очень хлётко: «"У них есть Моисей и пророки; пусть слушают их"». Он же сказал: "нет, отче Аврааме! но если кто из мёртвых придёт к ним, покаются"» (16:29-30).

Действительно, на протяжении Пятикнижия Бог многократно обращается к людям с призывом творить добро тем, кто нуждается. Например, во Второзаконии, в последнем стихе 14-й главы: «...и пусть придёт левит, ибо ему нет части и удела с тобою, и пришелец, и сирота, и вдова, которые находятся в жилищах твоих, и пусть едят и насыщаются, дабы благословил тебя Господь, Бог твой, во всяком деле рук твоих, которое ты будешь делать» (Втор 14:29). И дальше: «Ибо нищие всегда будут среди земли (твоей); потому я и повелеваю тебе: отверзай руку твою брату твоему, бедному твоему и нищему твоему на земле твоей» (Втор 15:11).

У них есть Моисей, но они не слушают его. Они не послушают и Лазаря, если он вернётся из Царства мёртвых, чтобы благовествовать. Об этом и четвёртая притча — притча о неверном управителе из 16-й главы Евангелия от Луки и два комментария к ней.

В притче рассказывается об управителе, с которого хозяин неожиданно потребовал отчёт. «Тогда управитель сказал сам в себе: "что мне делать? господин мой отнимает у меня управление домом: копать не могу, просить стыжусь"». И вдруг он восклицает: «"Знаю, что сделать, чтобы приняли меня в дома свои, когда отставлен буду от управления домом". И, призвав должников господина своего, каждого порознь, сказал первому: "сколько ты должен господину моему?" Он сказал: "сто мер масла". И сказал ему: "возьми твою расписку и садись скорее, напиши: пятьдесят". Потом другому сказал: "а ты сколько должен?" Он отвечал: "сто мер пшеницы". И сказал ему: "возьми твою расписку и напиши: восемьдесят". И похвалил господин управителя неверного, что догадливо поступил; ибо сыны века сего догадливее сынов света в своём роде» (16:3-8).

Рассказав эту притчу, Спаситель говорит: «И Я говорю вам, приобретайте себе друзей богатством неправедным» (16:9).

Очень часто из этого чтения — особенно в том виде, в каком оно даётся в церковном календаре, обрываясь именно на этом стихе — делается вывод о том, что Христос призывает людей к обману в жизни земной, чтобы обеспечить себе жизнь небесную. На самом же деле в Евангелии от Луки есть два примечания к этой притче, одно из которых гласит: «Верный в малом и во многом верен; а неверный в малом неверен и во многом. Итак, если вы в неправедном богатстве не были верны, кто поверит вам истинное? И если в чужом не были верны, кто даст вам ваше?» (16:10-11). Из этого замечания совершенно ясно, что Христос не за ту методу, которой пользовался нечестный управитель. Он прямо говорит, что так делать нельзя, поскольку обман в малом свидетельствует о том, что и в большом ты тоже можешь обмануть.

И тем не менее Он рассказывает эту притчу и говорит: и вы приобретайте друзей «богатством неправедным» (по-гречески — «мамоной неправедной»), то есть богатством, которое стало вашим идолом, которое вы обожествили, которому вы служили как Богу. Такое богатство всегда несправедно, потому что оно сродни идолослужению. И, повторю, это может быть богатство, выраженное не только в деньгах, но и в служении науке, театру, музыке, живописи и т. д.

Так вот: им, этим обожествлённым вами богатством (раздавая его), приобретайте себе друзей.

Удивительное, потрясающее правило: именно тем, в чём вы были язычниками или язычницами, приобретайте себе друзей в Царстве Божиим! Я знал одного человека, который очень упорно занимался довольно редким языком и, в общем, идолизировал свои занятия. А потом вдруг отказался от научной работы и посвятил себя исключительно созданию учебников и других пособий по изучению этого языка — тогда таких пособий не существовало, и они были необходимы. Да, в результате он не получил докторской степени, но как человек он стал другим — использовав во благо именно то, что прежде было его идолом. Таких примеров очень много. И, наверное, это какой-то

общий путь для христиан. Что делать богатому, которому так трудно войти в Царство Небесное? Приобретать себе друзей тем, что он обожествлял, — мамоной неправедной.

Пример того, как это делается, показывает Закхей. После встречи с Иисусом в своём доме он говорит: «Господи! половину имения моего я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо» (19:8). Закхей поступает разумно с точки зрения бизнесмена: он не отдаёт всё, он отдаёт половину, у него остаётся какое-то богатство, которое можно наращивать, чтобы раздавать и впредь, потому что если отдать всё за один раз, то не будет никакой перспективы, будет тупик.

Но само по себе неправедное богатство не спасительно, потому что тот, кто был неверен в малом, не будет верен и в большом. Поступать так, как поступал неверный управитель, нельзя ни в коем случае! Рассказывая эту историю, Спаситель показывает, на какие ухищрения идут люди, живущие без Бога, чтобы богатством приобрести друзей. И предлагает нам принципиально иное обращение с богатством — делать из наших недостатков наши же достоинства. Это совершенно особый, уникальный и действительно христианский путь, который нигде более не предлагается.

Если мы теперь прочитаем именно под этим углом зрения Евангелие от Луки от начала до конца, то найдём и в 3-й, и в 5-й, и в 6-й, и в 11-й, 12-й, 14-й главах самые разные рецепты, как можно распорядиться богатством. По меньшей мере десять раз Евангелие от Луки возвращает нас к этой теме. Народ спрашивает у Иоанна Крестителя: «Что же нам делать?» И он говорит в ответ: «У кого две одежды, тот дай неимущему, и у кого есть пища, делай то же». Вот первый, наиболее простой вариант поведения человека, у которого что-то есть. В 5-й главе, когда речь идёт об апостолах — сначала об Иакове и Иоанне, сыновьях Заведеевых, а затем о Матфее, — предлагается другой вариант: оставить всё — и идти за Иисусом. Вариант, который предлагает Прелтеча, можно назвать мирским: второй, который предлагает Иисус для апостолов, — монашеским: оставить всё. К нему Евангелие возвращает нас и в 14-й главе: «Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (14:33).

Действительно, если имеющие не станут как неимеющие, то они никогда не сделаются христианами. Мы становимся христианами только тогда, когда понимаем: то, что мы имеем, нам не нужно. И тогда уже никакое богатство — ни в смысле интеллектуальном, ни в смысле денежном — нам не страшно.

Эта же тема звучит и в 6-й главе: «Всякому, просящему у тебя, давай и от взявшего твоё не требуй назад» (6:30). И дальше следует золотое правило: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (6:31).

Но 30-й стих как бы повторяет одно место из Нагорной проповеди в Евангелии от Матфея. Сравним эти два места. В Евангелии от Матфея говорится: «Прозящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (Мф 5:42). Это типично библейская параллельная структура, где второе полустипение в других словах, но достаточно точно повторяет первое полустипение. А в Евангелии от Луки по-другому: второе полустипение не повторяет, а развивает первое: «Всякому, просящему у тебя, давай и от взявшего твоё не требуй назад» (Лк 6:30). Нам — тем, у кого что-то есть — предлагается поразмышлять о том, что мы должны сделать, чтобы нам хоть и трудно (труднее, чем верблюду пройти через игольные уши), но всё же возможно было войти в Царство Небесное. Не просто «просящему давай», но и «не требуй назад».

О милостыне

В 11-й главе даётся ещё один ответ и ещё один совет по этому поводу. Обращаясь к фарисеям, Иисус говорит: «...Ныне вы, фарисеи, внешность чаши и блюда очищаете, а внутренность ваша исполнена хищения и лукавства. Неразумные! не Тот же ли, Кто сотворил внешнее, сотворил и внутреннее? Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть: тогда всё будет у вас чисто» (11:39-41).

«Подавайте лучше милостыню», причём не просто милостыню, а из того, что у вас есть. Потому что, скажем, студенту, которому на продукты или на учебники дают деньги папа с мамой, не из чего подавать милостыню.

В следующей, 12-й главе есть знаменитая фраза: «Продайте имущества ваши и дайте милостыню. Приготовляйте себе хранилища неветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает. Ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет» (12:33-34). Здесь мы, кажется, уже приближаемся к сердцевине того, что говорит по поводу богатства Спаситель. Не просто продавайте имущества и вообще то, что у вас есть, но так поступайте, чтобы богатство ваше находилось там, где сердце ваше. Другими словами, если мы с холодным сердцем (просто потому, что считаем это нужным) раздаём или распродаём богатство, то это ещё не милостыня. Те банкиры, которые жертвуют деньги не потому, что так подсказывает им сердце, а потому, что в результате с них возьмут меньше налогов, делают, конечно, доброе дело, но пока ещё не творят милостыню. Это то, что *может превратиться в милостыню* — причём в любой момент может, потому что прошибить их глухоту на этом пути Бог властен в любое мгновение. Грань здесь очень тонкая: как только включается сердце, пожертвование становится милостыней; как только оно выключается, милостыня перестаёт быть таковой. Мы очень чутко должны прислушиваться к своему сердцу.

И наконец, в последний раз о том же самом идёт речь в 14-й главе: «Сказал же и позвавшему Его: когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых, чтобы и они тебя когда не позвали, и не получил ты воздаяния. Но когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых, и блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздается тебе в воскресение праведных» (14:12-14).

Кого же звать на пир? Тех, кто не может сделать то же самое! Всегда, когда я читаю Евангелие и дохожу до этого места, мне вспоминается, что такое по'минки, как говорят в Воронежской, Липецкой, Орловской и других областях. Именно по'минки, а не поми'нки. Что такое по'минки? Это обед, на который зовут неимущих. Дом умершего человека открывается тем, у кого ничего нет: этим бабусям и другим нищим и убогим, которые тебя никогда не позовут, потому что у них такой возможности просто не будет. В этом смысле народная память сохранила евангельский принцип в своей первоначальной чистоте, тогда как мы в городах о нём забыли. Многие старые женщины заготавливают на свою смерть полотенца, носовые платки или ещё что-то, чтобы эти памятные вещи раздавали после их смерти, на похоронах. Это есть хоть и несколько засушенное, несколько формализованное, как всегда в ритуале, но всё-таки прямое следование евангельскому принципу, о котором я говорил. Увы, в нашей жизни мы по разным причинам ушли от этого обычая.

Последний принцип — зови тех, кто не может воздать тебе — укоренён не только в Новом Завете. В Ветхом Завете о том же говорится по меньшей мере три раза. Во-первых, в книге Иисуса Сираха, староканонической, существовавшей не только на греческом, но и на иврите, говорится следующее: «Сын мой, не отказывай в пропитании нищему и не утомляй ожиданием очей нуждающихся» (Сир 4:1).

В книге Притчей Соломоновых об этом же говорится в 3-й главе: «Не отказывай в благодеянии нуждающемуся, когда рука твоя в силе сделать его. Не говори другу твоему: "пойди и приди опять, и завтра я дам", когда ты имеешь при себе. Ибо ты не знаешь, что родит грядущий день» (Притч 3:27-28).

И наконец, наиболее чётко об этом сказано в книге Товита, которая теснейшим образом связана с Новым Заветом; отголоски её на каждом шагу встречаются в Нагорной проповеди: «Из имущества твоего подавай милостыню, и да не жалеет глаз твой, когда будешь творить милостыню. Ни от какого нищего не отвращай лица твоего, тогда и от тебя не отвратится лице Божие. Когда у тебя будет много,

твори из того милостыню, и когда у тебя будет мало, не бойся творить милостыню и понемногу; ты запасёшь себе богатое сокровище на день нужды, ибо милостыня избавляет от смерти и не попускает сойти во тьму» (Тов 4:7-10).

Итак, «и когда у тебя будет мало, не бойся творить милостыню и понемногу». Большинству из нас очень важно услышать эти библейские слова.

14-я глава Евангелия от Луки со словами Спасителя о том, кого звать на пир, как бы венчает эту тему, тему богатства в руках христианина. Причём, повторяю, богатства и материального, и интеллектуального. Я не случайно говорю не только о деньгах, но и об интеллектуальном богатстве. В нашей стране, где атеизм цвёл пышным цветом, была создана организация, которой — в таком виде, как у нас — нет и не было ни в одной стране мира, кроме той, что придумал Джонатан Свифт, — Лапуты. Эта организация — Академия наук. Учёных, которые работают только ради того, чтобы изучать, нет нигде в мире. Вся наука делается в университетах, то есть учёные всех стран мира, как бы глубоко они ни были погружены в свою науку, заняты профессорско-преподавательской деятельностью: они отдают свои знания. А у нас появился этот жуткий монстр — Академия наук. Беда в том, что, достигнув каких-то высот в своей науке, многие учёные ни дня не провели в университетской или какой-то иной аудитории, они не знают, что значит отдавать то, что имеешь. Преподаватель, отдавая, постоянно отрывает куски от себя, как пеликан, который кормит детей своей собственной кровью, разрывая грудь. Не случайно пеликан — символ педагогики. Так и учёный, который занимается преподавательской деятельностью, постоянно отдаёт ученикам свои ненаписанные или почти написанные книги и статьи.

Непрестанность молитвы

Вторая особая тема Евангелия от Луки — тема *непрестанности молитвы*. В 11-й главе есть замечательная притча: «...Положим, что кто-нибудь из вас, имея друга, придёт к нему в полночь и скажет ему: "друг! дай мне займы три хлеба, ибо друг мой с дороги зашёл ко мне, и мне нечего предложить ему"; а тот изнутри скажет ему в ответ: "не беспокой меня, двери уже заперты, и дети мои со мной на постели; не могу встать и дать тебе". Если, говорю вам, он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит» (11:5-8).

Об этом же, только другими словами, говорится в начале 18-й главы, в притче о неправедном судье, «который Бога не боялся и людей не стыдился»: «В том же городе была одна вдова, и она, приходя к нему, говорила: "защити меня от соперника моего". Но он долгое время не хотел. А после сказал сам в себе: "хотя я и Бога не боюсь, и людей не стыжусь, но, как эта вдова не даёт мне покоя, защищу её, чтобы она не приходила больше докучать мне". И сказал Господь: слышите, что говорит судья неправедный? Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их?» (18:3-7).

Подобно неправедному судье, Бог, Который праведен, неужели не защитит вопиющих к Нему день и ночь? Тем, кто непрестанно стучит, тем отворят. Тем, кто непрестанно просит, тем дадут. Это Матфей (7:7-8). Этот же стих повторяется в Евангелии от Луки (11:9), а две эти притчи представляют собой как бы толкование стиха: «Стучите — и вам отворят. Просите — и дано вам будет».

Такая молитва «вопиющих к Нему день и ночь» не может не быть непрестанной. Это слова из 87-го псалма, который мы читаем на утрени во время шестопсалмия: «Господи, Боже спасения моего! Днём вопию и ночью пред Тобою».

Эта непрестанная молитва связана с каким-то особым горением христианского сердца. Иисус говорит: «Огонь Я пришёл низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (12:49).

О каком огне идёт речь? Не о том, который уничтожает, а, конечно, о том огне, о котором говорят апостолы по дороге из Эммауса в Иерусалим после того, как с ними шёл по этой дороге воскресший, но не признанный ими ещё Спаситель: «Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?» (24:32).

Вот это горение сердца и есть непрестанная молитва. Без него, без этого горения, никакой непрестанной молитвы не будет, будет только непрестанное повторение слов, которое совсем не полезно, а, наоборот, даже вредно.

Молитва, связанная с горением сердца, молитва, которая непрестанна, и вообще молитва — это особая тема Евангелия от Луки.

Песнь Захарии, как по-латыни обычно говорят, *Benedictus*, — замечательный гимн, с которым отец Иоанна Предтечи обращается к Богу: «И Захария, отец его, исполнился Святого Духа и пророчествовал, говоря: благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой, и сотворил избавление ему, и воздвиг рог спасения нам в дому Давида, отрока Своего...» (1:67-69).

«Слава в вышних Богу!» — поют ангелы в самую ночь Рождества Христова и поём мы в начале утрени перед шестопсалмием.

«Ныне отпускаеши» — молитва Симеона Богоприимца, которая звучит во время каждой вечерни и как-то особенно — во время всенощного бдения, посвящённого празднику Сретения, потому что именно в этот день обратился к Богу с молитвой Симеон Богоприимец.

Наконец: «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою, благословенна Ты между женами!» Эти слова тоже из Евангелия от Луки. Можно умножать примеры молитвенных текстов. Всё Евангелие от Луки наполнено духом молитвы.

Покаяние

К Иисусу приходят люди и рассказывают о галилеянах, кровь которых Пилат смешал с жертвами их, то есть, вероятно, велел их убить во время совершения жертвоприношения. Иисус сказал им на это: «...Думаете ли вы, что эти галилеяне были грешнее всех галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам; Но если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам; но если вы не покаетесь, все так же погибнете» (13:2-5).

Мы очень часто говорим, особенно теперь, что Бог наказывает, что несчастье — это наказание, которое Он посылает за грехи. Но здесь Спаситель прямо говорит: неужели они были грешнее всех, эти восемнадцать человек, на которых упала башня, или эти галилеяне, которых убил Пилат? Нет, они были такие же, как другие. Но если не покаетесь, вы погибнете так же... Бог не наказывает несчастьем, но человек, уходя от Бога, как бы «обесточивает» себя, остаётся без Его помощи. Вспомните судьбы погибших и поймите, что на самом деле это ваша судьба. Вот что говорит Спаситель: люди погибли совсем не потому, что Бог хотел их наказать. Они погибли по другой причине — они сами себя лишили помощи Божией, отрезали себя от Бога.

Безусловно, если мы дадим себе зарок: вот кран, вот вода, но мы пить не будем, — то в конце концов умрём. То же происходит в наших взаимоотношениях с Богом: вот Он, Господь, Он с нами, а мы сознательно отказываемся от Его помощи, рубим связь между собой и Богом — и в результате погибаем.

Или, скажем, у меня телефон, я могу позвонить кому угодно. Но я беру ножницы, перерезаю провод, и всё — телефон замолкает. Мне теперь уже никто не позвонит — не потому, что я плохой, не потому, что тот, кто может мне позвонить, хочет наказать меня молчанием, но только по одной причине: я сам перерезал провод.

Это действительно очень сложно и в то же время очень просто.

Иллюстрация к двум историям, приведённым в начале 13-й главы, — притча о блудном сыне (15-я глава). Блудный сын, уходя от отца, *сам* рвёт с ним связь. И теперь только он *сам* может вернуться, потому что у него есть свободная воля. В тот момент, когда он поймёт, что ему надо возвращаться, когда он сделает хотя бы первые шаги в противоположном направлении (ведь что такое покаяние? Это *шувва*, поворот!), — вот тогда отец сам выбежит ему навстречу. Сын сочинил слова, с которыми он хотел обратиться к отцу, но даже не успел их сказать; отец уже всё понял, отец сам выбежал к нему навстречу!

Но для того, чтобы отец выбежал к нему, сыну всё-таки надо было сделать поворот, надо было *самому* «починить телефон». Это очень важно понять.

Итак, четыре темы для размышления во время поста предлагает нам Евангелие от Луки: милостыня, молитва, горение и покаяние. И, наверное, не случайно к посту мы приходим, читая именно Евангелие от Луки. Нигде так подробно не говорится о милостыне, нигде нам не даются на этот счёт советы на все случаи, не приводятся самые разные варианты. Нигде больше (я имею в виду четырёх евангелистов) не говорится о непрестанной молитве, о горении. И наконец, без притчи о блудном сыне и без этих двух примеров о башне Силоамской и о галилеянах, убитых по приказу Пилата, мы бы не знали, что такое покаяние. Не случайно же говорит Амвросий Медиоланский, что притча о блудном сыне — это Евангелие внутри Евангелия, «евангельшее из Евангелий» — так, наверное, можно перевести его выражение на русский язык.

Применительно к теме поста 18-я глава Евангелия от Луки содержит притчу о мытаре и фарисее, в которой я хотел бы обратить особое внимание на стих: «Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударя себя в грудь, говорил: "Боже! Будь милостив ко мне грешнику!"» (18:13).

Ударяя себя в грудь... То есть в молитве мытаря участвует не только сердце, но и само тело. В еврейском языке есть слово *нефеш* — душа, но это не душа по Платону, бестелесная, с какими-то крылышками невидимыми, а то, что живёт жизнью, неразрывной с жизнью тела, то, что не мыслится вне тела. Не случайно мы верим не просто в какое-то абстрактное воскресение, а в воскресение тела, воскресение плоти.

Это очень важно понять: тело не может не принимать участия в духовной жизни, не может жить своей жизнью и, скажем, поедать котлетки в то время, как дух будет молитвенно предстоять перед Богом. Это не значит, что мы должны абсолютно точно выполнять все предписания Византийского устава. Но это значит, что в течение недель, пригласительных к Великому посту, мы обязательно должны обсудить на исповеди со своим духовником или с тем священником, к которому обычно ходим, как именно мы должны совершить пост, то есть определить ту степень участия тела в нашей жизни духовной, без которой пост теряет всякий смысл.

Нужно понять, что пост — это не ритуальное воздержание, как было у язычников, как это есть в других религиях: пост ничего общего не имеет с ритуальным воздержанием. Пост — это время переделывания души. А переделать душу, не касаясь тела, невозможно, потому что они неразделимы, потому что они живут общей жизнью. Переделывая душу, мы должны заняться и переделыванием тела. Надо, чтобы тела тоже коснулась эта работа. Вот что такое телесный пост.

В Евангелии от Луки освобождение от греховности мыслится как выздоровление больного. Встреча со Христом — как исцеление от греха. Примеров тому много. Женщина с алавастровым сосудом, которая приходит, чтобы пролить миро на голову и ноги (по-разному у разных евангелистов) Иисуса. Она грешница, подчёркивает Евангелие от Луки. И в этой встрече ей прощаются её грехи.

Захей, встречая Спасителя, исцеляется. Благоразумный разбойник на кресте получает исцеление, выздоровление. Как больной расстаётся с болезнью, так и он — со своими грехами: «Ныне

будешь со Мною в раю». Блудный сын и, наконец, женщина, взятая во время свидания с любовником (Ин 8:3-11). Эта притча первоначально была в Евангелии от Луки, в 21-й главе, после 38-го стиха, — значит, это тоже часть Евангелия от Луки. «Иди и впредь не греши», — говорит ей Спаситель. В этом «впредь» содержится главное в Благой Вести о покаянии. Покаяние не есть наше заявление о греховности. Покаяние всегда связано с даром от Христа, Который даёт нам силы впредь не повторять то, с чем мы пришли к Нему или даже с чем нас привели к Нему.

Встреча со Христом — это всегда выздоровление, это всегда исцеление. Не случайно в нашей литургической практике встреча со Спасителем в таинстве покаяния сравнивается с приходом во лечебницу: «Пришел еси во лечебницу, да не исцелен не отидеши». По всему Евангелию красной нитью проходит идея, что *не здоровые имеют нужду во врачех, а больные*. Это трижды повторено в Евангелиях (Мф 9:12; Мк 2:17; Лк 5:31). Всё Евангелие от Луки — как бы комментарий к этой теме. Дело не в том, что Лука как-то по-другому описывает Спасителя, а в том, что через каждое Евангелие Сам Христос нам говорит что-то особенное.

Евангелие нищих

Размышляя об особенностях Евангелия от Луки, мы увидели, что особое место отводится в нём теме богатства. Ещё раз подчеркнём: богатый — это не просто человек с деньгами, а тот, у кого есть что отдавать.

Но особо сказано в этом Евангелии и о нищих. Евангелие от Луки — в равной степени *Евангелие богатых и Евангелие нищих*. Не тех бедных, которые, как говорят, перебиваются с хлеба на квас, а именно нищих. В греческом языке есть слова *пэ'нэс* — «бедный человек» и *птохо'с* — «нищий». Первый — это тот, у кого не хватает хлеба, денег, еды, плохое жильё и т. д. А второй — тот, у кого вообще ничего нет. Евангелие от Луки посвящено именно таким — не бедным, а нищим. Если в Евангелии от Матфея проповедь Иисуса начинается словами «Блаженны нищие духом», то у Луки (в переводе епископа Кассиана Безобразова) — «Блаженны нищие». Просто нищие! Блаженны те, у кого нет ничего своего, у кого всё, что есть, — от Бога. И ещё до Нагорной проповеди, проповедуя в субботу в синагоге Назарета, Иисус говорит, опираясь на пророчество Исаяи о Благой Вести, обращённое к нищим: «Он (Бог) помазал Меня, — читает Он Исаяю, — благовествовать нищим» (Лк 4:18).

Есть ещё одно место у евангелиста Луки, где звучит та же мысль. Когда ученики от имени Иоанна Крестителя спрашивают Иисуса, Тот ли Он, Кому должно прийти, Он отвечает: «...пойдите, скажите Иоанну, что вы видели и слышали: слепые прозревают, хромые ходят, прокажённые очищаются, глухие слышат, мёртвые воскресают, нищие благовествуют» (Лк 7:22). Так в Синодальном переводе, а на самом деле конец стиха нужно было бы перевести как «нищим возвещается Благая Весть» — этими словами Иисус ещё раз напоминает о пророчестве Исаяи и о том, что оно исполняется в Нём.

И Богородица ещё до рождения Спасителя воздаёт благодарность Богу за то, что Он «вознёс смиренных; алчущих исполнил благ, а богатящихся отпустил ни с чем» (Лк 1:52-53).

Если в мире есть богатые, то есть и нищие. Но важно, чтобы и богатые тоже почувствовали себя нищими — почувствовали, что у них самих ничего нет, а то, что есть, — это не их, а Божие, данное Богом. Тогда у них появится осознанная потребность отдавать то, что у них есть.

Евангелие женщин

Евангелие от Луки — это ещё и Евангелие женщин. Нигде в Новом Завете не присутствует так много женщин, как в этом, третьем Евангелии. Это черта эллинистической культуры того времени:

греки уже допустили женщину в общественную жизнь, тогда как в Палестине она остаётся малозаметной. А у Луки присутствие женщин очень заметно.

Прежде всего это Мать Божия. Ей посвящены первые главы — Благовещение, Её путешествие в Нагорную страну, в город Иудин, посещение дома Захарии, где Она остаётся на три месяца. Ещё одна женщина — Елисавета, мать Иоанна Предтечи. Затем — пророчица Анна, дочь Фануилова, которая вместе с Симеоном Богоприимцем встречает Младенца Иисуса в храме (Сретение), хвалит Бога и пророчествует о Младенце, говоря о Нём находящимся в храме. Очень важно заметить фигуру пророчицы Анны на иконе «Сретение Господне», где она обычно изображена рядом с Симеоном, и Мария с Иосифом передают Младенца для благословения Симеону и Анне.

Наконец, Марфа и Мария, к которым Иисус приходит в Вифанию. Марфа принимает Его в своём доме, а Мария сидит у ног Иисусовых и слушает, что Он говорит. С точки зрения Талмуда, в котором сказано, что мудрость женщины — в веретене, это почти скандал: участие женщины в богословских разговорах, с точки зрения правоверного иудея, абсолютно недопустимо.

В Евангелии от Луки мы находим притчу о потерянной драхме (женщина теряет одну из десяти драхм, а потом ищет её). Она как бы дополняет притчу о закваске, которую женщина кладёт в тесто, — эта притча есть и в Евангелии от Луки, и в Евангелии от Матфея. Итак, женская тема в Евангелии от Луки — не принципиально новая, но здесь она подчёркнута.

И Марфу, и Марию мы встречаем не только у Луки, но и в Евангелии от Иоанна. Когда умирает Лазарь, Иисус приходит в Вифанию к Марфе с Марией. Именно отсюда, из этого текста, становятся ясны роль и место каждой из них.

Часто думают: какая молодец Мария — сидит у ног Иисуса и слушает Его слово. А Марфа, вместо того чтобы ловить каждое слово Спасителя, хлопочет по хозяйству!

Но из Евангелия от Иоанна мы узнаём об этих двух сестрах нечто более важное... Умер их брат Лазарь. Иисус приходит к ним в деревню. «Марфа, услышавши, что идёт Иисус, пошла навстречу Ему; Мария же сидела дома» (Ин 11:20). Та самая Мария, которая сидела у ног Христа, внимая каждому Его слову, просто плачет. Она сражена скорбью, но из этой скорби ничего не вырастает. Марфа же говорит Иисусу: «Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой; но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог. Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день» (Ин 11:21-24).

Она дважды произносит слово «знаю». Иисус в ответ на это говорит: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрёт, оживёт. И всякий живущий и верующий в Меня не умрёт вовек. Верешь ли сему?» (Ин 11:25-26).

И вдруг Марфа, та самая Марфа, которая в Евангелии от Луки гремит посудой, восклицает: «Верую!» Она совершила тот прорыв к Богу, к вере, который в данный момент оказался невозможным для Марии...

Мы все много знаем о Боге, но часто при этом мало верим. Более того, чем больше знаем, тем меньше верим. Хлопотунья Марфа сделала шаг, который не в силах была сделать молитвенница Мария: *шаг от знания о Боге к вере в Него.*

Вероятно, каждый из нас должен пройти путём Марфы. Путь этот очень сложен, но Марфа проходит его, может быть, именно потому, что, когда Спаситель пришёл к ней в дом, она подумала, что прежде всего Его надо накормить. А мы очень часто поступаем наоборот: хотим прежде всего внимать Христу и забываем о том, что Спаситель говорит: «...Алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал — и вы напоили Меня...» (Мф 25:35).

Вот это и сделала Марфа. Её укоренённость в реальной жизни и дала ей мистическую силу прийти от знания о Боге «по книжке» к реальной вере в Бога, к реальной встрече с Ним. Важно понять,

после каких слов Марфа, отказываясь от своего «я знаю», восклицает: «Я верую!» Вспомним, она говорит: «Знаю, что воскреснет в воскресенье». Христос отвечает на это: «Я есмь воскресение». Вот тут-то Марфа и восклицает: «Верую!» Она выказывает убеждённость и веру не в какое-то абстрактное воскресение (как у Н.Н. Фёдорова — люди воскреснут, но Христос тут оказывается не причём), а в воскресение во Христе, через личную встречу с Ним. Только такое воскресение приводит от знания о Боге к вере в Бога.

Очень часто люди не веруют только по одной причине: они прочитали массу книг, всё выучили, как-то систематизировали в уме, в памяти, — но Сам Христос оказался где-то «на полях» этого знания. А вот Марфа чувствует, что дело не в «технике» или «механизме» воскресения, а просто во Христе. В этом Человеке, Который стоит перед ней и говорит странные на первый взгляд слова: «Аз есмь воскресение» («воскресение — это Я»).

Таким образом, и Евангелие от Иоанна (в 4-й главе которого, добавим, Иисус беседует с самарянкой у колодца) тоже можно назвать Евангелием женщин. Как и Евангелие от Матфея, где на первой же странице, в родословной Иисуса, среди мужских имён упомянуты четыре женских: Зара, Фамарь, Рахава и Руфь. Казалось бы, с точки зрения иудейской традиции это невозможно — женское имя в родословной. Но тем не менее женщины названы — и не случайно! — на первой странице Нового Завета. Однако в большей степени именно Евангелие от Луки является Евангелием женщин. Здесь женская тема как бы выдвинута на передний план. Когда мы отмечаем какие-то особенности того или иного Евангелия, это не значит, что того же вовсе нет в других Евангелиях. Оно там есть, но не так ярко выделено — вот и вся разница.

Евангелие детей

Евангелие от Луки — это ещё и Евангелие детей. Именно здесь мы читаем о том, что Предтеча, ещё не родившийся, пляшет во чреве своей матери, радуясь тому, что Мать Божия и Младенец Иисус, тоже ещё не родившийся, пришли к ним. Предтеча, пляшущий во чреве матери, — это совершенно удивительный образ в Новом Завете, удивительный знак того, что жизнь человеческая начинается ещё до рождения.

В Ветхом Завете царь Давид пляшет перед ковчегом, а в Новом Завете Предтеча пляшет перед Матерью Божией, которая с первых веков христианской Церкви именуется в гимнографии Ковчегом Нового Завета. «Радуйся, святых большая, радуйся, Ковчеже, позлащённый духом», — так говорится в византийском акафисте. «Молись за нас, Ковчег Завета», — говорит латинская литания. В традиции Восточной Церкви (в меньшей степени — Западной) Мать Божия воспринимается как Ковчег Завета для нас.

Младенца Иисуса в яслях и двенадцатилетнего Иисуса в храме мы встречаем только в Евангелии от Луки.

Спаситель благословляет детей. Эта сцена есть у всех трёх синоптиков — Матфея, Марка и Луки, но в Евангелии от Луки ей предшествуют сцены, о которых шла речь выше: пляшущий во чреве матери Предтеча, Христос в яслях и двенадцатилетний Иисус в храме.

Евангелие молитв, храма и Церкви

Евангелие от Луки — это Евангелие молитв. Именно здесь подчёркивается, как молится Сам Христос. Именно здесь ученики просят Иисуса: Господи, научи нас молиться. Именно Евангелие от Луки содержит такие удивительные молитвенные тексты, как «Ныне отпускаеши», или «Благословен Бог» или «Величит душа Моя Господа». Именно в этом Евангелии когда совершается чудо

Боговознесения, свидетели его начинают хвалить и славить Бога. Эти слова хвалы вообще характерны для Евангелия от Луки.

Коль скоро Евангелие от Луки — это Евангелие молитв, а место молитв — это храм, то третье Евангелие, вероятно, можно назвать и *Евангелием храма*, потому что здесь буквально с первых и до последних строк постоянно упоминается храм. Первая сцена Евангелия от Луки происходит в храме. И в конце Евангелия мы тоже оказываемся в храме: именно здесь после вознесения Иисуса пребывают Его ученики, прославляя и благословляя Господа.

В храме двенадцатилетний Иисус говорит с учителями. В храм приходят для молитвы мытари и фарисей. В храме пребывает Бог. Храм потому место молитвы, что это место присутствия Христова в нашем мире, место присутствия Божия. Но Христос предлагает нам новый храм, нерукотворный — Его Церковь, которая распространена по всему миру. Оказывается, храм не только в Иерусалиме, он везде, где «двое или трое собраны во имя Моё» (Мф 18:20). И потому Евангелие от Луки — не только Евангелие храма, но и *Евангелие Церкви*. Это Евангелие, где о Церкви говорится больше всего и яснее всего. Так, именно у Луки двенадцать учеников Иисусовых постоянно называются апостолами, тогда как у Матфея и Марка они названы просто «двенадцать» или «ученики». В Евангелиях от Матфея и от Иоанна слово «апостолы» употреблено лишь по одному разу, у Марка — два раза. А у Луки шесть раз употребляется слово «апостолы»: Подчёркнуто, что двенадцать — не просто ученики, это апостолы. «Апостол» — слово греческое, это перевод еврейского слова, обозначающего посланника, которому посылающий не просто поручает конкретную миссию, а передает всю полноту своего «я», всю полноту власти. Это посланник, принимая которого, мы как бы принимаем посланного его. Спаситель полностью передаёт апостолам Свою власть, власть «вязать и разрешать».

«Дана Мне всякая власть на небеси и на земли», — читаем мы слова Иисуса в последнем зачале Евангелия от Матфея. И с этими словами можно сопоставить 10-ю главу того же Евангелия, где Иисус, призвав двенадцать, «дал им власть». Так вот, власть, которая дана апостолам, — вся власть.

В Евангелии от Луки слово «апостолы» становится ключевым. Власть апостольская — это власть епископская. Это та благодать, которая даёт её носителям силы быть строителями Церкви. Благодаря им Церковь и Дух Святой в ней продолжают жить и действовать. Мы знаем, что если бы епископов не осталось, история Церкви прервалась бы, как это произошло, например, в Албании, где во времена Энвера Ходжи Церковь прекратила своё существование.

Есть еще одно выражение в Евангелии от Луки, которое, как мне кажется, очень тесно связано с темой церковности. Это выражение «на каждый день». «Хлеб наш насущный даждь нам днесь (сегодня. — Г. Ч.)», — произносим мы, читая молитву «Отче наш» по тексту Евангелия от Матфея, и «Подавай нам на каждый день» — по Евангелию от Луки. Жизнь Церкви не прерывается ни на один день. Это жизнь, которая протекает ежедневно — *на каждый день*.

«Ежедневно» (*на каждый день*) — одно из ключевых слов именно в Евангелии от Луки, потому что это Евангелие Церкви. Жизнь в Церкви сохраняется только тогда, когда она не прерывается ни на один день.

Театр, больницу, институт можно закрыть на ремонт, временно ликвидировать, распустить, а потом снова открыть. С Церковью этого быть не может. История Церкви со времени Спасителя и доньше — это *все дни*, не исключая ни одного. Но жизнь Церкви — это не просто жизнь *каждый день*, это каждодневный труд, каждодневная работа, переделывание самого себя и возделывание того поля, которое нам доверено. «Возьми крест свой и следуй за Мною», — говорит Иисус. Иными словами, постоянно, каждодневно иди за Мною, будь со Мною в радости и страдании.

В Евангелиях от Матфея и от Марка рассказано о бесплодной смоковнице: «Поутру же, возвращаясь в город, взалкал. И увидев при дороге одну смоковницу, подошёл к ней и, ничего не найдя

на ней, кроме одних листьев, говорит ей: да не будет же впредь от тебя плода вовек. И смоковница тотчас засохла» (Мф 21:18-19).

Здесь эта притча не просто рассказана — она как бы показана нам Спасителем. Весной, в первые дни недели, которую позже будут называть Страстной, плодов на смоковнице не бывает, «ещё не время было собирания смокв», — подчёркивает евангелист (Мк 11:13). Но в это время, ранней весной, уже появляются почки, из которых потом развиваются плоды. Поэтому, как и всякий наблюдательный человек, Иисус, взглянув на смоковницу, определяет, будут ли на ней плоды. Иными словами, Он проклял смоковницу не за то, что на ней нет плодов сегодня, а за то, что их не будет потом, в будущем.

Когда евангелист пишет: «взалкал... пошёл... ничего не нашёл, кроме листьев» (Мк 11:12-13), то он говорит нам не о том, что Иисус захотел есть, но о том, что Он взалкал видеть смоковницу — каждого и каждую из нас — плодоносящей. И, увидев, что она не будет плодоносить, проклял её. Нам показано: до тех пор мы можем жить, пока приносим плоды.

А в Евангелии от Луки эта притча уже не показана, а рассказана. Иисус рассказывает о смоковнице, на которой нет плодов. Хозяин сказал виноградарю: «...»"Вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби её: на что она и землю занимает?" Но он сказал ему в ответ: "господин, оставь её и на этот год, пока я окопаю её и обложу навозом: не принесёт ли плода; если же нет, то в следующий год срубишь её"» (Лк 13:7-9).

Та же самая притча, но здесь работник в саду просит хозяина не рубить сегодня — может быть, смоковница ещё принесёт плоды. В русском варианте Евангелия сказано: «в следующий год срубишь». В греческом же оригинале написано: «а если не принесёт — срубишь». А когда — неизвестно, может быть, через двадцать, тридцать, сорок лет... В будущем.

Вероятно, миссия святого в этом мире, среди нас, в том и заключается, чтобы окопать и удобрить эту бесплодную смоковницу и просить Хозяина виноградника, то есть Бога, не рубить её сегодня. Быть может, она принесёт плоды — не теперь, так в будущем.

Показанная у Марка и Матфея притча у Луки рассказана как бы с перспективой на будущее. Церковь — это ежедневная и систематическая работа, дабы тот, кто «не приносит плода» сегодня, всё же принёс его когда-нибудь.

Тема очень важная. Вспомним, Предтеча говорит о том, что всякое дерево, которое не приносит плода, срубают. По плоду познаётся дерево, говорит Иисус: «Нет доброго дерева, которое приносило бы худой плод; и нет худого дерева, которое приносило бы плод добрый. Ибо всякое дерево познаётся по плоду своему; потому что не собирают смокв с терновника и не снимают винограда с кустарника» (Лк 6:43-44).

И вот мы видим дерево, которое пока что не приносит плода, но есть надежда, что принесёт его в будущем. Здесь перспектива, будущее Церкви и её членов высвечивается как-то особенно ярко, хотя в будущее Церкви обращены и все остальные Евангелия.

Важно отметить ещё один момент. Именно в Евангелии от Луки с самого начала, с первых строк говорится о том, что Господь — Спаситель. «...Ныне родился в городе Давидовом Спаситель...» — возвещают ангелы, обращаясь к пастухам. Трижды говорит о спасении Захария в своём песнопении. О спасении говорит и Симеон Богоприимец: «Ибо видели очи мои спасение Твоё, которое Ты уготовал перед лицом всех людей» (Лк 2:30-31). О спасении и Спасителе говорит и Мать Божия в своём гимне: «Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моём» (Лк 1:46-47). «Ныне пришло спасение Дому сему», — говорит Иисус, придя в гости к Закхею (Лк 19:9).

Значит, не случайно Евангелие Церкви сфокусировано на теме спасения. Для того и существует в этом мире Церковь для того и действует ежедневно, чтобы мы спаслись, чтобы через неё Иисус

протягивал нам руку спасения. Христос протягивает её не тем, кто этого достоин, а тем, кто Его ждёт. Об этом говорится и в Евангелии от Матфея, в 8-й главе, когда Иисус исцеляет сына (или слугу) капернаумского сотника Иисус исцеляет этого мальчика, хотя сотник восклицает: «Господи, я недостойн, чтобы Ты вошёл под кров мой» (Мф 8:8). А когда эта история рассказывается в Евангелии от Луки, подчёркивается, что евреи, которые пришли к Христу хлопотать за сотника, «просили Его убедительно, говоря: он достоин, чтобы Ты сделал для него это, ибо он любит народ наш и построил нам синагогу» (Лк 7:4-5). И в то время, когда люди вокруг говорят, что он достоин и поэтому ему надо помочь, сам сотник, «когда Он недалеко уже был от дома... прислал к Нему друзей — сказать Ему: не трудись, Господи! ибо я недостойн...» (Лк 7:6).

Иисус исцеляет слугу сотника — это подчёркнуто только в Евангелии от Луки. Как часто мы с вами, когда просим в молитвах о ком-то (или о себе), говорим: «Господи, помоги ему (ей, мне). Он (она, я) достоин этого». Если не в словах, то в подсознании это присутствует. А Бог показывает нам, что этот путь ложный. Это очень важный момент.

Ещё один пример недостойного человека, который обретает спасение, — это упомянутый уже Закхей, о котором тоже говорится только в Евангелии от Луки. И есть ещё одно чудо, которое описывает только Лука, — чудо исцеления десяти прокажённых.

Десять прокажённых исцелены, и только один из десяти, самарянин (язычник или хуже, чем язычник, во всяком случае, человек «недостойный») возвращается, чтобы возблагодарить Бога. «Тогда Иисус сказал: не десять ли очистились? где же девять? Как они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменика?» (Лк 17:17-18).

Благодарность — это то, что нам, как правило, не свойственно. Просить — у нас получается, благодарить же мы не умеем, это гораздо труднее. А у него, у этого самарянина, — получается. Этим Евангелие напоминает, как важно уметь благодарить. А апостол Павел, как бы подводя итог рассказу евангелиста Луки, восклицает: «За всё благодарите!» (1 Фес 5:18).

...Один из десяти вернулся, чтобы воздать хвалу Иисусу. Десять — это очень интересная цифра. Один из десяти — это как раз те десять процентов, о которых обычно говорят французы или итальянцы, когда спрашиваешь, сколько у них в стране верующих. Они отвечают: примерно десять процентов. Это минимальное, но, я думаю, достаточное количество для того, чтобы общество было духовно здоровым. В нашей же стране верующих чуть больше одного процента — в десять раз меньше, чем тот минимум, о котором говорит Спаситель!

Благая Весть

Благовестие до такой степени многомерно, что его нельзя «вместить» в одно Евангелие. Поэтому одни грани Благой Вести подчёркиваются у Матфея, другие — у Марка, третьи — у Луки, четвёртые — у Иоанна. Но если о чём-то говорится у одного евангелиста, следы того же самого непременно есть у другого.

Суть Благой Вести невозможно вместить не только в один текст, но, наверное, и в одну Церковь. И если говорить о том, что есть Церковь, можно сказать: все черты Церкви присутствуют и в православии, и в других христианских исповеданиях. У нас, православных (и через нас), Господь подчёркивает что-то одно, у католиков или протестантов — другое, и подчёркивает прежде всего для нас.

Какой великий дар, что в православии дети допущены к мистической жизни Церкви во всей её полноте! У протестантов, как известно, детей не крестят до взрослого возраста, а у католиков их до 11-12 лет не миропомазуют и даже не причащают. Но когда видишь в Западной Церкви обряд первого причастия, которого дети ждут как великого праздника, к которому с волнением готовятся, ради

которого переживают месяц совершенно удивительного духовного роста, то огорчаешься, что у нас этого нет, а есть обратная сторона участия детей в таинствах — механическое к ним отношение, когда они во время службы маются, томятся, шалят и т. д. Приходит в голову, что, может, с какого-то возраста надо приостанавливать причастие детей. Конечно, непередаваемо радостно причащать младенцев, особенно если младенец тянется к чаше: глаза распахнуты, ротик открыт, он весь тянется ко Христу в таинстве Евхаристии. Это ни с чем не сравнимо. В такие минуты, как никогда, чувствуешь присутствие Божие. Потом в жизни ребёнка наступает момент, когда он, взрослея, кое-что уже начинает понимать, но... служба его утомляет, к концу её он уже устал, даже если его привели в середине. Я думаю, что родители должны хорошо обдумать это. Может быть, до какого-то возраста вообще не надо приводить детей на Литургию — до тех пор, пока у ребёнка не появится личная, внутренняя потребность подойти ко Святой чаше. Так что опыт наших западных братьев и сестёр учит нас осторожности.

Истина Благовестия не вмещается в опыт одной Церкви, она сохраняется в опыте разных христианских Церквей. И когда, сравнивая, как бы совмещаешь его, — постигаешь всё богатство христианства. Но, понимая это, мы ни в коем случае не призываем механически соединить все Церкви в одну. Это было бы убийственно! Важно другое — чтобы мы не испытывали друг к другу неприязни, ненависти, отвращения. Необходимо уметь видеть свои слабые стороны и сильные стороны других. А мы, наоборот, любим подмечать слабости других. В результате попадаем в тупики — и личные, и общецерковные. Не к тому зовёт нас Господь!

Например, мы должны учиться у протестантов читать Писание, знать Писание и любить Писание. Протестанты, в свою очередь, учатся у православных и католиков любви к истории подвижников Церкви, к опыту живых христиан. В последнее время проповедники, учёные и просто рядовые протестанты очень часто открывают для себя опыт, накопленный христианской Церковью за две тысячи лет. Например, лучший доклад, который я слышал о преподобном Сергии Радонежском, был сделан протестантом. Слушая его, мы чувствовали, что преподобный Сергий находится среди нас. И лучшая, на мой взгляд, книга о Франциске Ассизском тоже написана протестантом. Словом, когда протестанты, лишённые опыта встречи со Христом через встречу со святыми, открывают его для себя, то нащупывают что-то такое, чего мы, которым эта возможность дарована, иногда не видим. Тайна множественности Церкви заключается именно в том, чтобы через эту множественность мы могли друг друга обогащать.

Итак, у всех христиан есть какие-то общие и какие-то особые дары, которые Господь даёт тем или иным Церквям. И Церковь имеет возможность делиться этими дарами, если другие того хотят. Несомненная заслуга протестантских вероисповеданий в том, что и православные, и католики XX века полюбили читать Писание, не расстаются с ним, издают его и т. д. И заслуга Церквей Востока (Восточного Средиземноморья, христиан-арабов) заключается в том, что община, которая была ими сохранена, стала неотъемлемой частью Церкви во всех вероисповеданиях.

Многогранная истина Евангелия сохраняется и в разных Церквях, и у разных евангелистов. Поэтому, когда разные Евангелия соединяют в одно, видишь: что-то, может быть, самое главное, ушло. В «Литературной газете» несколько лет тому назад был опубликован труд священника Леонида Лутковского. Он соединил повествования Матфея, Марка и Луки в одно целое. И вместо того многомерного Евангелия, *через которое с нами говорит Христос*, у нас в руках оказался *текст о том, что некогда делал и говорил Спаситель*. Вот в чём разница.

Необходимо обратить внимание ещё на одну особенность Евангелия от Луки. В нём есть *притчи о строителе башни* и *о царе, который собирается на войну*. Они следуют одна за другой и не встречаются у других евангелистов.

«...Кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он, что нужно для совершения её, дабы, когда положит основание и не возможет совершить все видящие не стали бы смеяться над ним, говоря: "этот человек начал строить и не мог окончить"? Или какой царь, идя на войну против другого царя, не сядет прежде и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью тысячами противостоять идущему на него с двенадцатью тысячами? Иначе, пока тот ещё далеко, он пошлёт к нему посольство — просить о мире» (Лк 14:28-32).

Если мы замахиваемся на что-то большое и не имеем сил для этого, лучше не замахиваться. Если мы ещё не готовы, но уже строим грандиозные планы в духовной жизни, — лучше их не строить. Прежде чем принимать решения, нужно хорошо подумать.

Подвиг не совершается просто так — для подвига христианин должен быть подготовлен. Иисус, закончив притчу, говорит: «Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк 14:33). Так вот, для того, чтобы отрешиться, чтобы это не было игрой, а было чем-то подлинным, надо себя подготовить. Поэтому вне роста, вне развития невозможно подлинное христианство, подлинное православие. И как всякий солдат — не случайно апостол Павел неоднократно сравнивает христианина с воином — упражняется ежедневно (напомню, «ежедневно» — ключевое слово Евангелия от Луки), так христианин должен ежедневно готовить себя к подвигу и не приступать к нему слишком рано, пока ещё не готов.

Это тоже одна из особенностей Евангелия от Луки именно как Евангелия Церкви, потому что Церковь — это не в последнюю очередь школа, школа, в которой мы учимся вере, учимся жизни со Христом и во Христе. И может быть, именно поэтому, именно в этом Евангелии Иисус так много говорит с фарисеями, бывает у них в гостях, ест и пьёт с ними. Он не отталкивает от себя этих людей — благочестивых, но слишком укоренённых в традиции, людей, которые из-за своего буквализма уже не видят реальности присутствия Божия, в глазах которых следование заповедям и установлениям (букве) заслонило дух. Видя их благочестие и добрые сердца, Спаситель приходит к ним, потому что им тоже есть место в Церкви: они сохраняют многовековую традицию.

Но если у них получается сохранять традицию, то почувствовать Живого Бога им не удаётся. Безграмотные рыбаки, с которыми ходит Иисус, лучше чувствуют Живого Бога, но они живут вне традиций, потому что никогда ничему не учились. И тех и других — и «модернистов»-апостолов и традиционно укоренённых в законе фарисеев — Иисус соединяет в Своей Церкви. Это очень важный урок Евангелия от Луки.

Текстологические особенности евангельских рукописей

В современных изданиях Нового Завета на греческом языке публикуется текст, подготовленный на основе сличения древнейших рукописей — прежде всего трёх кодексов IV в.: Синайского, Ватиканского и Александрийского. Сличаются также папирусы II в. и древние переводы, в которых иногда отражается традиция сохранения текста, восходящего к началу II в. В этом основное отличие новых изданий Евангелия от изданий XIX в. и более ранних, где использовался так называемый *textus receptus* — общепринятый текст, который восходит к византийским рукописям IX-X вв.

В чём различие между поздним текстом, с которого был сделан Синодальный перевод, и ранними рукописями, с которых сделан известный теперь перевод епископа Кассиана (Безобразова)? Сравнив эти два русских перевода Нового Завета, мы увидим, что принципиальных отличий очень немного — не больше десяти. В поздних рукописях не утеряно ни одного слова: всё, что было в ранних, сохранено. Но в более поздних появилось то, что палеографы обычно называют *глоссами*, — это заметки переписчика, которые были сделаны на полях, а при повторной переписке просочились в текст.

Например, в Нагорной проповеди Христос говорит о том, как надо подавать милостыню, молиться и поститься. В переводе епископа Кассиана: «Когда же ты творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что творит правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий втайне, воздаст тебе... Ты же, когда молишься, войди во внутренний покой твой; и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий втайне, воздаст тебе... Ты же, постясь, помажь твою голову и лицо твоё умой, чтобы показать себя постящимся не людям, но Отцу твоему; и Отец твой, видящий втайне, воздаст тебе» (Мф 6:3, 6, 17-18).

«И Отец твой, видящий втайне, воздаст тебе», — говорится в древнейших рукописях, на которых основан перевод епископа Кассиана. Однако в более поздних появилось слово «явно». В Синодальном переводе читаем: «И Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (здесь и далее выделено мной. — Г.Ч.). Синодальный перевод, сделанный с поздних рукописей, сохранил именно этот, исправленный вариант, ориентирующий читателя на зримую награду и, следовательно, на лёгкий результат. Логическое ударение в тексте, куда вставлено слово «явно», три раза падает именно на это, последнее в предложении слово, которое настраивает нас на молитву, милостыню и пост как на средство для получения награждения по принципу *do, ut des* («я даю в расчёте на то, что ты отдашь»), что, быть может, типично для римской культуры, но чуждо духу Евангелия. Ничего подобного не было в древнем оригинале, где логическое ударение все три раза падает на слово «тебе» («И Отец... воздаст тебе») и, таким образом, ориентирует читателя на мысль о том, что идущий по пути молитвы, милостыни и поста вступает в особую и личную связь с Богом, Который воздаёт именно «тебе».

То же самое можно сказать о слове «напрасно». «Всякий, гневающийся на брата своего, будет подлежать суду» (Мф 5:22). Так написано в раннем варианте, а в поздних рукописях здесь подставлено слово «напрасно»: «Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду». Однако это «напрасно» снимает всю напряжённость текста, лишает его ослепительной белизны и ориентированности на полное преображение жизни. «Всякий, гневающийся на брата своего, будет подлежать суду». А мы все гневаемся. Поэтому, вслушиваясь в этот текст, каждый из нас должен сказать: я гневаюсь — и я *первый* должен подлежать этому суду.

В Евангелии почти всегда так: Христос даёт нам не какие-то конкретные, буквально выполнимые предписания, — Он задаёт направление, по которому мы должны идти. Не гневаться вообще бесконечно трудно, быть может, просто невозможно, но Иисус зовёт нас идти именно по этому пути, указывает на цель, добираться до которой, вероятно, придётся всю жизнь. Не просто даёт моральный совет в духе древнеегипетского мудреца — «не гневаться, когда нет оснований для гнева», а прочерчивает для каждого из нас общее направление всей жизни.

Вот ещё один пример византийской редакции. В древнейшем тексте Послания к Римлянам апостол Павел, рассуждая о вере Авраама, говорит: «И он не изнемог в вере, и посмотрел на своё тело омертвелое — будучи около ста лет отроду — и на омертвелые утробы Сарры, но не поколебался в обещании Божиим неверием, но был укреплен в вере, воздав славу Богу и будучи убежден, что Он силен и исполнить то, что обещал» (Рим 4:19-21).

В византийских же рукописях появляется частица «не» — отрицание: «И, не изнемогши в вере, он не помышлял, что тело его, почти столетнего, уже омертвело, и утроба Саррина в омертвлении; не поколебался в обетовании Божиим неверием, но был тверд в вере...»

Вера Авраама в византийском понимании — полное неумение и нежелание видеть реальность. Но на самом деле текст обладает потрясающей напряжённостью: Авраам понимал, что он старик и что Сарра старуха, которая уже не в состоянии стать матерью, но, несмотря на это, пребыл в вере! Вера — это особый дар. Бог даёт нам силы поверить во что-то вопреки очевидности.

Одна маленькая частица, появившаяся в византийских рукописях, изменила концепцию веры. У апостола Павла она основана на том, что вопреки очевидности Авраам верил и был твёрд в своей вере.

А византийская концепция веры совсем другая: вера — не победа над очевидностью, а просто блаженное невидение очевидности. В византийском тексте оказывается неясным значение частицы «но» (греч. *де*) перед «не поколебался в обетовании Божиим», поэтому авторы Синодального перевода просто исключили её, однако на деле она играет очень важную роль — речь идёт о том, что Авраам прекрасно знал, что он старик, но *тем не менее* не поколебался, веря, что Бог обмануть не может. Вера как уверенность, которая больше, чем знание того или иного факта, — вот главная тема этого стиха.

Думается, что эта частица «не» — самая существенная из средневековых вставок в Новый Завет. Остальные вставки такого принципиального характера не имеют и в основном связаны со стилистической редакцией текста.

Например, в рассказе о воскрешении Лазаря евангелист Иоанн пишет: «Тогда взяли камень. Иисус же поднял глаза ввысь и сказал: Отче, благодарю Тебя, что Ты услышал Меня» (Ин 11:41). А в средневековом тексте после слов: «Тогда взяли камень» следуют слова, поясняющие, что это за камень: «Итак, отняли камень от пещеры, где лежал умерший» (Ин 11:41).

В какой-то момент одному из переписчиков показалось, что не совсем ясно, о каком камне идёт речь, и он на полях отметил: «от пещеры, где лежал умерший», а потом это замечание просочилось в текст при повторной переписке. Казалось бы, с такими вставками можно смириться, потому что они не искажают смысла того, что нам хочет сказать Господь. И тем не менее...

Вот встреча Иисуса с женщиной, схваченной во время свидания с любовником: «...Он поднял голову и сказал им: кто из вас без греха, первый брось в неё камень. И снова наклонившись, писал на земле. Они же, услышав, стали уходить один за другим, начиная со старших, и остался один Иисус и женщина посредине» (Ин 8:7-9).

Так написано в древнейшем тексте, а в византийском варианте после слов «они же, услышав» подставлен деепричастный оборот: «Они же, услышав *то и будучи обличаемы совестью*, стали уходить...» Он не меняет смысла, а, скорее, объясняет, о чём речь, тому, кто не понял текст сразу достаточно глубоко.

«Иисус, подняв голову, говорит ей: женщина, где они?» (Ин 8:10). А в поздних рукописях: «Иисус, восклонившись *и не видя никого, кроме женщины*, сказал ей...» В текст вставлено шесть новых слов: «и не видя никого, кроме женщины». Однако выше уже было сказано о том, что все ушли. Значит, Он просто не мог никого видеть. Добавленный в средневековых рукописях деепричастный оборот не только не меняет смысла, но даже ничего не объясняет.

Такого рода пояснения смысла не меняют, но зато искажают стиль евангельского текста, делают его значительно более понятным, но каким-то двухмерным, приглаженным и чем-то похожим на школьное сочинение. На самом же деле Евангелие написано совершенно особым языком, резко отличающимся от языка греческой литературы. Оно полно неправильно построенных предложений, фраз с пропущенными словами и многих других стилистических шероховатостей, которые нами воспринимаются как драгоценное свидетельство подлинности Нового Завета, ибо авторы его были совсем не писателями, а галилейскими рыбаками. На средневекового читателя, а особенно на византийского книжника или латинского учёного монаха эти места производили совсем другое впечатление — они казались им уродливыми, искажающими текст и лишаящими его гармоничности, которую так ценило средневековье. В силу этого обстоятельство переписчик VIII-XI вв. стремился улучшить евангельский текст, исправить «уродующие» его, как ему казалось, места и придать Евангелию отсутствующую в изначальном тексте красоту.

Средневековые исправления убирают из текста шероховатости, но в то же время лишают его совершенно особой лаконичности, немногословности, делают его более растянутым и водянистым.

Мы возмущаемся тем, что В. Жуковский внёс изменения в стихотворение Пушкина «Памятник», для того чтобы оно хотя бы в искажённом виде было напечатано. Но почему-то не

возмущаемся тем, что искажён апостольский текст Евангелия, хотя, конечно же, необходимо, чтобы мы читали именно тот текст Евангелия, который нам достался от апостолов.

Именно красоты, а не красоты не хватает в Новом Завете его средневековым читателям. Он кажется им слишком угловатым и, наверное, даже корявым. Отсюда эти средневековые добавления, которые удивительно напоминают позднейшие попытки исправить древнюю икону, дописывая её там, где древняя краска потемнела или утрачена. Так, например, в начало Нагорной проповеди (Мф 5:11), в стих «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» средневековый латинский переписчик подставляет слово *homines* («люди»), ибо ему представляется, что без подлежащего предложение теряет смысл и не может быть понято читателем.

Задача современного исследователя, переводчика и читателя заключается в том, чтобы, подобно тому как это делают реставраторы, возвращая иконе её первоначальную красоту, научиться видеть евангельский текст в его подлинной красоте, очень простой и бесконечно далёкой от красоты средневековой рукописи или современной иконы.

Ещё одна группа исправлений связана с попытками средневековых византийских переписчиков сnivelировать разницу между Евангелиями. Скажем, в Евангелии от Луки Иисус говорит: «Блаженны нищие» (Лк 6:20), а в Евангелии от Матфея — «Блаженны нищие духом» (Мф 5:3). В средневековых же рукописях и в Евангелии от Луки подставлено слово «духом», чтобы приблизить один текст к другому.

Или описывается исцеление человека с сухой рукой. Иисус спрашивает фарисеев, позволительно ли исцелять в субботу. У Марка следует ремарка: «Но они молчали» (Мк 3:4). У Луки этой ремарки нет. Но средневековый переписчик переносит ее и в Евангелие от Луки (Лк 6:9), хотя на самом деле такого рода замечания характерны именно для Евангелия от Марка — текста, который, несмотря на свою потрясающую краткость, очень богат чисто зрительными образами. Молчащая толпа, в присутствии которой Спаситель совершает Своё чудо, — это как раз картина, которую может показать именно Марк. Поэтому не удивительно, что у Марка слова «они же молчали» есть, а у других евангелистов их нет.

У всех трёх синоптиков Спаситель говорит: «Я пришёл призвать не праведников, но грешников» (Мф 9-13; Мк 2:17; Лк 5:32). Но в Евангелии от Луки эта фраза оканчивается словом «к покаянию»: «Я пришёл призвать не праведников, а грешников к покаянию». Этого слова нет ни у Марка, ни у Матфея, но во всех без исключения средневековых рукописях оно просачивается и к ним.

Что значит «призвать»? Если мы задумаемся в значение этого слова, то поймём, что *призвать* можно именно *к себе*. Христос призывает нас к Себе: «Придите ко Мне все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас» (Мф 11:28). Когда Спаситель говорит: «Я пришёл призвать не праведников, но грешников», то из самого глагола — *калео* — ясно, что Он пришёл призвать не праведников, но грешников *к Себе*.

Тогда откуда берётся концовка этого призыва к покаянию в Евангелии от Луки? Оно, как известно, было написано для греков, а греческая культура — это совершенно особый феномен.

«Amicus Plato, sed magis amica veritas» («Платон мне друг, но истина дороже»). В этих словах кратко, но очень точно выражена одна из важнейших черт того подхода к действительности, который характерен для греческой культуры: человек должен быть верен, *но* не какому-либо другому человеку, *а только* точке зрения, той или иной теории или доктрине и т. д. Не случайно у Платона в диалоге «Федон», где рассказывается о последних часах жизни Сократа, сохранены следующие слова этого замечательного человека: «Послушайте меня и поменьше думайте о Сократе, но главным образом — об истине; и если решите, что я говорю верно, соглашайтесь, а если нет — возражайте, как только сможете. А не то смотрите — я увлекусь и введу в обман разом и себя самого, и вас, а потом исчезну, точно пчела, оставившая в ранке жало».

Великий философ формулирует здесь в безупречной форме, в виде блестящего афоризма греческий подход к истине, которая существует сама по себе; мы, люди, только временные её проводники, но не более. Поэтому грек с лёгкостью поймёт, когда человека зовут к чему-то, понять же призыв к кому-то для него просто невозможно. Вот откуда в Евангелии от Луки появляется слово «к покаянию»: до греческого ума такая формулировка дойдёт сразу. Формулировка же «Я пришёл призвать вас к Себе» греку абсолютно непонятна. Грекам придётся учиться века, чтобы понять, что Сам Христос есть воплощённая Истина, именно как Человек, живой Человек с Его плотью и кровью, а не как идея, временно обретшая вид человека.

Если вдуматься, то вся история греческой богословской мысли связана именно с этим — воспитанному на греческой философии уму бесконечно трудно принять христианство именно как веру во Христа. Веру в Него Самого им хотелось бы истолковать как веру в Его принципы, но Евангелие, богослужебный чин и таинство Евхаристии не дают такого выхода, всё время возвращая христиан-греков к личной встрече с Воскресшим, вне которой христианства нет и быть не может.

Спаситель говорит: «Я пришёл призвать к Себе не праведников, но грешников». Но, посмотрев на текст Евангелия от Луки внимательно, можно увидеть в нём существенное добавление к тому высказыванию, которое сохранено у Матфея и Марка, — если так можно выразиться, указание на способ, или «орудийный» оттенок. Покаяние — это путь, которым можно прийти к Нему, к Господу. Оно не цель, но средство.

«Я пришёл призвать к Себе не праведников, а грешников *путём покаяния*».

Научиться читать Евангелие именно таким способом очень важно — сличая те расхождения, которые имеются у разных евангелистов в рассказе об одном событии или при передаче каких-либо слов Иисуса, не пугаться в этих расхождений и не пытаться их устранить, а делать всё, чтобы понять, как именно один из текстов дополняется при помощи другого.

Когда три евангелиста, а иногда и четыре (вместе с Иоанном) говорят об одном и том же, то у каждого в рассказе всегда есть какая-то деталь, отсутствующая у других. Именно за счёт наличия или отсутствия этих деталей Новый Завет становится такой объёмной книгой — книгой, которой «мир не Может вместить», как скажет евангелист Иоанн Богослов, книгой, которая сама вмещает в себя и мир и всех нас, если только мы этого хотим. При чтении Евангелия чрезвычайно важно понять, что перед нами не литературное произведение, а что-то другое. Не случайно его язык так не похож на язык греческой литературы, а сама его литературная форма такова, что аналогов её нельзя найти ни у народов Востока, ни в античной культуре, ни даже в Ветхом Завете.

Средневековые вставки бывают трёх типов. *Первый тип* вставок (их меньше всего) — когда переписчик изменяет смысл текста, как в случае с рассказом о вере Авраама в Послании к Римлянам. *Другой тип* — когда средневековый переписчик пытается пояснить текст в том месте, где он показался ему неясным. И наконец, *третий* — когда переписчик пытается приблизить одно Евангелие к другому или к другим, нивелируя те различия, которые есть между ними.

При этом очень важно понять, что, спрашивая, где именно точнее сохранено то или иное высказывание Иисуса, мы ставим неправильно сам вопрос. Нельзя утверждать, что одно Евангелие передаёт сказанное Им правильно, а другое неправильно: все Евангелия от начала до конца каноничны, а кажущиеся противоречия, наверное, просто необходимы, чтобы у нас была возможность увидеть Спасителя как бы в разных ракурсах. Чтобы получить верное представление о Нике Самофракийской, на неё надо посмотреть с нескольких точек. Более того, даже никогда не бывав в Лувре, по пяти-шести фотографиям мы можем достаточно хорошо представить эту статую, реконструировав её в своём воображении. Нечто подобное даётся нам в Новом Завете: Лука передаёт слова Спасителя, глядя на них с одной стороны, Матфей — несколько с другой, но оба — *правильно*, ибо в один текст то, что нам говорит Христос, просто не вмещается.

Сравнивая Синодальный перевод с греческим текстом, можно заметить, что некоторые глаголы, употреблённые по-гречески в настоящем времени, в переводе переданы прошедшим. Например, в сцене с грешницей из Евангелия от Иоанна в оригинале везде стоит настоящее время: «приводят», «говорят»... А в Синодальном переводе — «привели», «сказали». Нельзя понять почему, ибо апостолы используют настоящее время сознательно, показывая, что Иисус не только в прошлом делал или говорил что-то, но и *сейчас* делает, и *сегодня* обращается к нам. Как только мы это осознали, нам станет ясно, что кажущиеся противоречия между евангелистами на самом деле есть сокровищница, из которой мы ещё долго будем черпать всё новое и новое богатство.

Блаженный Августин заметил однажды, что Евангелие — это «нечто для гордецов непонятное, для простецов тёмное: здание с низким входом». Но, говорит он дальше, «оно становится тем выше, чем дальше ты продвигаешься» (Исповедь, 3, V, 9). Когда всматриваешься в евангельский текст, сличая его по разным рукописям и сопоставляя те версии, которые сохранены у разных евангелистов, понимаешь, до какой степени глубоко это, пока ещё не вполне понятое нами, замечание.

Обстановка, в которой проповедовал Иисус

В начале 3-й главы Евангелия от Луки есть такие строки: «В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод был четвертовластником в Галилее, Филипп, брат его, четвертовластником в Итурее и Трахонитской области, а Лисаний четвертовластником в Авилинее, при первосвященниках Анне и Каиафе, был глагол Божий...» (Лк 3:1-2).

Здесь подробно охарактеризована историческая ситуация того года, когда начинает свою проповедь Иоанн Креститель, а затем и Господь. Мы узнаём, кто тогда был императором в Риме, какие тетрархи (четвертовластники) были поставлены в той или иной области; названы первосвященники — современники Иисуса. И это не случайно — чтобы понять евангельское слово, Весть, которую несёт нам Господь, надо хорошо представлять себе, кто же были Его современники, те «совопрсники века сего», о которых говорит апостол Павел (1 Кор 1:20). Из Священного Писания мы знаем книжников и законников, иродиан, фарисеев и саддукеев. Кто эти люди, которые проповедуют в одно время с Христом в Палестине, слушают Его, ученики которых приходят к Нему задать вопросы? Что это было за общество, в которое пришёл Христос?

Как свидетельствует сопоставление монет с изображением кесаря Тиверия, надписями Ирода и др., *Спаситель родился не в тот год, с которого начала отсчёт новая эра, а на четыре года раньше.* Следовательно, Он был распят в 30-м году. Французский библеист и кумрановед аббат Ж. Карминьяк, проанализировав множество источников, установил, что *Христос умер на Кресте 7 апреля 30-го года.*

В то время большинство священников Иерусалимского храма были саддукеями. Они представляли собой, говоря современным языком, религиозный истеблишмент эпохи. Это люди, которые во всём стараются подражать грекам. Они даже меняют свои иудейские имена на греческие. Например, Ешуа становится Ясоном, Гиршом — Геродом и т. д. Саддукеи, безусловно, почитают Священное Писание, но для них и Библия, и Бог, о Котором она говорит, и та религия, которая с этим Богом связана, — это не более чем символ национальной идентичности. Подобно тому, как греки и римляне той эпохи, в общем-то, не верят в своих богов, саддукеи слабо верят в Бога Невидимого. Если римские и греческие жрецы и совершают какие-то обряды, то только потому, что такова тысячелетняя традиция, обряды эти освящены временем и верой далёких предков; олимпийская религия — вера в Зевса, Афины, Юпитера, Юнону и других греческих богов — была знаком национальной идентичности греков, названные боги — символами; то же было и у римлян. Примерно так же подходят к своей религии саддукеи. Для них Бог Невидимый — тоже символ, и не больше. Да, они облачаются в храм

в священнические одежды, совершают какие-то обряды, жертвоприношения, но это всего лишь дань традиции, потому что так делали их деды, прадеды, прапрадеды в течение тысячелетия; это лишь выражение их национального самосознания. В душе саддукеи исповедуют, вероятно, эпикуреизм, но не как философию, а скорее как образ жизни. Это люди образованные, начитанные, культурные, любящие роскошь, комфорт, уют, хорошие стихи и хорошую прозу. Они, в общем-то, не верят ни во что и поэтому почти всегда пребывают в состоянии скепсиса, уныния: всё в мире тленно, преходяще, неинтересно, не совсем подлинно, относительно, говорят они.

Понтий Пилат — типичный носитель подобных воззрений среди римлян. Когда он слышит, что стоящий перед ним Иисус что-то говорит об истине, он восклицает: «А что такое истина?» Для Пилата истины нет, истина — это иллюзия, дым, у каждого своя истина, свой взгляд на жизнь, считает он, и каждый уйдёт в небытие, причём очень скоро... «Станем есть и пить, ибо завтра умрём!» — воскликнет другой эпикуреец, поэт, которого цитирует апостол Павел (1 Кор 15:32). «И скажу Душе моей, — говорит евангельский богач, — покойся, ешь, пей, веселись» (Лк 12:19). *Ede, bibe, lude -post mortem nulla voluptas* (лат.) — «Ешь, пей и веселись, после смерти наслаждений не бывает». Будем пользоваться каждым моментом жизни сегодня, потому что неизвестно, что будет завтра. Мы все умрём, мы все уйдём в небытие и всё, что есть в нашей жизни, оставим здесь. А потому сегодня нужно пользоваться жизнью сполна. Такова логика этих людей. Такими мотивами пронизана римская поэзия того времени, в том числе стихи одного из лучших поэтов всех времён и народов — Горация. Эти же мотивы встречаются и у других римских поэтов того времени — Проперция, Тибулла, Лукреция.

Эти же ноты можно найти и в Священном Писании. В книге Премудростей Соломона приведена большая цитата из неизвестной оды, а затем — критика и оды, и приведённого высказывания. Но сама по себе цитата очень интересна как памятник словесного творчества саддукейской элиты — тех самых саддукеев, которые иногда приходят к Иисусу, чтобы задать Ему какой-нибудь каверзный вопрос. «...Коротка и прискорбна наша жизнь, — говорит неизвестный поэт, — и нет человеку спасения от смерти, и не знают, чтобы кто освободил из ада. Случайно мы рождены, и после будем как небывшие: дыхание в ноздрях наших — дым, и слово — искра в движении нашего сердца. Когда она угаснет, тело обратится в прах, и дух рассеется, как жидкий воздух; и имя наше забудется со временем, и никто не вспомнит о делах наших; и жизнь наша пройдёт, как след облака, и рассеется, как туман, разогнанный лучами солнца и отягчённый теплотою его. Ибо жизнь наша — прохождение тени, и нет нам возврата от смерти: ибо положена печать, и никто не возвращается. Будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностью; преисполнимся дорогим вином и благовониями, и да не пройдёт мимо нас весенний цвет жизни; увенчаемся цветами роз прежде, нежели они увяли; никто из нас не лишай себя участия в нашем наслаждении; везде оставим следы веселья, ибо это наша доля и наш жребий» (Прем 2:1-9).

Саддукеи насквозь пронизаны духом античной культуры своего времени. В Библии можно найти почти дословные повторения отдельных стихов античных авторов. Например, в знаменитой оде Горация «К Постуму» (2:14) есть такие стихи: «Возьмёт наследник вина, хранимые за ста замками, на пол расплещет он цикубских гроздей сок, какого даже понтифики не пивали». И в книге Екклесиаста есть похожий стих о наследнике: «...кто знает: мудрый ли будет он или глупый? А он будет распоряжаться всем трудом моим, которым я трудился и которым показал себя мудрым под солнцем...» (Еккл 2:18-19).

Таков мир саддукеев, людей образованных, интеллектуальных, обладающих безупречным вкусом, прекрасно знающих и греческую и римскую литературу. В Библии они видят поэзию, а религия для них — символ национальной идентичности. И вот такие люди приходят к Иисусу и говорят: «Было семь братьев: первый взял жену и, умирая, не оставил детей. Взял её второй, и умер, и он не оставил детей; так же и третий. Брали её за себя семеро, и не оставили детей. После всех умерла и жена. Итак, в воскресении, когда воскреснут, которого из них будет она женою? Ибо семеро имели

её женою» (Мк 12:20-23). Саддукеям этот вопрос кажется забавным и смешным. Вот Ты веришь в воскресение мёртвых. А чьей она будет женой, когда мёртвые воскреснут? В этом вопросе — вся логика этих умных, образованных, тонких, насмешливых, ни во что не верящих, во всём разочаровавшихся людей. Итак, саддукеи — это одна группа собеседников, совопросников Спасителя, с которыми, в общем-то, Он почти не спорит.

Другая группа — это люди, с которыми Он, напротив, постоянно дискутирует. Фарисеи, или перушим, что на иврите означает «отделённые». Их было примерно шесть тысяч. Фарисеи как бы отделили себя от народа, от обычных, простых, не знающих Закона и живущих не по заповедям людей. Они подчёркивали эту свою отделённость: вот мы — настоящие верующие, а остальные — это всякая дрянь, которая ни во что не верит и ничего не знает.

Фарисеи, в отличие от саддукеев, — не священнического происхождения. Это простые люди, очень часто мелкие ремесленники — сапожники, портные и т. п. Но они независимо от своего социального положения обладают большим религиозным и моральным авторитетом. Складывается интересная ситуация: духовное лицо, в пышном одеянии совершающее церемонию в храме, такого авторитета не имеет, на него смотрят как на представителя чисто официальной религиозности, с ним никто не советуется. А сельский сапожник, плохо одетый, почти нищий, никакого положения в обществе не занимающий, чтим как главный хранитель Закона и Правды Божьей. Фарисеи постоянно подчёркивают, как важно знать и изучать Закон; тот, кто не знает Закона, не может спастись. Они верят в воскресение мёртвых, в рай и ад, верят в Бога, Который контролирует нашу жизнь. Но вся вера их подчиняется образу жизни, необходимости выполнять предписания Закона во всей их полноте. В этом смысл их жизни. Мы помним, как фарисеи приходят в ярость от того, что Иисус «нарушает субботу»...

Интересно, что не только в Евангелии, но даже в Талмуде о фарисеях говорится с иронией. Например, сказано, что среди фарисеев есть так называемые оцарапанные — те, которые, выходя на улицу, замуривают глаза, чтобы не соблазниться видом женщины, и поэтому, естественно, натываются на дома, деревья, людей. Есть такие, которых Талмуд называет горбатыми, — это те, которые при ходьбе не отрывают ног от земли, чтобы показать, до какой степени они смиренны... О благочестии фарисеев можно сказать, что оно мертво и состоит лишь из буквального выполнения требований Закона. Вместе с тем это по-своему очень достойные люди. Иисус постоянно общается с фарисеями, ходит к ним в гости. Например, мы видим Иисуса в доме у Симона-фарисея (Лк 7), Он приходит на обед к другому фарисею (Лк 11). Именно фарисеи предупреждают Иисуса, что Ирод хочет Его убить (Лк 13). Никодим, который ночью приходит к Иисусу для беседы (Ин 3), — тоже фарисей. Но Иисус всё же восклицает: «Берегитесь закваски фарисейской, которая есть лицемерие» (Лк 12:1). Однако лицемерие в данном случае — не совсем то, что мы сегодня понимаем под этим словом. Иисус говорит всего лишь о внешнем выражении религиозности, о наружном благочестии.

В год рождения Иисуса скончался Гиллель, один из замечательных учителей Закона, мудрый книжник. Он был человек учёный, но при этом кроткий, скромный и бедный. Иудеи говорят, что именно Гиллель будет обвинителем всех бедняков на небесном суде. Когда человек скажет, что он не изучал Писание, потому что был беден и не мог купить книги, то ему ответят: «Но Гиллель был беднее тебя»... Гиллель говорил примерно следующее: «Что неприятно тебе, того не делай ближнему. И это — главное в Торе. Всё остальное — только комментарии». Разве не напоминает это нам «золотое правило Иисуса» (Мф 7:12)? Гиллель был против аскетизма и в то же время — против чревоугодия. Он — человек «срединного пути». Как рассказывается в одном из талмудических трактатов, в юности Гиллель днём работал, а ночью изучал Тору. Это очень напоминает греческого стоика Клеанта, о котором рассказывает Плутарх: тот, правда, наоборот, ночью работал у какого-то богатого человека — поливал огород, молот муку, пёк лепёшки, — чтобы рано утром их продать и посвятить день занятиям в школе стоика Зенона. Гиллель и Клеант — один в Палестине, другой в Греции — как бы молочные братья.

Вскоре после Иисуса жил равви Акиба, благочестивый раввин и мученик, который говорил: «Самое большое предписание в Законе — любовь к ближнему». Значит, раввины «вписываются» в евангельскую проповедь. Если бы Иисус встретился с кем-то из их учеников, они бы наверняка нашли общий язык. Книжник, для которого наибольшая заповедь в Законе — «Возлюби Господа Бога твоего и возлюби ближнего твоего, как самого себя», наверное, как раз из этого круга и происходит. Это значит, что люди, близкие по духу Гиллелю или Акибе, есть и среди окружающих Иисуса образованных иудеев.

Среди современников Иисуса были и представители кумранской общины, или ессеи. Вероятно, слово «ессеи» произошло от *хасидим* — «благочестивые». О них рассказывают греческие и римские писатели, например, Плиний Старший. Ессеи жили обособленно в Иудейской пустыне над Мёртвым морем (было их не более двухсот человек) и составляли замкнутую общину, что-то вроде средневекового монастыря, изучали Священное Писание и называли себя *яхад*, что означает «вместе», а также *эв оним* — «нищие», «смирненные». Но именно так называли себя и первые христиане! Кумраниты называли себя ещё *петаим*, т. е. «дурачки», «глупцы», «глупые, как дети». Но именно к таким обращался Спаситель в Нагорной проповеди и не только в ней. Иногда эти люди называли себя даже «Новым Заветом».

В кумранской общине совершаются ритуальные омовения, и, как подчёркивает один из кумранских документов, «если такое омовение не сопровождается у человека раскаянием, то пусть он лучше не вступает в воду, ибо не очистится от зла». Такое омовение очень похоже на таинство крещения. Есть ряд черт, роднящих Евангелие с кумранскими документами. Скажем, кумраниты отрицательно относятся к богатству и, говоря о богатстве как о чём-то плохом, употребляют слово *маммона* — то самое слово, которое мы знаем из Евангелия.

Среди членов кумранской общины распространяются документы, связанные с жизнью человека, которого мы знаем по прозвищу Морэ Ха-Седек, т. е. учитель справедливости. Он, действительно, чем-то напоминает Спасителя. Когда кумранские документы появились в Европе и в журналах стали печататься первые сведения об этих находках, многие стали говорить: вот из чего родилось Евангелие, вот материал, на основании которого впоследствии было составлено жизнеописание Иисуса Христа. Не было Иисуса, а был Морэ Ха-Седек, учитель справедливости, который потом, в сознании следующего поколения, превратился в Иисуса из Назарета...

Когда были открыты кумранские документы, среди возликовавших по этому поводу был Дюпон-Соммер, бывший священник, снявший сутану, чтобы стать профессором атеизма в Сорбонне и писать о том, что Иисуса никогда не было, а был Морэ Ха-Седек. Одну из его книг прочитал неизвестный нам по имени француз, плывший, кажется, из Александрии в Марсель. Прогуливаясь по палубе парохода и увидев священника в чёрном пиджаке и с белым воротничком, он подошёл к нему и сказал: «Вы знаете, отец, что вашего Иисуса никогда не было, а был другой человек, историю которого потом переделали и состряпали Евангелие?» Но патер, к которому подошёл наш герой, оказался не просто священником. Это был отец Карминьяк, именно тот, кто установил дату крестной смерти Иисуса по солнечному календарю — 7 апреля 30-го года. Так получилось, что со своим насмешливым вопросом самоуверенный турист обратился не просто к священнику, а к самому блестящему специалисту в области кумрановедения. Отец Карминьяк любил повторять, что кумранские находки указывают как раз на подлинность Евангелия и что на их фоне стала ещё более очевидной уникальность евангельской проповеди. Об этом он и сказал своему насмешливому собеседнику, а в его лице — всем «совопросникам» нашего века.

Что касается Морэ Ха-Седека, т. е. учителя справедливости, то увидеть в нём прообраз Иисуса мог только человек, никогда не открывавший Талмуда. Потому что в этой книге буквально на каждой странице присутствуют такие учителя. Один из них — Гиллель, о котором я уже упоминал, другой — Бен Доса, раввин из Галилеи. Бен Доса — очень добрый, но нищий человек. Его жена по субботам,

вечером, когда все готовят еду, кладёт в печь мокрую головню и поджигает её, чтобы дым валил, — тогда люди подумают, что и она что-то готовит. Головня дымится, чтобы создать видимость благополучия в их доме, но сам Бен Доса не смущается своей нищеты, а как-то очень добродушно и по-настоящему свято разъясняет Закон и учение пророков своим современникам. Словом, фигура такого учителя типична для своего времени. Народная религиозность противопоставляет служителям Иерусалимского храма, одетым в пышные священнические одежды, но не могущим ничего сказать своим современникам, такого учителя, собирает вокруг себя учеников, толкует Писание и учит, как жить сообразно требованиям, исходящим от Бога. Так что если мы даже просто полистаем талмудические трактаты или книги о Талмуде, то сразу поймём, что ничего уникального в таком человеке, как кумранский учитель справедливости, не было. Таких было много. И действительно, Иисус на этом фоне выглядит как один из них.

Однако что представляет собой кумранская община? Вот, например, отношение к калекам. В кумранском документе говорится: слепые, калеки, глухие — никто из них не может вступить в общину. А кто окружает Иисуса? Слепые, калеки, глухие, немые и т. д. Что говорит Иисус? «Пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокажённые очищаются и глухие слышат...» (Мф 11:4-5).

Здесь обнаруживается бездна между кумранской общиной и общиной учеников Иисуса. Иисус в Нагорной проповеди говорит: «Любите врагов ваших» (Мф 5:44). А что проповедует кумранская доктрина? Ненависть к посторонним, причём и Спаситель, и кумраниты зовут своих учеников к одному и тому же — быть совершенными. У евангелиста Иоанна сказано: «Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот ещё во тьме; кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нём соблазна; а кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме...» (1 Ин 2:9-11).

«Свет и тьма» — слова, часто встречающиеся и в кумранских текстах. Но кумранская община построена на недоверии, ненависти к посторонним и необщении с ними. Мы отделились от всех, ушли в горы, спрятались в пустыне, люди нам не нужны. Они погрязли в грехах, живут в падшем мире, мы к ним не имеем никакого отношения. Такова позиция кумранитов. Ничего похожего на позицию первой Церкви и Церкви вообще. Вот что сказано в дамасском документе о субботе: «Если у кого из вас осёл или вол упадёт в колодец или в яму, пусть никто не вытаскивает его оттуда в субботу. Пусть в субботу никто не оказывает помощи при родах скотине».

Откроем Евангелие от Луки. Господь говорит: «Если у кого из вас осёл или вол упадёт в колодец, не тотчас ли вытащит его и в субботу?» (Лк 14:5).

Тот же самый образ — осёл или вол, упавшие в колодец в субботу. И опять — при внешней схожести — внутренняя бездна между кумранским миром и миром Церкви Христа. Действительно, община кумранитов часто использует те же слова и образы, что и первая Церковь, но от Церкви она резко отличается по существу. Таковы ессеи.

Ещё одна группа современников Иисуса — кинжальщики-зилоты, или, по-арамейски, каннана. Из их числа был, вероятно, апостол Симон Канонит, или Симон-зилот. Из них, возможно, происходил и Иуда. Это люди, для которых религия стала социальной доктриной, национально-освободительной идеологией. Это — мессианизм с оружием в руках. Они, конечно, ждут Мессию, Который придёт и освободит их. Но пока Он не пришёл, считают они, мы сами можем Его заменить — с оружием в руках (поэтому римляне и называли их сикариши — кинжальщики). Зилоты сражаются против римлян, которые господствуют в Палестине. Священное Писание (в частности, Деяния Апостолов, главы 5-я и 21-я) упоминает по крайней мере о трёх выходцах из этой среды. Один из них — Иуда Галилеянин, который проповедовал приближение конца света, но был схвачен и казнён. Другой — Февда, человек, выведший толпу своих сторонников к Иордану в надежде, что воды перед ними расступятся и они перейдут реку посуху. Но и его арестовали и казнили. Третий — безымянный иудей из Египта,

собранный людей в пустыне, чтобы подняться с ними на Елеонскую гору. Он полагал, что по его слову стены Иерусалима упадут, его сторонники войдут в город и победят римлян. Зилоты воспринимают религию как движение за национальное освобождение иудеев, своей земли. Но некоторые из Них уходят к Иисусу и становятся Его учениками, а после воскресения Христова — христианами.

Таково было окружение Спасителя в голы Его проповеди. Саддукеи оставили от религии один только ритуал. Они живут, как греки, читают всё, что читают греки. Для них Библия — что-то вроде гомеровских поэм: древний текст, который надо читать и, главное, почитать, с которым связана их история, традиции, красота их языка, который свидетельствует о древней еврейской культуре, но из которого не вычитаешь ничего такого, что сегодня может перевернуть жизнь. Они, конечно, любят эти древние рукописи, берегут их, но относятся к ним как к чему-то музейному. Саддукеи — современники Иисуса; но и среди нас очень много таких саддукеев тех, кто относится к православной культуре, к Священному Писанию, особенно к славянской Библии как к свидетельству о древности и исключительности нашей культуры, о её красоте — но не больше. Некоторые, особенно филологи, знают славянский язык и Писание, церковное искусство, в частности, иконопись, но всё их знание подёрнуто какой-то особенной грустью: всё это в прошлом, всё это — не для сегодняшнего дня. Мы можем только изучать этот древний материал, трепетно прикасаясь к нему, чтобы потом уйти в наши малогабаритные квартиры, включить телевизор или видеомэгафон и, попивая чай, кофе, коньяк или ликёр, грустить над какой-нибудь кассетой или романом. Вот это — типично саддукейская психология.

Другое дело — фарисеи. они буквально следуют Закону, изучают его, посвящая этому всё своё время, и больше всего боятся, как бы не нарушить этот Закон. При этом они не отделяют заповедей важных от второстепенных. Для них важно всё, каждая мелочь кажется самой важной. Фарисеи с презрением относятся к безграмотным людям, считая их невеждами, которые ничего не знают и поэтому, конечно, не спасутся. Фарисеев среди нас тоже много — тех, кто цепляется за буквальное толкование святоотеческих текстов, для кого дорога каждая буква святоотеческого предания, кто посвящает всю свою жизнь не добродетели, а тому, чтобы не согрешить. Потому что всё, что мы можем сделать, ведёт ко греху. Это чисто фарисейская психология. Нечто подобное исповедуют и кумраниты. Но если фарисеи всё-таки живут среди людей, хотя и называют себя «отделёнными», то кумраниты, действительно, отделили себя от всех остальных и, чтобы не общаться с безбожниками, ушли в горы. Тех, в ком кумраниты видят себе подобных, очень мало, в основной массе людей они видят безбожников, от которых надо быть как можно дальше, общение с которыми ничего, кроме зла и греха, привнести в их жизнь не может.

Главное, наверное, что отличает христиан от фарисеев, заключается в том, что для фарисея религия — бремя, иго, а для последователей Иисуса — освобождение. «И познаете истину, — говорит Спаситель, — и истина сделает вас свободными» (Ин 8:52). «Где Дух Господень, там свобода», — восклицает апостол Павел (2 Кор 3:17). Ничего этого нет у фарисеев. В их мёртвом благочестии религия — следование Закону, всегда тяжкий труд, бремя.

С другой стороны, когда читаешь о фарисеях, то думаешь, что и мы, наверное, пошли бы за ними, если бы не пришёл Иисус. Из талмудического трактата «Пирке авод» («Поучения старцев») видно, какие это были благочестивые люди. Да, если бы не Христос, мы бы, наверное, были на их стороне, захотели бы быть их учениками. Но приходит Христос — и предлагает что-то особенное, выходящее за рамки привычных представлений о действительности. Вероятно, в том и заключается феномен христианства, что оно не укладывается в рамки той или иной эпохи — оно выводит нас из обычного круга представлений своего времени и потому всегда ново. Оно всегда — вызов. Пройдёт два века, и Иринея Лионский, святой епископ города Лиона, скажет: «У нашей веры есть одна черта — *novitas* — новизна, она всегда нова, она всегда — вызов».

Те, кто обожествляет церковно-славянский язык, тоже из фарисеев. Да, мы любим славянский язык, но понимаем, что он труден и становится иной раз непреодолимым препятствием для тех, кто только начинает приобщаться к Церкви. Славянский язык доступен лишь узкому кругу специалистов. Язык — это только форма, а для тех из нас, кто пошёл бы за фарисеями, в церковно-славянском языке как бы заключена сама сущность православия.

Все современники Иисуса: не только саддукеи, жизнелюбивые и печальные одновременно, но и благочестивые фарисеи, и учёные-книжники, и кумраниты со своей жёсткой дисциплиной, — все они очень далеки от мистицизма, а Иисус мистик. Для Иисуса главное — сердце. Не внешняя форма религиозности, а внутреннее единение человека с Богом. Для Иисуса главное в том, чтобы мы каждое мгновение ощущали Бога, Его присутствие в нашей жизни. В Евангелии есть слово, которого нет ни у саддукеев, ни у фарисеев, ни в кумранских документах, ни у сикариев. Это слово — «вера».

«Имейте веру Божию, — говорит Спаситель, — ибо поистине говорю вам, если кто скажет горе — поднимись и повернись в море, и не усомнится в сердце своём, и поверит, что сбудется по словам его, — будет ему, что ни скажет» (Мк 11:23).

«Верую, Господи! — восклицает отец больного мальчика, — помоги моему неверию» (Мк 9:24). Мы помним о вере хананеянки, о вере слепорождённого, мы помним, что буквально на каждой странице Евангелия Спаситель говорит о вере. Вера — это как раз то, чего нет у Его современников. Для них религия — учение, доктрина, способ воспринимать мир. Они все смотрят на религию как бы немного со стороны, как мы смотрим на учебник алгебры или геометрии, даже если и очень любим эту науку. А христианская религия — это сама жизнь. Это не доктрина, не система взглядов, не теория, не учение. Этим и отличается христианство.

Однажды меня пригласили в научное общество медиков. Я читал там лекцию, а заведующая кафедрой, человек учёный и верующий по-настоящему, оказалась иудейкой. Она, прослушав мою лекцию, сказала: «Теперь я поняла, чем мы отличаемся от вас, наша религия — это школа, это учение. Маленького мальчика берут и сажают за стол изучать Писание. А у вас всё построено на интуиции, на чувстве, на сердце». Я говорю: «А как же Исайя? Он говорит: "Этот народ чтит Меня устами, а сердце его далеко от Меня". Почему у Исайи, Иеремии, Иезекииля, у любого другого пророка всё время повторяется слово "сердце"?» Она отвечает: «Да, это у пророков, а у нас главное — учиться». Главное — учиться. Вот в чём отличие иудейского ума от христианского. Иудаизм — это религия ума, религия школы, не случайно на языке идиш синагога так и называется — *шул* — школа, от немецкого *die Schule* — школа. Это место, где Писание изучают из года в год, с пяти лет и до седых волос. А христианство — религия личной встречи с Богом, встречи, которая не связана с уровнем богословского образования того, кто оказывается участником этой встречи. Все раввины в истории иудаизма — люди учёные. И Талмуд всегда подчёркивает именно это качество — учёность. А преподобный Серафим — он совсем другой. Такого человека в иудаизме быть не могло. И святого Франциска в иудаизме быть не могло, потому что их делает неповторимыми не учёность, а нечто другое — их живая душа, вера.

Очень важно, что Благая Весть, Евангелие, — это не закрытая или, как мы говорим теперь, эзотерическая система. Евангелие открыто не только грамотным, но и безграмотным, оно открыто не только своим, но и чужим. Более того, Евангелие обращено, наверное, прежде всего к чужим, а то, что проповедуют фарисеи, — это строго замкнутая система. В Ветхом Завете, в книге Левит, Господь говорит: «Будьте святы, ибо Я свят» (Лев 11:44). Фарисеи толкуют слово *кадеш* («святой») так: это значит «будьте отделены, как Я отделён». Святость, с точки зрения фарисея, заключается в отделённости. О том же, в сущности, говорят и кумраниты, которые подчёркивают, как свидетельствует Иосиф Флавий, что задача их общины — не скрывать ничего друг от друга, но не сообщать ничего из своего учения другим, даже если к этому тебя будут принуждать под страхом

смерти. Учение, которое проповедует кумранская община, исключает проповедь, миссионерскую деятельность. А в христианстве главное — это *керигма* (проповедь).

Апостолы расходятся по всему миру и несут Благоую Весть самым разным народам. Они расходятся по миру, унося в памяти или в заплечной сумке текст Евангелия, чтобы переводить его на другие языки. На какие только языки не было переведено Священное Писание в течение первых трёх веков истории Церкви!

За каждым богослужением, за каждой Литургией мы поминаем первоучителей славянских, святых Кирилла и Мефодия. Они перевели Евангелие на язык славян, у которых в то время не было только литературы, но и письменности. Несложно было перевести Евангелие на латинский язык, потому что ко времени проповеди Спасителя это был язык культуры и литературы. Можно было перевести Евангелие на санскрит, потому что это опять-таки язык литературный, на египетский, на другие языки образованных народов того времени. Труднее было перевести Слово Божие на готский язык, как это сделал Вульфила, поскольку этот язык не имел развитой литературы. Но сложнее всего было сделать перевод на славянский язык, ибо на Руси в то время вообще литературы не было. Здесь жили «дикари» славяне, чей язык и начали изучать два солунских грека, чтобы перевести для них Евангелие. Кирилл и Мефодий, как позже и их последователи, занимавшиеся переводами Евангелия для малочисленных народов, столкнулись с огромными трудностями. Как, например, перевести слово «верблюд», если в славянском языке этого слова нет? Верблюды никогда не жили на территории Словакии, Украины, Чехии, Польши, на Балканах. Как же быть? И тогда они взяли из готской Библии слово *ибальдус*, которое восходит к греческому *элефас* или латинскому *элефантус* («слон»)… Просветители блестяще преодолевали трудности, встречавшиеся им на каждом шагу. Поражает смелость, с какой они передают сложные понятия, о которых Спаситель говорит в Писании.

Распространение веры — это главное в христианстве. Этого нет ни у саддукеев, ни у фарисеев, ни тем более у замкнутых в своей общине кумранитов, ни у других современников Иисуса. Благая Весть открыта всем.

Есть ещё черта, резко отличающая проповедь Спасителя от учений Его современников. Для иудаизма и для любой языческой религии характерно понятие ритуальной чистоты, ритуальных запретов (например, на ту или иную пищу, на интимные отношения и т. д.), ритуального осквернения (например, прикосновение к умершим). Почему в притче о добром самарянине священник и левит не подошли к несчастному, который валялся в канаве около дороги? Совсем не потому, что они были эгоистичными, просто они думали, что человек умер, и боялись оскверниться, прикоснувшись к мёртвому.

Иисус отменяет все законы о ритуальной чистоте. Он говорит о том, что оскверняют нас только ложь, обман, то, что исходит из нас, а не то, что входит в нас. Иисус подходит к прокажённому и касается его. Нам, людям конца XX века, непонятен потрясающий драматизм этой сцены. Но Его современники, оказавшиеся тому свидетелями, испытали даже не шок — это было что-то гораздо более сильное, чем шок… Иисус касается прокажённого — и в этом вся евангельская проповедь. Ритуальные запреты отменяются, ритуальной нечистоты больше не существует. Есть только внутренняя нечистота, нечистота сердца, которая гораздо страшнее, чем осквернение физическое, чем, в частности, осквернение от прикосновения к прокажённому.

Происходит полный переворот в религии. Главным становится не выполнение Закона (при том, что Закон не отменяется), а вера. Главным оказывается поклонение Богу не согласно ритуалу, а в Духе и Истине.

Для саддукеев ритуал — это и есть религия. Для благочестивых фарисеев, кумранитов и др., которые, в общем, чувствуют Бога, понимают, что надо жить по заповедям, знают Священное Писание во много раз лучше, чем любой современный библеист, — для них всё равно ритуал — нечто очень

важное. Спаситель зовёт нас поклоняться Богу не согласно ритуалу, а в Духе и Истине. И потому с первых веков Церковь не требует от своих чад следования единому ритуалу, а включает в себя самые разные ритуалы. Есть византийский обряд, который используется у нас на Руси, есть армянский, малабарский, сирийский, римский, миланский, массорабский, коптский, эфиопский и другие. Одна вера «вмещается» в более чем десяток разных ритуалов.

Одна суть вливается в разные сосуды, и так — с первого века истории Церкви. Значит, это — второстепенное. Первое — вера. Второе — поклонение Богу в Духе и Истине, а не согласно ритуалу. Третье — открытость, на которой основана христианская Церковь. Четвёртое — это личность христианина. Нельзя быть христианином по убеждению, христианином можно быть только по вере. Можно прекрасно разбираться в Священном Писании и не быть христианином. Я знаю, например, очень уважаемого учёного, блестящего знатока Священного Писания, в высшей степени квалифицированного переводчика Ветхого Завета — и при этом не христианина. Это возможно. Для нас же главное — не знания о Боге, а наша личная вера, та открытость сердца Богу, Христу, та живая, личная, глубокая внутренняя связь, без которой нельзя быть христианином.

Есть ещё одна деталь в Евангелии, которая по-настоящему потрясает. О ком говорит Спаситель в Писании? Об овцах. О птицах, которые продаются за ассарий, не сеют, не жнут и не собирают в житницы, укрываются в ветвях горчичного дерева. О курице, которая собирает птенцов к себе под крылья. Об овце, ушедшей в горы и потерявшейся. О полевых лилиях. О детях, которые играют на каком-то органчике, пляшут и поют то весёлые, то печальные песни. О женщине, которая кладёт закваску или ищет потерянную в тёмной хижине монетку... Из мира древних рукописей, из мира Закона, установлений и запретов, из мира мнений, точек зрения, положений, различных канонов и т. д. Иисус зовёт нас в тот мир, который нас окружает, в тот реальный мир, который наполнен пением птиц, запахом цветов, детскими играми, звоном монет и светом солнца. В Первом Послании апостол Иоанн говорит: «Не любите мира, ни того, что в мире. Кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо всё, что в мире — это похоть плоти, похоть очей и гордость житейская» (1 Ин 2:15-16). О чём здесь говорится? Дело в том, что мир (в Евангелии это слово космос) как раз и означает то, что мы теперь определяем как общество; мир законов, запретов, установлений, мнений, точек зрения, того, о чём написано в разных книгах по юриспруденции, логике, истории, философии и т. д. Живите в мире реальном, а не в мире, вычитанном из книги, живите в мире, наполненном пением птиц и запахом полевых цветов, а не в мире, который вы сами построили из своих умозаключений. Это очень важный и часто забываемый нами момент евангельской проповеди. Спасительность христианства в этом и заключается, а мы об этом забываем. И в этой связи очень важно вспомнить о той евангельской притче, где рассказывается, как Господь, формально нарушая Закон, исцеляет в субботу женщину, которая в скорченном виде прожила восемнадцать лет. Начальник синагоги негодует на то, что Иисус исцелил больную в субботу. «Есть шесть дней, в которые надо делать; в те дни и приходите исцеляться, а не в день субботний», — наставляет он страждущих. Начальник синагоги не отрицает того, что Иисус может исцелить, но требует не нарушать при этом Закона. А Спаситель ему говорит: «Не отвязывает ли каждый из нас вола своего или осла от яслей в субботу и не ведёт ли поить?» (Лк 13:11-15). Он обращается к опыту реальной жизни. Именно в этой устремлённости к реальной жизни и заключается отличие христианства от любой другой религии, от того, что говорили и чему учили современники Спасителя.

Часть III

Тайная Вечеря

В каждом православном храме над Царскими вратами помещается икона с изображением Тайной Вечери.

В Евангелиях от Матфея, от Марка и от Луки, а также в Первом Послании к Коринфянам о Тайной Вечере рассказывается достаточно подробно. В Евангелии от Марка сказано: «В первый день опресноков, когда заколали пасхального агнца, говорят Ему ученики Его: где хочешь есть пасху? мы пойдём и приготовим» (Мк 14:12).

Пасха в ветхозаветной Церкви — это праздник воспоминания об исходе из Египта, из дома рабства, о первой ночи свободы. Вчерашние рабы, покидая Египет, обретают свободу, контуры которой им ещё не понятны. По иудейскому лунному календарю Пасха празднуется в один и тот же день, 15 нисана. По нашему лунно-солнечному — юлианскому или григорианскому — календарю этот день приходится на разные числа.

Заповедь о праздновании Пасхи есть уже в книге Исход: «Наблюдай праздник опресноков... ибо в оном ты вышел из Египта» (Исх 23:15). В ирмосе первой песни одного из канонов, который поётся во время утрени, так повествуется об этом событии: «Яко посуху, пешествовал Израиль по бездне стопами...»

В этот день евреи выпекали пресный хлеб — мацот — в знак того, что они спешили, покидая Египет, и поэтому не могли испечь хлеб квасной. Кроме того, закваска — это символ брожения, разложения; опреснок же, наоборот, символ чистоты, нетронутости разложением. Поэтому в иудейских семьях с глубокой древности и доныне за два дня до Пасхи — 13 числа месяца нисана — хозяин уничтожает закваску, чтобы в доме не осталось квасного хлеба. В этот день в Иерусалимском храме закалывался пасхальный агнец. После разрушения Храма этот обычай был упразднён. Но до сих пор в память о том, как евреи первый раз испекли мацот, каждую весну, к каждой Пасхе печётся этот пресный хлеб.

Пасхальная трапеза на иврите называется словом *седер* (порядок). На ней обязательны пасхальный агнец (после разрушения Храма императором Юстинианом агнец стал заменяться кусочком мацы), мацот; чаша солёной воды, символизирующая слезы, пролитые евреями в Египте, и вместе с тем — солёные воды Красного моря, через которое «яко посуху» перешёл Израиль, уходя из рабства на свободу; набор горьких трав (*марор*), напоминающий о горечи рабства; *хорошет* — паста из яблок, фиников, веточек корицы и ореха — в память о тех кирпичках из соломы и глины, которые иудеи делали в Египте, когда были рабами; четыре чаши вина — как символ четырёх обещаний Бога Своему народу: вывести его из-под ига, спасти, принять к Себе и быть его Богом.

Главное в празднике Пасхи у иудеев — *циккарон* (воспоминание). В одном из талмудических трактатов, где говорится, как надо праздновать Пасху, есть такие слова: «Во всяком поколении всякий человек должен почувствовать, будто это он сам вышел из Египта». Не его далёкие-далёкие предки три с лишним тысячи лет назад, а именно он сам.

...Ученики спрашивают Христа, где им приготовить пасху. Спаситель посылает их в дом, где они должны найти — и находят — верхнюю горницу, устланную коврами. В этой горнице, «когда настал час, Он возлёг, и двенадцать апостолов с Ним» (Лк 22:8-14). Глагол «возлечь» указывает на одно очень важное обстоятельство. За пасхальной трапезой возлежали, подчёркивая тем самым, что это трапеза свободных людей. Раб ест стоя, в спешке заглатывая куски, — у него нет времени для трапезы. Свободный человек за трапезой может полулежать. О том, что «Он возлёг» и «они возлежали», говорится ещё в двух стихах — в Евангелиях от Матфея (26:20) и от Марка (14:18).

Иисус берёт хлеб, затем вино. Хлеб и вино — два центральных элемента Тайной Вечери, как и на пасхальном *седере* у иудеев. Евангелист Лука упоминает чашу — по-гречески она названа *триблион*, а святые Кирилл и Мефодий перевели это слово как «солило». Солило — чаша с солёной водой. Славянские первоучители перевели это слово по смыслу, а не буквально. Из Евангелия от Иоанна понятно, что это была чаша с какой-то жидкостью, ибо Иисус обмакнул в неё хлеб. По-гречески прямо о жидкости не говорится, но употреблено причастие *бансас*, то есть «обмакнув» (в какую-то жидкость) кусок хлеба. Затем Иисус дал его Иуде.

Совершая Тайную Вечерю, Господь говорит: «Сие творите в Моё воспоминание» — это значит, что Он употребил слово *циккарон*, которое так важно в пасхальном ритуале иудеев. Наконец, в Евангелии от Луки (22:17-18) говорится ещё об одной чаше с вином, кроме той, которую Иисус взял в конце Тайной Вечери и благословил со словами: «...сия чаша есть новый завет в Моей Крови, которая за вас проливается» (Лк 22:20). В самом начале Вечери Он, «взяв чашу и благодарив, сказал: примите её и разделите между собою, ибо сказываю вам, что не буду пить от плода виноградного, доколе не придёт Царствие Божие». И затем, «взяв хлеб и благодарив, преломил». Для прежних толкователей Евангелия это место, где говорится о первой чаше, всегда было очень трудным. Зачем она, эта чаша, в начале трапезы? Но если мы заглянем в пасхальную *Агаду* (практическое руководство, по которому совершается пасхальная трапеза у иудеев), то узнаем, что трапеза начинается с обычая, именуемого *кидуш* (освящение). Глава семьи берёт чашу, благословляет, читает над ней молитву, и затем эта чаша передаётся по кругу. И каждый читает над чашей примерно такую молитву: «Благословен Ты, Бог Вседержитель, Царь Вселенной, сотворивший плод виноградный». В Евангелии же Спаситель говорит: «Не буду пить от плода виноградного» (Лк 22:18), т. е. как бы повторяет слова из этой молитвы. Чаша, с которой начинается пасхальная трапеза у иудеев, и есть, без сомнения, та чаша, о которой идёт речь в Евангелии от Луки.

Сравнивая евангельский рассказ с пасхальной Агадой, мы видим, что Господь на Тайной Вечере совершает пасхальный седер; вместе с тем на этой трапезе — как мы знаем из Евангелия от Матфея, от Марка, от Луки, из Первого Послания к Коринфянам апостола Павла — нет пасхального агнца, хотя в это время Иерусалимский храм ещё не был разрушен и бытовал обычай заклания. Возникает вопрос: почему же нет агнца на Тайной Вечере? Ответить на него нам помогает апостол Павел в Первом Послании к Коринфянам: «Пасха наша, Христос, заклан за нас» (1 Кор 5:7); иными словами, Иисус — наш пасхальный Агнец. До апостола Павла об этом же говорит Иоанн Предтеча, прямо называя Спасителя Агнцем Божиим: «Вот Агнец Божий, Который берёт на себя грех мира» (Ин 1:29). Общеизвестно, что в первые века церковной истории Христос обычно изображался в виде Агнца. Сегодня просфора, на которой во время Литургии совершается таинство Евхаристии, называется *агничной*, из неё вырезается евхаристический хлеб — «агнец».

Итак, Иисус берёт хлеб и благословляет его, произнеся молитву, и затем говорит: «...сие есть Тело Моё, которое за вас предаётся» (Лк 22:19). «Сие есть Тело Моё» — это восклицание напоминает фразу из *Агады*: «Сие есть скудный хлеб, который ели наши предки в земле египетской». Это ещё одна параллель Тайной Вечери с пасхальной трапезой иудеев.

Как и положено по пасхальной *Агаде*, Христос в конце Тайной Вечери, это подчёркивает апостол Павел, берёт чашу с вином и благословляет её. Этим кончается пасхальная трапеза. Благословляя чашу с вином, Христос произносит: «...сие есть Кровь Моя нового завета» (Мф 26:28), цитируя слова из книги Исход (24:8). Итак, Иисус осуществил ритуал, который тысячу с лишним лет ежегодно совершался в Палестине. Но при этом Он дал людям не хлеб и вино, а Себя Самого в виде хлеба и вина: «Приимите, ядите...» Не скудный хлеб, а Тело Своё и Кровь Свою.

В конце XIX — начале XX века русские философы В. Соловьёв, Н. Бердяев и другие задавались вопросом: чем христианство отличается от всего остального, что накоплено человечеством за тысячелетия истории? И приходили к одному и тому же ответу: западные (римские, греческие) и

восточные (индийские, китайские, египетские) учителя — все предлагали людям своё учение. Христос же предложил Самого Себя. Эта главная отличительная черта христианства наиболее полно проявилась именно в Тайной Вечере. Ещё раньше Христос говорил об этом прямо, восклицая: «Я хлеб живой, спешший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, Которую Я отдам за жизнь мира» (Ин 6:51). И далее: «...истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Ин 6:53-54).

В повторении той Тайной Вечери, когда накануне Своих страданий Господь научил учеников таинству Евхаристии, заключается основа христианской жизни. «Сие творите в Моё воспоминание», — говорит Иисус в конце Тайной Вечери (Лк 22:19), поэтому повторение Тайной Вечери по этим Его словам становится Литургией нашей Церкви.

Подобно тому как иудей, совершающий *седер*, ощущает, что это он сам ушёл из египетского плена, так и христианин чувствует себя во время Евхаристии участником Тайной Вечери. Мы выражаем это чувство в молитве, которая читается перед причастием: «Вечери Твоя Тайная днесь, Сыне Божий, причастника (причастницу) мя приими».

В пасхальную ночь древняя трапеза приобретает у Христа и Его учеников новый, мистический смысл. Известный французский богослов Луи Буйе сказал об этом: «Всю новизну Евангелия Господь ввёл в тщательно соблюденные линии торжественного чина, насыщенного самыми чтимыми преданиями Израиля». И это действительно так.

Важно иметь в виду, что евхаристическая мистика — это не мистика для элиты, узкого круга посвящённых, это мистика, доступная каждому. Потому что даже тот, кто в силу каких-то причин не может поверить в пресуществление, преложение Святых Даров, приступает к Святым Тайнам, причащается по слову Иисуса: «Сие творите в Моё воспоминание». И каждый, кто любит Христа, становится подлинным участником Тайной Вечери, творя сие в воспоминание об Иисусе, даже если не понимает до конца, в чём смысл Евхаристии.

Но всё же — пасхальный ли *седер* совершил Господь в тот вечер со Своими учениками?

В некоторых комментариях к Новому Завету утверждается, что между синоптическими Евангелиями — от Матфея, от Марка и от Луки — и Евангелием от Иоанна существуют серьёзные противоречия в датировке трапезы Христа. Я уже говорил о некоторых чертах иудейского *седера*. Так вот, из начала 14-й главы Евангелия от Марка становится ясно, что Иисус совершает пасхальную трапезу в первый день опресноков. Можно найти и другие детали, подтверждающие, что в рассказах трёх евангелистов речь идёт именно о пасхальном *седере*.

Но что говорит евангелист Иоанн?

Иисус схвачен, и Его ведут от Каиафы в преторию. «Было утро; и они (иудеи. — Г. Ч.) не вошли в преторию, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было есть пасху» (Ин 18:28).

Значит, Господь уже под стражей, а пасхальная трапеза ещё не началась. Следующая глава: «Тогда была пятница перед Пасхою, и час шестый. И сказал Пилат иудеям: се, Царь ваш!» (Ин 19:14).

Значит, Иисус уже под стражей, а ещё только пятница перед Пасхой. Ранее, в начале 13-й главы, тоже подчёркивается, что Вечера совершается перед праздником Пасхи. Евангелисту Иоанну вторит Талмуд, где в одном из трактатов говорится, что Иешуа бен Пантере, то есть Иисус Сын Девы, был казнён вечером накануне Пасхи. Встаёт вопрос: кто же прав — синоптики или Иоанн и, соответственно, Талмуд?

Светские учёные пытаются ответить именно на этот вопрос: кто прав? Мы же знаем, что Священное Писание не ошибается. Значит, просто нужно понять, в чём суть данного несоответствия.

Если читать евангельский текст неглубоко, поверхностно, то может показаться, что в Писании есть противоречия. Но если изучать его углублённо, то оказывается, что противоречий в нём нет.

Похоже, что Иисус действительно умер накануне Пасхи, потому что, во-первых, рассказ о страстях Христовых в Евангелии от Иоанна в высшей степени надёжен. Как показывают исследования текста, это очень древний рассказ. Во-вторых, такие не похожие один на другой источники, как Евангелие от Иоанна и Талмуд, говорят об одном и том же. А когда два как бы взаимоисключающих источника сообщают одну и ту же информацию, это достаточно надёжное свидетельство её подлинности.

С другой стороны, у синоптиков описана, конечно, пасхальная трапеза. Но на этой пасхальной трапезе нет агнца...

Его и не могло быть, потому что эта трапеза совершена Спасителем заранее. Если мы откроем любой пророческий текст — книги пророков Исайи, Иеремии, Иезекииля, — то увидим, что многие речения пророков устремлены в будущее. Они говорят о том, что будет в далёком будущем, через восемь, девять, десять веков. В Евангелиях же как раз наоборот, ключевые слова в них — «ныне», «сегодня». Иисус говорит: «Ныне прославился Сын Человеческий» (Ин 13:31); «Ныне же будешь со Мною в раю» (Лк 23:43); «Ныне пришло спасение дому сему» (Лк 19:9); «Ныне исполнилось писание сие» (Лк 4:21)... «Но настанет время, и настало уже», — дважды говорит Иисус в Евангелии от Иоанна (4:23; 5:25). Иными словами, *всё христианство — это будущее, которое осуществляется ныне.* «И Царство Твое, — молимся мы во время Литургии, — даровал еси (то есть уже даровал. — Г.Ч.) будущее». Христиане средних веков считали, что Царство Божие — это то, что ждёт человека когда-то в будущем, после смерти. Но мы знаем, что это Царство уже даровано нам. Христианство и есть наше сегодняшнее бесстрашное вхождение в будущее. Подчёркивая это, Господь и совершает трапезу заранее, показывая, что Он с апостолами входит в будущее.

Мы становимся гражданами будущего через евхаристическое общение. Если это понять, то станет ясно, что противоречий в текстах синоптиков и Иоанна нет — потому что синоптики рассказывают нам об обстоятельствах Тайной Вечери, а Иоанн точно датирует её и повторяет слова Спасителя: «Настанет время, и настало уже». Это и есть наше вхождение в будущее.

В Евангелии от Луки (гл. 24) есть рассказ ещё об одной трапезе. По дороге в Эммаус Иисус толкует ученикам Писание, а затем берёт хлеб, благословляет, преломляет и даёт им. Сравним этот рассказ с повествованием о том, как совершает таинство Евхаристии апостол Павел. В Троаде, «когда ученики собрались для преломления хлеба», Павел «беседовал с ними и продолжил слово до полуночи», а затем преломил хлеб (Деян 20:7). Святой Иустин Мученик, живший во II в., рассказывает о том, что во время таинства Евхаристии сначала читались одно из Посланий апостола Павла и пророческие тексты, затем произносилась проповедь, после чего совершались молитвы и Евхаристия.

Таким образом, таинство Евхаристии, или Преломления хлеба, соединялось с чтением Писания и проповедью. И доньше Литургия состоит из двух частей: Литургии оглашенных, или *Литургии слова*, когда поются 102-й и 145-й псалмы, начало Нагорной проповеди — «Блаженны нищие духом», а затем читается текст одного из апостольских Посланий и произносится проповедь; и *Литургии верных*, когда, собственно, и совершается таинство Евхаристии. Тексты из 20-й главы Деяний святых апостолов и свидетельство Иустина Мученика показывают, что структура обедни восходит к апостольским временам. Об этом же делении Литургии на две равнозначных части говорит и латинское её название — *missa*; блаженный Августин объясняет, что после проповеди бывает «мисса (от латинского глагола *mittere* — «отпускать») для катехуменов» (оглашенных, ещё не крещённых), они отпускаются, и «остаются верные». Слово «верные» употреблено здесь не случайно — служба, совершаемая после того, как катехумены отпущены, называется Литургией верных.

Итак, Господь использует древний ритуал, который к моменту Тайной Вечери насчитывает уже более тысячи лет истории. Если мы посмотрим богослужебные книги иудеев, то обнаружим там те же элементы службы, которые присутствуют в Литургиях Иоанна Златоуста или Василия Великого. Это и приношение даров, и каждение, и омовение рук, и диалог того, кто совершает службу, с молящимися. У иудеев раввин говорит: «Принесём благодарение». «Да будет благословенно имя Господне», — отвечают ему молящиеся. «Благодарим Господа!» — восклицает сегодня священник Православной Церкви. «Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущной и Нераздельней», — отвечает ему хор. «Вашим согласием мы благословим Того, Кто дал нам участвовать в Его благах!» — восклицает затем возглавляющий службу у иудеев. И это тоже напоминает наше священническое восклицание: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа... буди со всеми вами!»

Важно понять, что Христос всю новизну Евангелия вкладывает в древний ритуал. Возможно, именно благодаря этому литургическая мистика оказывается доступной не избранным, но каждому. Литургия даёт верующему возможность жить в полноте мистического единения со Христом. Через неё достигается глубокое мистическое и интимное единение каждого со Христом.

Но в то же время — ив этом коренное отличие мистики христианства от любой другой мистики — через неё достигается не только единение верующего с Богом, но и единение всех участников таинства друг с другом, причём равно живых и умерших. Христос — Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова — не Бог мёртвых, но Бог живых. У Бога — все живы! В Евангелии от Иоанна говорится, что Иисус умер, чтобы рассеянных чад Божиих собрать воедино.

«Дилахе» — учение двенадцати апостолов — древний христианский текст, датируемый примерно концом I в., когда ещё были живы непосредственные ученики апостолов, даёт нам замечательный литургический текст, молитву: «Подобно тому, как этот хлеб был разбросан по горам, а затем собран воедино, так даруй, Господи, чтобы Церковь собралась воедино со всех концов земли в единое Царство». Апостол Павел говорит: «Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба» (1 Кор 10:17).

Это мистическое единение всех в единое тело очень непохоже на нехристианские мистические системы, где человек восстанавливая связь с Богом, наоборот, рвёт связи с окружающими его людьми; оставаясь наедине с Богом, он уходит, отрывается от людей, противопоставляет себя им. В христианстве, в православии этого нет, никогда не было и, будем надеяться, не будет — иначе это уже будет не православие.

В христианстве, чем мы ближе к Богу, тем ближе к людям. Христианин не может быть равнодушным к тому, что творится вокруг него. Наше мистическое единение с Богом направлено не на разрывание связей с миром, а, наоборот, на укрепление этих связей. Поэтому таинству Евхаристии предшествует «поцелуй мира», когда диакон, обращаясь к молящимся, восклицает: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы». К сожалению, с течением веков в православном храме на Руси диакон стал произносить эти слова, стоя перед вратами лицом к алтарю, а не к людям. А вот у православных арабов диакон и сегодня обращается с этими словами именно к людям, а не к закрытым Царским вратам. Вообще, сравнивая опыт евхаристического служения в разных поместных Православных Церквях, можно глубже понять сущностные его моменты. Однажды я был на Литургии у студентов-арабов. Во время пения молитвы «Отче наш» все присутствующие взяли за руки, как это делают дети во время праздников. Этот обычай показался мне очень хорошим. Ведь именно о таких отношениях между верующими говорится в Библии: «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!» (Пс 132:1).

На Литургии не должно быть просто присутствующих, тех, кто пришёл «отстоять обедню». В Литургии участвуют все. Скажем, в Литургии Западной Церкви сохранилось такое обращение

священника к людям: «Молитесь, братья и сестры, дабы моя и *ваша* жертва была угодна Богу Отцу Всемогущему!».

Сразу после Тайной Вечери Спаситель умывает ноги своим ученикам, т. е. предстаёт перед ними именно как диакон, как служащий. После этого в прощальной беседе Он говорит: «Да любите друг друга!» Так что надо помнить: Литургия всегда связана с воспоминанием о том, как Христос идёт на Крест.

Почему Христос отдал нам Тело Своё и Кровь Свою вместо того, чтобы спасти нас каким-то иным, мистическим образом? Бог может всё. Он может войти в человека любым способом. Но Христос, взяв хлеб, говорит: «Сие есть Плоть Моя», «Сие есть Тело Моё», — а затем берёт вино со словами: «Сие есть Кровь Моя». Почему Плоть и Кровь?

Из целого ряда мест Библии мы знаем, что словосочетание «плоть и кровь» соответствует по значению прилагательному «человеческое». Иными словами, **Христос в таинстве Евхаристии отдаёт нам Своё Человечество, отдаёт нам Себя именно как Человека, отдаёт нам не просто плоть, а Плоть ломимую, не просто кровь, а Кровь, Которая проливается за нас. Это очень важный момент Евхаристии, когда через таинство Христос входит в нас именно как Человек. Как Бог Он может войти в нас любым образом, но как Человек Он входит именно через Плоть и Кровь — через Святые Тайны во время причащения.**

Почему для совершения Тайной Вечери Спаситель использует именно хлеб? Во-первых, наверное, потому, что именно хлеб занимает центральное место в пасхальной трапезе у иудеев. Но кроме всего прочего — это продукт, над получением которого люди трудятся вместе. Одни пахут поле и сажают зёрна в землю, затем их собирают и везут на мельницу. Другие мелют муку, третьи пекут хлеб и т. д. Таким образом, уже сам хлеб объединяет нас. Поэтому Господь именно его предлагает Духом Своим Святым в Своё Тело. И поэтому в евхаристическом хлебе Христос и скрыт, и открыт одновременно. Он и материален, видим, осязателен, входит в нас именно физически — и в то же время скрыт, мы не видим Его. Это момент, который Нужно молитвенно принять в своё сердце.

Мы уже говорили, что пасхальная трапеза — это трапеза свободы. Не случайно пасхальная *Агада* начинается словами: «Рабами мы были в Египте». *Были рабами, но стали свободными. Об этой же свободе и об освобождающей силе Евхаристии говорит Господь: «Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете»* (Ин 8:36). А до этого: «Если пребудете в слове Моём, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин 8:31-32). Сам Христос говорит о Себе, что Он «путь и истина и жизнь» (Ин 14:6). «*к свободе призваны вы, братия*», — говорит апостол Павел в Послании к Галатам (5:13). И выше: «*Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства*» (Гал 5:1).

Значит, *Евхаристия* — это тоже *трапеза свободы*, это тоже момент, полностью освобождающий нас от какого бы то ни было ига, ибо «где Дух Господень, там свобода» (2 Кор 3:17).

Во время эммаусской встречи воскресший Христос был *узнан* учениками, говорит евангелист Лука, в преломлении хлеба (гл. 24). *Евхаристия* — это ещё и *таинство узнавания Иисуса*, когда мы по-настоящему узнаём Христа — не о Нём, а Его Самого, встречаемся с Ним лицом к лицу.

Христос по-еврейски — *Машиах*, Мессия. А из пророчества Исаяи (гл. 25) мы знаем, что, когда придёт Мессия, Он устроит пир — тот мессианский пир, которого так ждали иудеи. Этот пир — та трапеза, о которой Господь постоянно говорит в Евангелии. В Евангелии от Матфея (гл. 22) Спаситель рассказывает притчу о царе, который устроил брачный пир для своего сына. Царь всех зовёт на этот пир. В Евангелии от Луки есть притча о званых на вечерю хозяина. Понятно, что под хозяином подразумевается Сам Бог. Слуги хозяина собирают отовсюду людей на эту вечерю. Интересно, что в Евангелии от Луки этой притче предшествует восклицание человека, который обращается к Иисусу: «Блажен, кто вкусит хлеба в Царствии Божиим» (Лк 14:15). Это сказано о каждом из нас, кто

становится причастником Тайной Вечери. Ещё раньше, например, в 11-й главе Евангелия от Матфея, Господь ест и пьёт со Своими учениками, через трапезу соединяя их.

«Для чего Учитель ваш ест и пьёт с мытарями и грешниками?» - спрашивают фарисеи Его учеников (Мф 9:11). А что доньше делает Христос за каждой Литургией? Кто мы, как не «мытари и грешники»? «Почему Он ест и пьёт с ними?» — спрашивают благочестивые люди. А Христос отвечает: «Могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених?» (Мк 2:19). «Поститься», — сказано у Марка, а это значит, не есть, потому что истинное значение этого слова в Библии — «не есть», или «печалиться», как сказано у Матфея (9:15). «Можете ли вы заставить сынов чертога брачного поститься, когда с ними жених?» — говорит Господь (Лк 5:34).

Итак, христианство — это всегда Трапеза, Вечеря, соединяющая людей воедино вокруг Христа, Который с ними ест и пьёт. (Из других мест Евангелия мы знаем, что Жених — это Сам Христос; Жених, Который грядёт в полночи).

Вера в присутствие Божие во время трапезы издавна и глубоко была укоренена в иудейской религии. В одном из талмудических трактатов раввин Шимон бен Йохай говорит: «Если трое вместе за трапезой не говорят о Торе, то они совершают языческое жертвоприношение. Если же трое за совместной трапезой говорят о Торе, они вкушают хлеб за трапезой у Бога». Говорить о Торе — значит читать Слово Божие и пояснять его. Таким образом, тот, кто за трапезой возглашает Слово Божие, ест хлеб у Бога в Царстве Небесном. Он как раз и есть тот, кто «блажен, ибо вкусит хлеба в Царстве Божиим» (Лк 14:15).

В 20-й главе Деяний святых апостолов рассказывается о том, как совершал Евхаристию апостол Павел. Мы видим, что он толкует Слово Божие ученикам, а затем преломляет хлеб. В Первом Послании к Тимофею мы найдём ещё одно важное свидетельство об этом. Павел осуждает людей, «запрещающих... употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением (то есть с Евхаристией. — Г.Ч.). Ибо всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением; потому что освящается словом Божиим и молитвою» (1 Тим 4:3-5).

Как видим, в Послании подчёркивается, что благодарение соединяется с возвещением Слова Божия. Как в Слове Своём присутствует Сам Бог, так присутствует Он в Святых Тайнах. Во время Литургии оглашенных Господь присутствует в нас через Слово Своё, возглашаемое с амвона, а во время Литургии верных Христос присутствует среди нас в Святых Тайнах, преложённых в Его Тело и Его Кровь.

Таинство Евхаристии, или Тайной Вечери, которая совершается по слову Христову: «Сие творите в Моё воспоминание», есть прежде всего таинство нашей встречи со Христом и соединения всех нас в одно целое, в Его Церковь.

Страшно, когда зачастую причастие Святых Тайн во время Литургии воспринимается как некая награда за хорошее поведение. Это не награда, а лекарство, это единственный способ прорыва к Богу! Один святой говорил: «Ты недостоин участвовать в Евхаристии, причащаться. Да, недостоин, но тебе это необходимо!»

Известный своей строгостью митрополит Антоний Сурожский говорит, что очень часто, когда к нему приходит человек и исповедуется в каком-то тяжёлом грехе, он не читает над ним разрешительную молитву, но, давая возможность этому человеку глубже осознать свою греховность и сделать прорыв к Богу в покаянии, причащает, допускает ко Святым Тайнам. Многим, воспитанным на бытовом православии, это кажется чем-то чудовищным. Но это и есть истинное православие. Потому что — с кем ест Христос? С мытарями и грешниками. Христос приходит к падшим, чтобы дать им Себя Самого и спасти.

Когда же мы говорим: «Я ещё недостаточно готов, я недостаточно поговел» и т. п., мы уподобляемся человеку, который лежит в постели с жаром и говорит: «Аспирин — это замечательно, но я сначала вылечусь, а потом буду его принимать». Без Христа мы погибаем, без Христа мы будем падать всё глубже и глубже. Он приходит, чтобы нас спасти, Он протягивает нам руку, как апостолу Петру, а мы, не участвуя в Его Тайной Вечере, её отталкиваем. Это очень важно постичь и через это прорваться к Богу, потому что Он присутствует среди нас — но мы часто не хотим этого видеть. На Тайной Вечере не может быть свидетелей, зрителей, в Церкви — все участники, все принадлежат к царственному священству, как об этом говорит апостол Пётр, к народу святому.

Крест Христов

Крест — совсем особая тема для каждого христианина, тема которой посвящены тысячи книг, миллионы проповедей, невероятное множество статей. Наша задача поэтому заключается не в том, чтобы сказать о Кресте Иисусовом и о Его смерти что-то новое или неизвестное читателю, но только в том, чтобы вспомнить, *что* именно о Кресте говорится в Евангелии.

Размышляя о Голгофе и о том, как и почему Спаситель идёт на Крест, надо выделить два очень важных момента.

Прежде всего, смерть Иисуса — это не результат случайности и не запланированное убийство, а вольное страдание. Христос идёт на смерть Сам, добровольно выбрав этот путь. Об этом говорится в кондаке праздника Преображения: «На горе преобразился еси, и якоже вмещаху ученицы Твои славу Твою, Христе Боже, видеша: да егда Тя узрят распинаема, страдание убо уразумеют вольное, мирови же проповедят: яко Ты еси воистину Отчее сияние». Или в тропаре: «Волею возблаговолил еси плотию взыти на Крест». Так не только в богословских трактатах, но в самой Литургии, в целом ряде византийских богослужебных текстов — по сути дела, повсюду — подчёркивается, что страдания Иисусовы — это страдания *вольные*. Ipse cum voluntarie traderetur («Когда Он Сам добровольно предавал Себя»), — говорится в каноне латинской Мессы.

О том, что Иисус выбирает Крест добровольно, говорят богословы и гимнографы, святые и проповедники, но прежде всего (и об этом нельзя ни в коем случае забывать) об этом говорится в Евангелии от Иоанна: «Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять её; никто не отнимает её у Меня, но Я Сам отдаю её: имею власть отдать её и власть имею опять принять её; сию заповедь получил Я от Отца Моего» (Ин 10:17-18).

Здесь Иисус прямо говорит, что страдания — это выбор, на который Он идёт совершенно сознательно и добровольно. Почувствовать это очень важно, потому что иногда нам хочется думать, что Иисус мог бы избежать смерти. Нет, Он идёт на смерть Сам. Он знает, что ждёт Его впереди, но тем не менее считает необходимым продолжать идти именно по этой дороге. «Чашу, юже даст Мне Отец, не имам ли пити ея» (Ин 18:11), — отвечает Иисус Петру, когда тот в Гефсиманском саду пытается защитить Учителя от пришедших взять Его под стражу. Он — не жертва обстоятельств, выбор Его абсолютно свободен.

Второй, не менее важный момент: Христос на Кресте умирает за нас. И не просто за нас, а за наши грехи. Во время Тайной Вечери Он говорит об этом прямо: «Сие есть Тело Моё, которое за вас предаётся» (Лк 22:19).

В Посланиях святых апостолов можно найти множество замечательных текстов на эту тему: «Он грехи наши Сам вознёс Телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды: ранами Его вы исцелились» (1 Петр 2:24); «Он же однажды к концу веков явился для уничтожения греха жертвою Своею» (Евр 9:26); «Он есть умилоствление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира» (1 Ин 2:2); «...и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и

жертву Богу, в благоухание приятное» (Еф 5:2); «...Который предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего» (Рим 4:25); «...Который отдал Себя Самого за грехи наши, чтобы избавить нас от настоящего лукавого века, по воле Бога и Отца нашего» (Гал 1:4).

По-разному выраженная, формула «за нас» или «за грехи наши» в апостольских Посланиях присутствует не менее 29 раз.

Начиная Литургию, священник в алтаре возглашает: «Ты искупил нас от клятвы законной честною Твоею Кровью...» Наконец, в Символе веры всё, что хочет сказать Церковь о смерти Иисуса, сформулировано с максимальной чёткостью: «Нас ради человек и нашего ради спасения...»

Если же мы посмотрим, какие слова употребляются для того, чтобы обозначить смерть Иисуса, то увидим, что чаще всего это слова «искупление» и «искупил». Сам Иисус — Искупитель. Он заплатил за нас или вместо нас долг. Не случайно в Новом Завете использовано слово из реальной жизни, из сферы денежных отношений, слово, понятное всем и каждому. *Искупил*, или выкупил нас, как будто отдал за нас деньги или заплатил по счетам. При таком понимании искупительной жертвы Иисусовой не может не возникнуть вопрос: а как именно Он сделал это, каков механизм искупления? В Послании к Римлянам читаем: «Не говори в сердце твоём: "кто взойдёт на небо?" то есть Христа свести; или: "кто сойдёт в бездну?" то есть Христа из мёртвых возвести» (Рим 10:6-7).

Что означают эти слова, не вполне ясно, однако, обратившись к оригиналу на греческом языке, мы найдём там характерный оборот — так называемый *accusativus cum infinitivo*. Он подсказывает, что слова эти надо понимать так: «Не говори в сердце своём: кто взойдёт на небо (как именно взойшёл Христос, как именно родился Христос)». То есть не спрашивай: как именно Бог действует или каковы механизмы чуда? Именно тем, наверное, и отличается механизм действия Бога от механизма действия человека, что последний всегда, пусть не без труда, но можно раскрыть и понять, тогда как механизм действия Божьего скрыт и непонятен по самой своей сути. «Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, говорит Господь. Но, как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших», — говорится в книге пророка Исаяи (Ис 55:8-9). Поэтому пытаться понять, каким именно образом, умерев на Кресте Своём со словами «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф 27:46), Иисус избавил нас, спас и искупил от грехов, — бессмысленно. Этот вопрос не имеет ответа, поэтому не будем его задавать, а просто примем как факт, как данность, что Иисус, умирая на Кресте, принимает на Себя и искупает грехи всех нас.

«Древнее прошло, теперь всё новое», — говорит апостол Павел (2 Кор 5:17). И что удивительно, в этом новом мире оказывается, что мы теперь уже не должники, потому что за наши грехи заплачено. Всё то дурное, что было сделано нами раньше, не висит больше, как «жернов осельский», у нас на шее, не тяготит и не тянет нас к земле, как непосильный груз. Мы — свободны. И поэтому перед нами встаёт новый вопрос: что делать дальше — по-прежнему ли оставаться среди тех, кто обрёл Иисуса на смерть, яснее говоря — среди Его палачей, среди тех, кто сражается в этой жизни против Него, или стать Его соработником, присоединиться к тем, кто трудится вместе с Ним, кто помогает Ему нести Его Крест? Быть ли в той толпе, которая смотрит на Распятого и кричит: «Других спасал, а Себя Самого не может спасти; если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдёт с Креста, и уверуем в Него» (Мф 27:42) — или стать рядом с Симоном Кириянеянином, который подхватывает Его Крест и несёт? По сути дела, это и есть та единственная задача, которая непременно встаёт перед нами, когда мы становимся христианами: решить, с кем быть вместе.

«Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу» (Флп 2:6). Это значит, что Он «не цеплялся за то, что равен Богу», не пытался апеллировать к этому равенству и пользоваться им. Не случайно поэтому далее апостол говорит: «Смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп 2:8).

Говоря о том, что Иисус *равен* Богу, апостол Павел прежде всего имеет в виду то, что Христос не знал греха.- «Искушён во всём, кроме греха» (Евр 4:15), «...не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех» (2 Кор 5:21).

Иисус добровольно идёт на Крест за нас — Безгрешный за грешных. И через это Он побеждает мир: «Я победил мир» (Ин 16:33).

Как бы продолжая эту тему, Иоанн Богослов восклицает: «...сия есть победа, победившая мир, вера наша» (1 Ин 5:4).

Христос победил, или освободил, мир. Суд над Ним, Голгофа, Крест, Гроб, Воскресение — всё это этапы своего рода Исхода, вехи на том пути, который ведёт от рабства к свободе, — пути пасхального, ибо само слово «Пасха» значит «переход». «Мы знаем, — восклицает Иоанн Богослов, — что мы перешли из смерти в жизнь» (Ин 3:14). Эта фраза в высшей степени значительна и необычайно содержательна, ибо она показывает, что христиане апостольского века понимают свою веру именно как *переход*, как Пасху, как путь от смерти к жизни и от рабства к свободе, как новый Исход. «Иисус отвечал им: истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха; но раб не пребывает в доме вечно: сын пребывает вечно. Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин 8:34).

Подобно Моисею, который выводит Израиль из Египта и проделывает вместе с народом Божиим путь от рабства к свободе, Христос из горницы Тайной Вечери через Гефсиманский сад, взятие под стражу, допрос, путь на Голгофу и Крест выводит своих непосредственных учеников, а вместе с ними и каждого из нас «из дома рабства» (Исх 20:2) к свободе. Не случайно пасхальный канон Иоанна Дамаскина «Воскресения день...», поющийся в пасхальную ночь в самом начале утрени, написан в качестве вариации на тему песни Моисея из книги Исход: «Пою Господу, ибо Он славно прославился, коня и всадника ввергнул в море» (Исх 15:1). Эта победная песнь Моисея становится основным мотивом для той победной песни (по-гречески *эпаникия*), которую, встречая Пасху Христову, поют христиане в честь Воскресшего.

В отличие от Моисея, прошедшего своих спутников через пустыню, Иисус ведёт народ Божий к свободе через Крест. *Per crucem ad lucem*, «через крест к свету», — говорили в средние века. Очень важно, наверно, что в русском языке «крест» и «воскресение» — слова одного корня, потому что Крест без Воскресения, а равно и Воскресение без Креста теряют всякий смысл, становятся невозможными. Не случайно и то, что в Новом Завете всякий раз, когда упоминается, что Иисус «умер», тут же добавляется «и воскрес». Смерть Христова воспринимается только на фоне Его Воскресения. И Воскресение Христово осмысляется только на фоне Его смерти.

Крест — позорное орудие позорной смерти. В Римской империи не было казни позорнее, чем смерть на кресте. *Non pudet, quid pudendum est* («В этом нет позорного, ибо это должно быть позорно»), — говорит Тертуллиан. Христос побеждает мир, идя тем путём, на котором любой другой оказался бы побеждённым, Он побеждает *при помощи той силы, которая совершается в немощи* (см. 2 Кор 12:9). А другим путём, наверно, победить мир невозможно. Важно только не забывать, что в языке Нового Завета словом «мир» (по-гречески *космос*) обозначается совсем не то, что имеют в виду, употребляя слово «космос», греческие философы. Для греческих философов космос — это мир с небосводом, звёздами, Вселенная со всей ее красотой. Другое дело — в Новом Завете: здесь словом «космос» именуется мир, созданный людьми, мир человеческих отношений, построенных без Бога, вне Бога и очень часто вопреки воле Божией — *society*, или общество. Мир с социальным неравенством, с его неправдой, интригами, бедами и болячками, в которых нередко виноваты сами люди, — мир, представляющий собой питательную среду для наших грехов. Мир именно в этом смысле побеждает Иисус. Именно в этом смысле употребляет слово «мир» Иоанн Богослов, когда говорит: «не любите мира, ни того, что в мире» (1 Ин 2:15). Апостол имеет в виду не небо, горы и

реки, а общество, которое побеждает Иисус на Кресте, «в рабском виде», как написал Ф.И. Тютчев, вспомнив в стихах слова из Послания к Филиппийцам — «приняв образ раба» (Флп 2:7).

Христос побеждает мир абсолютно неожиданным образом — Бог всегда действует непредсказуемо, но на этот раз — более непредсказуемо, чем всегда. И не случайно апостол применяет к тому, что делает для нас Христос, слова пророка Исайи: «...не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор 2:9).

Христос побеждает мир не как триумфатор, не в пурпурной тоге, как это сделали бы Цезарь, Август, Марк Антоний или любой другой из старших или младших Его современников. Он побеждает мир как маленький равви из Назарета, окружённый не полководцами, а кучкой безграмотных рыбаков. Именно таким мы видим Его на картине Н.Н. Те «Что есть истина?». Он стоит в застиранном хитоне, с всклокоченными волосами перед уверенным и самодовольным Пилатом, олицетворяющим римское благополучие. — тот в прекрасной тоге, хорошо подстрижен, чудно выбрит, и, кажется, чувствуется, как пахнут дорогими благовониями его щёки...

Победа Христова основывается на том, что Он опускается до дна, нисходит во ад, как это иногда изображается на иконах. Думается, что не случайно именно такая икона обычно кладётся на аналой посреди храма на восьмой день после Пасхи, в Фомино воскресенье, когда в богослужебных песнопениях вспоминается событие, которое мы относим к Страстной субботе: «Умер в пятницу Христос, погребённый, опускается во ад». И хотя в Новом Завете об этом прямо не говорится ни разу, выражение *descendit ad inferos* («спустился во ад») есть в Апостольском Символе веры, достаточно древнем и надёжном исповедании веры Церкви Христовой.

Из апостольских посланий видно, что в древнейшем исповедании веры особое значение имело именно то, что Иисус не только умер на Кресте, но был погребён, опущен в землю. Этот момент в Евангелии был назван «знамением Ионы пророка»: «как был Иона во чреве кита три дня и три ночи, так Сын Человеческий будет во чреве земли три дня и три ночи» (Мф12:40).

О погребении говорится и в Первом Послании к Коринфянам: «И что Он погребён был» (1 Кор 15:4), и, конечно, в Символе веры — не только в Апостольском, но и в том, который мы обычно возглашаем во время каждой Литургии: «...и страдавша и погребенна». Нетрудно понять, что слово «погребён» в скрытой форме говорит о нисхождении во ад.

Нисхождение во ад — это не только Страстная суббота, оно много больше всего того, что символически изображено на этой иконе. Христос опускается туда, где хуже всего, где больнее всего, труднее всего, где царствует и торжествует самая большая беда. И главное — где нет Бога, потому что весь Ветхий Завет пронизан мыслью о том, что в *шеоле*, в мире, где пребывают усопшие, Бога нет.

Если вдуматься, то вообще всё Евангелие от начала до конца рассказывает о нисхождении во ад, потому что Христос постоянно находится среди нищих, слепых, прокажённых. Как в древности, так и в средние века общество начисто отвергало прокажённых: они должны были ходить с колокольчиками, чтобы люди слышали звон и не приближались к ним... А Иисус? Он оказывается среди самых несчастных и презираемых людей — там, где нет Бога. В этом смысле Его нисхождение во ад продолжается и до сего дня, ибо и теперь Христос вместе с такими людьми, как мать Тереза из Калькутты, как мать Мария (Скобцова), спускается туда, где хуже и больнее всего.

Смерть Иисуса на Кресте — это не мнимая, не придуманная, а настоящая человеческая смерть. Из греческой мифологии известно, как спускались некогда в аид многие античные боги и герои: Дионис, чтобы вывести оттуда свою мать Семелу или Геракл, чтобы вернуть Алкесту её мужу или вывести на белый свет для Эврисфея пса Кербера; туда спускается и Орфей за женой Эвридикой и т. д. Однако у греков в аид всегда спускается живой бог или герой, а Христос (и в этом принципиальное отличие евангельского рассказа от сказаний древних греков!) для того, чтобы низойти во ад, умирает,

принимает на Себя всю боль, всю безнадежность и отчаяние человеческой смерти — до такой степени, что восклицает на Кресте: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»

Смерть Иисуса — это не апофеоза, как в случае с Гераклом, который, не успев ещё умереть на костре, превращается в бога. Это та самая смерть, которая когда-то приходит к каждому. Простая человеческая смерть, опыт которой придётся пережить каждому. Смерть со всей её болью и во всей её неприглядности.

И потому не случайно служба Страстной пятницы, утренняя, включающая в себя чин погребения Тела Иисусова, во многом очень похожа на самый обычный чин погребения усопшего. В Страстную пятницу мы Его действительно хороним. Если, повторю, мифологический герой опускается в царство мёртвых *живой*, чтобы освободить одного из усопших (Семелу, Эвридику или Алкесту), то Иисус туда спускается *Мёртвый*, Один, чтобы освободить *всех*, спускается туда, где нет Бога, на глубину, как сказал Григорий Великий, «большую, чем глубина самого ада».

У Достоевского в романе «Идиот» описывается картина Гольбейна-младшего «Мёртвый Христос» — Он, только что снятый со Креста. Почему именно мёртвый Христос, даже не тело, а, как подчёркивает сам Достоевский, труп Христа привлёк внимание писателя?

Вероятно, это связано с тем, что за столетия истории православия, за тысячу лет христианства на Руси мы не вполне сумели почувствовать, что такое смерть Иисусова. Нам до сих пор ещё нередко кажется, что Иисус умер как-то по-другому, иначе, чем все, потому что Бог не может умереть. А Бог может всё. Нельзя забывать об этом.

Разумеется, каждый образованный православный христианин на Руси знал принятый на Четвёртом (Халкидонском) Соборе догмат, согласно которому Христос — и полностью Бог, и Человек, тоже в полной мере и в полном смысле этого слова. Конечно, каждый священник повторял в течение всей этой тысячи лет за каждой обедней перед Великим Входом слова молитвы, где говорится, что Он, Иисус, «непреложно и неизменно был еси Человек», но при этом, однако, Его человеческая природа была как-то слабо осознана в русской религиозности. Спаситель на Руси всегда легче принимался как Бог, чем как Человек.

Достоевский же на картине Гольбейна разглядел Иисуса именно как Человека и, возможно, благодаря этому понял, что такое Воскресение из мёртвых. Из мёртвых воскреснуть можно, только умерев. А умереть может только человек. Если бы Христос был больше Богом, чем Человеком, Он бы просто не мог ни умереть, ни воскреснуть. Увидев Христа умершим, осознав тайну Его смерти, Достоевский понял сердцем своим тайну Воскресения из мёртвых — этого ни с чем не сравнимого чуда, которое делает человечество жизнеспособным и даёт ему крылья.

До тех пор, пока мы видим в смерти Иисусовой что-то не вполне эквивалентное нашей собственной смерти, мы не в силах понять тайну Воскресения.

Христос проходит до самого конца по той самой дороге, которая предназначена и каждому из нас, и в этом, наверное, заключается Его абсолютная уникальность. Рассказ об этом очень трудно выразить в словах (*Nec valet lingua dicere, nec littera exprimere* — «Язык не в силах рассказать, не в силах буква передать» — как некогда сказал св. Бернар). Не случайно поэтому о нисхождении во ад прямо, в каких-то конкретных словах, в Евангелии нигде не говорится — в отдельные слова этот рассказ не вмещается, хотя всё Евангелие, если брать его в целом, рассказывает на самом деле прежде всего именно об этом событии. Понять это бесконечно важно. Самые важные истины в Евангелии вообще почти никогда не вмещаются в слова — о них можно рассказать только без слов, передавая весть от сердца к сердцу. Апостол Павел говорит, что, восхищенный до третьего неба, он «слышал неизреченные глаголы, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор 12:4). «Нельзя» не в том смысле, что это запрещено, нет; нельзя — ибо невозможно, при всём желании. Тайна Креста невыразима в словах именно по своей сути. К ней можно только приблизиться — и перед ней остановиться.

Остановиться перед тайной человеческой смерти, через которую Христос поднимает и воскрешает всё человечество.

Тема следования за Христом, возникающая в Евангелиях неоднократно, неразрывно связана с темой Креста. Когда книжник говорит Учителю, что готов следовать за Ним, куда бы Он ни пошёл, Иисус отвечает: «...лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнёзда; а Сын Человеческий не имеет, где *приклонить голову*» (Мф 8:20). Такое место вскоре будет найдено — Крест. Евангелист Иоанн, повествуя о смерти Спасителя, употребляет то же выражение: «...Иисус... сказал: совершилось! И, *преклонив главу*, предал дух» (Ин 19:30). Таким образом, следовать за Иисусом — значит быть готовым идти за Ним вплоть до Креста. Фома Кемпийский в своей книге «О подражании Христу» очень хорошо говорит, что много есть любителей идти за Иисусом вплоть до Тайной Вечери и очень мало — вплоть до Креста. Мысль, лишь обозначенная в 20-м стихе 8-й главы Евангелия от Матфея, далее звучит уже в полную силу: «...и кто не берёт креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф 10:39); «...если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф 16:24).

Так что же такое Крест? В Евангелии пять раз говорится о несении креста, на которое надо решиться каждому, кто хочет стать Его учеником (Мф 10:38, 16:24; Мк 8:34; Лк 9:23, 14:27). Мы не можем быть христианами и не нести креста, причём Спаситель подчёркивает — *своего*. Как понять это выражение? Есть пословица «Христос терпел и нам велел». Мы иногда о ней вспоминаем, когда пытаемся сами себя или друг друга утешить в беде, переживая несчастья и горя. В духе этой пословицы размышляет о своей жизни и Н.Гумилёв в одном из посмертно опубликованных стихотворений: «Ничего я в жизни не пойму, / Лишь твержу, пусть плохо мне приходится, / Хуже было Богу моему / И большее было Богородице».

Конечно же, переносить беды надо твёрдо и не поддаваясь отчаянию — этому учили ещё в древности, прежде всего философы-стоики, однако наша собственная боль — ещё не крест. Мы тогда лишь берёмся за крест, как любил говорить о. Алексей Мечёв, когда «разгружаем боль других». В том, наверное, и состоит суть Креста, что Безгрешный умер за грешников, взял на Себя то, к чему Сам не имел отношения. Поэтому-то наш собственный крест — прежде всего в том, чтобы разделить боль другого, а не в наших личных бедах. «Носите бремена друг друга и таким образом исполните закон Христов», — говорит апостол Павел (Гал 6:2).

Иисус зовёт нас не просто взять свой крест, но брать его и нести ежедневно. Об этом прямо говорится в Евангелии (Лк 9:23), хотя в славянском тексте в этом стихе слово «ежедневно» (греч. *каф эмеран* или лат. *cotidie*) отсутствует; не попало оно и в русский перевод, а поэтому русский читатель, если он не знаком с греческим текстом, ничего не знает о его существовании. О. Александр Ельчанинов рассказывает в своих «Записях», как уже во Франции он начал читать Евангелие по-латыни и там обнаружил это слово. Обнаружил и поразился, ибо прежде чувствовал, что в этом стихе по-русски чего-то не хватает, но только не знал, чего именно.

Более того, Иисус говорит о том, что следование за Ним нельзя отсрочить, отложить на потом. Когда ученик просит разрешить ему прежде пойти и похоронить отца, Иисус отвечает ему очень странно: «Иди за Мною, и предоставь мёртвым погребать своих мертвецов» (Мф 8:22). Это одно из трудных для понимания мест Евангелия. Из книги Бытие мы знаем, что когда умирает Иаков, то Иосиф хоронит отца. Он просит передать фараону: «Отец мой заклил меня, сказав: "вот, я умираю; во гробе моём, который я выкопал себе в земле Ханаанской, там похорони меня"» (Быт 50:5). И фараон отпускает Иосифа, чтобы он выполнил последнюю волю отца. Так же и Товия выполняет волю своего отца и достойно погребает его. Для иудейской традиции похороны отца — очень важный момент. Поэтому ответ Иисуса звучит парадоксально. Но мы знаем, что если в Евангелии встречается парадокс, то это место требует к себе особого внимания. Христос пришёл не нарушить закон, а исполнить, а здесь Он почему-то идет вразрез с Традицией. Почему?

Первый заключённый здесь смысл таков: когда тебя зовёт Господь, не откладывая следование за Ним. В те времена мёртвых хоронили в день смерти, и тем не менее Иисус призывает не медлить, даже если речь идёт о нескольких часах. Французский библиист Мануэль Жимбасьян обнаружил в арабских диалектах такой оборот: «Сначала я похороню отца». Это выражение вовсе не означает, что у кого-то умер отец; его употребляют, когда хотят сказать, что какое-то дело сделают потом, в отдалённом будущем. Однажды, возвращаясь из подмосковного храма в день престольного праздника, в переполненном автобусе я слышал, как старушки спрашивают женщину лет сорока: «Что ж ты, Полина, не была в храме?» А она отвечает: «Так я ещё не старая! Вот состарюсь — тогда пойду». Именно таков смысл фразеологизма «Сначала я похороню отца», которому в русском языке отчасти соответствует выражение «откладывать в долгий ящик», т. е., по сути, похоронить, положить дело в гроб.

Второй смысл ответа Иисуса — не оглядывайся назад. Очень часто мы думаем, что следование за Христом для нас непосильно, потому что для этого нужно отказаться от старого уклада жизни и от всего, что нам дорого. Наши прежние ценности и привычки оказываются мёртвым грузом, который не позволяет нам сделать Христа средоточием всей нашей жизни.

И здесь встаёт безмерно важный вопрос: что должен делать христианин в мире, каким он должен быть?

Христианин не может не делать чего-то ради другого, то есть не может жить только для себя. Великое искушение, наверное, состоит в том, что каждому хочется каким-то образом «устроить» свою жизнь — купить маленький домик с палисадником или просто двухкомнатную квартиру и т. п. А Иисус прямо говорит богатому юноше, что в жизни наступает день, когда дом надо оставить (Мк 10:29): дом, работу, деньги, карьеру, что-то другое, но главное — оставить. Не быть привязанным, чтобы, когда Бог позовёт, встать и пойти дальше, как сделал это Альберт Швейцер, хотя он мог бы давать концерты, на которые собиралась чуть ли не вся Европа, писать книги о Бахе и выступать с лекциями в самых престижных университетах мира. По этому же пути пошёл кардинал Леже, бывший архиепископом Монреалья, когда снял свою красную сутану, чтобы уехать в Африку и поселиться среди прокажённых.

Свой крест нести нелегко, но это оказывается нам по силам, когда человеку есть от чего отказаться, что оставить позади себя, чем пожертвовать. Когда же жертвовать нечем — христианство не получается. Христос, о Котором апостол Павел говорит, что «полнота Божества пребывает в Нём телесно» (Кол 2:9), отказывается от того сияния, которое Ему принадлежит по праву, и спускается во ад, в объятия той беспросветности, где живёт человек. Так осуществляется Его кеносис — Его снисхождение к миру, отказ от успеха, или уничтожение. Иисус сознательно выбирает неуспех и так реализует Свой путь. Через полный Свой провал, через неудачу, через поражение и позор приходит Он к победе.

Поражёнными и опозоренными умирают св. апостолы, Златоуст больше времени проводит в ссылке, нежели на той Константинопольской кафедре, где он считался архиепископом, Максим Грек в течение двадцати лет сидит в сырой и тёмной яме, а св. Тихон Задонский, живя на покое в провинциальном монастыре, не раз получал пощёчины то от игумена, то от помещика, которого он упрекнул за жестокое обращение с крестьянами. Спих, тот крест, на котором распинали рабов в древнем Риме, был орудием для позорной казни — на самом деле уже этим сказано всё о кресте каждого христианина.

В современной богословской литературе довольно много говорится — и отчасти это навеяно словами апостола Павла (Гал 6:14) — о Кресте, которым распят мир, что Крест Христов, вознесённый над всем миром, стал своего рода осью, на которой вращается Земля. Образ этот, без сомнения, очень красив, но он уводит на задний план ту простую человеческую боль, о которой так безыскусно и так

откровенно рассказывает нам Евангелие. «При кресте Иисуса стояли Матерь Его, и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина» (Ин 19:25). Вот Его смерть — простая, но добровольная. Простая, но сознательно избранная. На Кресте сознательно умирает Человек, сознательно, ибо Он знает, что это смерть — *за*, что это смерть — *ради*, что через Его смерть люди обретут свободу и откроют дорогу, которая ведёт в жизнь. Бог одерживает победу, которая становится нашей общей, осуществимой для каждого победой, но через человеческий *кеносис*, через то уничтожение, которое бесстрашно и просто выбирает как Свою дорогу Иисус.

Страстная неделя

Какие события происходят между торжественным входом Иисуса в Иерусалим и Страстной пятницей, вернее, тем кануном субботнего дня, когда Он умер на Кресте?

Первое событие, о котором рассказывают синоптики Матфей, Марк и Лука в связи с торжественным входом в Иерусалим, — изгнание торгующих из храма. Синоптики относят изгнание торгующих ко времени входа Иисуса в Святой город, в то время как Иоанн это же событие связывает с самым началом проповеди Христа, хотя тоже подчеркивает, что оно имело место в дни праздника Пасхи. К какому же времени отнести это событие — к началу или к концу проповеди?

После входа в Иерусалим Иисус приходит, как говорят Матфей и Марк, в Вифанию, где в доме у Симона прокажённого женщина, не известная нам из этих двух Евангелий по имени, проливает на голову Иисуса драгоценное миро. Этот же факт у Иоанна отнесён к более раннему времени: перед входом в Иерусалим, в Вифании, Мария, сестра Лазаря, проливает на ноги Иисуса драгоценное миро. Об этом же рассказывается в 7-й главе Евангелия от Луки в связи с началом проповеди Иисуса.

Возникает примерно такая же ситуация, как с изгнанием торгующих из храма: три Евангелия связывают этот факт с концом проповеди, одно — с началом. Только в первом случае Марку, Матфею и Луке противостоит Иоанн, во втором — Марку, Матфею и Иоанну противостоит Лука.

У Марка и Матфея женщина проливает миро на голову Иисуса после Его входа в Иерусалим, у Иоанна — накануне входа в Иерусалим. Вот и вся разница. Марк, Матфей и Иоанн подчёркивают, что имя хозяина дома Симон, и называют его Симоном прокажённым. У Луки он тоже Симон, но только Симон фарисей. Марк и Матфей говорят, что женщина проливает миро на голову Иисуса, у Луки и Иоанна она проливает миро на ноги Его и отирает их волосами головы своей. Марк и Иоанн указывают, что миро сделано из нарда (благовония, привозимого из Индии), и подчёркивают, что оно стоит 300 динариев — заработать на него деньги нелегко, для этого надо работать 300 дней, т. е., в сущности, целый год.

В каждом из четырёх рассказов есть что-то своё, но в каждом есть также и повторяющиеся детали, роднящие один рассказ с другим. Нельзя сказать, кто прав, кто не прав, чей рассказ первичен, чей вторичен. Можно сказать одно: это взгляд на одно событие, но с *разных точек зрения*.

«Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете».

Эта фраза Иисуса объединяет рассказы трёх евангелистов — Марка, Матфея и Иоанна. Причём на слове «всегда», наверное, стоит логическое ударение, Иисус словно показывает на них рукою: вот они, нищие, в лице которых мы всегда можем встретиться с Ним Самим.

Но есть момент, который объединяет все четыре рассказа о помазании Иисуса миром. Это — смерть. Христос говорит: «Что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня... Возливши миро сие на Тело Моё, она подготовила Меня к погребению» (Мф 26:10-12).

Действительно, обычно миро возливают на покойника, чтобы пропитать им его саван. Мария в Евангелии от Иоанна и женщина, не известная нам по имени, в Евангелии от Луки проливают миро на

ноги Иисусовы. Таким образом, Он предстаёт перед нами в этом рассказе ещё до смерти, но уже готовый к погребению.

«Он грехи наши Сам вознёс Телом Своим на древо...» (1 Петр 2:24).

Иисус возносит Своим Телом на древо наши *грехи* и, погружаясь в смерть, освобождает нас от *грехов*. Не случайно в Евангелии от Луки готовый к смерти и благодаря этой женщине почти погребённый, Он прощает ей *грехи*. Можно смело говорить о том, что это маленькое событие является введением в весь рассказ о Страстной неделе: оно знак того, что Он идёт на смерть, что Он за нас идёт ко Кресту.

Дальше синоптики рассказывают о Тайной Вечере, а Иоанн — об умовении Иисусом ног ученикам. Миссия Иисуса — служение. «Ибо и Сын Человеческий не для того пришёл, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мк 10:45).

Не случайно в литургической практике эти тексты всегда соединяются и в Литургии Страстного четверга читаются вместе. То, о чём говорится в рассказе о Тайной Вечере одним языком: «Сие есть Тело Моё, которое за вас предаётся» (Лк 22:19), — другим языком рассказывается в 13-й главе Евангелия от Иоанна, в эпизоде умовения ног. Как на Тайной Вечере, так и в рассказе об умовении ног Иисус предстаёт перед нами как служащий, на что прямо указывает Евангелие от Луки: «Ибо кто больше: возлежащий или служащий? не возлежащий ли? А Я посреди вас, как служащий» (Лк 22:27).

После Тайной Вечери Иисус идёт в Гефсиманский сад и молится там. Об этом рассказывают Матфей, Марк и Лука. Иоанн добавляет, что «Иисус вышел с учениками Своими за поток Кедрон, где был сад, в который вошёл Сам и ученики Его» (Ин 18:1). Что именно имело место в саду, Иоанн не рассказывает, но из трёх синоптических Евангелий мы знаем о Гефсиманском «борении» (выражение из Евангелия от Луки) Иисуса. Три апостола, которых Он взял с Собой: Пётр, Иаков и Иоанн, — были свидетелями Его Преображения (когда на горе стали белыми, как свет, одежды Иисуса и просияло, как солнце, лицо Его), и они же сейчас становятся свидетелями человеческой слабости Иисуса. Именно они видели, как пребывает в Нём телесно полнота Божия, видели сияние славы Божией, через Него явившейся. — теперь же они видят, как Он плачет и тоскует, говоря им: «Душа Моя скорбит смертельно.» Иисус Молится в Гефсиманском саду: «Авва Отче! Всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня» (Мк 14:36).

Дальше стоят самые главные слова: «Но не чего Я хочу, а чего Ты» (Мк 14:36). «Впрочем не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк 22:42). «Впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф 26:39).

Наверное, вообще возможна только такая молитва: мы просим Бога о помощи, но принимаем Его волю.

В каждом из трёх рассказов о Гефсиманском борении есть какие-то детали, отсутствующие в двух других. Так, у Марка ключевое слово этого эпизода — *час*. Иисус молится, «чтобы, если возможно, миновал Его час сей» (14:35), а затем, в конце, говорит ученикам: «Кончено, пришёл час; вот, предаётся Сын Человеческий в руки грешников» (Мк 14:41).

Из Евангелия от Иоанна мы знаем, что «час» — одно из самых важных слов в словаре Иисуса. «Ещё не пришёл час Мой», — говорит Он Матери Своей во время брачного пира в Кане Галилейской (Ин 2:4). «Отче, избавь Меня от часа сего!» — восклицает Он в 12-й главе и продолжает: «Но на сей час Я и пришёл» (Ин 12:27).

Это место Евангелия от Иоанна равнозначно Гефсиманской молитве. О часе, который настал, Иисус говорит ещё два раза в Евангелии от Иоанна (12:23; 17:1). Час — это кульминация, то, ради чего Он живёт, то, к чему Он готов с самого начала. — час искупленья, час жертвы, час страдания, час, когда всё решается. И этот *час* — ключевое слово в рассказе о Гефсиманском борении в Евангелии от Марка и во всём тексте Евангелия от Иоанна.

В Евангелии от Матфея ключевым является другое слово — *молиться*. Иисус (об этом здесь говорится трижды) молится в момент Своего борения и призывает к этому учеников. «Я пойду, помолюсь там», — говорит Он своим спутникам. Далее описывается моление о чаше: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф 26:39).

Найдя учеников спящими, Христос призывает их бодрствовать и молиться. «чтобы не впасть в искушение», и, «отошед, в другой раз молился.: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить её, да будет воля Твоя» (Мф 26:42). Затем Он возвращается и снова находит их спящими — «и, оставив их, отошёл опять и помолился в третий раз» (Мф 26:44).

В Евангелии от Луки, где мы находим самый короткий рассказ о Гефсиманском борении, есть, однако, деталь, которой нет ни у Матфея, ни у Марка: «... и был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Лк 22:44). Здесь мы оказываемся перед лицом огромного человеческого страдания, огромной человеческой боли. Перед нами страдающий Человек. Человек, в Котором страдает всё человечество. Вселенский Патриарх Варфоломей написал об этом так: «В Христе Бог по-человечески испытывает все наши предсмертные муки, беспредельную муку истории, вопль Иова, рождаемый нашей судьбой, кровавый пот».

Момент этого испытания ярче всего передан в рассказе о Гефсиманской молитве у Луки. У этого евангелиста есть ещё одно ключевое слово — *искушение*, с него начинается рассказ (22:46). Как у Матфея и у Марка, так и у Луки Иисус говорит: «Молитесь, чтобы не впасть в искушение» и «не Моя воля, но Твоя да будет». Эти слова удивительным образом роднят Гефсиманскую молитву с молитвой «Отче наш»: «...да будет воля Твоя» и «не введи нас во искушение». Иными словами, если вчитаться во все три рассказа о Гефсиманском борении, то можно догадаться, что та молитва, с которой обращается Иисус к Отцу, — это молитва Господня, «Отче наш». Поэтому не будем забывать о Гефсиманском моменте молитвы, которую мы произносим каждый день. Помнить о том, что эти два евангельских текста теснейшим образом связаны между собою, просто необходимо.

С рассказом о Гефсиманском борении связано ещё одно событие, которое, казалось бы, не имеет ни богословского, ни какого-то другого значения, но тем не менее о нём рассказано не в двух, не в трёх, а во всех четырёх Евангелиях. Когда Иуда и люди, его окружающие, входят в сад, кто-то из учеников бросается и отрубает мечом или ножом ухо у одного из рабов первосвященника. Об этом рассказывают Марк и Матфей. Об этом рассказывает и Лука, но *только он один* добавляет, что Иисус, коснувшись головы раба, исцелил его. Наконец, об этом же Упоминает Иоанн, который сообщает, что «имя рабу было Малх».

Спрашивается, почему память об этом в общем-то незначительном факте сохранена во всех четырёх Евангелиях?

Действительно, это событие более чем второстепенного значения, но зато — запоминающееся, это чисто зрительный образ, который можно увидеть глазами. Рассказ об отсечённом ухе сразу врезается в память читателя и действительно связывает все четыре рассказа в единое целое, перенося нас на место действия. Так каждый из нас становится очевидцем того что происходит в Гефсиманском саду. Что же касается богословского смысла, то он может быть извлечён из этого рассказа только у Луки, где Иисус касается головы раба и исцеляет его. Это последнее чудо, которое совершает Иисус, идя на вольную страсть.

Его берут под стражу, ведут к первосвященнику. Ученики разбегаются. Собираются свидетели, начинается изучение их показаний: ищут свидетеля, который скажет что-то такое, от чего можно оттолкнуться, чтобы Его осудить; сначала никого найти не могут, потом находят... Иисус предстаёт перед Пилатом. Тот с самого начала хочет отпустить Его. Евангелие от Иоанна сохранило удивительный диалог между Пилатом и Иисусом: «...Твой народ и первосвященники предали Тебя мне; что Ты сделал? Иисус отвечал: Царство Моё не от мира сего; если бы от мира сего было Царство

Моё, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Моё не отсюда. Пилат сказал Ему: итак, Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь; Я на то родился и на то пришёл в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Пилат сказал Ему: *что есть истина?* (выделено мной. — Г.Ч.). И, сказав это, опять вышел к Иудеям и сказал им: я никакой вины не вижу в Нём...» (Ин 18:35-38).

Пилат если не говорит, то во всяком случае думает по-латыни, именно поэтому слова его вошли в историю в латинском варианте: «*Quid est veritas?*» Пилат — образованный, культурный, начитанный человек, без сомнения, читавший Лукреция и Вергилия, Горация и Овидия. Он, как и его современники, хорошо знает, что у каждого своя истина, у каждого свой бог, у каждого свои идеи — и общей истины быть не может. Он слегка циничен, любит хорошо одеваться, принимать горячие ванны, любит духи и прочие благовония. При этом он добрый и, в общем, безвредный человек, во многом похожий на людей XX века. Пилату очень хочется отпустить с миром этого несчастного идеалиста, толкующего ему что-то о какой-то истине, которой на самом деле нет, как ему кажется, наивного и поэтому жалкого.

Но Пилат хочет отпустить Иисуса ещё и по другой причине: как всякий неверующий человек, он суеверен, и особенно суеверна его жена, как вообще все римлянки того времени. Матфей рассказывает: «Между тем, как сидел он на судейском месте, жена его послала ему сказать: не делай ничего Праведнику Тому, потому что я нынче во сне много пострадала за Него» (Мф 27:19). Она чего-то боится, и сам Пилат, при всём своём цинизме, тоже чего-то боится. Он слышит от иудеев, что этот Человек называет Себя Сыном Божиим, а поэтому пугается ещё больше и понимает, что Его надо отпустить. «...И опять вошёл в преторию, и сказал Иисусу: откуда Ты? Но Иисус не дал ему ответа. Пилат говорит Ему: мне ли не отвечаешь? Не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя? Иисус отвечал: ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; посему более греха на том, кто предал Меня тебе. С этого времени Пилат искал отпустить Его» (Ин 19:9-12).

Пилат, конечно, знает из мифологии, хотя, разумеется, в это не верит, что боги иногда спускаются с Олимпа и появляются среди людей, как Зевс и Гермес во времена Филемона и Бавкиды. В Деяниях апостолов описывается случай, когда Варнаву и Павла, исцеливших несчастного хромого, приняли за языческих богов — Зевса и Гермеса и даже хотели принести им жертву. Тогда апостолы «разодрали свои одежды и, бросившись в народ», закричали: «...мы — подобные вам человеки и благовествуем вам, чтобы вы обратились от сих ложных к Богу живому...» (Деян 14:15). Пилат — человек не злой, он не хочет пролития крови невинного, и в то же время суеверный, как все римляне, он чего-то побаивается. Но иудеи кричат: «Распни, распни Его!» Евангелия от Матфея, от Марка и от Луки сообщают, что этот крик побеждает: «и превозмог крик их и первосвященников» (Лк 23:23).

Но в это не очень верится. Пилат — чиновник, он настоящий профессионал и крику толпы просто так не уступит. Вероятно, Марк и Матфей чего-то не видят. Кое-что из того, чего не видят они, видит евангелист Лука. И кое-что в состоянии увидеть мы, читая Евангелия от Матфея и от Марка. Когда иудеи обсуждают в сангедрине (в русском переводе — в синедрионе) вопрос об Иисусе, Он обвиняется ими в том, что называет Себя Мессией или Христом, в том, что Он богохульствует и кощунствует, объявляя Себя Сыном Божиим, и т. д. Но, говоря об Иисусе Пилату, они обвиняют Его в совершенно другом преступлении: Он называет Себя Царём.

Пилата, разумеется, не волнуют религиозные разногласия на той территории, которая вверена ему сенатом и принцепсом (императором). Его задача — сохранить на ней общественный порядок, и больше ничего. Он должен наказывать уголовных преступников и, главное, не допускать появления на этой территории новоявленных царьков и правителей. С этим ему положено бороться, и именно поэтому обвинители Иисуса говорят Пилату: «Он называет Себя Царём». Это видно уже из Евангелия от Матфея и Евангелия от Марка. Подробнее об этом говорится в Евангелии от Луки: «И начали

обвинять Его, говоря: мы нашли, что Он развращает народ наш и запрещает давать по'дать кесарю, называя Себя Христом *Царём* (выделено мной. — Г. Ч.)» (Лк 23:2).

Это уже *corpus delicti*, или состав преступления, поэтому теперь Пилат просто не может не наказать Иисуса. В Евангелии от Иоанна эта тема становится главной. Говоря с Пилатом, первосвященники и старцы всё время подчёркивают одно и то же: «Он называет Себя *Царём*» — и таким образом переводят дело Иисуса из религиозной плоскости в чисто политическую.

Пилат, однако, не так прост, чтобы поверить им на слово. Он расследует дело, устанавливает невиновность Иисуса и говорит первосвященникам и начальникам: «Вот, я вывожу Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нём никакой вины» (Ин 19:4). В Евангелии от Луки Пилат трижды говорит об этом, подчёркивая, что «ничего достойного смерти не нашёл в Нём» (Лк 2 3:22).

И тем не менее в какой-то момент он вынужден полностью отступить от своей позиции и приговорить Его к смерти. Очень важно понять, когда же наступает этот момент. Синоптики об этом почти ничего не знают, зато достаточно полная информация об этом находится в Евангелии от Иоанна.

«...Пилат искал отпустить Его, иудеи же кричали: если отпустишь Его, ты не друг кесарю: всякий, делающий себя царём, противник кесарю» (Ин 19:12).

И дальше на вопрос Пилата, обращённый к ним: «Царя ли вашего распну?» — они кричат: «...нет у нас царя кроме кесаря» (Ин 19:15).

Этим и только этим они ставят точку в процессе над Иисусом. Известно, что римские чиновники, в общем-то, ничего не боялись: ни того, что их уличат во взяточбрательстве, ни того, что их обвинят в нарушении закона. Они были достаточно хорошо профессионально подготовлены и поэтому, чиня беззакония, обычно не допускали промахов, на которых можно было попасться. Римский чиновник безумно боялся только одного: что его обвинят в каких-то личных претензиях к принцепсу, то есть к Цезарю. Все тоталитарные государства в этом очень похожи. Самое страшное здесь — задеть персону императора, персону «главного»; всё остальное сходит с рук. И именно в эту плоскость переводят дело Иисуса первосвященники.

У Августа был друг Корнелий Галл, с которым они вместе учились в школе. Август стал императором, а Корнелий Галл — блестящим поэтом. Овидий считал его своим главным учителем и предшественником, ему подражал Проперций, знаменитый поэт, которым восхищался Гёте. Все необычайно ценили стихи Корнелия Галла — римские писатели, теоретики красноречия, например, Квинтилиан. При этом до нас его произведения не дошли. Чем это объяснить?

Корнелий Галл, приближённый к Августу как его старый друг, во время войны с Марком Антонием выполнял очень ответственные задания: в частности, когда Клеопатра заперлась в мавзолее, он по лестнице поднялся к окошку и через это окошко вёл с ней переговоры. Для Августа очень важно было взять Клеопатру в плен живой, чтобы провезти её в золотых цепях по Риму. Это был бы подлинный триумф... Когда же военные действия закончились и Египет был завоёван, Галл остался там высшим представителем римских оккупационных властей и, казалось, уже сделал блестящую карьеру, но тут его погубил донос. Как только этот донос достиг Рима, Галлу пришлось покончить с собой, и тут уже никакая старая дружба не могла выручить его из беды. В доносе, рассказывает историк Дион Кассий, сообщалось, что Корнелий Галл занят возвеличиванием собственной персоны: он устанавливает свои статуи в разных городах Египта и высекает на пирамидах надписи о своих подвигах. Факты здесь изложены в преувеличенном виде, но вполне реальные. В Риме действительно сохранился обелиск в честь Корнелия Галла (привезённый сюда из Египта много позднее) с надписями, в которых прославляется Галл, оказавшийся, по мнению их составителей, не только замечательным поэтом, но и великим полководцем. В конце прошлого века была обнаружена каменная стела с надписью на трёх языках — египетскими иероглифами, по-гречески и по-латыни, где тоже говорится о великих подвигах Корнелия Галла: усмиряя непокорных царьков, он прошёл через пороги

до верховьев Нила и сделал то, чего не мог сделать ни один из египетских царей или греческих и римских полководцев.

В политике Галл остался поэтом, но именно это его погубило. Он оказался виновным в том единственном преступлении, которое Август не прощал никому, — в империи может быть культ только одной личности, самого императора.

Освободив из-под стражи Человека, Который называл Себя Царём Иудейским, Пилат бросил бы прямой вызов Тиберию, пасынку умершего к тому времени Августа. Здесь Пилат почувствовал, что дело касается его собственной жизни. Если Он отпустит Иисуса, ему придётся или ехать в Рим, где с ним расправятся, или, приняв яд, самому покончить с собой (в Риме предпочитали последний вариант). Пилат понял, что обвинение сформулировано таким образом, что он «не друг Цезарю», а поддерживает какого-то Иисуса, называющего Себя Цезарем. Именно тогда он испугался — и приговорил Иисуса к смерти.

В деле Иисуса действует несколько сил Во-первых, архиереи и старцы — элита Иерусалимского храма, люди, без сомнения, честные, верующие, но не способные довериться чувствам и убеждённые в том, что суть религии заключается только в верности традиции. Понятая так религиозность заставляет их видеть в Иисусе богохульника, достойного смерти.

Во-вторых, ученики с их неверностью: смутились, испугались и разбежались.

В-третьих, Пилат — человек почти честный и пытавшийся что-то сделать для Иисуса, но лично трусливый, — и поэтому отступивший перед угрозой собственной жизненной катастрофы.

Четвертая сила — римские воины, которые об Иисусе слышали в то утро впервые. Они не имеют к Нему никакого отношения и вообще не знают, Кто это такой. Малообразованные люди, они жаждут грубых развлечений, которых здесь, в Палестине, им явно не хватает. И вот Он в их власти. Его одевают в царскую одежду, надевают на Него терновый венец, дают Ему в руки трость, смеются, кланяются и восклицают: «Радуйся, Царь Иудейский» (Мк 15:18). Его бьют и плюют в Него только для того, чтобы повеселиться, и ни для чего другого. В сущности, все они — неплохие ребята, только очень грубые, необразованные и привыкшие к дурацким шуткам, как все солдаты, — вот и всё. Они не догадываются даже, что принимают участие в чём-то страшном.

Есть ещё одна, пятая сила. Человек, который не присутствует на страницах Евангелия, но в конце концов становится чуть ли не ключевой фигурой. Он боится всех — и богов и людей. Он сбежал из Рима и поселился на острове Капри, окружённый верными ему воинами. Здесь он читает учёные книги, управляет империей на расстоянии, приходит в ужас, когда получает мрачные сведения из разных религиозных центров. Это Тиберий. Вероятно, когда до Тиберия дошла весть о том, что Пилат распял Иисуса, именно он испугался этого больше всех. Но ведь только из-за Тиберия Пилат распял Иисуса.

В результате получается, будто в смерти Иисуса не виноват никто. Первосвященники и старцы — просто фундаменталисты. Пилат — просто трусливый человек, испугавшийся личной катастрофы. Ученики просто разбежались. Римские воины — просто грубые солдаты со своими казарменными шутками. Тиберий вообще не имеет к этому никакого отношения. Он, наверное, был бы готов первый сделать что-то для Иисуса, потому что он боится богов и их гнева; он, вероятно, как и многие люди его времени, видел в Иисусе одного из языческих богов, сошедшего зачем-то на землю. Иуда, и это надо ясно понимать, тоже не главный виновник того, что случилось. Это просто маленький человек, решивший воспользоваться ситуацией и заработать на ней денег, пусть и небольшую сумму, — если бы его не было, Иисуса всё равно схватили бы, только на два часа раньше или, наоборот, позже. Иуда получил своё, но не выдержал и покончил с собой.

Таким образом, оказывается, что каждый по отдельности здесь слаб, конечно, может быть, и глуп, но не совсем плох и не преступен. А все вместе делают нечто чудовищное! Страшно, когда

людей, поодиночке неплохих, объединяет не Бог, а зло, — тогда в них начинает действовать чёрная сила, которая способна на всё. Вот, наверное, самый страшный урок Страстной недели.

Но Иисус идёт вперёд. И только тем, что Он неуклонно идёт вперёд, Он побеждает зло, с которым, как и Он, сталкиваемся и мы в нашей жизни.

В тексте у каждого евангелиста есть какие-то особенности в рассказе о Страстной пятнице и о Кресте. Так, Матфей говорит о землетрясении в момент смерти Иисуса. Марк и Лука упоминают о тьме, которая настала по всей земле с часа шестого до часа девятого, и о разодравшейся завесе храма. Но только Матфей говорит о землетрясении и о том, что мёртвые воскресли, вышли из гробов своих и стали благовествовать. Образ такого рода космической катастрофы есть уже у пророков Амоса, Иезекииля, Исаяи, Даниила, Иеремии. Эта сцена у Матфея написана чисто библейским языком. Так представляли День Господень пророки: землетрясение, померкшее солнце, мёртвые, которые выходят из гробов... Настал День Господень. Настал День Суда.

Ничего подобного нет в Евангелии от Иоанна. В нём Спаситель, стоя перед нами в Своём застиранном хитоне, просто говорит: «Ныне суд миру сему» (Ин 12:31). На самом деле и здесь и там говорится об одном — только по-разному.

В Евангелии от Марка подчёркивается, что Крест связан с тремя определёнными моментами дня: «Был час третий и распяли Его... В шестом же часу настала тьма по всей земле, и продолжалась до часа девятого. В девятом часу возопил Иисус громким голосом: "Элои! Элои! ламма савахфани?" что значит: "Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?"... Иисус же, возгласив громко, испустил дух» (выделено мной. — Г.Ч.) (Мк 15:25, 33-34, 37).

До сих пор утреннее богослужение включает в себя *третий и шестой часы*, а перед наступлением вечера совершается *девятый час*. Евангелие от Марка навсегда связало Крест и смерть Иисуса с молитвенным распорядком дня.

В Евангелии от Марка есть ещё одна деталь, на которой не останавливаются другие евангелисты. После смерти Иисуса к Пилату приходит Иосиф из Аримафеи с просьбой отдать ему Тело Иисусово. Пилат удивился, что Он уже умер, и спросил, давно ли (Мк 15:44). «Удивился, что Он уже умер» — это важное сообщение для нас сохранил только Марк.

Очень богато деталями, каких нет в других Евангелиях, и Евангелие от Луки. Пётр отрёкся от Иисуса уже в третий раз, «и тотчас, когда ещё говорил он, запел петух» (Лк 22:60). «Тогда Господь, обратившись, взглянул на Петра; и Пётр вспомнил слово Господа, как Он сказал ему: прежде, нежели пропоёт петух, отречёшься от Меня трижды. И, вышед вон, горько заплакал» (Лк 22: б 1-62).

Момент, когда Иисус смотрит на Петра, зафиксировал только евангелист Лука. Нигде больше об этом взгляде, брошенном Учителем на ученика в тот страшный момент, не рассказывается.

Вторая деталь, которая есть только в Евангелии от Луки, — это встреча с женщинами на дороге ко кресту. Иисус, обращаясь к рыдающим женщинам, говорит: «...дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и детях ваших» (Лк 23:28).

В Иерусалиме богатые женщины готовили одурманивающий напиток, который помогал обречённым на смерть легче умереть. Вероятно, они несли сосуды с этим питьём к месту казни. И на дороге ко кресту встретили Иисуса. Как пишет Патриарх Варфоломей: «Мужчины Его осуждают на смерть, а женщины в это время о Нём плачут».

Третий момент: разбойник благоразумный, которого «во едином часе раеви сподобил еси Господи», разбойник, уверовавший в Иисуса... «Один из повешенных злодеев злословил его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же, напротив, унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осуждён на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по

делам нашим приняли; а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твоё!» (Лк 23:39-42).

Этот разбойник упомянут только в Евангелии от Луки. И наконец, только у Луки сохранена молитва Иисуса на кресте: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают» (Лк 23:34).

И взгляд Иисуса, брошенный на Петра, и встреча с женщинами на дороге к Голгофе, и раскаяние благоразумного разбойника, и его молитва «Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твоё», и молитва Христа за врагов говорят об одном: *христианство есть религия отношений между людьми*. Все эти детали связаны с какими-то человеческими отношениями — вне их нет веры в Бога. Это подчёркивается в Евангелии от Луки.

Наконец, есть четыре важные детали в Евангелии от Иоанна. Во-первых, надпись на кресте. О ней говорят все четыре евангелиста, но только Иоанн указывает, что надпись эта была сделана на трёх языках: на иврите, на греческом и на латыни. «Пилат же написал и надпись и поставил на кресте. Написано было: "Иисус Назорей, Царь Иудейский". Эту надпись читали многие из Иудеев, потому что место, где был распят Иисус, было недалеко от города, и написано было по-еврейски, по-гречески, по-римски» (Ин 19:19-20).

В современных переводах Евангелия от Луки тоже есть указание на то, что надпись была сделана на трёх языках. Но это поздняя вставка, которая попала лишь в византийские рукописи, — в древнейших копиях Евангелия от Луки её нет. Значит, трёхязычность надписи известна только по свидетельству Евангелия от Иоанна. О чём она говорит? Конечно, о том, что уже в Страстную пятницу Иисус со Своей проповедью вышел за рамки Иудеи, ибо Его судьба была уже тогда интересна не только иудеям, но и грекам, и римлянам. Можно, однако, в этой надписи увидеть и нечто другое. Здесь и на языке религии — иврите — написано, что Иисус — Царь Иудейский; и на языке философии и культуры — на греческом; и на языке государства и права — на латыни. Это значит, что все аспекты человеческой жизни затронуты здесь, на Голгофе, — в нашей жизни всё связано с Голгофой, в нашей жизни всё связано с Крестом.

Это первая особенность. Кроме того, только у Иоанна говорится о том, как у Креста стоит Мария и рядом с Ней — ученик, «которого любил» Иисус. Только здесь Иисус обращается к ученику со словами: «Се, Матерь твоя», — и к Матери Своей: «Се, сын Твой» (Ин 19:26-27). Момент усыновления человечества Марией при Кресте описан только в Евангелии от Иоанна.

«Разделили ризы Мои между собою и об одежде Моей бросали жребий» (Ин 19:24). Хитон этот был не сшитый, а тканый. Такие хитоны носили первосвященники в храме. Именно такой хитон носил Иисус как подлинный Первосвященник, как истинный Архиерей, как называется Он в литургической молитве, читающейся во время Херувимской песни. Хитон этот нельзя разделить, его можно только разодрать на части, потому что Он — един, как Церковь. В будущем с хитоном Иисуса станут сравнивать Его Церковь.

«Но один из воинов копьем пронзил Ему рёбра, и тотчас истекла кровь и вода. И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его: он знает, что говорит истину, дабы вы поверили» (Ин 19:34-35).

«И видевший засвидетельствовал, — подчёркивает евангелист Иоанн, — и истинно свидетельство его». Это свидетельство действительно очевидца, хотя известно, что трупы не кровоточат... Произошло что-то странное, что-то непонятное. Евангелист об этом написал как свидетель: не понимая, зачем он сообщает об этом факте, только чтобы сохранить его в памяти.

Очень важно сопоставить это сообщение Евангелия от Иоанна со свидетельством Евангелия от Марка. Пилат удивился, узнав, что Он уже умер. Значит, Иисус на Кресте умер быстро, много быстрее, чем обычно умирает осуждённый на такую смерть. Почему? Отказало сердце... Современная патологоанатомия говорит, что когда человек умирает от обширного инфаркта, то кровь лопнувших

кровеносных сосудов, смешиваясь с жидкостью, которой наполнена окологердечная сумка, не сворачивается. И тогда, действительно, если резким движением пронзить бок в области сердца, эта смешавшаяся с лимфой и потому не свернувшаяся кровь вытечет из мёртвого тела. Это значит, свидетельства Евангелия современному читателю достаточно не только для того, чтобы понять, что евангелист Иоанн действительно сообщил об увиденном им самим, но и для того, чтобы поставить диагноз: Иисус на Кресте умер оттого, что не выдержало Его сердце. Страшно... Это абсолютно человеческая смерть Иисус умер, как умирает каждый из нас.

Иисус умер, как и должен умереть Тот, Кто есть, по определению Халкидонского Собора 451 года, *полностью Человек*, но умер, чтобы воскреснуть, ибо в Нём вся полнота Божества пребывает телесно (см. Кол 2:9).

Богоматерь

Какое место занимает в Новом Завете Мария, Матерь Божия, Пресвятая Богородица? В Послании апостола Павла к Галатам, в 4-й главе, есть такие слова: «Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление. А как вы — сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: "Авва, Отче!"» (Гал 4:4-6).

Место Матери Божией, Марии, здесь определено уже достаточно ясно. Этим фрагментом Послания к Галатам навеяны и слова в анафоре Литургии Василия Великого, в том чине, который совершается воскресными днями Великого поста: «Благоволи Единородный Твой Сын, сущий в недрах Тебе, Бога и Отца, быв от жены, Святыя Богородицы и Приснодевы Марии, быв под Законом, осудити грех во плоти своей. Да во Адаме умирающе оживотворятся в Самем Христе Твоем».

О том же самом говорится в Символе веры, где мы провозглашаем нашу веру в то, что Спаситель воплотился «от Духа Святого и Марии Девы». Иными словами, эти три текста говорят об одном — Матерь Божия занимает исключительное место в деле нашего спасения: если бы не Мария, Христос не пришёл бы в этот мир так, как Он пришёл.

Можно согласиться, наверное, с теми протестантскими мыслителями, которые утверждают, что и в католическом, и в православном миросозерцании средневековья почитание Матери Божией иногда вытесняло всё остальное. Да, действительно, такой момент в средневековом христианстве был. Но вместе с тем, когда протестантские вероучения отказались от почитания Матери Божией, они тем самым утратили чувство реального присутствия Христа в этом мире. Недаром строители собора Парижской Богоматери (*Notre-Dame de Paris*) подчёркивали, что возводят этот храм не в честь Марии, а в честь воплощения Христова, в честь прихода Христа в этот мир.

В языческих мифологиях боги иногда спускались с Олимпа или с каких-то иных высот, где они пребывали, в дольний мир, для того чтобы побыть среди людей. Но языческие боги спускались в мир каким-то своим, особым образом, как бы присутствуя и одновременно не присутствуя в нём. А через Марию Христос *родился*, как рождается всякий человек. Благодаря Марии Христос стал таким, как мы все. От Марии Господь получил Свою плоть, от Марии Господь получил Свою кровь, то тело и ту кровь, которые Он потом нам отдал на Тайной Вечере. Поэтому, когда протестанты отказываются от почитания Матери Божией, Спаситель в их миросозерцании теряет Свою плоть и Свою кровь, становится какой-то схемой, становится скорее образом, чем живым человеком среди людей. Именно с этим связана известная вероучительная холодность протестантизма.

Открыв 2-ю главу Евангелия от Матфея, мы увидим, что там пять раз на небольшой страничке повторено выражение: «Младенец и Матерь Его». Это очень много. Это очень высокая частотность повторения, как сказали бы лингвисты. Зачем Слово Божие повторяет нам это выражение пять раз?

Чтобы сконцентрировать на нём наше внимание, чтобы дать нам возможность созерцать Младенца на руках Его Матери, как на иконе. Не случайно почти нет икон, на которых бы Матерь Божия была изображена одна, без Младенца Христа на руках, — иконы словно воплощают в красках пятикратно повторённое выражение «Младенец и Матерь Его».

Здесь опять-таки важно не то, что мы почитаем и Марию, и Христа, — важно, что одно не отрывается от другого. Понятно, что почитание святых связано с почитанием Спасителя, с нашей верой в Бога и во Христа; и почитание Матери Божией тоже связано с нашей верой в Бога и верой во Христа, пришедшего в этот мир. Но не просто связано — оно не может быть никаким образом оторвано от нашей веры во Христа, оно *неотделимо* от этой веры. И когда мы, обращаясь к Матери Божией в молитве «Богородице Дево, радуйся», вслед за святой Елисаветой повторяем слова Евангелия и восклицаем: «Благословенна Ты в женах, и благословен плод чрева Твоего» (Лк 1:42) — то, прославляя Её, мы прославляем Его.

Ни в коем случае нельзя противопоставлять наше поклонение Христу и почитание Матери Божией. И здесь мы должны сказать честно: средневековое христианство, почитая Матерь Божию, нередко действительно забывало о Самом Христе, вырывало почитание Матери Божией из нашей евангельской веры. Это привело к тому, что маятник качнулся в другую сторону и в протестантском вероисповедании вообще отказались от почитания Марии. В том, что протестанты пошли по этому пути, виноваты не они, а мы, православные и католики, в те времена ещё не доросшие до того, чтобы объяснить, почему Церковь почитает Марию Деву, называя Её Богородицей. Прошло время, и Церковь сумела это объяснить устами своих богословов. Сегодня очень часто от образованных протестантов можно слышать: «Теперь протестантизм, Лютер и его миссия были бы не нужны». Значит, за эти века в христианстве произошло что-то очень важное, и сегодня мы, такие разные, идём все вместе по пути осознания того поистине исключительного места, которое Матерь Божия занимает в истории человечества, в личной истории каждого человека.

Какие же тексты в Новом Завете посвящены Богородице? Некоторых смущает, что практически во все дни Богородичных праздников читается Евангелие, в котором рассказывается не о Матери Божией, а о двух женщинах, Марфе и Марии, к которым пришёл Господь. Хлопочет по хозяйству Марфа, и сидит у Его ног и слушает Его слово Мария. Марфа просит Спасителя призвать сестру, чтобы она разделила её заботы. А Спаситель укоряет её за это, говоря, что сестра её «избрала благу часть, которая не отнимется у неё» (Лк 10:42).

В сущности, здесь и кончается этот евангельский отрывок, но Церковь прибавляет к нему ещё два стиха из следующей главы: «Одна женщина, возвысивши голос из народа, сказала Ему: блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие! А он сказал: блаженны слышавшие слово Божие и соблюдающие его» (Лк 11:27-28).

Эта мысль о блаженстве тех, кто слушает и выполняет, оказывается главной в рассказе о Марфе и Марии. Мария слушает, а Марфа выполняет. И вся беда этой замечательной и хлопотливой Марфы заключается в том, что она требует, чтобы и Мария делала то же самое. Марфа, идя своим путём, отрицает путь сестры. А у каждого и каждой из нас какой-то свой путь, и идти путём отрицания пути другого совершенно невозможно. Матерь Божия объединяет с самого начала оба пути — Марфы и Марии и зовёт нас не выбирать что-то одно: либо слушать, либо делать, — а соединить оба пути.

Таким образом, оказывается, что весь этот текст посвящён служению Матери Божией, только видно это не сразу. Блаженство Её заключается не только в том, что Она дала Спасителю Свою плоть и Свою кровь, но и в том, что Она становится образцом нашего христианского служения: слушания и делания.

Следующий раз мы встречаемся с Матерью Божией в начале Евангелия от Иоанна, где рассказывается о браке в Кане Галилейской, на который были званы и Мать Иисусова и Сам Он со

Своими учениками. Во время брачного пира Иисус претворяет воду в вино — совершает чудо, которое, наверное, иногда нас смущает, но которое почему-то очень важно для автора этого Евангелия. Почему? Об этом прямо сказано в последнем стихе этого текста: «Так положил Иисус начало знамениям в Кане Галилейской и явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его» (Ин 2:11).

В этом стихе все слова — *ключевые*.

«Так положил Иисус начало...» «Начало» — очень важное слово в библейском словаре. «В начале сотворил Бог небо и землю»; «В начале было Слово»; «Начало Евангелия Иисуса Христа» (так говорит Марк, начиная своё повествование) и т. д. Начало — это точка отсчёта, с которой начинается всё.

«Начало знамениям» — именно знамениям, а не чудесам. Здесь придётся повторить то, о чём уже упоминалось в предыдущих главах. Мы привыкли, что Спаситель совершает «чудеса», потому что читаем Священное Писание в Синодальном переводе. Но, читая Евангелие даже не по-гречески, а хотя бы по-славянски или в русском переводе под редакцией епископа Кассиана (Безобразова), мы обнаружим, что слова «чудо» в тексте нет. Там есть другое слово — «знамение»: знак присутствия Божиего среди нас. Таким образом, претворение воды в вино — это первый из знаков присутствия Бога среди людей. «И явил славу Свою»... «Явлением Христа народу» назвал свою картину А. Иванов. Богоявлением называем мы праздник Крещения Господня. Христос не просто рождается, Он открывает Себя, являет Себя этому миру — *manifestat*, как сказано в латинском переводе. Глагол *manifestare* как раз и означает «явить себя открыто», «явить себя публично».

«И явил славу Свою»... «Слава» — синоним слова «Бог» в Ветхом Завете. Бог являет Себя людям. Бог являет Себя миру через сияние Своей славы. И с этим сиянием мы сталкиваемся в маленьком рассказе о претворении воды в вино в Кане Галилейской.

«И уверовали»... «Уверовать» — в Евангелии от Иоанна этот глагол употреблён более семидесяти раз! Кажется, чаще ни одно слово там не употребляется. Вера — какое-то странное, особенное, абсурдное явление в истории человечества, но без этого явления, без этого феномена в нашей жизни нет христианства.

«И уверовали в Него»... Не просто уверовали, но «уверовали в Него». Вера не во что-то хорошее, доброе, прекрасное, разумное, а вера в конкретного Человека по имени Иисус из Назарета — вот чем отличается христианство от всего остального мира.

«И уверовали в Него ученики Его»... «Ученики» — первое самоназвание христиан. Христианство — это всегда школа, всегда ученичество. Мы все ученики Спасителя.

Итак, этот стих, состоящий из принципиально важных, ключевых слов, венчает рассказ о начале знамений в Кане Галилейской. Вглядимся в этот рассказ повнимательнее.

На свадьбе не хватило вина, и Мария, Мать Иисуса (здесь и дальше Она называется именно этим словом — Мать), говорит Ему об этом. А Иисус отвечает фразой, которая в Синодальном переводе звучит так: «Что Мне и Тебе, Жено? ещё не пришёл час Мой» (Ин 2:4). «Ещё не пришёл», или «разве не пришёл час Мой?» — как это звучит в греческом оригинале. Иными словами, Он Ей говорит: мы-то с Тобой знаем, что час Мой пришёл, что в истории настал Мой час. И тогда Мария произносит последние Свои слова в Новом Завете, больше Она уже ничего не произнесёт ни в Евангелии от Иоанна, ни в Деяниях святых апостолов, хотя мы видим Её среди апостолов: «Что скажет Он вам, то сделайте» (Ин 2:5).

В этом и заключается учение Марии, которое Она нам, христианам, предлагает. Больше никакого особого богословия Матери Божией не существует.

И дальше следуют совершенно замечательные стихи: «Иисус говорит им: наполните сосуды водою. И наполнили их до верха. И говорит им: теперь почерпните и несите к распорядителю пира. И понесли» (Ин 2:7-8).

Именно к этому «сказано — сделано» призывает нас Матерь Божия: делать всё, что Он, Христос, говорит нам.

«Было же тут шесть каменных водоносов, стоявших по обычаю очищения Иудейского» (Ин 2:6). Через что очищает Бог иудеев? Через Закон, изложенный в шести книгах: в первых пяти книгах Писания, Пятикнижии, и в так называемой Шестой Книге Иисуса Навина. Эти шесть книг Писания и составляют Закон, или Шестикнижие, как иногда их называли в средневековых комментариях.

Читая Евангелие, мы видим, что практически каждый его стих связан с Ветхим Заветом десятками, если не сотнями нитей. Но в Ветхом Завете всё то, что говорит Бог, содержится действительно в виде «воды», и извлечь оттуда самое главное, без чего нам не обойтись, очень трудно. А Спаситель в мгновение ока превращает «воду» в «вино» Благой Вести, чтобы и мы, люди нового времени, могли испить этого драгоценного вина.

Значит, знамение Иисуса, когда во время свадьбы Он претворяет конкретную воду в конкретное вино, кроме реального, зримого плана, который мы видим, как на картинке, имеет ещё и мистический план: берётся «вода» из шести книг Закона и претворяется в «вино» Евангелия. Как сказал Ефрем Сирий в одной своей проповеди, «Жених небесный пришёл на свадьбу к жениху земному». И главное: это чудо Спаситель совершает по просьбе Своей Матери, то есть Его земное служение начинается с того, что Она призывает Его к этому.

В 19-й главе Евангелия от Иоанна мы видим Её стоящей у Креста Иисусова вместе с Марией Клеоповой и Марией Магдалиной. Тут же стоит ученик, которого любил Иисус.

«При кресте Иисуса стояли Матерь Его...» — начинается этот рассказ (Ин 19:25). В латинском переводе Евангелия это звучит так: *Stabat juxta crucem Mater Eijus ...* И с этих слов Якопоне да Тоди начинается свой гимн «*Stabat Mater dolorosa*», добавляя к Евангелию только одно слово, а дальше продолжается цитата: «*juxta crucem*». «Мать скорбящая стояла вся в слезах при Кресте, на котором висел Её Сын». Благодаря музыкантам средневековья и Нового времени многие знают этот удивительный текст, наполненный огромной любовью к Марии, текст, в котором подчёркивается именно неотрывность Её почитания от почитания Господа — одно заключено в другом, одно бессмысленно без другого. Об этом очень хорошо говорится в гимне «*Stabat Mater*».

В начале XIX в. В.А. Жуковский сделал замечательный его перевод, правда, нерифмованный. Он снял сложные для перевода, многократно повторяющиеся латинские рифмы, столь характерные для францисканской поэзии. И уже в XX в., через сто лет после Жуковского, этот латинский гимн перевёл с рифмами поэт-символист С.М. Эллис, который потом стал священником и умер в начале 50-х годов где-то в Европе.

Стоит Мария у Креста. И стоит у Креста Его ученик, которого Он любил. Иисус видит их и, обращаясь к Матери Своей, говорит: «Жено! се, сын Твой» (Ин 19:26). А потом, обращаясь к Своему ученику, говорит: «Се, Матерь твоя!» (Ин 19:27).

Нетрудно догадаться, что ученик, которого любил Иисус, — это не только Иоанн Богослов, но каждый из нас. Каждый со своими грехами, бедами, проблемами, со своим несовершенством — это тот ученик, которого любит Иисус. В лице Иоанна Богослова, стоящего у Креста, Иисус усыновляет Своей Матери каждого христианина и каждую христианку. И отдаёт Её, Марию, в Матери каждому и каждой из нас. Это удивительное усыновление — тоже совершенно особый момент Евангелия. Меня поразило в Грузии, как много сохранилось там средневековых икон с изображением Креста, у которого стоят Мария и Иоанн Богослов. «Се, Матерь твоя», — написано над головой Марии, «Се, сын Твой», — над головой Иоанна Богослова. Средневековые грузинские иконописцы очень

глубоко почувствовали огромный мистический смысл этой сцены. Иоанн Богослов не просто приютил у себя «старушку Марию» после смерти Её Сына, как трактовали эту сцену авторы византийского жизнеописания евангелиста Иоанна, — главное, что в лице Иоанна Иисус *усыновил* Матери Божией всех христиан.

Обращаясь к Марии в молитвах, мы восклицаем: «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою!»; «Радуйся, Невесто Неневестная» — как в акафисте. Или: «Радуйся, радость наша, покой нас от всякого зла честным Твоим омофором», как в акафисте Покрову Пресвятой Богородицы. Или: «Радуйся, Благая Вратарница, двери райские верным отверзающая» — как в акафисте Иверской иконе Богоматери.

Всегда в нашей молитве, обращённой к Матери Божией, есть слово «радуйся», которое по-гречески звучит *хайрэ*. *Хайрэ* — это просто «здравствуй». И сегодня один грек, встречая другого, обращается к нему с тем же приветствием. Только вместо дифтонга *ай* в современном греческом употребляется «э»: *хэро*, *хэрэто* («здравствуй», «здравствуйте»), В научных книгах, посвящённых анализу всех этих текстов, часто приходится встречать рассуждения о том, что Церковь использовала глагол «радуйся», совершенно не поняв, что он обозначает простое приветствие. Как всё, что написано в учёных книгах, на первый взгляд это звучит убедительно. Но только на первый взгляд, потому что Библия переводилась с иврита на греческий язык не по принципу аналогичных значений, а по принципу дословности. Когда евреи встречаются друг с другом, они не говорят ничего похожего на греческое *хайрэ* или на наше «здравствуй». Этикетное приветствие у евреев — *шалом*, «мир». Но не этим словом переведено обращение ангела к Марии. Ангел не говорит Ей: «*Шалом*», он говорит: «Радуйся, Благодатная!» (Лк 1:28). И за этим «радуйся» всякий, кто сколько-нибудь знает Ветхий Завет, узнаёт не слово *шалом* на иврите, а слово *ранни*. А *ранни* — это именно «ликуй», «веселись».

Значит, в библейском греческом языке за словом *хайрэ* стоит не этикетное приветствие, как в разговорном греческом, а именно призыв к радости, как в Нагорной проповеди: «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» (Мф 5:12), или как в 3-й главе книги пророка Софонии: «Ликуй, дочь Сиона! торжествуй, Израиль! веселись и радуйся от всего сердца, дочь Иерусалима! Отменил Господь приговор над тобою, прогнал врага твоего! Господь, царь Израилев, посреди тебя: уже более не увидишь зла. В тот день скажут Иерусалиму: "не бойся!" и Сиону: "да не ослабевают руки твои!"» (Соф 3:14-16).

Это очень напоминает приветствие архангела Гавриила. «Ликуй, дочь Сиона!» — восклицает пророк Софония. «Радуйся, Благодатная!» — обращается к Марии ангел в Евангелии от Луки. «Господь, царь Израилев, посреди тебя», — говорит, обращаясь к дочери Сиона (т. е. к Иерусалиму, столице Израиля, а тем самым ко всему народу Божию), пророк. «Господь с Тобою!» — говорит архангел. «Не бойся!» — восклицает пророк. «Не бойся, Мария», — говорит ангел Марии (Лк 1:30).

Здесь, в Евангелии от Луки, архангел обращается к Марии как к дочери Сиона, как к олицетворённому народу Божию. И очень часто богословы говорят о том, что Мария есть олицетворение Церкви, икона всей Церкви. Это звучит не так плохо, только надо понять, что, становясь олицетворением всей Церкви, Она остаётся конкретной Марией, простой девушкой, которая живёт в неизвестности в своём Назарете, учится ремёслам, как и все девушки в Иудее того времени: прядёт нитки, шьёт, мастерит. Точно так же и Иисус, становясь тотальным Христом, как говорят богословы XX века, Который обнимает Своими руками всё человечество и наполняет Собою весь мир, не перестаёт быть маленьким раввином из Капернаума, Которого мы встречаем на страницах Евангелия.

Вот в этом и заключается какой-то особый парадокс христианства: в нём на самом деле нет символов, нет образов, нет каких-то намёков — в христианстве всё реально. Есть богословы, которые пытаются разделить Христа на исторического Иисуса из Назарета и на Христа веры, Христа Церкви.

Но в том-то всё и заключается: нет Христа такого и Христа эдакого, есть один Иисус Христос, Который является и историческим Иисусом — маленьким раввином из маленького города, и Христом, обнимающим Своими руками всё человечество, Христом, в Котором полнота Божия пребывает телесно.

Когда мы читаем греческий акафист Богородице, мы находим там такие слова: «Радуйся, Ковчеже, позлащенный Духом». А в латинской литании Богородице есть такие слова: «Молись за нас, Ковчег Завета» (Arca foederis, ora pro nobis).

То есть и латинская литания, и греческий акафист в одних словах говорят о Матери Божией как о Ковчеге Нового Завета. Мы помним, как стоял в святилище Иерусалимского храма ковчег — небольшой ящик, который почитался иудеями как место пребывания Божиего. И вот местом пребывания Божиего, Ковчегом Нового Завета, становится Мария. И действительно, в 40-й главе книги Исход есть такие слова: «И покрыло облако скинию собрания, и слава Господня наполнила скинию» (Исх 40:34). А в Евангелии от Луки архангел говорит Марии: «Сила Всевышнего осенит Тебя» (Лк 1:35).

И когда это читаешь по-гречески, то действительно представляешь облако, потому что глагол *эпискиадзо* означает как раз то, что делает облако, закрывая своей тенью землю.

«Посему и рождаемое Святое наречётся Сыном Божиим» (Лк 1:35). Здесь совершенно ясно чувствуется связь одного текста с другим: ветхозаветный текст об облаке, которое наполняет скинию и закрывает её Славой Божией, звучит в начале Евангелия от Луки, где архангел говорит: «Сила Всевышнего осенит Тебя».

Мы читаем в книге Самуила, во 2-й книге Царств: «И встал и пошёл Давид и весь народ, бывший с ним, из Ваала Иудина, чтобы перенести оттуда ковчег Божий...» (2 Цар 6:2). А в Евангелии от Луки сказано: «Вставши же Мария во дни сии, с поспешностью пошла в нагорную страну, в город Иудин» (Лк 1:39).

Давид несёт ковчег Завета, а Мария несёт в Себе Младенца Иисуса. Давид восклицает: «Кто я, Господи, Господи, и что такое дом мой, что Ты меня так возвеличил!» (2 Цар 7:18). А Елисавета: «И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне?» (Лк 1:43).

Почти одна и та же фраза, только в первом случае речь идёт о ковчеге Господа, а во втором случае — о Матери Господа.

Давид, как мы знаем из пасхального канона, от радости пляшет перед ковчегом Завета: «Богоотец убо Давид пред санным ковчегом скакаше играя». А Иоанн Предтеча в чреве своей матери пляшет перед Марией, пришедшей к ним в город. Ковчег Господень принесли в дом Аведара: «И оставался ковчег Господень в доме Аведара Гефянина три месяца...» (2 Цар 6:11). Мария вошла в дом Захарии, как ковчег Господень в дом Аведара. И, как ковчег Господень, Она оставалась с Елисаветой три месяца: «Пребыла же Мария с нею около трёх месяцев...» (Лк 1:56).

Даже из одного этого сопоставления 2-й книги Самуила с Евангелием от Луки совершенно ясно, что не только средневековые гимнографы Византии и латинского Запада, но и евангелист видели в Марии Ковчег Нового Завета. Мария есть Дева Сиона. Вот что звучит в подтексте этого фрагмента Евангелия от Луки.

Пророк Аввакум восклицает: «...я буду радоваться о Господе и веселиться о Боге спасения Моего» (Авв 3:18). Ещё блаженный Иероним заметил, что «о Боге спасения моего» звучит, как «о Боге Иисусе моём», потому что Иисус и есть спасение. «И сказала Мария: величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моём» (Лк 1:46-47).

Если эти слова, как они сохранились в Евангелии от Луки, перевести с греческого на иврит, то получится: «И возрадовался дух Мой о Боге, Иисусе Моём». Поэтому, когда мы говорим про Господа

Иисуса Христа «Спас» или «Спаситель», мы просто переводим Его имя *Иешуа* с иврита на русский язык. Но поразительно, что все эти ветхозаветные параллели сохранены именно в Евангелии от Луки, который, несомненно, не знал иврита. Значит, Лука сумел сохранить всю информацию не потому, что он хотел сохранить её, но потому, что Сам Бог захотел этого!

В ответ на слова архангела Мария восклицает: «Да будет Мне по слову твоему» (Лк 1:38). Очень обидно, что это «да будет» совершенно не передано ни в одном переводе. Дело в том, что в греческом языке кроме изъявительного, сослагательного и повелительного наклонений есть ещё *optativus* — желательное наклонение, которого нет ни в латинском, ни в славянском, ни в английском, ни во французском, ни в каком-либо другом из более или менее употребляемых языков.

В греческом тексте Евангелия от Луки Мария восклицает Своё «Да будет Мне по слову твоему» именно в желательном наклонении. Она говорит не просто «Да будет», а «Да будет, как Я того радостно желаю» — *генойто*. Какие-то две буквы, один дифтонг — суффикс *-ой* — абсолютно изменяют значение всего текста: не просто согласие, но согласие, исполненное радости и желания. «Да будет Мне, как Я радостно того желаю, по слову твоему». То есть уже здесь, в самом начале Евангелия от Луки, Мария делает удивительный первый шаг в Своём служении. Она многого не понимает, но, не спрашивая ни о чём, радостно принимает волю Божию.

Совершенно особый момент Евангелия — его поразительная, удивительная радость. Архимандрит Зинон в «Записках иконописца» говорит о том, как грустно и страшно, приходя в церковь, не видеть там ни одного радостного лица, — как не похоже это на христианство, как не похоже это на православие! Именно к радостности служения призывает нас Мария, Матерь Божия, не только Своим «Да будет Мне, как Я того радостно желаю, по слову твоему», но всеми евангельскими текстами о Ней, которые не всегда легко прочитать, не всегда легко усвоить, но которые на самом деле занимают очень важное место в Новом Завете.

Когда-то средневековая Церковь, усвоив почитание Марии с апостольских времён, но не вполне понимая, почему она это делает, почитала Марию Матерью Божией. В какой-то момент это почитание пережило кризис — началась Реформация. Церковь XX века к такому почитанию пришла совсем другим путём, на новом уровне — через прочтение Евангелия от Марии. Папа Иоанн Павел II, выбравший своим девизом слова *Totus tuus*, «Весь Твой», обращённые к Матери Божией, один из минувших годов провозгласил Годом Марии, связав христианство будущего с тем местом, которое в Церкви занимает Богородица.

Христианство XXI века непременно должно стать богородичным, иначе это будет какая-то сухая, беспомощная и, в общем, никому не нужная, подверженная старению теория, потому что всякая система рано или поздно устаревает. И не случайно особую благодать стяжал преподобный Серафим Саровский — с самого года его смерти, с 30-х гг. прошлого века, его почитают именно как святого, открывшего место Матери Божией в нашей Церкви: не просто ритуальное место Богородицы в песнопениях и в ектениях, но особое, очень личное место, с трудом выразимое в словах, но необходимое. И все мы должны прийти от такого ритуального, традиционного почитания Богородицы к подлинному, новому, радостному почитанию Матери Божией и, став вместе с Ней у Креста Христова, радостно принять вместе с Ней волю Божию о нас.

Воскресение

Понять евангельский рассказ о воскресении Христа из мёртвых нам помогает Евангелие от Иоанна, повествующее о воскресении Лазаря. Лазарь, пролежавший после смерти четыре дня в гробнице и уже начавший разлагаться, поднимается Иисусом из гробницы, возвращается к жизни и со временем, как говорит церковное предание, становится епископом на острове Крит. Лазарь умер, затем был воскрешён, потом снова умер.

Что именно было с Лазарем? Этот вопрос чрезвычайно волновал читателей Евангелия на рубеже XIX-XX вв.: умер ли он действительно, был ли это летаргический сон или что-то другое и каким образом он был воскрешён?

Об этом, естественно, начинает думать читатель, но только в одном случае: если человек вырывает этот рассказ из текста всего Евангелия. Если же читать его в контексте всего Нового Завета, становится ясно, что вопрос этот второстепенен, потому что главное — сравнить воскрешение Лазаря Спасителем и воскресение Самого Спасителя. Лазарь, воскрешённый Иисусом, возвращается к своей прежней жизни, доживает остаток лет, сколько ему отмерено, и умирает, лишь на какое-то время победив смерть. А Иисус воскресает к новой жизни, чтобы уже не умереть никогда! Воскресение Иисуса — не шаг назад, к прежней жизни, а шаг вперёд, к новой, ещё не изведанной и во многом непонятной для читателя жизни.

Если внимательно читать эти два текста, можно увидеть, что сам евангелист предлагает нам их сравнивать. В рассказе Иоанна о Лазаре говорится: «Вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лицо его было обвязано платком» (Ин 11:44).

А далее о воскресении Иисуса сообщается, что апостолы, войдя в гробницу, увидели «...одни пелены лежащие и плат, который был во главе Его, не с пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте» (Ин 20:6-7).

В первом случае Лазарь обвязан пеленами и лицо его покрыто платом, во втором — гробные пелены Иисуса и плат лежат на земле. Такие же гробные пелены, такой же плат, но при этом — всё другое. Одна сцена и похожа (по вещам) и не похожа (по ситуации) на другую.

Когда мы говорим о воскресении Спасителя, о Пасхе Христовой, мы часто мысленно обращаемся к Гробу Господню. Патриарх Никон, как известно, соорудил в Новом Иерусалиме, на берегах реки Истры под Москвой, полное подобие Гроба Господня, а в XIX веке был даже написан акафист Воскресению Христову с припевом: «Радуйся живоносный Гробе, из него же Христос воскрес».

Как в проповедях, так и в богослужебной литературе часто говорится о пустом гробе, который свидетельствует о Его воскресении. Для многих пустой гроб — это доказательство того, что Христос воскрес из мёртвых.

Однако, внимательно вчитавшись в Евангелие, мы увидим, что пустой гроб ничему не учит учеников и учениц Христовых. Наоборот, Мария, придя к гробнице рано утром в самый день воскресения и увидев, что она пуста, испугалась, пришла в отчаяние и заплакала. И после этого она трижды на одной маленькой страничке Евангелия повторяет одно и то же, только разными словами: «Унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его» (см. Ин 20:2, 13, 15).

Пустой гроб приводит её в состояние уныния, отчаяния, тоски и полной безнадёжности, а вовсе не вселяет в неё радость воскресения. Он умер, оставалось Его тело... А теперь даже тело отнято — так рассуждает Мария. Она говорит воскресшему Иисусу, Которого не узнаёт: «Господин! если Ты вынес Его, скажи мне, где Ты положил Его, и я возьму Его» (Ин 20:15).

В апостольских Посланиях и творениях древнейших отцов Церкви, живших в первые три века христианства, нигде ни слова не говорится о Гробе Господа нашего Иисуса Христа: в течение первых веков истории Церкви Гроб Господень не привлекал к себе никакого внимания. Он был открыт царицей Еленой в тот момент, когда христианство стало государственной религией Византийской империи, и только с тех пор стал главной христианской святыней.

В первые времена этого не было. Зачем гроб, если Он среди нас?! Первые христиане жили, настолько остро чувствуя присутствие Воскресшего Христа, что о гробе они просто не думали. В самом деле, если человек считался умершим и был похоронен, а затем оказался живым, зачем ходить

на его могилу? Неужели его родным она будет хоть чем-нибудь интересна? К живым на могилу не ходят — ходят к усопшим.

Архимандрит Зинов в своей книге «Записки иконописца» говорит, что в первые века христиане вообще не знали поклонения Гробу Господню. Но когда христианство пришло к грекам и римлянам, отношение к этому изменилось: он действительно понадобился, потому что культ конкретного места был привычен для античной культуры. Греку было недостаточно знать, что Артемида превратила Актеона в оленя. — ему надо было посмотреть на ту скалу, под которой спал Актеон в тот самый момент. Греку мало было знать, что Эдип убил своего отца, — ему необходимо было посетить тот самый перекрёсток дорог, где это произошло. Один древнегреческий учёный и писатель говорит, что некоторые люди сомневаются, будто Геракл убил эриманфского вепря; но, восклицает он, ведь каждый может поехать в такой-то храм и увидеть там череп этого вепря! Конкретный предмет — для грека уже доказательство!

Каждое событие религиозной истории греки привязывали к какому-то определённом месту или фетишу. Они всерьёз показывали тот камень, который некогда проглотил Кронос, отец Зевса. И действительно, без этого камня не было бы ни греческой, ни римской религии.

Эту особенность своей природы греки и римляне, в большинстве своём ставшие христианами, привнесли и в нашу веру. Отсюда пошло обыкновение совершать паломничества в святые места и появилась потребность в каких-то конкретных, материальных доказательствах того, о чём говорится в Евангелии.

Мария смотрит на пустую гробницу и плачет всё горше и горше, и ей всё хуже и хуже, и она повторяет одну и ту же фразу: «Унесли Господа моего, и я не знаю, где положили Его». И вдруг что-то меняется. Меняется в тот момент, когда Сам Иисус, ещё ею не признанный, обращается к ней по имени. Она слышит Его голос. Она понимает, что это Он зовёт её: «Мариам!» Всё! Она поняла, что Он воскрес. Из своего собственного опыта!

Какое событие в своей личной жизни считал самым главным апостол Павел? Встречу на пути в Дамаск. Об этом событии такая сравнительно небольшая книга, как Деяния, рассказывает три раза. После встречи с Иисусом Павел стал христианином. Произошёл поворот, который сделал его другим человеком. Не какие-то доказательства и аргументы, нет, — только личный мистический опыт превратил Павла из гонителя и врага христиан в апостола языков.

Личная встреча — вот что такое христианство. Очень многому из того, что сказал или сделал Иисус, мы можем найти подтверждение, используя комплексные исторические методы. Но доказать, что Он воскрес, не можем. Это — акт веры. В воскресение можно только поверить, весть о нём входит в нас лишь через глубины нашего «я».

В Первом Послании к Коринфянам апостол Павел пишет: «Напоминаю вам, братия, Евангелие, которое я благовествовал вам (...). Ибо я первоначально преподавал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребён был, и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом Двенадцати. Потом явился более нежели пятистам братии в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили. Потом явился Иакову, также всем Апостолам. А после всех явился и мне, как некоему извергу» (1 Кор 15:1, 3-8. Выделено мной. — Г.Ч.).

Ключевое слово этого текста — «явился». По законам греческого языка повторять в этой фразе слово «явился» четыре раза нет никакой необходимости. Павел делает это сознательно, указывая на главное. Вера зиждется на опыте. Именно поэтому последние главы Евангелия рассказывают нам о явлениях Воскресшего ученикам.

Воскресение — нечто настолько новое и не укладывающееся в привычные для человеческого мышления формы, что принять весть о нём невозможно, если она исходит не от Самого Иисуса. От

кого-то другого она не воспринимается. В связи с этим стоит остановиться на последней главе Евангелия от Марка. Дело в том, что непосредственно Марку принадлежат только первые восемь стихов последней 16-й главы, остальные двенадцать прибавлены позднее. Их следовало бы печатать даже не петитом или в скобках, как обычно это делается в современных изданиях, а помещать в конце Нового Завета, после Апокалипсиса. Потому что эти стихи — эпилог, которым вообще завершается Новый Завет. А Евангелие от Марка следовало бы кончать 8-м стихом.

Текст этих первых восьми стихов отличается от сказанного в Евангелиях от Матфея, от Луки и от Иоанна тем, что Марк называет имена женщин, пришедших ко гробу: Мария Магдалина, Мария Иакова и Саломия. Они же были перечислены выше, там, где говорится о женщинах, которые присутствовали при погребении (Мк 15:40). Повторяя эти имена, Марк перебрасывает своего рода мостик между погребением и воскресением Иисуса и подчёркивает, что одно событие нельзя осознать без другого.

Женщины приходят к гробнице в первый день недели, ранним утром, когда засияло солнце. В этом указании вроде бы ничего необычного для Марка нет. Он всегда очень точно обозначает, где и когда происходит то или иное событие. Ему недостаточно сказать «в первый день недели» — он обязательно уточнит, что это было «весьма рано», «при восходе солнца».

Но с другой стороны: когда засияло солнце, Он воскрес, а когда умер, тьма распространилась по всей земле от часа шестого до часа девятого. Смерть Иисуса погружает землю во тьму, а воскресает Он в ослепительных лучах только что взошедшего солнца. В одном средневековом пасхальном гимне есть очень хорошие слова об этом: «Весть о пасхальной радости/ нам солнце шлёт сиянием,/ в лучах зари стоящего/ Иисуса зрят апостолы». Вспомним, что и на горе Преображения лицо Его засияло, как солнце. На горе этой Он явился ещё до Своей смерти, как бы уже воскресшим. А воскресение Его освещает этим светом, так напоминающим свет утреннего солнца, весь мир. Очень важно это почувствовать.

И, наконец, бегут эти женщины и обсуждают вопрос: «Как нам отворить камень от двери гроба?» Для них это сейчас первый, самый главный вопрос, они думают о покойнике: гробница, камень у двери, тело Усопшего, которое они не успели как следует умастить ароматами... Но то, что женщины увидели потом, совершенно смешало их мысли. Они уже просто ничего не понимают — гробница оказывается открытой. Причём она не только открыта, но и пуста. Это страшно, женщины приходят в ужас и отчаяние, и тут их уже никакой ангел не вразумляет: они увидели его и «ужаснулись». Ангел говорит: «не ужасайтесь, Иисуса ищите Назарянина, распятого; Он воскрес, Его нет здесь» (Мк 16:6). Но женщины в трепете и ужасе бегут от гробницы и ничего никому не говорят, потому что боятся.

Всё Евангелие от Марка — это рассказ о том, как Иисус не был понят. В первых восьми главах повествуется о том, как Он не был понят народом, в последующих главах мы читаем, как Его не поняли ученики. «Когда они были на пути, восходя в Иерусалим, Иисус шёл впереди их, а они ужаснулись и, следуя за Ним, они были в страхе» (Мк 10:32).

Когда же Иисуса берут под стражу, ученики просто разбегаются. А женщины остаются... И вот проходят три дня, Он воскресает из мёртвых, но теперь ужас, охвативший Его учеников ещё тогда, по пути в Иерусалим, охватывает и женщин, — и они тоже разбегаются. На этом Евангелие от Марка заканчивается. Они разбежались и никому ничего не сказали, «ибо они убоялись». Не из книги, даже если это Новый Завет, а только из личной встречи с Ним можно узнать, что Он воскрес. А книга кончается тем, что ученики убежали от схваченного, а женщины — от воскресшего Иисуса. Как некогда в трепет привели учеников слова Иисуса, так вид пустой гробницы ужасает женщин.

В Евангелии от Матфея тоже участвуют женщины, жёны-мироносицы. Но если в Евангелии от Марка они были главными действующими лицами, то здесь женщины как бы бездействуют. Они

просто видят, слышат и фиксируют то, что происходит. Здесь действующие лица — архиереи, которые посылают стражников запечатать гроб и стеречь его; стражники, посланные архиереями; Бог, Который посылает ангела открыть запечатанный гроб и таким образом одержать победу над архиереями и стражниками. Иными словами, архиереи действуют руками стражников, а Бог — руками ангела. И Бог побеждает.

Если смысл Евангелия от Марка в том, что поверить в воскресение можно только из нашего личного религиозного опыта, то весть, которую передаёт Евангелие от Матфея, заключается в том, что Бог побеждает. Это удивительный рассказ об удивительной победе над смертью, над замыслами человека, в данном случае — тех архиереев, которые закрывают, запечатывают гроб и ставят стражу. Мёртвый оказывается воскресшим, а стражники от ужаса становятся похожими на мертвецов. Вот первое, что бросается в глаза, когда читаешь 28-ю главу Евангелия от Матфея.

И второй момент, на который нельзя не обратить внимание: Иисус в Галилее является Своим ученикам на горе, в белых одеждах, как некогда на горе Преображения, а до этого — на горе во время Нагорной проповеди, читая которую, нельзя не вспомнить, как задолго до этого Бог на горе Синай дал заповеди Моисею. Богоявление всегда совершается на горе. И здесь, на последней странице Евангелия от Матфея, Бог в последний раз являет Свою полноту в Иисусе.

В одном из древних апокрифических Евангелий, не вошедшем в Новый Завет, так называемом «евангелии от Петра», подробно и красочно рассказывается, как спускаются с неба ангелы, как отваливают они камни, закрывающие гроб, как начинается землетрясение, как выходит из гроба Иисус и т. д. — словно в современном кинофильме: ярко, аляповато и, в сущности, не без фальши. А у Матфея о самом моменте воскресения совершенно ничего не говорится. Показаны пришедшие ко гробу женщины, ангел, сидящий на камне, и уже вышедший из гроба Иисус — как на иконе: мы не видим, как происходило событие, а видим только результат. И действительно, когда читаешь этот достаточно короткий текст, хочется взять в руки кисти и краски и написать икону, потому что этот текст — на самом деле икона, но только написанная словами. И в ней всё сказано. Евангелие вообще очень похоже на икону. Не случайно на Всенощной во время богослужения Евангелие выносится как икона на середину храма, кладётся на аналой, и мы лобызаем его именно как икону.

В третий раз о воскресении Христа нам повествует Евангелие от Луки. В нём есть ещё одна новая деталь. Женщины, пришедшие ко гробу, слышат от ангела те же самые слова: «Его здесь нет. Он воскрес». Но им предшествует риторический вопрос ангела: «Что вы ищете живого между мёртвыми?» (Лк 24:5). Как поётся во время богослужения: «Что ищете живаго с мертвыми, что плачете нетленного во тли?»

Здесь впервые в Новом Завете Иисус воскресший назван живым. И дальше в рассказе о том, как двое учеников встречают Христа на дороге в Эммаус, это слово повторяется: женщины утром побывали у гробницы «и говорят, что Он жив» (Лк 24:23). Затем в другом месте у того же автора, в Деяниях святых апостолов, дважды даётся та же формулировка: «Он жив». В 1-й главе Лука пишет, что Иисус «явил Себя живым по страдании Своём» (Деян 1:3), в 25-й главе о Павле говорится, что он проповедовал «о каком-то Иисусе умершем» и «утверждал, что Он жив» (Деян 25:19).

Лука вводит в Новый Завет новый оттенок — Иисус воскресший *жив*. Если в Евангелиях от Марка и от Матфея наше внимание фиксируется на самом моменте воскресения, то Евангелие от Луки показывает нам, что происходит дальше. А дальше — Он *жив*! Дальше — Он *живой* среди нас, *живёт* среди нас. И поэтому никакого гроба не нужно.

Это абсолютно новый момент Благовестия. И Лука рассказывает об этом именно потому, что он уже свидетельствует о Церкви, о той Церкви, в которой Иисус *живёт* и *будет жить* «во все дни до скончания века», как сказано в эпилоге Евангелия от Матфея.

Наконец, в Евангелии от Луки есть ещё одна очень важная сцена: Иисус, явившись ученикам, требует, чтобы они коснулись Его руками своими и не думали, что Он дух, призрак или демон, потому что призрак не имеет плоти. Он говорит им: «Что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и ноги Мои; это — Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет; как видите у Меня» (Лк 24:38-39).

В книге Руфь рассказано о том, как Вооз касается головы Руфи своей рукой. А мидраш, то есть иудейский талмудический комментарий к этой книге, поясняет: Вооз делает это, чтобы убедиться, что она не призрак, потому что призрака нельзя коснуться. В это верили все иудеи, все греки и римляне времён Иисуса. Так, у Лукиана тоже говорится, что призраки, духи, демоны тем и отличаются от людей, что их нельзя коснуться.

Призывая учеников коснуться Себя, Иисус на народном языке Своего времени хочет сказать, что Он не дух и не призрак. Затем Он просит еды и ест перед Своими учениками. Вспомним, что в книге Товита ангел бесплотный, который сопровождал Товию, не ел и не пил в течение всего их совместного пути. Но Иисус не бесплотный ангел, Он воскрес во всей полноте Своего бытия, поэтому Он может и есть и пить. Всем Своим поведением Христос говорит нам, что, воскреснув, Он не просто ожил, но во всей полноте присутствует в жизни Церкви, среди нас.

В Евангелии от Марка подчёркнуто, что поверить в воскресение можно, только лично встретившись с Иисусом. У Матфея сказано, что воскресение есть победа над смертью, а от Луки мы узнаём, что Иисус воскрес реально — не в мыслях или сердцах учеников, но вполне реально.

В рассказе о встрече учеников со Спасителем на дороге в Эммаус есть ещё один бесценный эпизод: двое погружённых в печаль учеников идут по дороге, и Неизвестный Путник, подошедший к ним, спрашивает: «Отчего вы так печальны?» Они остановились, потому что им действительно было очень трудно, и один из них, Клеопа, сказал Ему в ответ: «...Неужели Ты один из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нём в эти дни? (...) что было с Иисусом Назарянином, Который был пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом; как предали Его первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть и распяли Его. А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля» (Лк 24:18-21).

И сколько печали, сколько боли и горя в этом «А мы надеялись»!.. Они надеялись, а Он не оправдал этих надежд. Правда, женщины были утром у гроба и говорят, что видели ангела и что гробница пуста, но они, ученики, сочли это бредом.

Ученики не поверили в воскресение, потому что ждали другого Мессию. Не Того, Который пришёл, а того, которого создало их воображение и нарисовала народная традиция. Но Мессия пришёл не таким, каким Он представлялся, а таким, каков Он есть. Бог Фейербаха, наверное, тем и отличается от Бога Авраама, Исаака и Иакова, что Бог Фейербаха ожидаем, — такого Бога, Которого изобразил в своих книгах этот философ, действительно можно выдумать. А Бога наших отцов выдумать невозможно, Он непредсказуем. Он действует не по нашему сценарию, а так, как хочет Он Сам.

Мария, увидев Иисуса воскресшим, хочет схватиться за Него, а Он говорит: «Не прикасайся ко Мне» (Ин 20:17). Эти слова трудно понять. Почему Спаситель говорит Марии это странное «Не прикасайся», если Он обладает той плотью, о которой говорится в Евангелии от Луки, если потом Он скажет апостолу Фоме: «Поддай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в рёбра Мои» (Ин 20:27)?

Это становится понятным, если перечитать в книге пророка Исайи рассказ о том, как явился Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова Моисею.

Моисей увидел, что терновый куст горит огнём и не сгорает, — Мария увидела Иисуса воскресшим. Бог позвал Моисея по имени — и Спаситель позвал Марию по имени. Когда Моисей

бросился к горевшему кусту, Бог остановил его: не подходи сюда, не приближайся, не прикасайся, но снимии обувь твою с ног твоих, не навязывай Мне своего шага, а прислушайся.

Почему в мечетях до сих пор снимают обувь при входе? Чтобы не навязывать Богу своего шага. Причём это делается не только в мечетях, но и в православных храмах на Востоке, где, как и в мечетях, есть специальные ящички для обуви. Богу нельзя навязывать свой шаг, надо прислушиваться к тому, что делает Он Сам.

Моисей, бросающийся к горящему кусту, и Мария, пытающаяся дотронуться до Иисуса, хотят увидеть Бога таким, каким Он живёт в их сознании. Пытаются создать «своего» Бога, как потом, в XIX в., делает это Людвиг Фейербах. А Бог говорит и Моисею, и Марии: не создавай Меня, Я и без тебя есть. Не рисуй Мой образ, всё равно ничего не получится. Я всё равно больше, Я не умещусь в твоём сознании. Вот так можно, вероятно, истолковать этот эпизод.

Предупреждая порыв Марии, Христос говорит: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я ещё не восшёл к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему» (Ин 20:17). Очень важно понять, что греческим словом «Отец» здесь передано арамейское «Абба». Здесь Иисус говорит о том, что теперь наши отношения с Богом должны стать такими же, какими были Его отношения с Богом. Для Него Бог был «Абба» — «папочка», или «тятенька», как прежде обращались к отцам у нас в деревнях. И для нас Бог тоже становится теперь «Абба». Так никогда не скажет взрослый, так может сказать только маленький ребёнок. В этот момент Иисус передаёт ученикам то отношение к Богу, которое Он прежде, в Своей земной жизни, находясь среди них, им раскрыл. Это продолжение той же темы: не рисуй образ Бога, не пытайся Его изобразить, ты всё равно никогда не представишь Его таким, Какой Он есть. Он всё равно больше. Не уподобляйся Фейербаху, который пытался сконструировать Бога, а прислушивайся к тому, что Сам Бог говорит тебе, и ты непременно услышишь Его.

И последнее, очень важное. Из Евангелий от Матфея, от Луки и от Марка (не из основного его текста, а из той части, которую мы условно перенесли в виде эпилога в конец Нового Завета) и из Деяний святых апостолов известно, что по прошествии сорока дней после Пасхи Иисус возносится на Небо. А в Евангелии от Иоанна о вознесении нет ни слова. Хотя именно Иоанн больше всего рассказывает нам о явлениях воскресшего Христа, о том, что делает Иисус после Своего воскресения среди учеников. Почему? Ответить на этот вопрос не так уж трудно.

Матфей, Марк и Лука повествуют о событиях как бы снаружи. Иоанн их же показывает изнутри. В синоптических Евангелиях, например, об умножении хлебов говорится так: Иисус дал хлеба ученикам, ученики — людем. И действительно, технически это может быть только так. А в Евангелии от Иоанна Сам Иисус даёт хлеб возлежащим, а об учениках просто не упоминается. Потому что, если смотреть на это событие не снаружи, а изнутри, становится понятно, что Иисус раздаёт хлеб людем Сам, но руками учеников.

По прошествии каких-то дней после воскресения Иисус возносится на Небо, соединяется с Богом. В Евангелии от Иоанна дан взгляд на это же событие изнутри: Христос остаётся среди учеников, то есть среди нас. Об этом же достаточно прямо говорится и в Евангелии от Матфея, которое заканчивается словами Спасителя: «И се, Я с вами буду во все дни до скончания века».